

№3

(11 | 2009)

ISSN 1996-8779

17 рецензий
на книги

12 рецензий
на фильмы

2 страшных
истории

Eastern Europe Horror & Dark Fiction E-Zine

Российские
города-
призраки

МУЗЫКА

Анджело
БАДАЛАМЕНТИ
певец темных глубин

darkfiction.ru

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ ИНТЕРВЬЮ:

Рэмси
КЭМПБЕЛЛ
легенда литературы ужасов

Андрей
КРУЗ

автор трилогии
о зомби «Эпоха мертвых»

**МИР
ЗВОНКА**

а также
перевод интервью с
Кодзи СУДЗУКИ

ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД

Стивен КИНГ
«Сразу после
заката»

Рецензии
на новые
игры

НЕанглоязычная
литература ужасов

Превью российского триллера «Прячься!»

Результаты «народного» рейтинга фильмов ужасов

■ новинки ■ анонсы ■ обзоры ■ рецензии ■ интервью ■ рассказы

СЛОВО РЕДАКТОРА

Так приятно, отгородившись от настоящей — холодной и неприветливой — январской тьмы, устроиться возле камина (или хотя бы батареи) с кружечкой глинтвейна (или хотя бы стаканом чая) и наслаждаться новым выпуском «Тьмы» дружелюбной (хотя бы с экрана ноутбука!). Одиннадцатый номер единственного в России журнала о хорроре вызревал долго, но у затянувшегося ожидания оказалось как минимум два приятных последствия. Во-первых, дата публикации выпала на Новый год — в аккурат под вашу ёлочку. Во-вторых, впечатляюще вырос объем выпуска — и поверьте, не за счет хитроумной верстки. Такого изобилия материалов не было во всей истории «Тьмы»: мощные статьи о литературе, кино, музыке и заброшенных городах, рейтинг ужасов, семнадцать рецензий на книги, двенадцать — на фильмы, пара рассказов и масса других вкусностей, грозящих доверчивому читателю перееданием. Предмет нашей особой гордости — интервью с легендарным британским писателем Рэмси Кэмпбеллом, который остается в авангарде литературного хоррора уже не первый десяток лет. Своеобразным противовесом этой персоне служит впечатляющий обзор неанглоязычной литературы ужасов, специально выполненный для журнала Фотиной Морозовой — замечательной писательницей и журналисткой, идущей бок о бок с Литературным обществом «Тьма» едва ли не со дня его основания. Развивают тему рецензии на произведения Йона Айвиде Линдквиста, Лорана Ботти и классика Ганса Гейнца Эверса — шведа, француза и немца соответственно. Примыкает к этой славной компании, которая так и напрашивается на анекдот, японец Кодзи Судзуки: молодой писатель Сергей Непрозванов, один из рассказов которого вы могли прочесть в предыдущем выпуске, не только перевел интервью с автором «Звонка», но и сделал попытку разобраться в судьбе главного его детища. А стараниями нашего постоянного автора Евгения Михайлова в журнале появилась новая постоянная рубрика — рецензии на комиксы.

Древние боги рассудили так, что уходящий год стал для жанра ужасов периодом тишины и стабильности — ни в кино, ни в литературе, ни в компьютерных играх не появилось революционного хита уровня «Пилы», «Террора» или «Сайлент Хилла». С другой стороны, в 2009-м было как никогда много уверенных середнячков, ко-

торые подчас привлекали к себе больше внимания, чем заслуживали (яркие примеры — «Паранормальная активность» и «Добро пожаловать в Зомбилэнд»). Но по-настоящему повезло только кровососам — если стремительную деградацию некогда устрашающего образа можно назвать везением; увы, в нашу сумеречную эпоху связь между понятиями «вампир» и «хоррор» становится все менее очевидной.

В свете всего сказанного вряд ли у вас хватит духу не согласиться, когда я наберусь наглости (также известной как гордость) и во всеуслышание заявлю: в изведенной нами части хоррор-вселенной единственным феноменом, продолжающим быстро и упорно развиваться, остается наш журнал. «Тьма» расплзается по миру, обволакивая города и веси, делаясь всё бархатней и гуще, и запуск нового официального сайта — только одна из ближайших наших целей. Однако без труда десятков энтузиастов и поддержки тысяч читателей ничего этого не было бы. Поэтому, поднимая в последний вечер декабря бокал за праздничным столом, вспомните добрым словом и всех этих людей и пожелайте, чтобы в наступающем году человечество столкнулось бы лишь с одним видом тьмы — тем, которому посвящены эти страницы

Владислав Женеvский
(Pickman)

Журнал «Тьма», №3-2009

darkfiction.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Владислав Женеvский

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Евгений Михайлов

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕДАКТОР
Антон Вильгоцкий

КОРРЕКТОРЫ
Владислав Женеvский
Парфенов М. С.

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА
Алексей Колпиков

ПУБЛИЦИСТИКА, ИНТЕРВЬЮ

Max Cady
Юрий Александров (JuicyJ)
Арсений Гордиенко (Dragn)
Василий Егоров
Владислав Женеvский (Pickman)
Александр Камнев (Грешник)
Дмитрий Квашнин (Кел-кор)
Сергей Крикун (Kiplas)
Евгений Михайлов (Old Fisben)
Фотина Морозова
Сергей Непрозванов (knotter)
Александр Новичков (Oswald)
Александр Нюхтин (SAR)
Павел (fox_mulder)
Парфенов М. С. (darklot)
Константин Паршенко (Марио)
Никита Пашкин (Helldusk)
Константин Покровский (Fornit)
Дмитрий Тихонов (Garrgrim)
Иван Федулов (13666SLAYER)
Александр Цымбал

ПРОЗА

Игорь Бадаев
Олег Рудковский

ПЕРЕВОДЫ

Владислав Женеvский
Сергей Непрозванов

ИЗДАТЕЛЬ

Литературное общество
«Тьма» (ЛoT)

ТЬМА КНИЖНАЯ

Index Librorum Prohibitorum: обзор книжных новинок от Владислава Женеvского	4
Издательские планы.....	35

Тема номера

Другая перспектива бытия. Лики неанглоязычного жанра ужасов в литературе	39
--	----

Интервью

Кодзи Судзуки: «Без чувства страха человек долго не протянет».....	55
Рэмси Кэмпбелл: «Иногда страх пропитывает все вокруг себя»	59
Андрей Круз: «Для меня не существует просто машин, просто пистолетов, просто винтовок»	65

Рецензии на книги

Александр Варго «Дом в овраге»	67
Алексей Атеев «Тьма»	68
Алексей Иванов «Летоисчисление от Иоанна»	69
Андрей Круз «Эпоха мертвых. Начало»	70
Брайан Ламли «Мифы Ктулху»	72
Дин Кунц «Безжалостный»	73
Йон Айvide Линдквист «Впусти меня»	74
Клайв Баркер «Сотканный мир»	75
Коди Макфейден «Человек из тени»	76
Лилит Сэйткроу «Контракт с дьяволом»	77
Лоран Ботти «Однажды случится ужасное...»	78
Нил Гейман «История с кладбищем».....	79
Роберт Липаруло «И придет всадник...»	80
Уильям Хоуп Ходжсон «Карнакки — охотник за привидениями»	81
КЛАССИКА: Ганс Гейнц Эверс «Ужасы», «Одержимые».....	82
КЛАССИКА: Джордж Р. Р. Мартин «Грезы Февра»	84
ПЕРVЫЙ ВЗГЛЯД: Стивен Кинг «Сразу после заката» ..	86

ТЬМА В КИНО

«Звонок»: история одного культа	91
---------------------------------------	----

Рецензии на фильмы

2012	95
Антихрист	97
Белая мгла	103
Геймер	107
Дело №39	110
Дитя тьмы	113
Добро пожаловать в Зомбилэнд.....	115
Пандорум.....	118
Пункт назначения 4	120
Страх	122
Тело Дженифер	124
Хэллоуин 2	127

Рейтинг фильмов ужасов	131
Превью фильма «Прячься!»	135
Зомби в кино	138

СИМФОНИИ ТЬМЫ

Анджело Бадалamenti: певец темных глубин	144
--	-----

ИГРЫ С ТЬМОЙ

Рецензии на игры

Prototype	147
Resident Evil 5	149

ТЬМА В КАРТИНКАХ

Обзоры комиксов

Dead of Night: Devil Slayer	152
-----------------------------------	-----

ТЬМА НАД МИРОМ

Города-призраки России	156
------------------------------	-----

РАССКАЗЫ

Олег Рудковский «Подъезд»	164
Игорь Бадаев «Триплет»	178

INDEX СПИСОК LIBRORUM ЗАПРЕТНЫХ КНИГ PROHIBITORUM

от
Владислава
Женевского

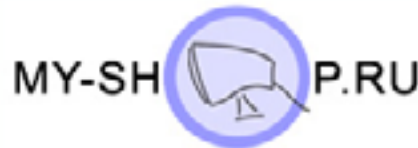
Нынешний год запомнится ценителям прекрасного, темного, вечного как время, когда на книжных просторах безраздельно властвовали вампиры — и в массе своей, увы, не благородного румынского происхождения, а жалкие потомки пилигримов-пуритан, которые не то что в гробах не спят и креста не боятся — крови не пьют! Впрочем, смельчаки, воротящие нос от модного вегетарианства, все-таки найдутся; будем благодарны авторам и издательствам, не позволяющим истинному облику носферату изгладиться из короткой людской памяти. А еще больше теплых слов пусть выпадет на долю тех, для кого литература ужасов не сводится к вампирским хроникам, великим и малым...

Ужасы, готика, мистика
в магазине OZON.ru

Ужасы и триллеры
в магазине Лабиринт

Ужасы и триллеры
в магазине
My-Shop.ru

ВЫБОР РЕДАКЦИИ

Нежить: Антология

Азбука-классика, серия Лучшее
[The Living Dead]

На страницах новой антологии собраны лучшие рассказы о нежити. Красочные картины дефилирующих по городам и весям чудовищ, некогда бывших людьми, способны зацепокотать самые крепкие нервы. Для вас, дорогой читатель, напрягали фантазию такие мастера макабрических сюжетов, как Майкл Суэвик, Джеффри Форд, Лорел Гамильтон, Нил Гейман, Джордж Мартин, Харлан Эллисон с Робертом Сильвербергом и многие другие. Древний страх перед выходцами с того света породил несколько классических вариаций зомби, а богатое воображение фантастов обогатило эту палитру множеством новых красок и оттенков. В этой антологии вам встретятся зомби-музыканты и зомби-ученые, гламурные зомби и вконец опустившиеся; послушные рабы и опасные хищники — в

общем, совсем как живые. Только мертвые. И очень голодные..

Мы так сдружились со стариной Стивеном Джонсом, что задним числом приписали ему монополию на составление хоррор-антологий. Разумеется, это ошибка: в англоязычном мире стабильно трудящихся редакторов не один и не два, не говоря уже о писателях, пробующих себя в этом амплуа (среди них Рэмси Кэмпбелл, Грэм Мастертон, Нэнси Коллинз, Деннис Этчисон и многие другие). Но лишь единицам везет так, как молодому американцу Джону Джозефу Адамсу, который вот уже второй год собирает внушительные тома, поражающие количеством громких имен. Впрочем, опыт общения с граблями подсказывает нам, что одного звездного состава для успеха антологии мало: желательно,

чтобы господа светила и те, кто остался в их тени, предоставили хорошие рассказы. Судя по «Нежити», с этим Адамсу везет еще больше: перед нами лучший межавторский сборник, выпущенный на русском языке за последние годы.

Одинаково сильно показали себя и прославленные, и малоизвестные авторы. О том, насколько широк разброс сюжетов и жанров, хорошее представление дает аннотация, здесь же назовем лишь истории, которые выделяются и на общем достойном фоне: краткий и кровавый «Расцвет» Дэвида Дж. Шоу, «Воскрешение Бобби Конроя» Джо Хилла — великолепный подарок от вундеркинга фантама Джорджа Ромеро; «Мертвый мальчик» Даррелла Швейцера — прекрасный образец «мальчишечьих ужасов»; сюр-

реалистичная «Прерия» Брайана Эвенсона, роскошный индийский мажор от Поппи Брайт «Калькутта, властительница сил», религиозно-философский кошмар «Страсти Господни» Нэнси Холдер, оригинальный по форме и содержанию «Закат» Джона Лэнгана и, наконец, вершина зомби-жанра, маленький шедевр Скотта Эдельмана «Почти последний рассказ». «Горькие зерна» Нила Геймана и «Завсегда мясной лавки» Джорджа Мартина российским читателям уже знакомы, но впечатляют от этого не меньше. А всего историй тридцать штук — и почти каждой будет чем вас порадовать.

В русском издание антологии по разным причинам не вошли рассказы «Домашние роды» Стивена Кинга, «Секс, смерть и сияние звезд» Клайва Баркера, «Меньше, чем зомби» Дугласа Уинтера и «Танец призраков» Шермана Алекси. Первые два в представлении — и новых переводов — не нуждаются, третий соответствует тематике лишь косвенно, а последний настолько плох, что решению «Азбуки» (или самого Адамса) остается только поаплодировать.

Йон Айвиде Линдквист
«Впусти меня»

Азбука-классика,
серия «Экранизированный бестселлер»
[Låt den rätte komma in]

Впервые на русском — роман, послуживший основой одного из самых ярких фильмов 2008 года. Картина собрала множество европейских призов, в том числе «Золотого Мельеса» и Nordic Film Prize (с формулировкой «За успешную трансформацию вampirского фильма в действительно оригинальную, трогательную и удивительно человечную историю о дружбе и одиночестве»). На 2010 год намечен голливудский римейк — в постановке Мэтта Ривза, прославившегося фильмом «Монстро». Главный герой книги, двенадцатилетний Оскар, — застенчивый мальчик, привыкший к одиночеству. В школе над ним издеваются, и, ненавидя своих мучителей, он придумывает себе развлечение — уединяется в лесу, прихватив с собой нож, и вымещает злость на деревьях и трухлявых пнях, представляя, что это его преследователи. Но однажды его одноклассника находят в лесу с перерезанным горлом, и обстоятельства преступления крайне подозрительны — все уверены в том, что речь идет о ритуальном убийстве. Незадолго до этого у Оскара появляются новые соседи — папа с дочкой, поселившиеся в соседнем подъезде. И хотя поначалу девочка вовсе не расположена к общению, вскоре Оскар и Эли становятся лучшими друзьями. И все же есть в ней что-то странное — слишком легко она переносит холод, слишком хорошо прыгает и главное — выходит во двор лишь с наступлением ночи. Не менее подозрительны и отношения Эли с отцом — да и отец ли он ей? Кто она и какое отношение имеет к череде ритуальных убийств, всколыхнувших весь город. Со временем Оскар получает ответы на все эти вопросы, хотя, пожалуй, предпочел бы остаться в неведении.

Как соотносятся великолепная экранизация и ее литературная основа, читайте в рецензии на странице 74.

Роберт Маккаммон
«Королева Бедлама»

АСТ, АСТ Москва, серия Книга-лабиринт
[The Queen of Bedlam]

Два странных дела, на первый взгляд не связанных между собой... Потрясшие обитателей городка Нью-Йорк кровавые деяния таинственного убийцы, превращающего лица своих жертв в чудовищное подобие венецианских масок, — и полуразложившийся труп, который прибила к берегу река Неужели связь между ними все-таки существует?!

Это предстоит выяснить Мэтью Корбетту, только-только делающему первые шаги на поприще частного детектива. Пока что у него есть только вопросы. Но, возможно, ответы на многие из них знает загадочная пациентка уединенного приюта для умалишенных — богатая и знатная дама, прозванная Королевой Бедлама.

Десятилетнее затворничество пошло мистеру Риду на пользу. Похоже, он наконец усвоил разницу между «работая как проклятый» и «работая как благословенный». Сейчас у писателя в самом разгаре личный Ренессанс: в январе грядущего года увидит свет третья книга о Мэтью Корбет-

те («Mr. Slaughter»), к октябрю должна быть готова четвертая («The Providence Rider»), а где-то между ними выйдет совершенно самостоятельный роман «The Five». Творческий отпуск и полная свобода от издательских колодок позволили Маккаммону дышать полной грудью, и, видит Йог-Соттот, этого запала теперь хватит надолго...

А мы пока будем читать продолжение «Голоса ночной птицы», которое так долго ждали на русском языке.

Уильям Хоуп Ходжсон
«Ночная Земля»

Вече, серия Мастера мистической прозы
[The Night Land]

Погасло Солнце. Землю, населенную чудовищами и силами тьмы, вспорол гигантская трещина. На дне ее, в огромной таинственной Пирамиде, раздираемые страхами и кошмарами, укрылись люди. Но разве можно остановить пылкое сердце, уловившее далекий зов? В непроглядный мрак, рискуя не только жизнью, но и душой, выходит человек. Неведомая опасность его не страшит. Он отправляется на поиски своей возлюбленной...

Говард Филлипс Лавкрафт, Кларк Эштон Смит и многие другие мастера мистической прозы XX века, отмечая необычайно сильное «черное воображение» создателя «Ночной Земли», при-

Новостная лента ужасов: www.horrorzone.ru

знавали чарующее влияние этого романа-эпопеи на жанр в целом.

По традиции доверим слово Лавкрафту («Сверхъестественный ужас в литературе»):

«“Ночная страна” (1912) Ходжсона — очень длинное повествование (538 страниц) о бесконечно отдаленном, на миллионы и миллионы лет, будущем Земли после гибели Солнца. Оно несколько сумбурное: как бы сны человека из семнадцатого столетия, чей разум соединяется с разумом его следующего воплощения, но излишне многословное, грешащее повторами и нарочитой романтической сентиментальностью, а также архаикой, которая здесь еще более неуместна и нелепа, чем в “Глен Карриг” [первый роман У. Х. Ходжсона — Прим. ред.].

Однако, несмотря на все недостатки, роман производит сильное впечатление благодаря уникальному черному воображению автора. Картина черной, как ночь, мертвой планеты, на которой еще живут потомки человеческой расы, сосредоточенные в огромной пирамиде, но которая захвачена чудовищными гибридными и неизвестными силами тьмы, незабываема для читателя: существа нечеловеческого и непредставимого вида — мародеры черного, запретного для людей и неисследованного мира вне пирамиды — отчасти описаны, отчасти оговорены намеками и производят сильное впечатление; но и ночной пейзаж с его безднами, горами и умирающими вулканами внушает явный ужас.

Примерно в середине романа центральный персонаж покидает пирамиду и скитается по просторам, где миллионы лет не бывало человека — и в его неспешно, день за днем описываемом путешествии в немислимой тьме есть ощущение космического ужаса, тайны, от которой захватывает дух, страшного ожидания, равногo которому не найти в произведениях других авторов. Последняя часть книги слишком затянута, однако не в

силах испортить общее сильное впечатление».

Добавить к этому можно немного. Первое: появления «Ночной земли», по значению сравнимой с трилогией Мервина Пика о замке Горменгаст, у нас ждали давно. Второе: в издательстве «Вече» роман вышел со стилистическими сокращениями. Вот как это объясняет переводчик книги Юрий Соколов: «Некоторые зарубежные критики называют стиль романа издательским. Может быть, в начале XX века читатель еще переваривал подобное, но сейчас такой текст не примет ни один современный издатель. А ведь романто наделен громадным положительным зарядом, позарез необходимым нынешнему молодому поколению... Итак, что предпочтем — дух или форму? Впрочем, я свое гнусное дело сделал, а уж насколько мне удалось насчет духа, судить вам». Еще: «Однако из текста убраны только длинноты и стилевые шероховатости: ни один эпизод, ни один смысловой момент не утрачен. Этот замечательный роман предстает перед любителем мистического жанра в новом, максимально приспособленном для нашего времени облике». Ревнителям аутентичности остается либо учить английский (и мучиться с подлинником), либо дожидаться издания от «Энигмы», которое в лучшем случае выйдет к концу 2010 года.

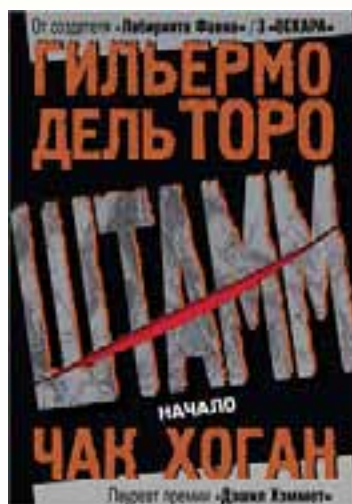
Наконец, третье: пройти мимо этой книги вы просто не имеете права.

ГЛАВНОЕ

Гильермо дель Торо, Чак Хоган
«Штамм. Начало»

Книжный клуб 36,6
 [The Strain. Book 1 of the Strain Trilogy]

... В аэропорту Нью-Йорка совершает посадку трансатлантический лайнер. Все пассажиры мертвы, и единственное, что

царит на борту, — это Тьма. В дальнейшем пассажиры оживают, только это уже не люди, а исчадия ада, беспощадные зомби — жуткий кровожадный и кровососущий вирус в человеческом обличье, уничтожающий все живое...

Борьба со Злом будет страшной и непримиримой, книга полна откровенного ужаса, и в то же время это очень человеческая история, рисующая отважных и сопротивляющихся людей в самой отчаянной ситуации — перед лицом всепланетной гибели.

О чукче, который не читатель, слышали все. О мексиканце, который режиссер (да еще какой!) — почти все. Объединяет этих выдающихся персонажей то, что оба они с некоторых пор — писатели. И если творения первого прозябают — быть может, незаслуженно — в неизвестности, то второй все-таки получил шанс воплотить свои фантазии не только на экране, но и на бумаге. Для этого ему, ценителю жанра ужасов, изобретательному обаяшке по имени Гильермо дель Торо, понадобилась лишь помощь Чака Хогана — закаленного в полудюжине триллеров американца, уже обыгравшего в одном романе тему вирусов. В итоге получился «Штамм» — первая книга грядущей трилогии и по совместительству бестселлер, который даже в России, в наше-то смутное время, вышел тиражом в 100 тысяч экземпляров. Ждет ли нас взрыв фантазии и мрака, достойный «Лабиринта Фавна» — или бойкая рез-

ня в духе Дэвида Веллингтона с его гробами и пулями? Штамм или штамп? Ответы станут вашими за триста с небольшим рублей, а то и меньше.

Роман вышел в переводе Виктора Вебера.

С. П. Сомтоу
«Вампирский Узел», «Ангел смерти»

Эксмо, Домино, серия Vampires.
 Легенды о бессмертных
 [Vampire Junction. Valentine]

Ему две тысячи лет, но с виду он мальчик, которому немного за десять. Он — вампир, и вся его долгая жизнь — бесконечный водоворот страстей, вместилище пороков и запретных фантазий. В нашем времени он рок-звезда, кумир тинейджеров и богатейший человек на планете. Кредо его жизни: если мир пьет из тебя все соки, значит, нет в том греха, чтобы пить кровь из людей, его населяющих.

Роман С. П. Сомтоу вызвал бурю восторга среди любителей жанра. Это действительно одна из лучших, мощнейших и пронзительнейших вампирских историй в современной литературе.

Редчайший случай, когда аннотации стоит верить. Этот полифоничный, незаурядный роман по праву вошел в список 40 лучших книг в жанре ужасов, со-

ставленный Ассоциацией авторов хоррора. Забудьте Стефани Майер, как страшный сон. Посочувствуйте Энн Райс, которая пыталась сыграть на том же поле, что и Сомтоу («Вампир Лестат» и «Королева проклятых» тематически близки «Вампирскому Узлу»), но потерпела фиаско. Только таким и должен быть роман о вампирах.

Для переиздания «Эксмо» сохранило добротный перевод Татьяны Покидаевой. Второй роман трилогии, чуть менее удачный, издатели предпочли изуродовать похабным названием (в отличие от оригинального «Валентайн») и не менее похабной обложкой, рассчитанной на оргастический эффект у определенной категории подростков женского пола (т. н. «эффект губочек»).

Брайан Ламли
«Мифы Ктулху»

АСТ, АСТ Москва
[The Taint and Other Novellas]

Вселенная Говарда Лавкрафта — величайшего писателя-визионера первой половины XX века.

Вселенная, где путь между миром человеческим и миром древних и страшных Богов-демонов открыт практически постоянно. Здесь идет непрерывная борьба между Светом и Тьмой, между ма-

гией Добра — и магией Зла. Ибо несть числа Темным Богам — и велика сила Ктулху.

У Говарда Лавкрафта было множество последователей.

Однако в полной мере приблизиться к стилю и величию его таинственной прозы сумел только известный английский писатель Брайан Ламли — признанный мастер литературы ужасов и черной мистики, хорошо известный и отечественным читателям.

Итак. Путь в мир Темных Богов открыт снова.

И поведет нас по нему достойнейший из учеников Лавкрафта!

Право слово, с превосходными степенями прилагательных господ из АСТ погорячились, но компетентность свою Брайан Ламли доказал — вспомните хотя бы мудрую повесть «Порча», которая вошла и в этот сборник (в новом переводе). Один из наших рецензентов имел возможность оценить Ламли в качестве гида по лавкрафтовской вселенной, откуда вернулся не только живым, но и — поразительная везучесть! — в здравом уме. Подробный отчет читайте на странице 72.

Вампиры:
Опасные связи:
Антология

Азбука-классика, серия Лучшее
[The Mammoth Book of Vampire Stories by Women]

Новая антология серии «Лучшее» продолжает развивать неувядающую вампирскую тему. На этот раз вашему вниманию предлагается тридцать пять историй о вампирах, принадлежащих как классикам жанра — Энн Райс, Лорел Гамильтон, Танит Ли, Элен Кашнер, так и еще неизвестным российскому читателю авторам. И хотя литературная история вампиров насчитывает уже не первое столетие, новый сборник «Вампиры. Опасные связи» лишний раз доказывает, что эта тема не только не выдохлась, но способна преподнести сюрпризы и рождать истинные жемчужины жанра хоррор.

Когда-то Лорел Гамильтон считалась несноснейшей из обитательниц Земли, писавших о вампирах. Сейчас многие вспоминают те наивные деньки с тоской: Гамильтон с ее искренней любовью к сексу и садомазохизму оказалась куда честней, чем некая уроженка штата Коннектикут, стараниями которой миф о принце на белом коне стал еще пресней и несбыточней. И пока одни поют ей осанну, другие, постариковски кряхтя, достают с задней полки потрепанный томик Стокера (а то и Гамильтон — удивительная штука человеческая душа).

Увы, в глазах разборчивого читателя репутация вампиров серьезно подмочена (если бы кровью!). Когда же речь заходит о вампирских историях, написанных женщинами (истинное название антологии наши издатели лукаво утаили), коэффициент недоверия подскакивает до опасной отметки. И не без причины — как доказывает эта антология. С одной стороны, греха майеровщины большинство авторов избегает. С другой стороны, ужасов как таковых здесь очень и очень немного: за вычетом четырех-пяти рассказов подборка больше напоминает итоги конкурса «Придумай самого оригинального вампира», чем антологию хоррора. Погнавшись за психологическим эффектом, дамы зачастую забы-

вают о декорациях, а расписывая фон, пренебрегают персонажами. Впрочем, о главном — интересной идее и ладно скроенном сюжете — в львиной доле случаев можно не беспокоиться.

Лучшие рассказы принадлежат перу Нэнси Коллинз, Элизабет Хэнд, Мэри Э. Уилкинс-Фримен, Роберте Лэннес и Элизабет Мэсси (известной у нас шкурораздирающим свинорасказом «Пинки»). На ограненные ими самоцветы с самого дна выгребной ямы смотрят завидущими глазами Энн Райс, сумевшая выжать из себя лишь готическую штамповку, и ее пять-шесть сестер по несчастью. Остальные участницы вампирского слета твердо стоят ногами на земле — а большего любители антологий Стивена Джонса и не попросят.

Ричард Матесон
«Посылка»

Эксмо, Домино, серия Книга, покорившая мир
[Selected Stories]

Американский писатель Ричард Матесон, создавший десятки увлекательнейших рассказов, романов и киносценариев, нискал себе мировую славу. Его считает своим учителем «король ужасов» Стивен Кинг. По его рассказу великий Стивен Спилберг снял свой знаменитый фильм «Дуэль», его роман о вампирах «Я — легенда» перевернул законы жанра, а роман «Куда приводят мечты», так-

же экранизированный, стал одним из наиболее запоминающихся среди произведений о жизни после смерти.

В 2009 году выходит экранизация рассказа Ричарда Матесона «Посылка» — один из самых ожидаемых мистико-приключенческих фильмов года от культового режиссера Ричарда Келли, создателя блестящего мистического триллера «Донни Дарко».

Отказаться от покупки этого сборника имеет лишь в одном случае — если вы ждете толстого омнибуса, заявленного этим же издательством в серии «Шедевры фантастики». Менее терпеливым и незнакомым с творчеством Матесона лучше отставить разборчивость в сторону. Все, что нужно для удовольствия, в этом сборнике есть: кучка классических рассказов, давно не издававшихся на русском, еще с десяток историй, переведенных впервые — и Кэмерон Диаз на обложке... хотя это достоинство как раз можно опровергнуть.

Ах да, из-за загадочной составительской прихоти «Кошмара на высоте 20 000 футов» вы здесь не найдете.

Апокалипсис: Антология

Азбука-классика, серия Лучшее [Wastelands: Stories of the Apocalypse]

Самая популярная тема последних десятилетий — апокалипсис — глазами таких прославленных мастеров, как Орсон Скотт Кард, Джордж Мартин, Пало Бачигалупи, Джонатан Летем и многих других.

Читателям предоставляется уникальная возможность увидеть мир таким, каким он может стать без доступных на сегодня знаний и технологий, почувствовать необратимые последствия ядерной войны, биологических катаклизмов, экологических, геологических и космических катастроф. Двадцать одна захватывающая история о судьбах тех немногих, кому выпало пе-

режить апокалипсис и оказаться на жалких обломках цивилизации, которую человек уничтожил собственными руками. Реалистичные и легко вообразимые сценарии конца света, который вполне может наступить раньше, чем мы ожидаем.

Еще одна антология от Джона Джозефа Адамса. На этот раз перевес за научными фантастами, хотя веселья и оптимизма вы под этой обложкой найдете не больше, чем в «Нежити».

Есть вероятность, что рассказ Стивена Кинга «Конец всей этой мерзости» в российское издание не войдет.

Нил Гейман «История с кладбищем»

АСТ, серия Нил Гейман [The Graveyard Book]

В ночь, когда погибла вся его семья, крошечный мальчик каким-то чудом оказывается на улице и даже добирается до старого кладбища, где находит приют на долгие годы. Обитатели кладбища, призраки, вампир и оборотень, дают мальчику имя, воспитывают и опекают его. На кладбище — и в большом, человеческом мире — его ждет множество приключений, которые помогут ему повзрослеть и полюбить мир живых, опасный, волнующий и манящий.

Нил Гейман продолжает переписывать любимые книжки детства, создавая из хорошо знакомых элементов нечто интересное и до известных пределов оригинальное. Успешно ли прошла пересадка «Книги джунглей» на кладбищенские земли, читайте в нашей рецензии на странице 79. Чем можно и нужно Геймана заменить, читайте чуть ниже в секции «Сделано в России». Наконец, о новом переводе «Американских богов» вы узнаете из «Переизданий и допечаток».

Клайв Баркер «Сотканный мир»

Эксмо, Домино, серия Книга-загадка, книга-мистика [Weaveworld]

На двадцать шестом году жизни Кэлхоун Муни в поисках сбежавшего голубя попадает на незнакомый двор, куда рабочие вы-

носят вещи умирающей в больнице хозяйки дома. Случайно взглянув на выброшенный ковер, Муни видит сменяющиеся пейзажи чудесной страны. Ему пока еще невдомек, что хозяйка ковра, старая Мими Лаценски, — хранительница Сотканного мира, вселенной, куда заключена волшебная земля Фуга, страна Ясновидцев. Тем более он не знает, что Фугой хотят завладеть ее враги: изгнанная Ясновидцами колдунья Иммаколата с двумя своими сестрами-призраками и помощником Шедуэллом, а также Бич, чудовищный демон пустыни, сеющий всюду смерть.

Блестящая фантазмагория от Клайва Баркера, великого создателя чарующих и страшных миров.

Пока мир томится в ожидании «Алых заветов» и еще полудюжины книг, обещанных щедрой Сантой по имени Клайв, в России продолжается переиздание старого — а в этом случае еще и доброго [почти] Баркера. Полный перевод «Сотканного мира» публикуется на русском языке впервые — издание от «Кэдмен» страдало жестокой дистрофией.

О том, преуспел ли писатель, актер и художник в скромной роли ткача, вы можете узнать из рецензии на странице 75.

Клайв Баркер «Имаджика. Книга 1. Пятый доминион. Книга 2. Гибель богов»

Эксмо, Домино, серия Книга-загадка, книга-мистика [Imajica]

Имаджика. Книга странствий Джона Фурии Захарии, прозванного Милягой, художника-дилетанта, подделывающего полотна великих, ловеласа, не пропускающего ни одной юбки, обладателя сотни других таких же достойных качеств, — но это для непосвященных. На самом деле, путешествуя по Имаджике, все-

ленной, где действуют магические законы, а на обычные, физические, лучше не возлагать надежд, Миляга, он же великий маг Сартори, близкий знакомый Сен-Жермена и Казановы, проживший восемь человеческих жизней, выполняет опасную и чрезвычайно важную миссию.

«Имаджика», если не считать смены названия второго тома, выходит в прежнем виде (перевод А. Медведева) — и по-прежнему остается лучшим и масштабнейшим романом Санта-Баркера в его фэнтезийной ипостаси.

Роберт Говард
«Соломон Кейн. Клинок судьбы»

Эксмо, Домино, серия Воин. Герой. Легенда

[The Savage Tales of Solomon Kane]

XVI век. Славная эпоха географических открытий с ее отчаянными первопроходцами и бесчисленными опасностями вдали от родной земли.

По неизведанным грозным морям, по враждебным землям судьба носит английского пуританина, чей лик всегда хмур как туча, зато сердце неизменно светится благородством. И какие бы испытания ни посылал Господь своему неустовому рыцарю, с ними совладают острый ум, крепкие мышцы, неколебимая воля и добрый клинок.

Впервые на русском языке весь цикл рассказов о Соломоне Кейне, «старшем брате» киммерийца Конана, в переводе Марии Семенович, автора знаменитого бестселлера «Волкодав».

В сборник вошли ВСЕ произведения Говарда об истребителе нечисти (и/или неправедных представителей рода человеческого) Соломоне Кейне, включая стихотворения и неоконченные рассказы.

Уильям Хоуп Ходжсон
«Карнакки — охотник за привидениями»

Вече, серия Мастера мистической прозы [Carnacki, the Ghost-Finder]

Странные вещи происходят в старой доброй Англии. С кроватки таинственным образом ока-

зываются сдернуты все простыни и без всякой причины хлопает дверь, кровь капает с потолка или раздастся леденящий душу свист. Что это, чья-то злая шутка или проделки потусторонних сил? Разобраться во всем этом под силу лишь сыщику Томасу Карнакки — профессиональному охотнику за привидениями.

Уильям Хоуп Ходжсон (1877-1918) — известный британский автор, чьи романы и рассказы в жанрах мистики, ужасов и фантастики еще при жизни писателя снискали широкую популярность среди читателей.

Стоит ли коротать за этими рассказами время в ожидании «Дома на границе» (или между заходами на «Ночную землю»), читайте в рецензии на странице 81.

Чарльз Уильямс
«Сошествие во ад»

Вече, серия Мастера мистической прозы [Descent into Hell]

Старинный холм в местечке Баттл-Хилл, что под Лондоном, становится местом тяжелой битвы людей и призраков. Здесь соперничают между собой жизнь и смерть, ненависть и вожделение. Прошлое здесь пересекается с настоящим, и мертвецы оказываются живыми, а живые — мертвыми. Здесь бродят молчаливые двойники, по ночам повторяются сны, а сквозь разрывы облаков про-

глядывает подслеповатая луна, освещая путь к дому с недостроенной крышей, так похожому на чью-то жизнь...

Английский поэт, теолог и романист Чарльз Уолтер Стэнсби Уильямс (1886—1945), наряду с Клайвом Льюисом и Джоном Р.Р. Толкином, являлся одной из ключевых и самых загадочных фигур литературного общества «Инклингс». Его роман «Сошествие во ад» входит в знаменитую серию «Аспекты Силы», состоящую из семи мистических триллеров.

Даже если вы и поныне с содроганием вспоминаете, какой неисповедимой скукой обернулось для вас некогда чтение «Старших Арканов», «Кануна Дня Всех Святых» и других романов Уильямса, изданных в безвременно почившей серии «Классика литературы ужасов», вам стоит прислушаться к словам мудрых и дать шанс «Сошествию во ад», кое многие критики признают лучшей книгой маститого британца. А скука, знаете ли, у каждого возраста своя.

Джо Хилл
«Призраки двадцатого века»

Эксмо, Домино, серия Книга-загадка, книга-мистика [20th Century Ghosts]

Перед вами дебютный сборник рассказов Джо Хилла, который сразу поставил автора в один ряд с такими корифеями жанра ми-

стики, как Говард Лавкрафт, Рэй Брэдбери, Стивен Кинг. Четырнадцать историй, каждая из которых будет держать вас в напряжении вместе с их героями. Ведь как сказал сам Джо Хилл в интервью журналу *Locus*: «Многие люди в моих историях несчастны. Мне нравится писать о людях, которые в каком-то роде плохие, — они принимают неправильные моральные решения, плохо обращаются со своими друзьями и лгут самим себе. Многие рассказы — о плохих людях, пытающихся пробить себе путь назад к добру...»

Как выяснили британские ученые, люди делятся на две группы: тех, кто любит рассказы Джо Хилла, и тех, кто его рассказов не читает. К первой принадлежать гораздо почетнее, а выпускают в нее без фейс-контроля и других формальностей: достаточно купить великолепный сборник «Призраки двадцатого века» и прочесть десяток-другой страниц.

Новая серия, прежний перевод.

Хидеюки Кикуги
«Ди, охотник на вампиров»

Азбука-классика, серия Охотник на вампиров [Vampire Hunter «D»]

Классическое произведение мастера японской фантастики

ужасов Хидеюки, по которому снято прогремевшее на весь мир аниме «Ди, охотник на вампиров», поклонники ждали много лет, и теперь издательство «Азбука» счастливо представит: впервые на русском языке первая книга из серии о знаменитом охотнике на вампиров Ди! Год 12090. Мир погиб, разрушенный безумными человеческими войнами. Но некоторым людям удалось пережить катастрофу. Некоторым людям... и кое-кому еще. Дорис Лэнг отлично представляла, какая судьба ждет ее — девушку, укушенную вампиром, графом Магнусом Ли. Мучительное превращение в немертвое существо, которому суждено изгнание, или проклятая участь невесты нечестивой твари, обреченной на вечные страдания и вечную жажду человеческой крови. Ей оставалась лишь слабая надежда на единственный шанс... Этот шанс и подарил ей загадочный всадник — охотник на вампиров по имени Ди.

Жители Японии славятся своим трудолюбием, и было бы странно, если бы в ней не нашлось хотя бы одного автора-конвейера, каких сейчас полным-полно на Западе и в России. Хидеюки Кикуги, успевший с 1983 года выпустить 20 романов о дампире по имени Ди, как раз из таких. И все же не стоит с ходу отметить эту любопытную книгу: дайте ей шанс хотя бы из уважения к неплохой экранизации («Жажда крови», выпущен-

ная в 2000 году, заметно удачнее, но основана уже на третьем романе о мистере Ди) и неприкрытой любви автора к лавкрафтовским мотивам, постапокалипсису и вестерну. Укуси меня — не отравись...

Книга вышла в переводе с английского языка.

Лоран Ботти
«Однажды случится ужасное...»

Рипол Классик [Un jour, des choses terribles...]

Лавилль-Сен-Жур, город, который тонет в клоках тумана. Туманный саван скрывает его страшные тайны.

Умирает пожилая женщина. И туман не имеет к этому никакого отношения. Он не имеет отношения к еще одной смерти, и еще к одной, и ко всему тому, что случится после...

А если это не так? Комиссар полиции Клаудио Бертеги намерен разгадать все загадки проклятого города.

Французский роман ужасов — зверь редкий, но все же реальный (почти как зверь из Жеводана). О его зоологических особенностях читайте в нашей рецензии на странице 78.

Рэй Брэдбери
«Темный карнавал»

Эксмо, Домино, серия Вино из фантазий [Dark Carnival]

Книга, которую вы держите сейчас в руках, поистине уникальна — это самый первый сборник Брэдбери, с тех пор фактически не переиздававшийся, не доступный больше нигде в мире и ни на каком языке вот уже 60 лет! Отдельные рассказы из «Темного карнавала» (в том числе такие классические, как «Странница» и «Крошка-убийца», «Коса» и «Дядюшка Эйнар») перерабатывались и включались в более поздние сборники, однако переиздавать свой дебют в исходном виде Брэдбери категорически отказывался. Переубедить мэтра удалось ровно дважды: в 2001 году он согласился на коллекционное переиздание крошечным тиражом (снабженное несколькими предисловиями, авторским вводом и комментарием к каждому рассказу и послесловием Клайва Баркера), немедленно также ставшее библиографической редкостью, а в 2008-м — на российское издание.

Без комментариев. Если вы поклонник Брэдбери, это издание, единственное в своем роде, у вас уже есть.

Фильмы ужасов онлайн: www.horror-online.info

Ф. Пол Вилсон
«Замок»

Эксмо, Домино, серия
Проект «Бестселлер»
[The Keep]

1941 год. В горах Румынии затерялся старинный замок, где немецкий гарнизон несет потери, которые невозможно объяснить только действиями партизан. Чьи же зубы или когти оставляют следы на горле жертв? Неужели пресловутые трансильванские вампиры — не выдумка средневековых фантазеров?

Ф. Пол Вилсон
«Рожденный дважды»

Эксмо, Домино, серия
Проект «Бестселлер»
[Reborn]

В авиакатастрофе погиб генетик с мировым именем. Джиму Стивенсу, не слишком удачливому начинающему писателю, досталось имущество покойного

нобелевского лауреата: викторианский особняк, полный самых мрачных тайн. Но больше всего сироту всегда волновала тайна его происхождения, и вот появилась надежда, что внезапно привалившее наследство даст ключ к разгадке.

Однако вскоре на родственников и друзей Джима посыпались апокалиптические предупреждения о грядущей опасности, а его беременную жену религиозные фанатики обвинили в том, что она готовится дать жизнь Антихристу...

Книги плодovitого мистера Вилсона, выпущенные в его персональной серии издательством «Центрполиграф», уныло пылятся на полках магазинов (как правило, в отделе «Распродажа»). Издания от «Эксмо» такая судьба, скорее всего, минует. Почему? Популярный формат, раскрутка, соседство с Джеймсом Роллинсом — и дело в шляпе, а деньги в кошелке. Впрочем, «Замок» отчасти этого заслуживает — как один из немногих хоррор-старожилос российского книжного рынка, которому везет переиздаваться из года в год. Быть может, причиной тому народная нелюбовь к людям в эссэ-совской форме и проистекающее из нее уважение к любым созданиям, которые упомянутых господ в форме режут на капусту (почему, думаете, так популярна на наших просторах линейка игр про замок Вольфенштейн?). «Замок», он же «Застава» — классический роман-среднячок. Но вампиры в нем не так просты, как кажутся (если это вообще вампиры!), и за этот симпатичный выверт мы охотно простим Вилсону сереньких героев (даже тех, что с рыжими волосами), довольно предсказуемый сюжет и скучную фэнтезийную развязку.

«Рожденный дважды» напрямую продолжает первый роман, но румынской экзотики читателю уже не предлагает.

Джонатан Барнс
«Сомнамбулист»

Эксмо, Домино, серия Книга-загадка, книга-бестселлер
[The Somnambulist]

Лондон, один из самых мистических городов мира. Он буквально напичкан тайнами, каждая из них достойна пера Шекспира, а некоторые смертельно опасны для человека. Разве дано знать нам, простым смертным, что под городом спит тот, чье пробуждение сотрясет сами основы мира. Когда же пробьет час этого великого спящего и он сбросит оковы сна, народам мира несдобровать. А час пробуждения близок, приметы времени вовсю говорят об этом, ураган ужасных смертей, прокатившийся по столице Англии, — разве это не красноречивый пример ожидающего нас страшного будущего?

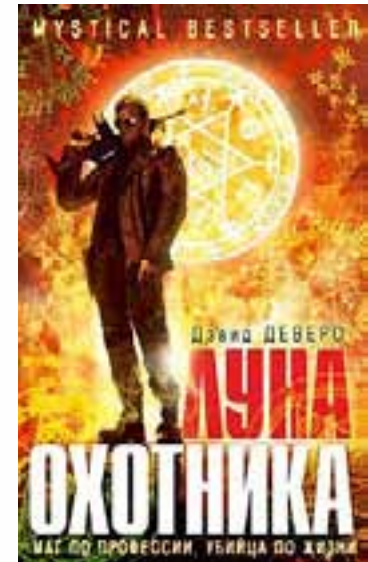
И все же знаменитый иллюзионист и бывший детектив Эдвард Мун имеет на этот счет свое мнение. У него есть веские основания думать, что за всеми этими мировыми бурями стоит нечто более прозаическое...

Очевидный выбор для тех, кто любит: а) романы Тима Пауэрса; б) авторские издевательства над читателем; в) викторианскую эпоху; г) персонажей в стиле Диккенса; д) закрученный сюжет; е) иронию; ж) хорошие переводы; з) немного безумия

Дэвид Деверо
«Луна охотника»

Азбука-классика, серия
Мистический бестселлер
[Hunter's Moon]

Дэвид Деверо работал санитаром в морге, телохранителем и менеджером в баре. «Луна охотника» — его первый роман. Безбашенный триллер, хорошенько вымоченный в оккультизме и просоленный откровенными сценами. Главный герой, меняющий имена так часто, что имеет смысл сразу запомнить настоящее — Джек, оказывается на переднем крае секретной войны. На этот раз, противостоя вмешательству сверхъестественных сил во внутренние дела и внешнюю политику Великобритании, этот натренированный по самое «не балуйся» агент Ее Величества должен сразиться с ведьмовской сектой, бандой террористов, парочкой демонов и собственной похотью...

Долой медовоглазых эдвардов калленов! Даешь насилие, алкоголь и прочие мужские радости! По выражению одного из западных читателей, Джек — это «смесь Джеймса Бонда, темной стороны Джона Тейлора из романов Саймона Грина, отчасти Феликса Кастора (только без совести), работающая на сексе, наркотиках и боевом искусстве тайцизиуань».

Словом, прекрасный подарок для любой фанатки Стефани Майер.

Айра Левин

«Степфордские жены»

Эксмо, Домино, серия Мона Лиза [The Stepford Wives]

Когда Джоанна и Уолтер переехали в Степфорд, первое время они не могли нарадоваться, какой это уютный, тихий и красивый городок. И женщины здесь тоже очень красивые. Прекрасные жены и матери, замечательные хозяйки. Прямо-таки не женщины, а идеал! Но есть в них что-то странное... Разгадка этой тайны дорого обойдется Джоанне.

Классический роман от создателя «Ребенка Розмари» — озорная социальная фантастика, не чуждая и хоррору, что наглядно доказал Стивен Кинг в «Пляске смерти», не пожалев для «Степфордских жен» самых лестных слов.

ню Машу Федорову. Девочка сбежала из лагеря и исчезла. Ее тело нашли лишь спустя три дня на дне глубокого колодца в овраге...

Но детская агрессия ничто в сравнении с чудовищем, объявившимся в тех же местах спустя тринадцать лет... Зловещий клоун карает местных жителей при помощи самых изощренных орудий пыток средневековой инквизиции: заживо сдирает кожу, сажает на кол... Повсюду в лесу находят истерзанные трупы пропавших людей. «Кровавые тропы», проложенные в чаще неведомым живодером, незаметно ведут к небольшому дому в том самом овраге, где когда-то нашли мертвую Машу...

Ну вот дошла очередь и до клоунов. И надо сказать, к теме Варго подошел ответственно, даже с любовью — пожалуй, его юморист с фиолетовыми волосами и причудливо устроенной психикой заслужил место в классическом ряду носатых и безумных. Об искрометных фортелях этого персонажа, продолжающего традиции скорее Пеннивайза, чем Олега Попова, читайте в нашей рецензии на странице 67.

Кстати, роман уже доступен в мягкой обложке.

Александр Варго

«Кристмас»

Эксмо, серия MYST. Черная книга 18+ ВОЗМОЖНЫ СПОЙЛЕРЫ!

Не лучшее место для встречи Нового года выбрали сотрудники небольшой коммерческой компании. Поселок, в котором они арендовали дом для проведения «корпоратива», давно пользуется дурной славой. Предупредить приезжих об опасности пытается участковый по фамилии Анিকেев. Однако тех лишь забавляют местные «страшилки». Вскоре оказывается, что Анিকেев никакой не участковый, а что-то вроде деревенского юридого. Вслед за первой сорванной маской летят и другие: один из сотрудников фирмы оказывается насильником и убийцей, другой фанатиком идеи о сверхчеловеке, принесшем в жертву целую семью бомжей... Кто бы мог подумать, что в среде «офисного планктона» водятся хищники с таким оскалом. Чья-то смертельно холодная незримая рука методично обнажает истинную суть приезжих, но их изуродованные пороками гримасы — ничто в сравнении со зловещим ликом, который откроется последним. Здесь кончатся «страшилки» и начинается кошмар...

Праздник к нам приходит, праздник к нам приходит... Если рассуждать в терминах советско-

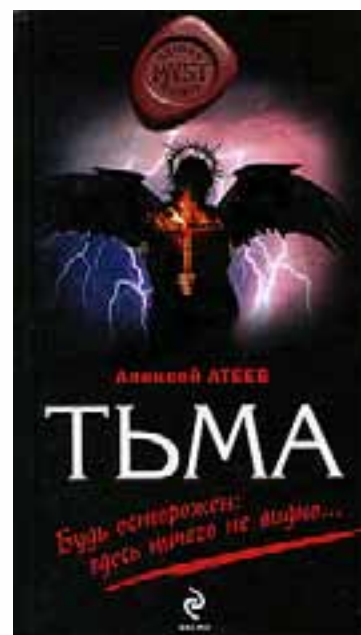
го литературоведения, то перед нами роман-предупреждение, за полмесяца до ежегодного водкокаллиписа актуальный как никогда.

Читайте в следующем выпуске интервью с Александром Варго!

Алексей Атеев

«Тьма»

Эксмо, серия MYST. Черная книга 18+

Тьма всегда поселяется в самых укромных, недоступных уголках. Отсюда ей легче плести свои мрачные сети, питаясь невежеством темных людей, их страхами, мелкими душонками... Так случилось и с маленьким уральским городком, где однажды объявился загадочный незнакомец. Придя в церковь, он обвинил настоятеля в отсутствии истинной веры, а в доказательство отправил священника парить под куполом храма. Немногим ранее на глазах у потрясенной толпы он воскресил из мертвых местного забулдыгу-бомжу. И вот уже церковь пустует, незнакомца объявили мессией, его новоиспеченные ученики с жадностью ловят каждое слово пророка. И лучше не вставать у него на пути, ведь не-

СДЕЛАНО В РОССИИ

Александр Варго

«Дом в овраге»

Эксмо, серия MYST. Черная книга 18+

ВНИМАНИЕ, СПОЙЛЕР!

Дети бывают так жестоки!.. Летний отдых в лесу воспитанников детского сада закончился трагедией. Юные создания «заклевали» свою сверстницу, тихо-

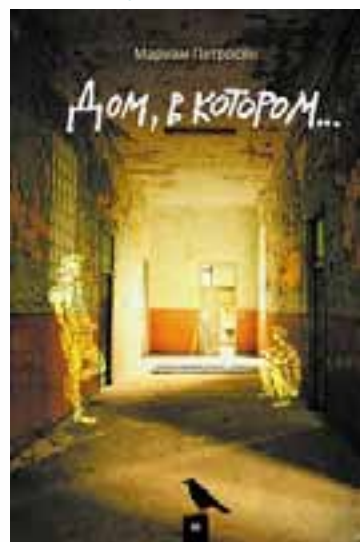
которые из тех, кто на это отваялся, сошли с ума от ужаса, а другие лежат в коме после кошмарной автокатастрофы...

Атеев вернулся после трехлетнего перерыва, и с выходом «Тьмы» — спасибо за невольную рекламу, Алексей Григорьевич! — у его поклонников появился внештатный повод для радости. Не будет преувеличением сказать, что Александр Варго занял нишу, оставленную суровым уральцем — и тем приятнее, что старый и новый столпы российского хоррора (по крайней мере — люди, стабильно работающие в не самом популярном у здешних писателей жанре и снискавшие читательский успех) встретились в одной серии. Сравнить величину и фактуру столпов предлагается вам, дорогой читатель. Быть может, в работе вам пригодится рецензия, которая ждет вас на странице 68.

Мариам Петросян

«Дом, в котором...»

Livebook/Гаятри

На окраине города, среди стандартных новостроек, стоит Серый Дом, в котором живут Сфинкс, Слепой, Лорд, Табаки, Македонский, Черный и многие другие. Неизвестно, действительно ли Лорд происходит из благородного рода драконов, но вот Слепой — действительно незряч, а

Сфинкс — мудр и загадочен. Табаки, конечно, не шакал, хотя и любил пожить чужим добром.

Для каждого в Доме есть своя кличка и каждый проживал в нем за один день столько, сколько в Наружности мы иногда не проживаем и за целую жизнь. Каждого Дом принимал или отвергал. Дом хранит уйму тайн, и банальные «скелеты в шкафах» — лишь самый понятный угол незримого мира, куда нет хода из Наружности, где перестают действовать привычные законы пространства-времени.

Дом — это нечто гораздо большее, чем просто интернет для детей, от которых отказались родители. Дом — это их отдельная вселенная.

960 страниц. Вслушайтесь в звучание этих слов. А теперь попытайтесь переварить такой факт: надежные люди уверяют, что с появлением «Дома» старину Нила Геймана можно отправлять в отставку — вручив на дорогу пачку сигарет для успокоения нервов. Многослойность, психологичность, символичность, внутренняя сила, отсылки к Кипплингу, Кингу, Кэрроллу, Стругацким, Голдингу — вот лишь немногие из свойств, которыми встретит вас этот удивительный роман. И не исключено, что после трехзначной цифры, которой я начал этот абзац, вам захочется вставить эпитет «потрясающих»... хотя пути человеческой души неисповедимы.

Юрий Бригадир

«Не жить»

АСТ, Астрель, серия Больно.ру

24 часа на принятие решения: не жить самому или дать умереть другому. Это не месть. Это не шантаж. Времени ответить на вопрос «зачем?» нет. Нужно просто решить, чье сердце перестанет биться.

Новым романом «Не жить» Бригадир подтверждает свое творческое кредо «не повторяться в стиле и жанре». В «Не жить» — классическое противо-

стояние маньяка и жертвы, на первый взгляд, относит книгу к разряду психологических триллеров западного образца, но нешаблонный финал выводит за рамки привычных категорий и дает определенный ответ на гамлетовский вопрос.

Если верить нашему постоянному рецензенту Юрию Александрову, вышло «очень злобно, депрессивно, мрачно и безысходно. Местами цинично. Иллюстрация слов “все есть прах и пепел”. Немного экспериментально и альтернативно».

Марина и Сергей Дяченко
«Мир наизнанку»

Эксмо, серия Стрела времени

Людей нет — нас окружают идеи, фантомы, тени и ожившие вещи. Курс доллара становится мужчиной, женщина оказывается вероятностной аномалией, лицо мира оборачивается его изнанкой...

В книгу «Мир наизнанку» вошли новые повести и рассказы Марины и Сергея Дяченко.

Каждая история существует сама по себе, но вместе, как элементы мозаики, они составляют единое высказывание — если читать все по порядку.

Завершает сборник сценарий фильма «Обитаемый остров», снятого Федором Бондарчуком по знаменитой повести братьев Стругацких.

Степень вины уважаемых Марины и Сергея в незабываемости «Обитаемого острова» все еще неясна, но мы рекомендуем вам забыть об этом досадном промахе и обратить внимание на повесть «Лихорадка», опубликованную в новом сборнике. Зомбей мало не бывает — а супруги Дяченко не последние из литераторов, удостоивших Их Мертвые Превосходительства места на бумаге и в воображении читателей. Другие рассказы, будем надеяться, тоже пойдут вам не в нагрузку, на пользу.

Андрей Круз

«Эпоха мертвых: Начало. Москва. Я еду домой!»

Альфа-книга, серия Фантастический боевик

Любопытство и безответственность ученых, злая воля «сильных мира сего», неспособность властей отразить новую, невиданную раньше угрозу — все это привело к коллапсу власти и общества и гибели мира в том виде, в каком мы его знали. И лишь те, кто нашел в себе силы драться за себя и за других, выживают среди хаоса и кошмара, которые принесла с собой пришедшая в наш мир Смерть.

Прописную истину никогда не стыдно повторить: зомби мало не бывает. Интервью с автором читайте на странице 65, рецензию на первый роман цикла — на странице 70.

Зотов

«Республика Ночь»

АСТ

Храм Дракулы у метро «Красноартерьская» и магазины спальных гробов «Клыкья». Фильмы ужасов о людях и ТВ-шоу «Мертвецофф плюс». Башни Кремля окрашены в черный цвет: кризис снизил цены на свежую кровь.

Московия — во власти вампиров.

Кровосос Кирилл — рекламный агент отбеливателя для клыков. Выйдя из офиса, он становится целью неведомых убийц: с пулями из серебра. Им нужна вещь, которой у него нет, и тайна, которую он не знает. Но почему?

Сюрприз в финале — обеспечен.

Опять кровососы... стёб твою мать.

Александр Егоров

«Пентхаус»

АСТ, Астрель-СПб, серия Больно.ru

Модный московский психоаналитик использует в своей работе нестандартные методы — дозированные пытки и насилие. У Артема Пандорина есть мечта: когда-нибудь бросить работу и вести жизнь свободного художника в пентхаусе на крыше. И еще у него есть любовь — такая большая, что выходит за рамки закона. Все меняется, когда к Артему приходит Самый Главный Пациент в его жизни... а может, и в смерти.

Вячеслав Денисов

«Забывшие заживо», «Бермудский артефакт», «Сломанное время»

Эксмо, серия Остров. Остаться людьми

Роскошный трансатлантический лайнер «Кассандра», зафрахтованный малоизвестной туристической компанией, совершает морской круиз из Гаваны на Бермуды. На его борту более тысячи пассажиров: итальянцы, французы, американцы, русские, немцы...

Все они наслаждаются путешествием, греются на солнце, плавают в бассейнах, играют в бильярд, беседуют, выпивая в баре... И лишь нескольким из них многое здесь кажется странным: никто из гостей судна ни разу не видел капитана, его помощник называет неточные координаты их местонахождения, таинственным образом исчезает представитель турфирмы, сопровождавший пассажиров первого класса... Сомнения несколько развеиваются, ког-

да туристам объявляют, что для них приготовили сюрприз — небольшую однодневную экскурсию на необитаемый остров с уникальной, не тронутой цивилизацией природой. И для того чтобы сохранить сюрприз в тайне, помощнику капитана пришлось темнить с координатами... От «Кассандры» к острову, окутан-

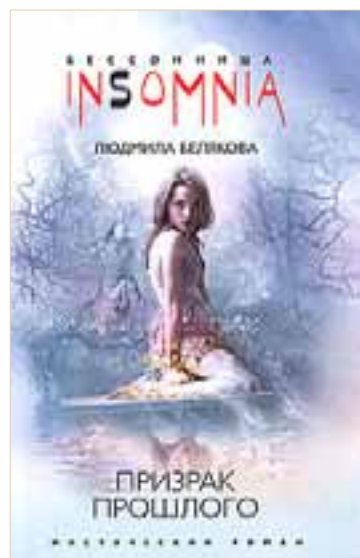
ному плотным туманом, отправляются прогулочные катера. Они вернутся обратно через несколько часов, но уже без пассажиров...

Будем надеяться, автору хватило совести заменить белых медведей на бурых, а лысину одного из главных героев (а такой наличествовать просто обязан!) свалить на увлечение ленинизмом.

Людмила Белякова

«Призрак прошлого»

Центрполиграф, серия Insomnia. Бессонница

С незапамятных времен жители окрестных сел возле небольшого городка панически боялись «водяного коня» и передавали рассказы о его зверствах только шепотом. Считалось, что мифический получеловек-полуконь в определенное время ищет своих жертв. И вдруг новости о растерзанных телах молодых женщин нарушили покой городка. Главный редактор газеты, бывший сотрудник Комитета государственной безопасности, рассказал своему лучшему журналисту Андрею Полевому историю «водяного коня». Андрей пытается выяснить все подробности этого загадочного дела. Однако древнее предание к делу не пришьешь, и подозрения местной милиции падают на шустрого и любопытного журналиста...

Илья Веткин «Страница»

Центрполиграф, серия Insomnia. Бессонница

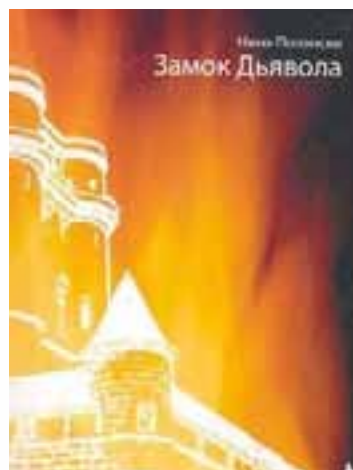
Корней Велес — успешный юрист, женат вторым браком, любит жену Ингу и ее дочь Майю. Корней надеется на то, что у них появятся и общие дети, но в душе его зарождается сомнение. Он узнает, что Инга вместе дочерью тайком от него часто выезжает в ближайшее Подмосковье. Неожиданно Корней обнаруживает дома акварель — женский портрет, исполненный по образцу работы Веласкеса «Венера перед зеркалом»: на ней изображена женщина, обращенная к зрителю спиной и рассматривающая свое отражение в зеркале. С одной разницей: на акварели в зеркале отражается лицо нелюди, кошмарный образ, будто извлеченный из дурного сна. Вместо подписи в нижнем углу картины исполнен выцветшем старинной вязью шифр. Велес пытается разгадать загадку, но выбирает для этого, вероятно, не самый удачный момент.

Нина Полански «Замок Дьявола»

ИПЦ Маска

Однажды в руки преуспевающего писателя Эдварда Фоннеймана попадает старая рукопись некой Катрин Дункан, жившей не-

сколько веков назад. В ней она описывала таинственный и мрачный замок, который многие века тревожил местных жителей и создавал вокруг себя множество легенд. По случайному стечению обстоятельств она попадает в сам замок, из которого уже не в состоянии выбраться и сталкивается с множеством мистических явлений и обстоятельств.

Этой книгой внучка замечательного режиссера Романа Полански (шутка) дебютировала в литературе, но уже обратила на себя внимание огромным количеством... подложных отзывов в Рунете — само собой, положительные. О качестве романа этот факт ничего не говорит, а вот на недобрые мысли наводит...

Лана Синявская «Спецэффекты для страшных снов»

Эксмо, серия Очень страшный детектив

Старинный особняк превращен в кинопавильон: снимается фильм по произведению автора мистических романов Кибиткина. Но события, происходящие в этом доме, не менее ужасны и таинственны, чем киношные сцены с вампирами и оборотнями. В реальности идет череда загадочных смертей, вся съемочная группа в панике. Находящаяся среди артистов журналистка Андрэ Бероева чувствует за всем этим чью-то злую волю. Она даже знает, чью именно — старой эко-

номки Кибиткина. Эта женщина внушает Андрэ какой-то потусторонний ужас. Но и после загадочной смерти экономки кошмар не заканчивается — наверняка она переселилась в чью-то плоть! А самое главное — за самой Андрэ идет охота, и ей приходится прилагать нечеловеческие усилия, чтобы не стать очередным вместилищем монстра...

Лана Синявская «Фиалки для ведьмы»

Даже большая удача может сулить крупные неприятности! Именно это произошло с Нурией, приехавшей из России в американский городок Дэнверс. Ведь дом, который она купила по дешевке, когда-то принадлежал могущественной Салемской ведьме, о ко-

торых до сих пор ходят по городку ужасные слухи. Страшные кошмары мучают дочь Нурии Лельку — особенно после того, как она наткнулась на труп обезглавленной старухи. Но не только кошмары одолевают девочку-подростка — ведьмы, которые до сих пор не перевелись в Дэнверсе, жаждут заполучить в свои ряды новую невинную душу. И вот Лелька оказывается на Черном Троне, еще чуть-чуть, и она станет одной из них... Но Анна, подруга Лелькиной матери, рискуя навлечь на себя проклятие всех поколений Салемских ведьм, спешит ей на помощь...

Лана Синявская

«Паутина лунного света»

Анна Сомова наделена удивительными магическими способностями. На этот раз ей придется вступить в борьбу с кроваво-жадным оборотнем, который заставляет трепетать обитателей дома, принадлежащего весьма состоятельной особе. Трепещут и жители окрестностей, но от другого. Они знают: если на берегу появляется призрак Маленькой Прачки — он назовет имя того, кто скоро должен умереть... Чтобы выведать имя будущей возможной жертвы и опередить события, Анна отправляется на встречу с призраком. У Анны нет выбора, ведь перед ней поставили условие: или она реша-

ет мистические проблемы этого странного дома, или ее любимый человек, буквально накануне их свадьбы ложно обвиненный в страшных преступлениях, отправится за решетку...

Светлана Синявская (или хор афроэксмоамериканцев, выступающий от ее имени) сотрудничает с издательством «Эксмо» не менее восьми лет, но персональной серии удостоилась лишь после успешного участия в [печально] известном шоу «Битва экстрасенсов». К старым романам прикрутили новые названия, автора понизили до «Ланы» — и проект готов.

ВТОРАЯ ОЧЕРЕДЬ

Роберт Липаруло

«И придет всадник...»

АСТ, Астрель
[Comes a Horseman]

Растет число загадочных убийств, мистическим ужасом веет от облика некоего убийцы по прозвищу Викинг и его сообщников, собако-волков. По следам Викинга и его зверей идут два агента ФБР, следы приводят их в разные страны — от США до Италии и Израиля. Неожиданно агенты не только получают свидетельства о преступлениях, но и сами становятся объектами охоты.

Кто этот человек, который стремится поколебать основы мира, и почему он находит поддержку у членов тайного ордена?

Как и «Тьма» Теда Деккера, роман Роберта Липаруло относится к редкому (у нас) жанру христианского триллера — на этот раз более реалистичного толка. По ком приходит всадник, читайте в рецензии на странице 80.

Дэвид Веллингтон

«Тринадцать пуль»

Эксмо, Домино, серия Книга-загадка, книга-мистика
[13 Bullets]

Двадцать лет назад Джеймс Аркли был уверен, что уничтожил их всех... Тогда он стал свидетелем того, как невероятной силы вампир буквально разорвал на части подразделение спецназовцев, а затем поужинал ими.

Джеймс Аркли посчитал, что ужас закончился. Но он ошибся...

Патрульная Лаура Сэкстон находит доказательства того, что раса вампиров по-прежнему прячется в тени человеческой цивилизации.

По странной издательской прихоти первый роман о Лоре Кэкстон (она же Лаура Сэкстон) выходит в России на несколько месяцев позже второго — «Девяносто девять гробов». За рецензией отсылаем вас в предыдущий выпуск «Тьмы», за бес-

прерывным действием и прожорливыми упырями — к самому тексту.

Ричард Матесон

«Тени и призраки»

Эксмо, Домино, серия Мона Лиза
[Earthbound; Now You See It...]

Что может сделать муж, чтобы загладить супружескую измену? Дэвид Купер поступил мудро — вместе с женой Эллен он отправляется в Логен-Бич, курортный город на берегу океана, где они двадцать лет назад провели свой медовый месяц. Светлые воспоминания прошлого должны восстановить разрушенную семью. Но могли ли знать раскаявшийся супруг, что дом, в котором они временно поселились, облюбовал призрак.

А что остается в жизни Великому Делафорте, вчерашнему иллюзионисту с мировым именем, ныне же старику, прикованному болезнью к инвалидной коляске? Конечно, передать свое волшебное искусство и артистический псевдоним сыну, пошедшему по стопам отца. Но может ли знать отец, на что обернет свой дар его порочный и завистливый отпрыск?

Впервые на русском — «Призраки» и «Смертельный номер», два мистических романа из запасника Ричарда Матесона, которые прошли незамеченными на Западе и рискуют кончить тем же у нас.

Марк Фрост

«Шесть мессий»

Эксмо, Domino, серия Книга-загадка, книга-бестселлер [The Six Messiahs]

На борту «Эльбы», судна, следующего из Европы в Америку, происходит загадочное убийство. А там, где есть убийство и тем более убийство загадочное, — там всегда найдется над чем поломать голову Артуру Конан Дойлу, большому любителю подобных тайн. Вскоре он выясняет, что причиной преступления стала книга о началах каббалистического учения, которая была похищена у несчастной жертвы. Кроме того, аналогичные исчезновения священных книг уже произошли в разных уголках планеты. И во всех случаях следы похитителей ведут к таинственной черной башне, настойчиво являющейся во сне избранным, число которых равно шести.

Продолжение пустоватого, но богатого на приключения (и неживых персонажей) романа «Список семи».

Эрик Найт

«Путь Волка», «Выбор Кота»

Азбука-классика, серия Земля вампиров [Way of the Wolf]

«Земля вампиров» — уникальный цикл романов, который при-

дется по душе как любителям постапокалиптической боевой фантастики, так и поклонникам вампирского хоррора!

Какой станет жизнь на Земле, если власть окажется в руках ненасытных вампиров, которые не только пьют кровь, но и высасывают души людей? Как победить инопланетного вампира, которому не страшен ни осиновый кол, ни серебряный меч? Как выжить в мире бездушных зомби, отмеченных смертью? Когда жизнь не стоит ломаного гроша, человек начинает сражаться с яростью зверя.

2065 год. Уже сорок три года Землей правят куриане, кровавожадные вампиры, питающиеся жизненной аурой людей. Жнецы, верные прислужники куриан, днем и ночью рыщут в поисках пищи для своих хозяев. Очистить мир от инопланетной гадости берутся элитные партизанские войска,

бесстрашные Волки. Дэвид Валентайн, на глазах которого погибли родители, поклялся до последнего вздоха сражаться с вампирами. Однажды выбрав путь Волка, он обрек себя на вечный бой.

Первый роман уже издавался, второй — впервые на русском. Цикл ориентирован на подростков.

Джон Уитборн

«Рим, папы и призраки»

Вече, серия Мастера мистической прозы [Popes and Phantoms]

Адмирал Солово — человек своего времени, в котором за пиратом по пятам может бродить гниющий труп его жертвы, где беседа с папой римским оказывается разговором с дьяволом. Но, побывав в шкуре морского разбойника, тайного агента, ловца призраков и подручного самого понтифика, он узнал, что стилет решает далеко не все проблемы...

Джон Уитборн — археолог по образованию, а с 1987 года популярный британский автор, произведения которого отличаются мистическими хитросплетениями сюжета и юмором.

В компанию Ходжсона, Уильямса, Дансени, Лафкадио Хирна и других (см. издательские планы) мистер Уитборн попал явно по протекции: знакомые с первым (1997 г.) русским изданием люди утверждают, что речь уместнее вести о фэнтезийной

криптоистории, чем о мистике и тем более — ужасах. Однако быть интересной это книге не мешает.

Он появился... Советская мистическая проза 20-30-х годов: Антология

Прозаик

Потусторонние силы и социалистическая действительность всегда плохо сопрягались, особенно в «безбожные» 20-30-е годы минувшего столетия. Но многих талантливых писателей той эпохи манил «запретный плод» — с помощью inferнальных образов они стремились ответить на вечные вопросы: о добре и зле, о знании и вере, о случайном и predetermined в человеческой судьбе. Поэтому появление Сатаны на фоне советских реалий далеко не случайно...

В сборник вошли наиболее интересные мистические произведения известных советских прозаиков первой половины XX века. Вершиной их творчества стал, безусловно, роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита», первая полная рукописная редакция которого была в некотором отношении даже острее, чем канонический текст.

Кроме шедевра Булгакова в сборник вошли рассказы и по-

вести Александра Чаянова, Овдия Савича, Андрея Соболя, Эмилия Миндлина и Александра Грина («Фанданго»). Однако не дайте слову «мистический» ввести вас в заблуждение: для большинства авторов дьявольщина была лишь инструментом сатиры, одним из самых безопасных в те годы.

Хилари Бэйли

«Невеста Франкенштейна»

Гелеос
[Frankenstein's Bride]

Холодящий кровь роман о безудержной страсти блестящего, но бесчеловечного ученого Виктора Франкенштейна к своему творению. Нет-нет, не к безобразному, косноязычному, хромому гомункулу! А к его изящной и грациозной невесте. Достойное продолжение бестселлера всех времен и народов — классического английского романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей».

Виктор Франкенштейн вновь не сумел побороть непомерно тщеславия и создал еще одно существо. На этот раз — вероятно прекрасное с виду, но непредсказуемое изнутри: ангела или дьявола. Ангела? Но кто убил, изрезав ножом, жену и маленького сына Виктора, залив постель, всю комнату, весь дом кровью, заставил обезумевшего от горя

Франкенштейна рыдать над их истерзанными, изуродованными телами?! Ученый знает это с самого начала, но — в который раз! — не может остановиться. Кровь и страдания невинных жертв не станут искуплением: зло распространится и найдет дорогу в будущее...

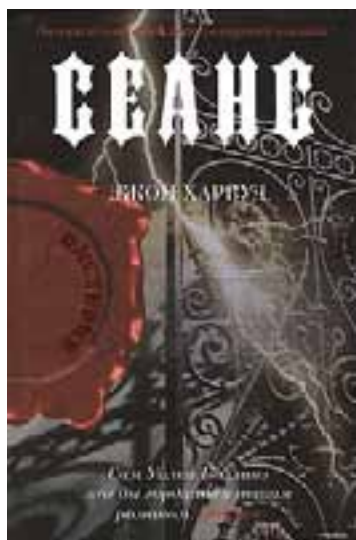
В книгу включена также история создания оригинального романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». И она не менее увлекательна и драматична, чем книги о Викторе Франкенштейне и его созданиях.

Сможет ли этот роман соперничать с «Воспоминаниями Элизабет Франкенштейн» Теодора Рошака? Не исключено. В пользу Хилари Бэйли говорит по крайней мере три факта. Во-первых, автор она опытный и увлеченный — помимо прочего, на ее счету сиквел к «Джейн Эйр». Во-вторых, когда-то она была замужем за Майклом Муркоком. В-третьих, потенциал сюжета, придуманного Мэри Шелли, полностью не исчерпан до сих пор...

Джон Харвуд

«Сеанс»

Книжный клуб 36,6, серия Мистерия
[The Seance]

«Сеанс» — это спиритический детектив, в котором участвуют призраки, оборачивающиеся людьми, и люди, становящиеся призраками. Это мистическая

история, уносящая читателя в викторианскую Англию. История, в которой сплетаются наука и оккультизм, убийства и страшные воспламенения людей, любовь и жадность, нечеловеческий ужас и стойкость духа человеческого.

Без откровений, но со вкусом. В 2005 году на русском языке выходил другой роман автора, близкий этому по тематике и настрою — «Призрак автора».

Людвиг Павельчик

«Тропами ада»

Спорт и культура-2000
[Auf den Wegen der Hölle]

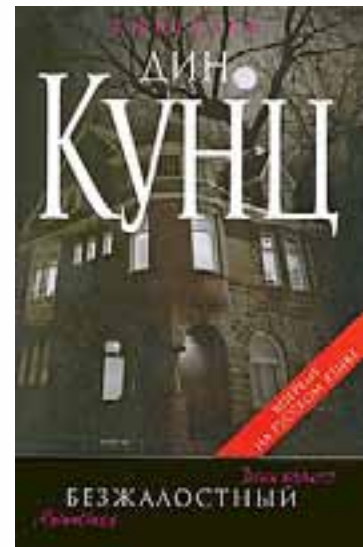

Молодой, утомленный распутной жизнью повеса в поисках отдыха приезжает в старую, затерянную в глубине древней Европы деревню, где он заранее арендовал комнату в одном из сельских особняков. Но, как оказалось, в этом старом доме он совсем один и вынужден предпринять собственное расследование по поводу некоторых странных обстоятельств и событий, приковавших его внимание. Однако судьба его уже определена и жуткая легенда, передаваемая из поколения в поколение местными жителями, намекает, что он оказался здесь совсем не случайно...

Дин Кунц

«Безжалостный»

Эксмо, серия Thriller
[Relentless]

Беды, обрушившиеся на писателя Каллена Гринвича, только вначале казались зловещими выходками обезумевшего маньяка-одиночки Ширмана Ваксса. Спасаясь от идущей по пятам гибели и одновременно пытаюсь найти непровержимые улики вины Ваксса, Каллен убеждается, что он и его семья — очередные жертвы в цепочке уже свершившихся чудовищных преступлений. Изощренная жестокость, безжалостность и... безнаказанность — вот фирменный почерк этого дьявола во плоти, считающего себя первенцем постчеловеческой расы, и его сообщников. Мужество близких и гениальность сыновки писателя оказываются сильнее могущественной организации.

Если бы не впечатляющие успехи Вольфганга Хольбайна, Маркуса Хайца и других видных деятелей деревообрабатывающей промышленности, Кунца называли бы Дином Неутомимым. Пока же он остается многими любимым писателем, которому чаще иных коллег удается выдерживать равновесие между качеством и количеством романов на единицу времени. Подробнее о «Безжалостном» читайте на странице 73.

ТРИЛЛЕРЫ

**Стиг Ларссон
«Девушка с татуировкой дракона»**

Эксмо, Домино, серия Millennium
[Män som hatar kvinnor]

Сорок лет загадка исчезновения юной родственницы не дает покоя стареющему промышленному магнату, и вот он предпринимает последнюю в своей жизни попытку — поручает розыск журналисту Микаэлю Блумквисту. Тот берется за безнадежное дело больше для того, чтобы отвлечься от собственных неприятностей, но вскоре понимает: проблема даже сложнее, чем кажется на первый взгляд. Как связано давнее происшествие на острове с несколькими убийствами женщин, случившимися в разные годы в разных уголках Швеции? При чем здесь цитаты из Третьей Книги Моисея? И кто, в конце концов, покушался на жизнь самого Микаэля, когда он подошел к разгадке слишком близко?

И уж тем более он не мог предположить, что расследование приведет его в сущий ад среди идиллически-мирного городка.

Еще один нашумевший роман родом из Швеции. Трилогия «Millennium», опубликованная после смерти автора и ставшая откровением для все-

го мира (Стивен Кинг даже включил первый роман в список 10 лучших книг, прочитанных им в 2008 году), наконец-то добралась до российских широт. По закрученности и глубине знатоки сравнивают «Девушку с татуировкой дракона» с трилогией Питера Страуба «Голубая роза». Жесткий психологический триллер, подчас граничащий с ужасами.

Два оставшихся романа трилогии должны выйти в ближайшие месяцы.

**Коди Макфейден
«Человек из тени»**

ACT, ACT Москва, серия The International Bestseller
[Shadow Man]

Серийный убийца вырезал семью агента ФБР Смоуки Барретт, а потом изуродовал ее лицо. Она застрелила преступника — но ни месть, ни правосудие не избавили ее от мучительных переживаний и чувства вины.

Теперь Смоуки живет затворницей и пребывает в постоянной депрессии.

Но неожиданно она получает ужасную посылку — кассету, на которой запечатлено садистское убийство молодой женщины...

Новый маньяк — достойный ученик Джека-потрошителя — ясно дает понять: равным противником он считает только Смоуки — лучшую из лучших.

Если она не согласится начать охоту — он будет убивать чаще и изощреннее, и никто и никогда не поймает его, ведь он слишком умен, чтобы совершать ошибки, которые мог бы разглядеть кто-нибудь, кроме Смоуки Барретт...

Об успехах Коди Макфейдена на ниве создания несчастливых персонажей читайте в рецензии на странице 76.

**Дэн Уоделл
«Кровные связи»**

ACT, серия The International Bestseller
[The Blood Detective]

Таинственный маньяк отрубает жертвам кисти рук и вырезает у них на груди странные комбинации букв и цифр. Детектив Грант Фостер, ведущий дело, установил: кровавые надписи — это регистрационные номера свидетельств о рождении, смерти и заключении брака. Грант Фостер обращается за помощью к известному специалисту по генеалогии, историку Найджелу Барнсу. В ходе расследования Фостер и Варне приходят к неожиданным выводам: маньяк в точности копирует серию из пяти убийств, за совершение которых некто Аик Файрбен был повешен... еще в 1879 году!

Зачем убийца повторяет преступления викторианской эпохи? И случайно ли последняя жертва носила ту же фамилию, что и судья, приговоривший к смерти Айка Файрбена?

**Крис Симмс
«Сдирающий кожу»**

ACT, ACT Москва, серия The International Bestseller
[Shifting Skin]

Маньяк по прозвищу Мясник не просто убивает женщин — он сдирает с них кожу и оставляет рядом с обезображенными телами.

Единственное, что объединяет его жертв, — все они были в той или иной степени недовольны своей внешностью и хотели исправить ее с помощью пластической операции.

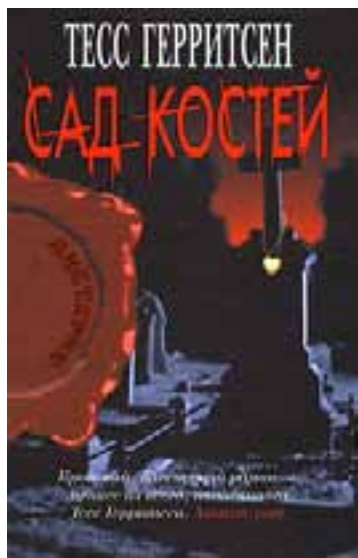
Возможно, убийца — врач? Или, напротив, — бывший пациент пластических хирургов?

Детектив Джон Спайсер, который отрабатывает сразу обе версии, измучен звонками «свидетелей», полагающих, что они видели Мясника. Поначалу он просто отмахивается от молодой женщины, утверждающей, что она слышала, как маньяк убивал очередную жертву в номере отеля.

Но очень скоро Спайсер понимает — в этом сбивчивом рассказе на самом деле содержится важная информация. Информация, которая способна вывести его на преступника, но может стоить свидетельнице жизни...

Тесс Герритсен
«Сад костей»

Книжный клуб 36,6, серия Мистерия
[The Bone Garden]

Наши дни. Джулия Хэмилл раскапывает во дворе своего дома близ Бостона старый скелет...

1830 год. В Бостоне орудует Вестэндский Потрошитель: одна за другой зверски убиты медсестры родильной палаты, затем еще один изувеченный труп, и еще...

Позднение падает на бедного студента-медика Норриса Маршалла. Но какое отношение к этим зверствам имеет 17-летняя швея-ирландка Роза Коннелли, обладательница загадочного драгоценного ожерелья? И почему неведомым силам так важно добраться до ее племянницы, недавно появившейся на свет?

Современность и прошлое пересекаются и сталкиваются в этом романе, высекая искры трагических историй... Тайны 19 века всплывают в веке 21-м, а загадки наших дней уходят корнями в старину... Люди гибнут, меняются поколения, но выживает только любовь — вечная и неиссякаемая.

Линкольн Чайлд
«Из глубины»

Эксмо, Домино, серия Книга-загадка, книга-бестселлер
[Deep Storm]

На глубине 12 000 футов под поверхностью Атлантического океана исследователи обнаруживают нечто совершенно удивительное. Величайшая археологическая находка в истории? Или что-то такое, с чем еще не приходилось сталкиваться человечеству? В обстановке сверхсекретности ученые приступают к изучению странных артефактов, однако внезапно всех, кто работает на исследовательской базе на дне океана, поражают странные болезни. На базу срочно вызывают бывшего военного врача Питера Крейна, который постепенно начинает понимать, что медицинские проблемы — лишь малая часть огромной проблемы, которая угрожает самому существованию человеческой цивилизации.

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Питер Хёг
«Смилла и ее чувство снега»

Симпозиум
[Frk. Smillas fornemmelse for sne]

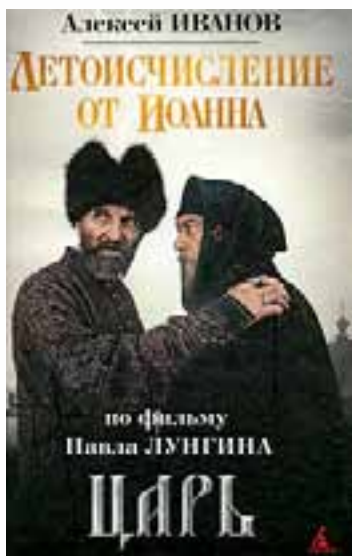
Копенгаген, план которого вынесен на титульный лист книги, — в центре повествования. Магия города, огромного каменного мозга, запорошенного снегом, и стоицизм путника, одиноко бредущего по заметенным улицам. Магия и стоицизм, инстинкт и самокон-

троль. Не правда ли, есть в снеге нечто медицинское, усыпляющее, похожее на анестезию? Холод и снег — как «добрый» и «злой» следователи на допросе: главное, не потерять бдительность, не купиться на мнимую доброту. Но какой же датчанин — без впитанной с материнским молоком привязанности к безукоризненно стерильному и торжественному зимнему покрову? Об этих противоречиях и о многом другом роман Питера Хега.

Долгожданное переиздание культовой книги о снеге, одиночестве и смерти

Алексей Иванов
«Летоисчисление от Иоанна»

Азбука-классика, серия
Экранизированный бестселлер

В 2009 году на Каннском кинофестивале Россию представлял фильм «Царь» знаменитого режиссера Павла Лунгина, каннского лауреата 1990 года. В его основе — страшное и великое противоборство двух титанов русского средневековья — Ивана Грозного и митрополита Филиппа.

Павел Лунгин рассказал историю о поединке вер. Царская власть — от Бога, но что делать, если царь самого себя возомнил богом, сошедшим на землю в преддверии конца света? Верить ли человеку в помазанника Божьего как в самого Господа? Вершить ли царю Страшный суд на земле, если он — Господь второго пришествия? Ответ — в кровавой метели причины и в трагедии непримиримого митрополита.

Окончательный сценарий кинофрески «Царь» Павел Лунгин создал на основе текста писателя Алексея Иванова. Книга «Летоисчисление от Иоанна» написана Алексеем Ивановым по начальному варианту сценария о митрополите Филиппе и царе Иоанне IV.

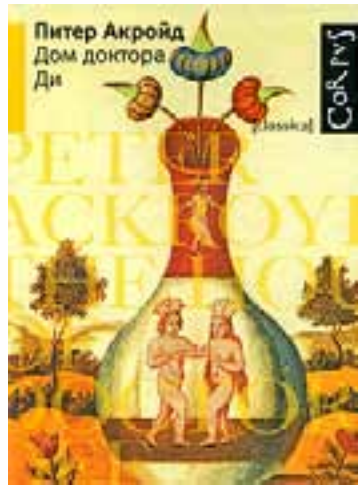
«Летоисчисление от Иоанна» — это рассказ об острейшем моменте русской истории: о противостоянии царя Ивана Грозного и митрополита Филиппа. Это время разгула причины, время лютых пыток и казней.

Царь призывает в Москву друга детства, игумена Соловецкого монастыря Филиппа. Став митрополитом, Филипп видит свой долг в том, чтобы заступиться за жертв бесчинств, творимых по указке царя его приспешниками.

Если вы еще не знали, пермяк Алексей Иванов — один из самых ярких российских писателей, наш современник, на глазах преобразующийся в классика. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть любой из его романов — «Сердце Пармы», «Географ глобус пропил», «Золото бунта», «Блуда и МУДО»... Есть мнение, что в «Летоисчислении от Иоанна» его талант проявился менее ярко, но один из наших рецензентов с этим не согласился бы — как следует из текста на странице 69.

Питер Акройд
«Дом доктора Ди»

ACT, Астрель, Corpus
 [The House of Doctor Dee]

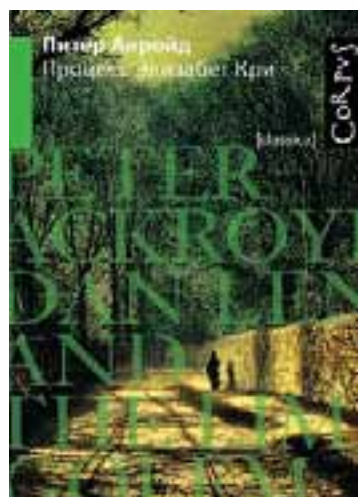
Питер Акройд — один из самых популярных современных английских писателей, интеллектуал, эрудит, выдающийся знаток и популяризатор британской истории. Его книги «Дом доктора Ди», «Процесс Элизабет Кри», «Лондон. Биография» и фундаментальные жизнеописания английских классиков стали мировыми бестселлерами.

«Дом доктора Ди» — роман, в котором причудливо переплелись реальность и вымысел, XVI век и современность. Молодой лондонец, ученый Мэтью Палмер получает в наследство от отца старинный дом и вскоре делает удивительное открытие: одним из его прежних владельцев был легендарный доктор Ди — черный маг, алхимик и фокусник, специалист по созданию гомункулов. Теперь, благодаря фантазии Акройда, прославленному мистик у элизаветинской эпохи придется жить под одной крышей с нашим современником Мэтью, судьба которого оказывается тесно связана с судьбой Джона Ди...

Питер Акройд
«Процесс Элизабет Кри»

ACT, Астрель, Corpus
 [Dan Leno and the Limehouse Golem]

80-е годы XIX века. Лондонское предместье потрясено серией изощренных убийств, совершенных преступником по прозвищу «Голем из Лаймхауса». В дело замешаны актриса мюзик-холла Элизабет Кри и ее муж — журналист, фиксирующий в своем дневнике кровавые подробности произошедшего... Триллер Питера Акройда, одного из самых популярных английских писателей и автора знаменитой книги «Лондон. Биография», воспроизводит зловещую и чарующую атмосферу викторианской Англии. Туман «как гороховый суп», тусклый свет газовых фонарей, кричащий разврат борделей и чопорная благопристойность богатых районов — все это у Акройда показано настолько рельефно, что читатель может почувствовать себя очевидцем, а то и участником описываемых событий. А реальные исторические персонажи — Карл Маркс, Оскар Уайлд, Чарльз Диккенс, мелькающие на страницах романа, придают захватывающему сюжету почти документальную точность и достоверность.

Акройд писал для взыскательных читателей, но таких, слава Азатоту, еще не слишком мало. Роман «Процесс Элизабет Кри» критики единодушно считают одним из самых мрачных в его творчестве.

Обе книги уже издавались на русском.

Джон Краули
«Дэмонomanия»

Эксмо, Домино, серия
 Интеллектуальный бестселлер
 [Demonomania]

«Когда кончается мир, для каждой живой души он кончается по-своему», — утверждает Краули. Так, для героев «Дэмонomanии» повседневные заботы волшебным образом трансформируются в нечто запредельное, выявляя силы, светлые и темные, что управляют их жизнью. Историк Пирс Моффет, думая, что пишет книгу о магии прошлого, открывает для себя магию настоящего. Его новая любовь Роз Райдер, живущая словно во сне, оказывается в секте, где ей сулят избавление от терзающих ее демонов. А маги эпохи Возрождения Джон Ди и Джордано Бруно призраками бродят в современном американском городке; их биографии, реальные и мнимые, будто разыгрываются заново, являя собой ключ к будущему. Ведь между Хеллоуином и днем зимнего солнцестояния открывается дверь из мира живых в мир мертвых, и каждый должен занять свою сторону в извечном конфликте надмирных сущностей, в преддверии последней битвы.

Впервые на русском — третий том тетралогии «Эгипет» прославленного Джона Краули, автора «Маленького, большого».

Посвящается романтикам-эрудитам, для которых чтение — увлекательная разновидность труда.

ПОД СОМНЕНИЕМ

Уитли Страйбер
«2012»

ACT, ACT Москва, Полиграфиздат
 [2012: The War for Souls]

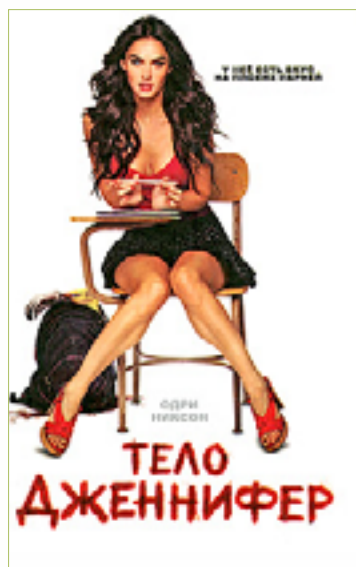
21 декабря 2012 года. День, когда, согласно календарю майя и их древним сакральным текстам, завершится эпоха четвертого солнца и наступит новая эра... Что ждет человечество в этот день? Переход на следующий уровень развития? Глобальная катастрофа? Или война с пришельцами из параллельного мира, которых мы веками считали лишь персонажами мифов и легенд? Правду об этом знает только один человек: писатель Уайли Дейл, который утверждает, что его когда-то похищали «чужие». Но кто ему поверит? Ведь книги Дейла читают только наивные подростки, а над его предостережениями смеются даже самые близкие друзья. Неужели 21 декабря 2012 года докажет его правоту и только немногие выжившие будут способны ее подтвердить?

Страйбер-Страйбер известен тем, что доверил бумаге культовый вампирский роман «Голод» (кстати, на общей волне стоит

ждать переиздания). Увы, дальше этих пределов его слава не пошла — и в этом романе (эксплуатирующем модную тему — как и более ранний «Послезавтра»), нас может привлечь разве что сильный элемент хоррора... и несходство с инфантильными фантазиями Роланда Эммериха сотоварищи, подробнее о которых можно прочесть на странице 95.

Одри Никсон
«Тело Дженнифер»

АСТ, АСТ Москва, Харвест
 [Jennifer's Body]

Кто-то должен воздать Дженнифер по заслугам!

На табличке написано: «Добро пожаловать в Дьявольскую котловину! Население: 7036 человек. Приезжайте посмотреть, что здесь происходит». На полном серьезе.

Трудно поверить, что такая красотка, как Дженнифер, дружит с занудой вроде меня, Ниди Леснишки. Но мы, как сиамские близнецы, с младенчества неразлучны. Детская привязанность не умирает. По крайней мере, так я думала раньше. Но после ночи в лесу Дженнифер изменилась. Она выглядела по-другому. А вскоре начались убийства...

Читайте на одном дыхании! Смотрите в кинотеатрах!

В литературном мире новеллизация — аналог не гамбургера даже, а переваренного гамбургера. Впрочем, гурманы найдутся и на это блюдо... а в одном случае на тысячу алхимия таланта даже обращает процесс пищеварения вспять, порождая нечто годное к употреблению (и даже более, как доказывает пример Алексея Иванова — см. выше). Вряд ли так вышло в случае тела Меган Фокс... пардон, Дженнифер, хотя какая разница...

Натан Барридж
«Код каббалы»

Эксмо, Домино, серия Книга-загадка, книга-бестселлер
 [Fivefold]

Испокон веков сила Света противостоит силе Тьмы. И пока пять ангелов — апостолов Тьмы — находятся в заточении, куда поместил их Творец, победа будет на стороне Света. Но падшие ангелы не сидят сложа руки в своей темнице: из века в век они пытаются вырваться на свободу, вселиться в чужую плоть и завладеть миром... Во время вояжа по заповедным местам доброй старой Англии пятеро молодых лондонцев попадают на территорию древнего замка и случайно находят там таинственную пятиугольную комнату с пятью отпечатками рук в камне. Если бы они только знали, что принесет им эта находка!

В одной из зарубежных рецензий Натана Барриджа сравнивают с Клайвом Баркером. О чем это нам говорит? Лишь о том, что рецензент читал Баркера и Барриджа. Увы, справедливым может оказаться и сравнение с [впишите имя писателя, которого искренне презираете]. Вся надежда, как всегда, на вскрытие — хотя баркеровские мотивы в романе, видимо, и вправду имеются.

Лилит Сэнткроу
«Контракт с дьяволом», «Возвращение мертвеца»

Эксмо, Домино, серии Книга-загадка, книга-мистика / Сумерки
 [Working for the Devil, Dead Man Rising]

В дом некромантки Данте Валентайн врывается демон Джафримель и заявляет, что должен немедленно доставить ее к самому Князю тьмы. У Сатаны есть для Дэнни работа, за которую он готов щедро заплатить. Пятьдесят лет назад из ада сбежал демон Вардималь и унес с собой один из артефактов мира демонов. Оказывается, Дэнни знает Вардималья под именем Сантино. Это он несколько лет назад жестоко убил подружку Дэнни. Жаждая мести, Дэнни берется за это дело,

еще не зная, что сотрудничество с демоном дорого ей обойдется.

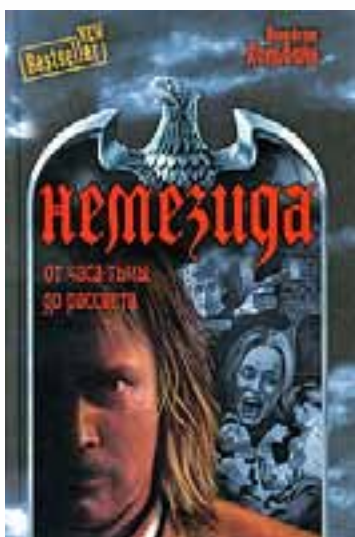
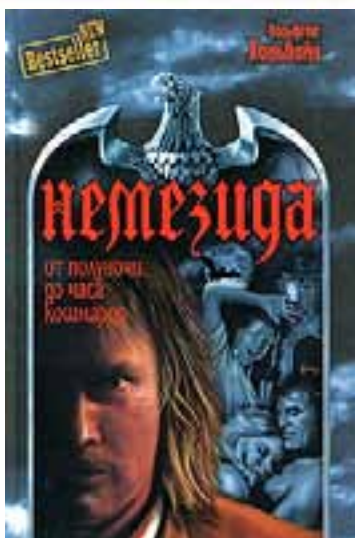
Один из самых ярких мистических сериалов последних лет выводит на сцену новую культовую героиню — опытную некромантку и отчаянного борца с разной нечистью Данте Валентайн!

Лилит Сэнткроу — обладательница внешности, с которой празднование Хеллоуина обходится в считанные центы: чтобы создать должный эффект, ни грима, ни костюма импозантной канадке не потребуется. Сказалась ли эта особенность на ее творчестве, вы можете выяснить из рецензии на первый роман о бесстрашной Данте Валентайн — для этого не поленитесь открыть страницу 77.

Вольфганг Хольбайн
«Немезида. Том 1: От полуночи до часа кошмаров. Том 2: От часа тьмы до рассвета»

Вече, серия Bestseller New
 [Nemesis]

Шестеро незнакомых друг с другом человек приезжают в старинный замок, где узнают, что могут унаследовать огромное состояние, если выполнят эксцентричное условие таинственного завещателя. Однако вечером того же дня в замке на-

чинают происходить страшные и необъяснимые вещи, вынуждая предполагаемых наследников начать собственное расследование, чтобы выяснить кто или что им угрожает...

Кристиан Мёрк
«Дорогой Джим»

ACT, ACT Москва, Харвест
[Darling Jim]

Очаровательное Зло бродит по тихому ирландскому городку, наводя ужас на жителей. Кто он, мистер Кошмар, сеющий смерть ни в чем неповинных женщин?! Кто откроет загадку жуткой гибели прекрасных сестер? Напряжение растет с каждой страницей этого шокирующего романа.

Сколько их было, готических и псевдоготических стилизаций, сколько ступней со следами педикюра оставило пыльный след

в списках бестселлеров? Удивительно, но наше время, бесконечно далекое от готики, с готовностью принимает ее штампованные образы и ходы — и ходульные романы наподобие «Дорого Джима» со свистом расходятся на семнадцать языках...

Роман Мёрка можно приобрести только через каталог компании «Мир книги».

Сара Риз Бреннан
«Лексикон демона»

ACT, ACT Москва
[The Demon's Lexicon: Book 1]

Вам знакомо, когда холодок пробегает по коже?

Вы знаете, откуда происходят сквозняки?

Вы задумывались, как рождаются предчувствия и подозрения?

Вы носите амулеты? Да? Значит, ваши ощущения вас не обманывают. Современный мир полон колдунов, магов, демонов и одержимых.

Хотите знать о них больше, читайте книгу.

И будьте осторожны и бдительны, если встретите человека с черными глазами!

ВАМПИРБУРГЕРЫ

Таня Хафф
«Проклятие крови», «След крови»

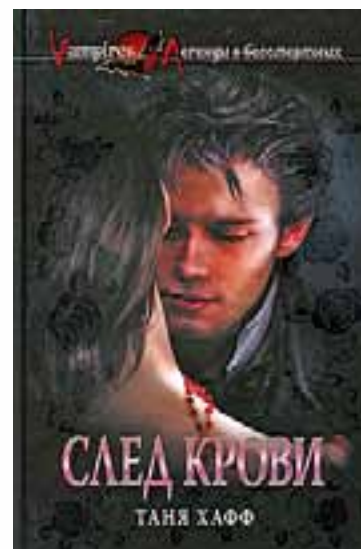
Эксмо, Домино, серия Vampires. Легенды о бессмертных [Blood Trail]

Жители Торонто охвачены ужасом. Один за другим на улицах ночного города исчезают люди, а позже полиция находит их обескровленные тела.

Пытаясь раскрыть тайну серии загадочных убийств, частный детектив Вики Нельсон и ее давний напарник Майк Селуччи обращаются за помощью к Генри Фицрою. Только он, незаконный сын короля Генриха VIII, вампир, в течение столетий отнимавший жизнь у людей во имя продолжения собственного существования, мо-

жет пролить свет на необъяснимые события...

На общей вампирской волне перезапущен средненький во всех отношениях сериал о детективе Виктории Нельсон. В отличие от большинства подражателей обоих полов (включая леди Лорел Гамильтон), канадке Тане Хафф хватило вкуса и такта закончить цикл на пятом романе и с тех пор возвращаться к утомленным рутиной героям лишь в несчастных повестях и рассказах.

Шарлин Харрис
«Настоящая кровь. Сплошь мертвецы»

ACT, ACT Москва
[All Together Dead]

Частный детектив, расследующий преступления в общинах «порождений Тьмы» — вампиров, оборотней, черных магов, жрецов вуду и прочей нечисти, осевшей в «готском раю» — Французском квартале Нью-Орлеана.

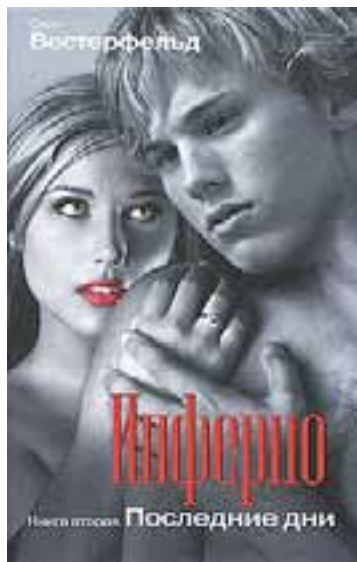
На этот раз Сьюки отправляется на Север — на общий сбор вампиров, где должен состояться суд над Софией-Анной Леклерк. «королевой» кровопийц Луизианы, обвиняемой в смерти своего супруга и соправителя. Она уверена, что сможет доказать невиновность Софии-Анны, — но совершенно не готова к тому, что ждет ее на берегах озера Мичиган.

Потому что собрание и суд внезапно превращаются в сцену кровавого театра, где разыгрывается драма об убийствах. Таинственный преступник снова и снова исчезает без следа, оставляя за собой трупы «ночных охотников». Кто он — и как его остановить? Сьюки вынуждена начать собственное расследование...

Седьмая книга о Сьюки Стэкхаус, и этим все сказано (как бы вы к Шарлин Харрис ни относились).

**Скотт Вестерфельд
«Инферно. Книга 2. Последние дни»**

Эксмо, Домино, серия Сумерки [The Last Days]

Армия ночи, наполняющая подземные тайники и жаждущая

завоевать мир, готовит новые удары против людей.

Единственные, кто может спасти планету, это вампиры, так люди называют inferнов — часть человечества, инфицированную особым вирусом. Но сами люди в большинстве своем не знают о том, кто способен защитить их от гибели, — inferны им представляются таким же злом, как и обитатели подземного мира...

**Анастасия Бароссо
«Притяжение страха»**

Астрель, Олимп

Потеряв жениха, ты встретишь самое прекрасное существо на земле, которое окажется... вампиром. Согласившись пойти на рок-фестиваль, спасешь от опасных «готов» юношу со смертельной дозой героина в кармане. Отказавшись от любви, станешь желанной сразу для двух мужчин! Решив предаться злу, ты сделаешься ангелом, а бессмертный умрет счастливым, вкусив твоей крови...

Юлия не знала, что она — один из «забытых» ангелов, существ, посланных на землю в человеческом облике с единственной миссией. Но как понять, в чем она заключается? Может, в этом помогут башни знаменитого собора? Или доноры вампиров? Фиолетово-черный красавец с серебряными волосами или

юноша-наркоман, оказавшийся потомком гениального архитектора?

В любом случае, чтобы это выяснить, нужно сначала отправиться одной в таинственную готическую Барселону. Юлия так и сделала.

И это был ее первый правильный выбор.

Еще старина Оккам говорил, что плодить сущности сверх необходимости — дело гиблое. Так и мы приняли нетрудное решение закрыть доступ на страницы Index Librorum Prohibitorum Стефани Майер и бесчисленной армии ее клонов, оккупировавших полки магазинов в нынешнюю недобрую годину. Книжка мадмуазель Бароссо прошла дресс-код лишь благодаря словам «наркоман», «героин» и «Барселона», нечасто всплывающим в сумеречной хмари, нависшей над миром. Но о рекомендациях лучше не вспоминайте.

КЛАССИКА

**Владимир Иванович Даль
«Упырь. Страшные легенды, предания и сказки»**

Азбука-классика, серия Азбука-классика (pocket-book)

Современные читатели знают Владимира Ивановича Даля прежде всего как составителя четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка», но крайне мало знакомы с его творческим наследием. Интерес Даля к фольклору — преданиям, повериям и сказкам нашел отражение во многих его произведениях, о которых Н. В. Гоголь отзывался

с восхищением: «По мне он значительней всех повествователей-изобретателей. Может быть, я сужу здесь пристрастно, потому что писатель этот более других угодил личности моего собственного вкуса». В настоящий сборник вошли произведения Даля, объединенные общей темой: столкновением человека с нечистой силой. Иногда «тайна» получает бытовое объяснение, а иногда читателю должно стать действительно страшно: здесь и колдуны, и русалки, и оборотни, и убийства, и продажа души черту, и кара за безбожное поведение. По словам Даля, «большая часть тех, кои считают долгом приличия гласно и презрительно насмехаться надо всеми народными предрассудками, без разбора, — сами верят им втихомолку, или, по крайней мере, из предосторожности,

не выезжают со двора в понедельник и не здороваются через порог».

Выбирая название для этого коротенького сборника, составители, конечно же, слюкавили: в наше время рассказанные Далем истории не покажутся страшными и ребенку — за исключением, быть может, «Богатырских могил», повествующих в том числе о колдуне Ягсе, наводившем некогда ужас на чуд-

«Тьма» в социальной сети Привет.ру:
<http://privet.ru/community/ourdarkness>

ской Север... И все же читать их надо — хотя бы для того, чтобы прикоснуться к живому русскому языку и народной памяти, черпать из которой можно до бесконечности...

Чёртов крест: Испанская мистическая проза XIX — начала XX века

Азбука-классика, серия Азбука-классика (pocket-book)

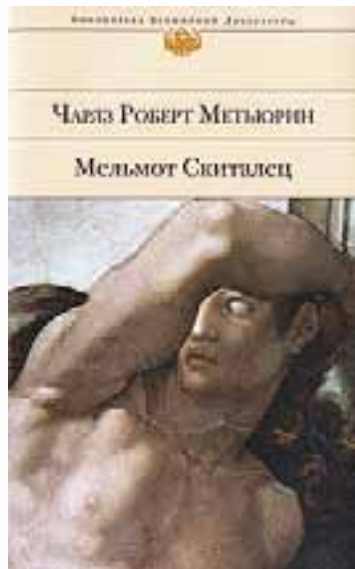
Рыцари, встречающиеся один на один с жуткими кровожадными призраками из-за прихотей прекрасных дам; красавицы, заставляющие своих кавалеров совершать неслыханные преступления; бароны, чьи деяния вызывают ужас и отвращение у простолюдинов; мачехи, готовые пойти на сговор с убийцами с целью избавиться от ненавистных им падчериц; грешники, которых лишь личная встреча с Богом способна наставить на путь праведный и отвести от дьявольских соблазнов... — какие только образы не порождает богатая народная фантазия. Слушай да записывай! Были и небылицы, жуткие сказки, мистические легенды, таинственные предания составили основу многих художественных произведений таких выдающихся испанских литераторов XIX—начала XX века, как Густаво Адольфо

Беккер, Рамон дель Валье-Инклан, Эмилия Пардо Басан и Антонио Мачадо. Многие тексты были переведены специально для данного издания и публикуются впервые.

Состав этой скромной антологии разнороден. Романтик Беккер больше баюкает, чем пугает, Эмилия Пардо Басан через мрачноватые образы передает тревогу за испанское общество, и только модернист Рамон дель Валье-Инклан в стилистически перегруженных новеллах создает выморочную атмосферу тайны и безумия, роднящую его с Жаном Рэ, Густавом Майринком, Томасом Оуэном и другими исследователями внесознательных пространств. Завершает подборку абсурдистская мини-пьеса Мачадо «Дон Никто в столичном граде». Любителям экзотической классики рекомендуется.

Чарльз Роберт Метьюрин «Мельмот Скиталец»

Эксмо, серия Библиотека всемирной литературы [Melmoth the Wanderer]

«Мельмот Скиталец» имел в мировой литературе яркую, в чем-то гипнотическую судьбу. Герой романа Метьюрина унаследовал «байронические» черты Чайлд Гарольда, с его романтической разочарованностью, и приметы персонажей готических

романов: таинственность, налет мистики, отмеченность печатью довлеющего над ним Рока.

Мельмот Скиталец породил огромную «мельмотическую» традицию, растянувшуюся до конца XIX столетия. Среди его последователей Булвер-Литтон и Стивенсон, Теккереи и Оскар Уайльд (кстати, внучатый племянник Метьюрина), Готорн и По, де Виньи и Гюго, Бальзак и Бодлер. Все пушкинское окружение бредило Мельмотом, и сам Пушкин в восьмой главе «Евгения Онегина» упоминает этого героя. У Героев Гоголя, Лермонтова и Достоевского отчетливо прослеживаются «мельмотические» черты. И уже в XX веке булгаковский Воланд напоминает нам о своем давнем литературном предшественнике.

Неподъемный роман, о композиции которого даже Лавкрафт, сам не слишком преуспевший на этом поприще, отзывался с некоторым трепетом. В ряду романов, составляющих классику готического жанра, «Мельмот Скиталец» — нечто вроде монолитной матрешки, в которой под видом единого повествования спрятано еще несколько... Тех, для кого теряться в потоке разнородных историй (иногда романтических, иногда наивных, иногда — попросту жутких, даже по сегодняшним меркам) — не повинность, а сплошное удовольствие, эта книга не обойдет стороной, и каждая из 800 с лишним страниц одарит чем-то незабываемым...

Первое с 2001 года переиздание на русском языке.

Кэтрин Мур «Черные боги, красные сны»

Эксмо. Домино, серия Шедевры фантастики [Black Gods and Scarlet Dreams]

Уже первый рассказ будущего мастера мировой фантастики вызвал восторг читателей и похвалу «великого и ужасного» Говарда Ф. Лавкрафта, создателя мифологии Ктулху. Имен-

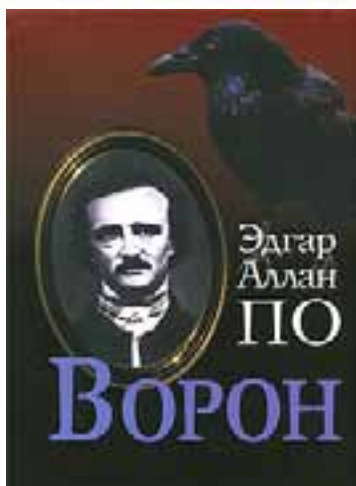
но с «Шамбло» началась литературная жизнь Нордвеста Смита, человека вне закона, покрителя звездных трасс и неутомимого борца с инопланетными монстрами, персонажа, ставшего своеобразной визитной карточкой Кэтрин Мур. Супружеский тандем с Генри Каттером упрочил мастерство писательницы, но долгое время ее имя пребывало в тени знаменитого соавтора и супруга. Время все расставило по местам, и теперь произведения Кэтрин Мур заслуженно входят в золотой фонд мировой фантастики.

С некоторыми оговорками Кэтрин Мур можно поставить в один ряд с Кларком Эштоном Смитом и Робертом Говардом. Половина представленных в томе рассказов публикуется на русском языке впервые.

Эдгар Аллан По «Ворон»

Наука, серия Литературные памятники [The Raven]

В книге приводится каноническая редакция текста стихотворения «Ворон» Э.А.По, представлены подстрочный перевод стихотворения на русский язык, полный свод русских переводов XIX в., а также русские переводы XX столетия, в том числе не опубликованные ранее. В разделе «Дополнения» приводятся источники стихотворения и новый пере-

вод статьи Э.По «Философия сочинения», в которой описан процесс создания «Ворона». В научных статьях освещена история создания произведения, разъяснены формально-содержательные категории текста стихотворения, выявлена сверхзадача «Ворона». Текст оригинала и русские переводы, разбитые по периодам, снабжены обширными исследованиями и комментариями. Приведены библиографический указатель и репертуар русских рефренов «Ворона». Издание иллюстрировано. Для специалистов и широкого круга читателей.

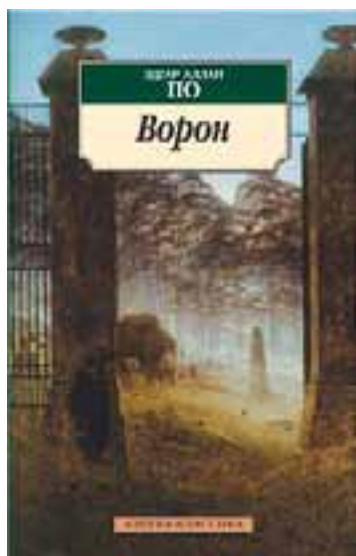
Данное издание (как и несколько следующих) подготовлено к двухсотлетию со дня рождения великого классика. В остальном же — без комментариев. Для истинных поклонников По — земля обетованная.

Эдгар Аллан По «Ворон» (билингва)

Азбука-классика, серия Азбука-классика (pocket-book)

Эдгар Аллан По — знаменитый американский поэт, прозаик, критик, журналист. Человек ослепительного таланта и горестной судьбы. Ненавистники и почитатели, подражатели и последователи — всем им, и уже не один век, не дает покоя наследие По. Его влияние как писателя и поэта на мировую литературу огромно. В области поэзии это и Шарль Бодлер, и французский символизм, практически весь

русский Серебряный век. В настоящем двуязычном издании По представлен именно в ипостаси поэта. «Создание прекрасного посредством ритма» — так определял поэзию По, автор таких поэтических шедевров, как «Ворон», «Аннабель Ли», «Улялюм», «Колокола», «Линор». В своих стихах По отворачивается от «жизни как она есть» и создает иную реальность, неясную и туманную, реальность грез и мечты, которая вот уже более века не отпускает от себя почитателей творчества гениального поэта.

Достоинство этого издания — в доступности и возможности оценить на языке оригинала не только «Ворона», но и другие поэтические шедевры По.

Эдгар Аллан По «Стихотворения. Новеллы. Повесть о приключениях Артура Гордона Пима. Эссе»

Пушкинская библиотека, АСТ, серия Золотой фонд мировой классики

Этот увесистый том привлекателен тем, что помимо основного корпуса поэзии и прозы в него включены три эссе По — «Философия обстановки», «Философия творчества» и «Поэтический принцип». Прекрасный

подарок ценителю настоящей литературы.

Эдгар Аллан По «Полное собрание сочинений в одном томе»

Альфа-книга, серия Полное собрание в одном томе

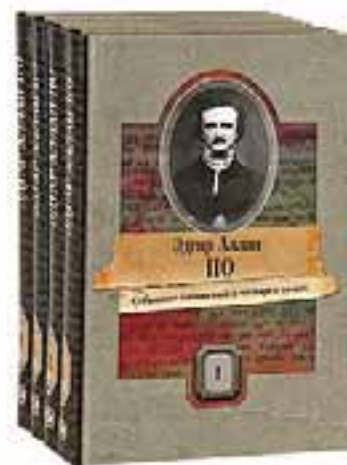

Экономичная альтернатива изданию от АСТ. В том включены только художественные произведения.

Эдгар Аллан По. Собрание сочинений в 4-х томах

Терра - Книжный клуб

Наиболее полное по составу издание из доступных в настоящий момент. Помимо художе-

ственных произведений (включая различные переводы стихотворений), в его состав вошли статьи и письма Эдгара По, философская поэма в прозе «Эврика», статьи о творчестве писателя и другие справочные материалы. Большая часть переводов принадлежит Константину Бальмонту.

Мэри Шелли «Франкенштейн»

Азбука-классика, серия Азбука-классика (pocket-book) [Frankenstein; or, The Modern Prometheus]

Первая книга начинающего автора, которому к тому же исполнилось лишь 19 лет, весьма редко становится достоянием национальной литературы и приобретает мировую известность. Однако судьба повести Мэри Шелли «Франкенштейн, или Сове-

менный Прометей» сложилась именно так. Написанная почти два века назад, она оставила глубокий след в европейской и американской литературе. Сегодня можно смело сказать, что «Франкенштейн» стоит у истоков жанра научной фантастики. Это, обладающее мрачной, но необыкновенно сильной энергетикой повествование об обученном, уникальное изобретение которого обернулось трагедией для него и окружающих, предвосхитило пессимистические мотивы ряда современных научно-фантастических произведений. Не случайно уже в XX веке к этому сюжету обращались многие писатели, а сама повесть была многократно экранизирована. Имя же самого Франкенштейна, человека, создавшего злую силу, с которой он не смог справиться, сделалось нарицательным.

Удивительно, но в России Борис Карлофф на обложках «Франкенштейна» почти не появлялся. Новое издание от «Азбуки» исправляет этот недостаток.

Роберт Льюис Стивенсон

«Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»

Азбука-классика, серия Азбука-классика (pocket-book)

Роберт Льюис Стивенсон — английский писатель, классик неоромантизма и автор приключенческих романов, вошел в историю литературы как тонкий стилист и мастер психологического портрета. «Остров сокровищ», «Черная стрела», «Клуб самоубийц», «Алмаз Раджи» и многие-многие другие произведения, вышедшие из-под пера Стивенсона, занимают прочное место среди шедевров мировой литературы. В настоящем издании вниманию читателей предлагаются широко известные и значимые для творчества самого писателя повести и рассказы: «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», «Дом на дюнах», «Окаянная Дженет», «Маркхейм», «Олалла» и «Похититель трупов».

Между делом — рекомендуем к просмотру экранизацию «Похитителя трупов», в которой блистательно сыграл все тот же Борис Карлофф.

Красная книга вампиров: Антология

Ленинградское издательство, серия Большая книга...

Для всех любителей мрачной романтики — уникальный сборник «вампирских» новелл от всемирно известных писателей.

Разверстые могилы, искаженная любовь и душевные коллизии... Алые губы хладнокровных красавиц превращают мужчин в рабов,

а цена любви — смерть. Они приходят в полночь и уходят с рассветом. Их главная жажда — сладострастный, кровавый и смертельный поцелуй.

Вампиры, вурдалаки, упыри — как только не называют эту нежить. Они оживают под пером великих писателей — Эдгара По, Брема Стокера, барона Олшери и Льюиса Стивенсона. Все они разные, и все они похожи. Они ненавидят солнечный свет и кровь для них — источник силы. Зеркала не отражают их ликов и у них нет собственной тени. Сердца их бьются, но они мертвы...

Большая книга оборотней: Антология

Ленинградское издательство, серия Большая книга...

Кто они, скрывающиеся под личиной зверя? Обреченные мяться в полнолуние, ведомые своими инстинктами. Они рядом, они живут среди нас, но ты никогда не узнаешь, кто станет их следующей жертвой...

Хотите узнать про оборотней больше? Великие мастера слова: Проспер Мериме, Роберт Стивенсон, Редьярд Киплинг, Роберт Говард и другие знаменитые авторы расскажут вам свои истории, поведают о своих встречах с этими странными и таинственными обитателями подлунного

мира. Их рассказы леденят кровь и тревожат воображение. В каждом из нас дремлет зверь. Обратни были и будут манить человека к себе, как бы опасно это ни было...

Составитель — Василий Владимировский. Эта и предыдущая антологии распространяются только через каталог «Мир книги».

Готический роман

Эксмо, серия Зарубежная классика

Всё как всегда: «Замок Отранто» Хораса Уолпола, «Монах» Льюиса и «Аббатство кошмаров» Пикока.

МАНГА / КОМИКСЫ

Суэхиро Маруо

«Приют влюбленного психопата»

Фабрика комиксов [Lunatic Lover's]

Неуравновешенный подросток, испытывающий неодолимую тягу к мертвецам и даже пишущий для них музыку... Труппа провинциальных актеров, преследуемая мстительным духом... Депотичный феодал, сошедший с ума от страха перед неуловимыми наемными убийцами... Недале-

кая женщина, заключившая сделку с дьяволом и в итоге лишившаяся самого дорогого в жизни...

Таковы сюжеты новелл, описывающих тонкие грани психического расстройства, проявляющегося в безвыходных ситуациях, в которые имеют обыкновение попадать герои знаменитого японского графика и писателя.

Стильный макабрический кошмар. Не для слабонервных.

Юске Ямада,
Кирихито Аямур

«Охота за пальцем»

Фабрика комиксов
[*Hunt for the Thumb*]

Япония. Наши дни. Детская игра. В заброшенном особняке нужно найти палец убитой здесь некогда девушки. Если найдешь, исполнится любое твоё желание.

Во время поисков к тебе могут подойти сзади и дважды хлопнуть по плечу. Но оборачиваться ни в коем случае нельзя!

Запомнил правила? Игра начинается!

Хидеши Хино
«Онинбо и адские личинки. Том 1»

Фабрика комиксов
[*Oninbo and the Bugs from Hell*]

Маленький демон Онинбо охотится на адских личинок, селящихся в душах людей и питающихся их страхами. Поедая личинок, Онинбо помогает людям исцелиться от душевных ран. Однако несмотря на свою милую внешность и полезность для общества, маленький психотерапевт остается демоном — и не дай Бог кому-нибудь встать у него на пути!

Поверьте, этот толстячок далеко не всегда так мил, как обложке. Сказанное касается и его создателя Хидеши Хино, жутковатые фантазии которого начали проникать на российскую землю стараниями издательства «Фабрика комиксов».

Токио Колен
«Темное метро. Книги 1—2»

Эксмо, серия Проект Манга. Темное метро
[*Dark Metro*]

Там может подстерегать опасность кого угодно — будь то счастливая семейная пара или влюбленная девушка. Там живут создания, с которыми никто не желает встретиться. Там соединяются наш мир и царство мертвых. И, перейдя границу, вернуться обратно возможно только в одном случае: если таинственный проводник душ по имени Сейя заметит ваше пламя жизни...

Джонг Хан Ким
«Воспоминания маски. Тома 1—2»

Фабрика комиксов
[*Memory of Mask*]

Старшеклассница Ин Хе видит до жути реалистичные сны, в которых маньяк с особой жестокостью убивает ее одноклассниц. Но не только сны заставляют девушку трепетать от страха —

она узнает, что приснившиеся ей преступления были совершенны в действительности. Пытаясь положить конец этому ужасу, Ин Хе вместе со своим новым другом Санг Хеном пускается по сле-

ду преступника. Удастся ли молодым людям поймать маньяка или преуспеть там, где оказалась бессильна полиция? И не станет ли встреча с убийцей роковой для юных сыщиков?..

Кирихито Аямур & GONZO
«Красный сад. Книга 1»

Эксмо
[*Memory of Mask*]

Четыре девочки из нью-йоркской школы. Днем они учатся, ночью пытаются не погибнуть в когтях оборотней... А все нача-

лось с того, что их подруга однажды пропала и они пробрались в запретный дом в надежде отыскать ее. С тех пор они живут только для того, чтобы истреблять нечисть.

адепты Завета зорко всматриваются в приметы времени, опасаясь возвращения бессмертных слуг Темного Властелина. В мире действительно происходят события, о причинах которых стоит задуматься. Новый шрайя, церковный глава, созывает, к примеру, всех правоверных на Священную войну против язычников...

Мощная трилогия «Князь пустоты», набросанная густыми темными красками, наконец-то полностью издана на русском языке. Один из немногих реальных конкурентов Джорджа Мартина с его огненными ледышками.

Роберт Ч. Уилсон
«Спин»

АСТ, Астрель-СПб, серия Сны разума [Spin]

Однажды поздним октябрьским вечером двенадцатилетний Тайлер вышел во двор и посмотрел на небо. Как будто дожидаясь этого, звезды вдруг все разом ярко вспыхнули и погасли. Их поглотила тьма. Тайлер и его друзья, Джейсон и Диана, стали свидетелями явления, которое получило название «Спин» и определило течение их жизни.

Мир изменился. Солнце практически прекратило свое существование, хотя продолжало посылать Земле тепло. Луна исчезла — но приливы по-прежнему чередовались с отливами. Искусственные спутники буквально посыпались с неба, и по их уцелевшим фрагментам можно было подумать, что пробыли они на орбите во много раз дольше, чем в действительности.

Когда Тайлер, Джейсон и Диана выросли, зондаж околоземного космического пространства обнаружил чудовищную истину: вокруг Земли создан барьер гигантскими объектами неизвестного происхождения. За барьером время ускорило бег, за один земной год там пролетает сотня миллионов лет. Этот темп предвещает смерть Солнца всего лишь через четыре земных десятилетия...

С жанром ужасов у романа Уилсона самые шапочные отношения, но устоять перед рекомендацией, вынесенной на обложку (как и перед теплыми отзывами англоязычных и российских пожирателей незаурядной фантастики), попросту не-

возможно. Приятного путешествия на умирающую Землю!

Барб и Дж. С. Хенди
«Дампир. Мятёжный дух»

Азбука-классика, серия Дампир [Rebel Fay]

Новый роман-продолжение знаменитой вампирской саги! Впервые на русском языке! Дампир Магьер, эльф-полукровка Лисил, книжница Винн и их дух-хранитель в облике серебристого пса, с риском для жизни вступают в Край Эльфов, где Лисил надеется найти свою мать, плененную сородичами и приговоренную к бессрочному заключению за предательство. Эльфийский лес едва терпит чужаков, а некоторые его обитатели вообще не склонны сносить столь оскорбительное вторжение. Однако есть и те, кто поможет путникам преодолеть все преграды и достичь желанной цели.

Но Магьер мучают тяжелые видения будущего, в котором она во главе бесчисленных вампирских орд пройдет по этой земле, истребляя все живое...

Вопрос на засыпку: долго ли протянула бы на диких фэнтезийных пустошах фройляйн Магьер, если бы ее угораздило надеть перед боем платье, в котором она (с легкой руки все той же Стефани Гитлер... пардон, Майер) щеголяет на обложке? В слу-

ТЁМНОЕ ФЭНТЕЗИ И ФАНТАСТИКА

Р. Скотт Бэккер
«Слуги Темного Властелина. Воин кровавых времен. Падение Святого горожа»

Эксмо, Домино, серия Черная Fantasy [The Prince of Nothing]

Две тысячи лет прошло с тех пор, как явившийся в мир темный Не-бог едва не поверг его в прах. Миновали века, древние ужасы давно позабыты — и только

чае отрицательного ответа осмелимся поставить ваше право читать этот обзор под сомнение.

Пятый роман цикла «Дампир», впервые на русском.

Татьяна Лайка
«Темный»

Северо-Запад Пресс, АСТ, ВКТ, серия Слуги судьбы

Я — темный вампир. Мое имя — Мейрон. На темном языке «Магон» — название маленького белого цветочка. Этот цветок растет высоко в горах исключительно на гладкой поверхности камней, а еще одна особенность заключается в применении этой травки — букетик из таких цветков кладут... в руки покойникам, когда похоронить тело умершего нет возможности. Мою молодость испортили самым отвратительным способом, в нее нагло вторглись, не оставив мне выбора, и заставили взрослеть. А сейчас я благодарю Судьбу за то, что она распорядилась именно так...

Александр Романовский
«Монолиты готики»

Ленинградское издательство

Столетиями вампирские Клансы управляют человечеством, дергают незримые нити. В их распоряжении несметные сокровища, орды последователей, тайные знания. Колесо истории совер-

шает поворот, и однажды привычный ход событий необратимо нарушается.

Заклятый древний враг, упоминания о котором сохранились лишь в фольклоре, наносит сокрушительный удар. Похищена реликвия Кланов, таящая в себе невероятную мощь, но способная творить исключительно Зло. Такого переполоха вампиры не знали со времен Конкисты.

Вампир Леонард, аристократ и повеса, ставший поневоле сыщиком, обязан отыскать реликвию — похищенный Череп Гозалдуса. В ходе поисков он преодолевает массу препятствий, рискует жизнью, но узнать страшную правду удастся лишь тогда, когда шорох чешуи, покрывающей огромное тело, приближается во тьме, — ближе и ближе...

NON-FICTION

Жан Делюмо, Джеймс Джордж Фрезер
«Идентификация ужаса»

Алгоритм, серия Философский бестселлер

Большинство людей на вопрос о том, чего они больше всего боятся, отвечают: «Я ничего не боюсь». Такой ответ не со-

ответствует действительно, поскольку каждый из людей в то или иное время испытывает какой-нибудь страх. Одни из самых навязчивых страхов — страхи перед иррациональными и потусторонними силами. Ж.Делюмо и Д.Фрезер в своих работах анализируют именно такие страхи, характерные для всей истории человечества.

Ужас перед призраками, живыми мертвецами, ведьмами и колдунами, дьяволом и демонами долгое время господствовал в обществе, продолжает он жить и сейчас. Ж.Делюмо и Д.Фрезер с разных точек зрения показывают эволюцию этого ужаса, делают попытку идентифицировать его, а также выяснить причины его необыкновенной устойчивости.

Когда философы, далекие от всего земного люди, пытаются анализировать эмоции, выходит по меньшей мере забавно. Этот небольшой сборник поможет вам взглянуть на привычные явления под непривычным — хоть и не обязательно верным — углом.

Дэвид Линч
«Интервью: Беседы с К. Родли»

Азбука-классика, серия Арт-хаус

Дэвид Линч из редкой (особенно для американского кино) поро-

ды режиссеров — чистых визионеров. Он создает альтернативные миры, которые оказываются реальнее, чем сама реальность. Многие воспринимают его фильмы, как мистические загадки. Но когда у Линча спрашивают, какой смысл он вкладывал в тот или иной эпизод, в ту или иную картину, режиссер отвечает: кинообразы нельзя пересказать словами, само кино — это и есть наиболее адекватный язык для снов и фантазмов. Его полнометражный дебют «Голова-ластик» — снисмавшийся пять лет на чистом энтузиазме и в одночасье поменявший правила игры в американском независимом кинематографе — уже в полной мере демонстрирует неповторимый линчевский стиль. Далее последовали викторианская драма «Человек-слон», послужившая провозвестником жанра стимпанк и номинированная на восемь «Оскаров», крупнобюджетная экранизация фантастической эпопеи Фрэнка Герберта «Дюна», сюрреалистические триллеры «Синий бархат» и «Дикие сердцем» («Золотая пальмовая ветвь» Каннского кинофестиваля), культовый телесериал «Твин-Пикс», обманчиво незамысловатая «Простая история», головоломные «Шоссе в никуда», «Малхолланд-драйв» (Каннский приз за лучшую режиссуру) и «Внутренняя империя»... В цикле бесед, предлагаемом вашему вниманию, Линч рассказывает не только обо всех своих кинопроектах, но также о заняти-

ях живописью, фотографией и музыкой, о съемках рекламных роликов для Майкла Джексона и Джордано Армани, о своем комиксе «Самая злая собака в мире».

Комментарии оставим тем, кому без них невмоготу.

**Андрей Шарый,
Владимир Ведрашко**
**«Знак D: Дракула
в книгах и на
экране»**

Новое литературное обозрение,
серия Кумиры нашего детства

Герой романа ирландского писателя Брэма Стокера, персонаж десятков книг и сотен кинофильмов, он уже больше века притягивает к себе внимание миллионов читателей и зрителей. Образ Дракулы вообрал в себя древние суеверия разных народов, традиции различных литературных школ, талант и опыт множества писателей, художников, режиссеров. На экране вампирами становились знаменитые актеры нескольких эпох: Бела Лугоши, Кристофер Ли, Гэри Олдман, Брэд Питт, Том Круз, Антонио Бандерас.

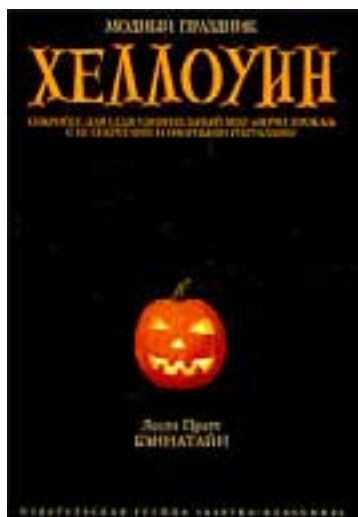
У вас в руках первое полное русскоязычное исследование о вампире Дракуле, валахском воеводе Владе Цепеше и готической культуре. Эта работа продолжает проект издательства НЛО и журналиста Андрея Шарого «Кумиры нашего детства», начатый книга-

ми «Знак 007: На секретной службе Ее Величества», «Знак F: Фантомас в книгах и на экране», «Знак W: Вождь краснокожих в книгах и на экране» и «Знак Z: Зорро в книгах и на экране».

250 страниц вдумчивого, обстоятельного анализа.

Лесли Пратт Бэннатин
«Хеллоуин»

Азбука-классика, серия
Модный праздник

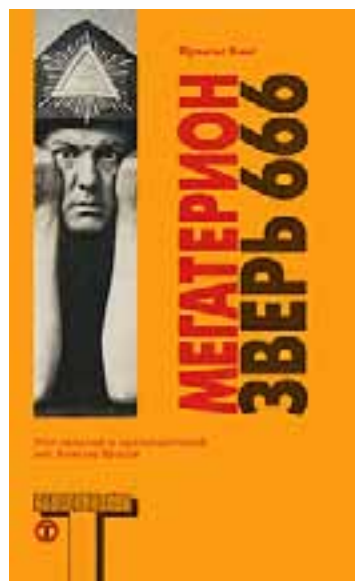

Из книги известной американской писательницы Лесли Пратт Бэннатин «Хеллоуин» вы узнаете увлекательную историю праздника (начиная от ритуалов древних кельтов и заканчивая костюмированным шествием в Нью-Йорке в наши дни) и то, каким именно образом отмечают Хеллоуин на его американской родине: о зрелищных парадах, аттракционах ужасов, музеях, устраивающих в конце октября — начале ноября незабываемые перформансы, тыквенных фестивалях и состязаниях, о «домах с привидениями», «охоте на призраков» и пр. Вы познакомитесь с тем, как вырезать фонарь из тыквы, какие блюда приготовить на Хеллоуин, как смастерить костюм на вечеринку за полчаса и украсить дом в готическом стиле. Книга интересна и путешественникам: автор дает подробное описание многих мероприятий, проводимых на Хеллоуин в различных штатах Америки. Издание иллюстрировано. Цветная наклейка посвящена праздни-

ванию «ночи проказ» как за рубежом, так и в России.

Френсис Кинг
«Мегатерион»

АСТ, Адаптек Пресс, серия Альтернатива
[Megatherion]

Книга о жизни и деятельности мага-сатаниста Алистера Кроули, его магических практиках, о людях, с ним связанных. Описание оккультных обрядов, нередко сексуального характера. Алистер Кроули являлся иконой «поколения любви» 1960-х.

Но Кроули не был ни типичным сексуальным маньяком, ни ординарным черным магом. Он был средоточием того, что сам определил словом *Magick* — системы оккультных взглядов и практик, представленных в таких классических текстах, как «Книга о законе» и «Магия в теории и практике». Видение Кроули сочетало в себе ясность, интеллектуальную мощь и странную, порой пугающую красоту.

С. Ф. Панкин
**«Вампиры и
оборотни»**

Эксмо, серия Жители сумерек

Эта книга расскажет вам о различных представлениях о вампиризме и оборотничестве с момента их появления и до настоящего времени. В ней изложе-

ны мифы и факты о вампирах и оборотнях в истории, мифологии, психологии, литературе, кино и даже в компьютерных играх. Повествование сопровождается захватывающими историями о вампирах и оборотнях разных стран и эпох.

Отвратительная обложка встретила с приличным содержанием.

Боб Каррен
«Вампиры»

Эксмо, серия Жители сумерек
[Vampires: A Field Guide to the
Creatures that Stalk the Night]

Боб Каррен — автор многих книг, известный на Западе исследователь вампиров и других загадочных и интригующих обитателей сумерек. В его книге «Вампиры» собраны легенды, мифы и даже исторические сведения о вампирах разных стран мира.

Привычки и особенности множества разновидностей вампи-

ров, их внешний вид и отличительные признаки, а также способы защиты от них и множество интересных сведений из их «жизни» — ни в одной другой книге вы не найдете столь полного описания вампиров всего мира, изложенного простым и увлекательным языком.

Эта книга — настоящая энциклопедия вампиров!

Любопытно, на какой подвиг пришлось бы пойти верстальщикам, чтобы уместить ЭНЦИКЛОПЕДИЮ в 288 страниц скромного формата...

ентированной на детскую и подростковую аудиторию. Его называют Стивенем Кингом детской литературы.

В этой книге собраны произведения автора, написанные им в разное время. «Исчезнуть навсегда», «Бойфренд», «Смертельный загар» и «Бумеранг» — четыре злоещие истории, в которых сполна таинственных исчезновений, роковых случайностей, мести и любви. В этом параллельном мире мертвые не желают оставаться в могилах, а живые служат лишь жалкой приманкой для воплощения страшной темной Силы в реальность.

Эта книга будет интересна не только читателям школьного возраста, но и всем тем, кто, став взрослым, не разучился верить в таинственное и по-прежнему боится темноты...

В том же оформлении:

Р. Л. Стайн
«Летняя вечеринка. Расстроенное свидание. Богатая девочка. Клуб ужасов»

Р. Л. Стайн
«Разбитые сердца. Двойное свидание. Сводные сестры-2. Предательство»

Даррен Шэн
«История одного вампира»

Росмэн-Пресс, серия Saga о Даррене Шэне [Cirque Du Freak + The Vampire's Assistant + Tunnels of Blood] «Saga о Даррене Шэне» — мировой бестселлер!

Данное издание приурочено к выходу в прокат фильма «История одного вампира». Это экранизация первых трех частей «Саги о Даррене Шэне»: «Цирк уродов», «Помощник вампира» и «Туннели крови».

Даррен Шэн был обычным школьником. Пока однажды не попал в цирк уродов... Пока не встретил мадам Окту... Пока не столкнулся лицом к лицу с призраком ночи...

Вскоре Даррен и его друг Стив оказываются в смертельной ловушке. Даррен заключает сделку с существом, которое может спасти Стива. Правда, сделка эта замешана на крови...

КОШМАРЫ – ДЕТАМ

Р. Л. Стайн
«Исчезнуть навсегда. Бойфренд. Смертельный загар. Бумеранг»

ACT, Астрель, Харвест
[Missing. Sun bum. Wrong number 2. The Boyfriend]

Роберт Лоуренс Стайн — известный американский писатель, автор «литературы ужасов», ори-

Комната Смерти

www.komnatasmerti.info

— реинкарнация одного из старейших сайтов Рунета, посвященных ужасам. Рецензии на книги, фильмы, игры, интервью и статьи.

ПЕРЕИЗДАНИЯ И ДОПЕЧАТКИ

Дэн Симмонс
«Песнь Кали»

Дебютный (и одновременно один из лучших) роман мастера, который без зазрения совести **рекомендуем**. Под обложкой вы также найдете куда менее удачные «Костры Эдема».

Жан-Кристоф Гранже
«Присягнувшие Тьме»

Новый вариант серии «Лекарство от скуки». А вот **«Пурпурные реки»** и **«Империия волков»** будут переизданы уже в «Экранизированном бестселлере» Азбуки-классики.

Александр Варго
«Кукла»

Александр Варго
«Дом в овраге»

Переиздание в мягкой обложке.

Нил Гейман
«Американские боги», «Хрупкие вещи»

Переиздание в новой серии с очень приятным оформлением (мягкая обложка, формат под «Метро 2033»). Перевод **«Американских богов»** выполнен **заново** (настоящим мастером — **Вадимом Михайлиным**) и снабжен подробными комментариями. Та же приятная участь постигла и «Задверье», которое щеголяет не только новым переводом, но и близким к оригиналу названием — **«Никогде»**.

Дин Кунц
«При свете луны», «Молния», «Странный Томас», «Краем глаза», «Слезы дракона», «Брат Томас», «Незнакомцы»

Переиздания в новой персональной серии Кунца (мягкая обложка, увеличенный формат). Также в этой серии вышла книга **«Франкенштейн: мертвый и живой»**

Александр Щёголев
«Палата пыток»

Под таким названием в серии «Доктор смерть. Криминал в белом халате» переиздан превосходный роман «Как закалялась жесь». **Рекомендуем**.

Питер Джеймс
«Пророчество», «Антихрист», «Алхимик», «Зона теней», «За сумеречным порогом», «Искушение»

Переиздание в мягкой обложке.

Джон Фаулз
«Волхв»

Переиздание романа, который многие считают шедевром Фаулза, в одной из самых успешных серий современной зарубежной прозы — «Интеллектуальном бестселлере» (Эксмо).

Рэй Брэдбери
«Кладбище для безумцев: Еще одна повесть о двух городах»

Переиздание в новой персональной серии.

ПЕРЕИЗДАНИЯ И ДОПЕЧАТКИ

Джинн Калогридис
«Договор с вампиром»

Переиздание в серии «Книга-загадка Книга-бестселлер»

Зотов
«Элемент крови»

Переиздание в мягкой обложке (под «Метро 2033»).

Джордж Мартин
«Игра престолов. Битва королей»

Переиздание первых двух романов лучшей фэнтезийной саги последних десятилетий в одном циклопическом томе (1152 страницы).

«Гость Дракулы и другие истории о вампирах»

Лорел Гамильтон
«Арлекин»

Шарлин Харрис
«Окончательно мертв»

«Потерянная комната и другие истории о привидениях»

Лорел Гамильтон
«Запретный плод»

Шарлин Харрис
«Сплошь мертвецы»

Переиздание шестого и седьмого романов о Сьюки Стэкхаус в новой серии «Вампирские тайны» (стандартный формат, интегральный переплет).

«Глаза мертвецов. Антология ирландских рассказов о призраках»

Допечатки

Лорел Гамильтон
«Поцелуй теней»

Переиздание в новой серии под «Сумерки».

Барб и Дж. С. Хенди
«Дампир. Дитя Ночи»

Переиздание первого романа (одновременно с пятым, см. выше) в новом оформлении

Издательские планы

АЗБУКА

Серия «Лучшее»

Январь-февраль — «Мистика» («Dark Detectives: Adventures of the Supernatural Sleuths»)

Антология Стивена Джонса о детективах по паранормальным делам. Авторы: Ким Ньюмен, Питер Тримейн, Уильям Хоуп Ходжсон, Бэзил Копер, Мэнли Уэйд Уэллман, Брайан Ламли, Клайв Баркер, Рональд Четвинд-Хейс и другие. Большая часть рассказов публикуется на русском языке впервые.

В планах — Антологии Стивена Джонса: «Зомби» («The Mammoth Book of Zombies»), «Дракула» («The Mammoth Book of Dracula»), «Франкенштейн» («The Mammoth Book of Frankenstein»)

Антологии других составителей: «Дома с привидениями»

(«The Mammoth Book of Haunted House Stories»), «После катастрофы» («The Mammoth Book of Apocalyptic SF»), «Вампирская любовь» («The Mammoth Book of Vampire Romance»), «Паранормальная любовь» («The Mammoth Book of Paranormal Romance»), **антологии жесткой эротики.**

Серия «Лучшие ужасы»

В планах — антологии Стивена Джонса «Best New Horror»

Антологии решено издавать, начиная с самого первого тома (1990 г.). На русском языке под названием «Ужасы» выходил 17-й выпуск.

Серия «Лучшее из лучшего»

В планах — юбилейная антология Стивена Джонса «The Very Best of

Best New Horror»

Об этой антологии сам прославленный редактор рассказал нам в предыдущем выпуске. Она будет выпущена в виде дорогого подарочного издания.

Серия «Экранизированный бестселлер»

Январь — Роберт Говард «Соломон Кейн»

Подборка канонических рассказов о Кейне в переводах Ильи Рошала.

Январь — Кормак Маккарти «Дорога»

Великолепный постапокалипсис от живого классика литературы.

Серия «Азбука-классика» (pocket book)

Январь — Александр Амфитеатров «Дьявол в быту, легенде и в литературе Средних веков»

Своеобразная мини-энциклопедия демонологии, созданная одним из представителей Серебряного века. Давно не переиздавалась.

Серия «Охотник на вампиров»

Январь-февраль — Хидеюки Кикучи «Ди, охотник на вампиров. Вызывающий бурю»

Второй роман о Ди.

Вне серий / Серия пока неизвестна

В переводе — Сьюзан Маклеод «Сладкий запах крови»

Первая книга очередного сериала в жанре городского фэнтези угадывайте о ком.

АСТ

Серия «Science Fiction (ЗБФ-2)»

Готовится к печати —
Скотт Зиглер
 «Инфицированные»

Хоррор про эпидемию насилия, вызванную разумными инопланетными спорами. Серия может измениться.

Серия «Собрание сочинений Стивена Кинга»

Перевод дан в издательство —
Стивен Кинг
 «Сразу после заката»

Новый сборник рассказов, уже успевший удостоиться премии Брэма Стокера. Перевод Школы Владимира Баканова. На странице 86 читайте большую рецензию.

Серия «Файлы Дрездена (NEW)»

Готовится к печати —
Джим Батчер
 «Маленькое одолжение»

10-я книга о Гарри Дрездене.

Серия «Холод страха» (новый дизайн!)

Готовится к печати —
Келли Армстронг
 «Похищенная»

Второй роман в цикле «Женщины иного мира». Рассказчица — Елена Майклс, оборотень.

Готовится к печати —
Дин Джеймс «Смерть в декоре»

3-й роман о вампире-писателе-детективе-гее Саймоне Керби-Джонсе. Первые два выходили в этой же серии.

Готовится к печати —
Леопольдо Гаут
 «Призрак FM»

Великолепный дебют мексиканского автора, живущего в США. Высшие рекомендации. Главное сейчас — дождаться книги.

Вне серии / Серия пока неизвестна

Готовится к печати —
Лорел Гамильтон
 «Дуновение холода»

Очередной роман о Мередит Джентри.

Готовится к печати —
Сьюзен Коллинс
 «Голодные игры».

Антиутопия на стыке «Долгой прогулки» Кинга, его же «Бегущего человека» и кровавой «Королевской битвы».

Готовится к печати —
Дейкр Стокер, Изн Холт
 «Дракула: не-мертвый».

Официальное продолжение «Дракулы», написанное одним из потомков Стокера в соавторстве с профессиональным историком. Роман частично основан

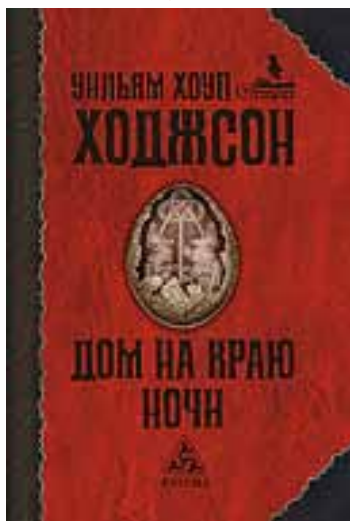
на сюжетных линиях, намеренных Брэмом Стокером, но не вошедших в окончательный вариант книги. Название может поменяться.

ВЕЧЕ

Серия «Мастера мистической прозы» (NEW)

Январь-февраль —
Уильям Хоуп Ходжсон
 «Дом в Порубежье»

Лучший и наиболее известный роман культового классика. В переводе от «Энигмы», обложку которого мы здесь приводим, название будет звучать как «Дом на краю ночи».

Январь-февраль —
Чарльз Уильямс «Место льва. Тень вознесения»

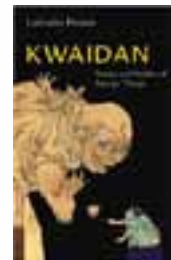
Оба романа — впервые на русском.

В серии будут представлены лучшие произведения классиков мистико-фантастической литературы XIX — начала XX веков. Многие из них знакомы русскоязычным читателям только по отзывам Лавкрафта в эссе «Сверхъестественный ужас в литературе». В обозримом будущем нас также ожидают:

Чарльз Уильямс
 «Война в небесах»
 «Иные миры»
 «Старшие арканы»
 «Канун Дня Всех Святых»

Монтегю Родс Джеймс
 «Записки антиквара»

Шеридан Ле Фаню
 «Зловещий гость»

Лафкадио Хирн
 «Квайдан»

Кроме того, предположительно выйдут тома Роберта Чемберса, Фрэнсиса Кроуфорда («Пражская ведьма» и рассказы), Эдит Несбит («Жуткие повести»), Эндрю Лэнга, Брэма Стокера, Ле Кё, Эрнста Брама («Золотые часы Кай

Лана», «Бумажник Кай Лана»), Лорда Дансени. Есть и более расширенный список возможных изданий, в который, например, входят сборники «Сделка с дьяволом» и «Классический ужас», а также книги разных авторов, но всё это многообразие зависит от того, как будет серия принята читателями. Ее успех в ваших руках!

ФАБРИКА КОМИКСОВ

В печати —
Хидеши Хино —
«Мандала, принцесса ада» и «Мальчик-личинка»

Комиксы ужасов. Также куплены права на четвертое наименование этого автора (помимо названных и «Онинбо»).

Май —
Чарльз Бернс
«Черная дыра»

Культовый графический роман ужасов, который подрядился экранизировать сам Дэвид Фин-

чер. По сюжету группа подростков из Сиэттла заражает друг друга вирусом, меняющим их внешность и личность. Стиль Бернса может быть знаком некоторым российским зрителям по французскому анимационному проекту «**Страх[и] темноты**» (Бернс снял историю про жука).

ЭКСМО

Серия «*Серия MYST. Черная книга 18+*»

ВЫШЛА —
Алексей Атеев
«Дно разума»

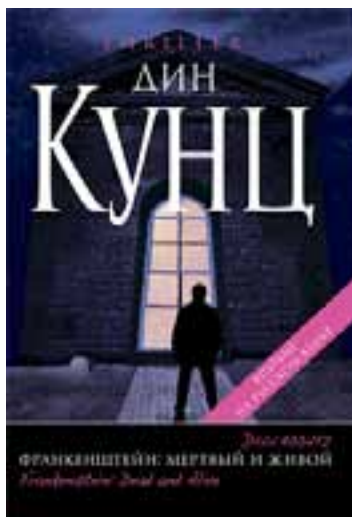

Новый роман.

Январь —
Алексей Атеев
«Холодный человек»

Серия «*Thriller*»

ВЫШЛА —
Дин Кунц
«Франкенштейн: мертвый и живой»

Третий роман из цикла о Франкенштейне.

Январь —
Дин Кунц «Голос ночи»

Переиздание в новой серии.

Серия «*Vampires. Легенды о бессмертных (NEW!)*»

ВЫШЛА —
Таня Хафф
«Проклятие крови»

Переиздание третьего романа из цикла о детективе Виктории Нельсон.

Январь —
С. П. Сомтоу
«Дитя крови»

Заключительный роман трилогии о Тимми Валентайн, в АСТ выходил под оригинальным названием «Суета сует».

Серия «*Библиотека всемирной литературы*»

Январь —
Антология «Английская повесть о вампирах»

Серия «*Жители сумерек*»

Январь —
Боб Каррен «Зомби»

Вы не поверите, но художникам «Эксмо» удалось невозможное: на обложке этой книги вы увидите гламурного зомби!

Серия «*Книга-загадка, книга-мистика*»

Январь —
Энн Бенсон «Дневник черной смерти»

Биотриллер о чуме в прошлом и будущем человечества.

Январь —
Клайв Баркер «Галили»

Переиздание в новой серии.

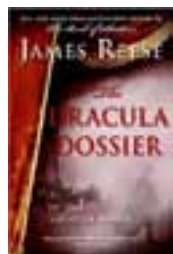
Будут скоро изданы —
Джеймс Герберт
«В плену у призраков»,
«Возвращение призраков».

Серия «*Отцы-основатели*»

Готовится **полное собрание сочинений Филипа К. Дика (включая рассказы)**, безумного гения мировой фантастики, некоторые произведения которого вошли и в золотой фонд хоррора. Первые два тома готовы, ориентировочно выйдут в ближайше полгода.

Серия «Проект
"Бестселлер"»

Январь —
Джеймс Риз
«Досье Дракулы»

Брэм Стокер и компания против Джека Потрошителя. Автор известен у нас по романам «Книга теней» и «Книга духов».

Серия «Шедевры
фантастики»

2010 —
Фриц Лейбер.
Сборник рассказов

Лейбер, ученик Лавкрафта, умудрился стать классиком всех основных жанров — и в первую очередь литературы ужасов.

2010 —
Ричард Матесон.
Гигантский сборник рассказов

Рассказы классика литературы ужасов и научной фантастики. 80% не переводились.

2010 —
Филип Дик.
Два сборника лучших романов

«Ранний» и «поздний» Дик.

Вне серии / Серия пока неизвестна

Начало 2010 —
Говард Ф. Лавкрафт.
Трехтомное собрание сочинений

Выйдет в новом переводе.

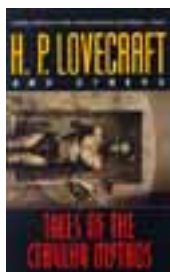
Начало 2010 —
«Ктулху 2000»

Антология продолжателей Лавкрафта — с блестящим авторским составом.

Начало 2010 —
Дэн Симмонс «Друд»

Викторианский мистико-психологический триллер, раскрывающий темные стороны жизни Чарльза Диккенса.

В переводе —
Антология Августа Дерлета
«Tales of the Cthulhu Mythos»

Другие проекты и слухи

Куплены права на ранние произведения Роберта Маккаммона. Порядок выхода и серия пока неизвестны.

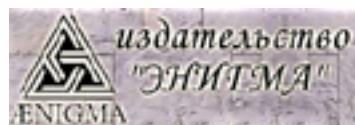
Куплены права на романы Джона Коннолли («Все мертвые обретут покой», «Темная Лощина» и т. д.). Переводы, которые выходили ранее в издательстве «Мир книги», будут очень серьезно переделаны и изменены.

Готовится к изданию мрачный и столь же знаменитый графический роман Нила Геймана «Песочный человек».

Абстрактно планируются книги Харлана Эллисона, классика мрачноватой научной фантастики «не для всех», высоко ценимого Стивеном Кингом.

Судьба подготовленных книг Питера Страуба и Чайны Мьевиля пока неизвестна.

ЭНИГМА

Серия «Гримуар»

Начало 2010 —
Уильям Хоуп Ходжсон
«Дом на краю ночи»

В первый том собрания сочинений войдут три романа — «Путешествие шлюпок с "Глен Карриг"», «Пираты-призраки» и знаменитый «Дом на краю». «Ночной земле» (в полном переводе, не имеющем ничего общего с версией от «Вече») и рассказам придется подождать.

2010 —
Говард Филлипс Лавкрафт
«Некрономикон»

Избранные произведения — в новых переводах Нины Бавиной и с ее комментариями, — а также несколько статей о Лавкрафте.

2010 (?) —
Густав Майринк,
четвертый и пятый тома собрания сочинений

Состав четвертого: романы «Вальпургиева ночь» и «Белый доминиканец», не переведенные рассказы и статьи.

2010 (?) —
Элджернон Блэквуд
«Кентавр»

Во второй том собрания сочинений войдут поздние рассказы и повести Блэквуда, в том числе не переведенные.

Прочие планы

Собрание сочинений Ганса Гейнца Эверса в нескольких томах, в том числе ранее не переведенные произведения.

Второй том собрания сочинений Брэма Стокера.

«Собор» Жориса Карла Гюисманса.

Возможно также издание книг Клода Сеньоля, Жана Рэя, Жерара де Нерваля и других.

Источники: официальные сайты издательств, форум Торгового Дома Книги «Москва», Лаборатория Фантастики, Школа перевода Владимира Баканова, свои люди в нужных местах :-)

Другая перспектива бытия

Лики неанглоязычного жанра ужасов в литературе

Похоже, мы заплыли в другую перспективу бытия.
Вы сейчас поймёте, что я хочу сказать, так как смыслите в математике.
Наш обычный трёхмерный мир потерян для нас,
а этот я могу определить как мир энного измерения.
Неубедительно, отвлечённо, скажете вы.
А что ещё придумаешь?

Жан Рэ. «Майенская псалтирь»

Нриступая к статье, я чувствую некоторую растерянность относительно её предмета, о котором известно так много — и так мало. С одной стороны, литература, хоть приблизительно относимая к жанру ужасов на разных языках, по сравнению с англоязычной составляет пока что не такую уж большую массу и обладает меньшей известностью. С другой стороны, она, по сравнению со своей популярной родственницей, зачастую настолько оригинальна, что иногда возникает сомнение: «Да ужасы ли это?» Англоязычный хоррор, ведущий свою родословную от готического романа, представляет собой некую возделываемую на протяжении двухсот с лишним лет территорию, где проложены дорожки, расставлены указатели, растительность — пусть даже чрезвычайно мрачная на вид и,

местами, плотоядная — подстрижена в требуемой внутренним распорядком форме. Мы примерно представляем себе, в каком ракурсе представит нам англоамериканский хоррор вампира, оборотня, инопланетное существо... Что касается ужасов европейских, латиноамериканских и азиатских, в них заметен большой разброс представлений, не подчиняющихся этим указателям. Это скорее не обнесённый оградой сад, а дикорастущие всходы, пробивающиеся там, где им заблагорассудится. От англоязычной литературы ужасов неанглоязычная отличается не только изобразительными средствами, базирующимися на национальном понимании страшного (яркий пример — японский хоррор), но и системой ценностей, порой резко отличающейся от обычного протестантско-христианского набора.

В данной статье я, конечно, не смогу охватить весь спектр разновидностей неанглоязычного ужаса. Скорее, моя цель — представить читателю образы литератур ужасов разных народов, с указанием отдельных заслуживающих внимания авторов.

ГЕРМАНИЯ

Германия — родина романтизма, давшего миру интерес к сильным бурным страстям, ко всему необычному. В сущности, Англия с её готическим романом, порождённым предромантиками, и Германия, с её интересом к зловещему фольклору, могут посостязаться за звание страны, определившей эстетику современного жанра ужасов. Сказки братьев Гримм, хотя и лишены авторского начала, содержат достаточное количество кошмарных элементов, чтобы считаться хотя бы предшественницами ужасов. Некоторые из их образов по частоте упоминаний впрямую вошли в золотой фонд хоррора: чего стоят хотя Гензель и Гретель, едва не съеденные ведьмой из пряничного домика!

На базе романтизма и фольклора явился причудливый и блистательный **Эрнст Теодор Амадей Гофман** (1776—1822), закрепив в немецкой фантастике отлич-

тельную черту романтического восприятия: двоемирие. В соответствии с романтической схемой, мир сверхъестественного противопоставляется миру обыденному, заурядному, бюргерскому. Причём привлекательным выглядит именно фантастический мир! В нём много страшного, но много и чудесного. И если чудеса вносят разлад в обыкновенную жизнь, тем хуже для неё! «Хороший человек, но плохой музыкант», — вот поистине уничижающая характеристика для людей, чуждых восприятию гармонии волшебства.

Эта схема в целом не слишком совпадает с магистральным течением жанра ужасов, разрешающим конфликт «обыденное — сверхъестественное» всё-таки в пользу обыденного, поскольку сверхъестественное представляет собой эманацию зла и тьмы. К счастью для читателя, Гофман частенько шёл на уступки обыкновенному человеку в его столкновении с непознанным ужасом. Поэтому, наряду с остроумным «Золотым горшком» и сказочным «Щелкунчиком», он оставил нам такие классически-страшные произведения, как «Майорат» (где вот уже который век призрак замученного предка царапает стену, восклицая: «Даниель, Даниель! Что делаешь ты здесь в этот поздний час?») и «Мадемуазель де Скюдери»

— классическая история о маньяке, если не первая, то одна из первых такого рода в европейской литературе. Что касается «Песочного человека», то обольстительница, оказавшаяся искусственным чело- векоподобным механизмом — по-современному выражаясь, андроидом — стала прототипом многих персонажей не только ужасов, но и научной фантастики.

Тема двоемирия своеобразно преломилась в немецких историях о привидениях. Это целый пласт рассказов, написанных с XVIII по XX вв., лишь малая часть которых переведена на русский язык. Начало нашему знакомству с этой гранью немецкой литературы положили стихотворные баллады Бюргера, самая знаменитая из которых — «Ленора» — была дважды интерпретирована Жуковским: как «Светлана» и как «Людмила». Среди прозаиков, отдавших дань миру литературных призраков, можно отметить Карла Штробля, Теодора Шторма, Герберта Барбера, Пауля Хейзе — послед-

ний, между прочим, стал лауреатом Нобелевской премии 1910 г. Плодовитый писатель Иоганн Аугуст Апель (1771—1816) создал даже увесистую «Книгу привидений!» Отдельные рассказы упомянутых авторов вошли в сборники «Роковая монахиня» (Минск, 1992 г.) и «Мёртвый гость» (Москва, 1992 г.). Как правило, сверхъестественные явления оказываются губительны для тех, кто стал их свидетелем и невольной жертвой (К. Штробль, «Роковая монахиня».) Впрочем, попадают призраки, которые не причиняют большого зла; чаще всего они вносят в сердца тех, кто их видел, тревогу и тоску (П. Хейзе, «Колдовство среди бела дня»).

В XX в. преемником тёмного начала немецкой литературной традиции стал **Ханс Хайнц Эверс** (1871—1943). Интерес к этому писателю (имя которого нередко передают у нас как «Ганс Гейнц») оживился в последние двад-

цать лет. Ранее его посмертная репутация была подмочена сотрудничеством с нацистами: не кто иной, как Эверс, создал текст для гимна штурмовиков, а также на-

писал печально известный роман «Хорст Вессель» (1932 г.). Причём это вряд ли было случайностью: его творчество пронизано страхом перед носителями чужеродных начал — чужеродных расово, культурно, а в более широком смысле, и биологически. Столь же чуждым и пугающим, для автора, похоже, являлось женское начало, что дало миру ряд великолепных произведений.

Самым популярным его рассказом является, скорее всего, «Паук» — о загадочных самоубийствах, происходящих в одной и той же комнате. В результате выясняется, что постояльцы, один за другим, вешались, повторяя действия существа, которое казалось им девушкой, видимой в соседнем окне — на самом деле оно было пауком! Сюжет, на самом деле,

не нов: по-видимому, он принадлежит Эркману-Шатриану, о чём речь пойдёт ниже. Тем не менее, факт остаётся фактом: когда вспоминают этот бродячий сюжет, речь чаще всего заходит об Эверсе. Возможно, это связано с тем, что именно Эверс придал этому сюжету отточенность. Паук — символ женственности в её губительном, пожирающем аспекте; девушка в окне выглядит очаровательно, и тем более жуткой представляется развязка.

«Смерть барона фон Фридель» — ещё одна вариация на тему «Всё зло от женщин», а также любимый многими сюжет о раздвоении личности. Воспитанный женщиной как девочка, поздно осознавший свою мужественность герой терзается внутренней борьбой: то возобладает в нём мужчина (и тогда он одевается и ведёт себя так, как свойственно его полу), то победит женщина (и тогда он переодевается в платье и сочиняет сентиментальные стихи). Женщина побеждает в этом единоборстве... Истинно превосходным произведением, по-моему, этот рассказ делают не относящиеся к сюжету то ли выдумки, то ли галлюцинации главного героя, заставляющие задуматься: до какой степени он сошёл с ума?

«Альрауне» — роман, сочетающий средневековые легенды с биологическими теориями середины XX в. Подобно тому, как мандрагора (нем. «Alraune») вырастает под виселицей из семени казнённого, главная героиня

— плод научного эксперимента — рождена протитуткой от приговорённого к смертной казни преступника. Что же ещё остаётся очаровательной и губительной Альрауне, как не сеять зло?

И всё же есть ещё малоизвестный роман «Превращённая в мужчину», где автор как будто бы примиряется с женским началом, описывая страдания героини. Тем не менее, высшей наградой ей становится... перемена пола. Странная и жестокая мораль! Уже на излёте XX в. весомый вклад в копилку немецких ужасов внёс Патрик Зюскинд (р. 1949 г.) своим на-

шумевшим романом «Парфюмер» (в оригинале «Perfume» — «Аромат»). История человека, от природы лишённого запаха, который подчинял людей своей воле путём создаваемых им в лаборатории духов, ради чего были умерщвлены прекрасные девушки, подарила читателям новый взгляд на мир... или уместнее сказать — новый нюх на мир? Известно, что, собирая материал для будущей книги, Зюскинд объехал все места действия романа, проштудировал огромное количество книг по культурологии и изучал искусство парфюмерии в фирме «Фрагонард».

АВСТРИЯ

Казалось бы, австрийскую литературу ужасов следует разбирать в одном разделе с германской: ведь и те, и другие авторы писали на одном языке! Однако это было бы не только невежливо по отношению к австрийцам, которые до сих пор обижаются, когда их путают с немцами, но и просто неверно. Тесное про-

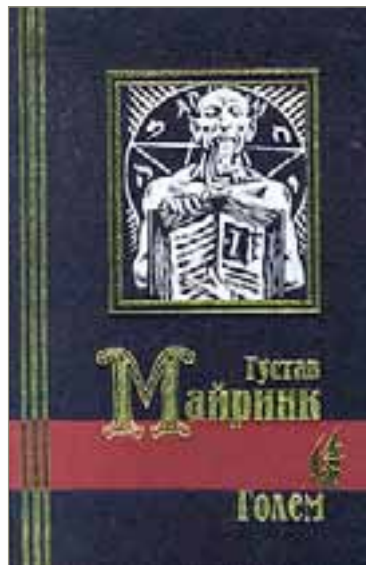
живание в контакте с народами, населявшими Австро-Венгерскую империю, придало австрийскому восприятию страшного характерные гротескно-иронические черты. Особый отсвет или, скорее, тень бросает на эту литературную традицию готическая Прага (здесь нельзя не вспомнить Франца Кафку, также не чуждого жанру ужасов, вспомнить хотя культовые новеллы «Превращения» и «В исправительной колонии»), которая является не только местом действия, но и одним из главных действующих лиц некоторых выдающихся романов — таких, например, как «Голем» Майринка...

Густав Майер, изменивший свою распространённую фамилию на **Майринк** (иногда встречается написание «Мейринк») (1868—1932) —

пожалуй, самый известный представитель литературной пражской школы. После несостоявшегося самоубийства в 24 года увлёкся многочисленными теориями жизни после смерти; состоял в различных оккультных ор-

денах и обществах, плодившихся на грани XIX — XX вв. как грибы: «Теософское общество», «Белое братство», «Общество Водолея» и прочая, и прочая! Созданная им для себя доктрина, в которой что-то взято от каббалы, что-то от индуизма и буддизма, а что-то и от гностических учений, отразилась в образном строе его романов — таких, как «Голем», «Ангел западного окна», «Белый доминиканец». Эти тексты — в значи-

тельной мере кроссворды: чтобы разгадать их, требуется незаурядная эрудиция. Чарующее или, наоборот, отталкивающее воздействие, производимое ими на неподготовленный мозг, объясняется отчасти тем, что эрудицией, равной авторской, обладает не каждый.

Хотя не забыть того давнего восторга, с которым я, прочитав роман «Ангел западного окна», решила, что лучшей — нет, более нужной — книги мне давно не встречалось, всё же сейчас, по прошествии времени и развеивании эзотерического тумана,

Когда-то предки современных скандинавов подарили миру «Старшую Эдду» — зеркало, в котором отразилась одна из самых поразительных и мрачных мифологий, известных человечеству. Спустя несколько столетий, вдохновляясь уже христианской традицией, великий и безумный швед Эммануил Сведенборг дал северному мистицизму новую жизнь. После литература **ШВЕЦИИ** на долгие годы стала оплотом реализма (в крайнем случае — идеалистической мистики), лишь изредка прорывавшаяся темными сполохами наподобие футуристической поэмы Харри Мартинсона «Аниара». Шведская литература ужасов как самостоятельное явление родилась уже в двадцатом веке — с публикацией дебютной

книги **Йона Айвиде Линдквиста** (р. 1968) «Впусти меня», которая несколько лет спустя переродилась в потрясающей красоте и силы фильм. Взяв на вооружение привычную западную хоррор-мифологию, Линдквист вносит в нее новое, глубоко европейское измерение; его психологизм лишь отчасти схож с психологизмом Кинга — это бросается в глаза и во втором его романе «Блаженны мертвые», речь в котором формально идет о живых мертвецах (имеющих мало общего с ромеровскими каннибалами), а на самом деле, конечно, о людях.

Успех Линдквиста вымостил дорогу и для других его соотечественников, рискнувших работать в этом нетрадиционном для Швеции жанре. Некоторым, как и первопроходцу, удалось пробиться в англоязычное пространство — например, Тому Олауссону, энтузиасту скандинавского хоррора, сборник которого «Мертвые наследуют землю» появился на полках американских магазинов в мае 2008 года.

В **ИСЛАНДИИ** ситуация иная: зародившись в туманной древности, традиция рассказов о призраках (драугах) жива там и по сей день. В это трудно поверить, но даже в эпоху Интернета в прессе появляются все новые и новые отчеты о контактах исландцев с посланцами «той стороны». Удивительная это земля... Многие из этих рассказов собраны в сборнике «Корабль призраков», выпущенном издательством «Азбука-классика» летом 2009 года.

более ценными представляются майринковские небольшие произведения, тем более, что именно они скорее относятся к разбираемому здесь жанру ужасов. Возможно, именно в них — полных действия, а не теоретизирования — Майринк по-настоящему использовал знания, полученные им в оккультных обществах. «Растения доктора Синдереллы» — рассказ о том, как бездумное подражание образцу, следование своим снам ввергает героя в кошмар, полный человекоподобных растений. В рассказе «Кабинет восковых фигур» злодей путём магических манипуляций разделяет ребёнка на двух братьев-близнецов, каждый из которых не может жить без другого — и страдает от этого противоестественного двойственного существования.

приятию действительности. Взять хотя бы рассказ «Тайна замка Хэтевэй», в котором потомкам одного знатного рода из поколения в поколение передаётся некая тайна, налагающая вечную печаль на чело того, кто ею владеет. Автор нагнетает атмосферу зловещей таинственности, однако выясняется, что речь идёт... всего-навсего о семейных долгах! В этом — весь Майринк, не упускающий случая поддеть чересчур доверчивого читателя.

В общем, читайте Майринка! Читайте его — добавлю — в переводах В. Крюкова: никому другому, на мой взгляд, не удалось найти такой гармонии между немецким подлинником и его русской интерпретацией.

ФРАНЦИЯ

Во Франции тёмное, имморалистическое начало свойственно литературной традиции — о чём свидетельствуют бодлеровские «Цветы зла», отдельные эпизоды из «Эмалей и камей» Теофила Готье. Вспоминается тотчас же Изидор Дюкас, он же граф де Лотреамон — и его альтер эго, Мальдорор, который то походя нагромождает горы трупов, то в поте лица перекидывает лопатой вшей на погибель роду человеческому...

Однако элементы из арсенала ужасов подчиняются художественной задаче, которая зачастую не оставляет камня на камне от воздействия этих элементов, подвергая их скрытой или явной насмешке. Крайнего выражения эта тенденция достигла в романе Блеза Сандрара (1887—1961) «Принц-потрошитель, или Женомор», где походжения маньяка — наследника королевской династии, оставившего кровавый след и в Англии, и в России, и среди индейских племён — выглядят до такой степени шокирующе-гротескными, что вызывают не столько страх, сколько улыбку.

Из широко известных французских писателей, создававших ужасы ради ужасов, выделяется разве что Дюма-отец: роман «Тысяча и один призрак», небольшая повесть «Заяц моего дедушки»... Правда, по тому, что уважаемый читатель, скорее всего, ранее о них не слышал, можно судить, насколько они уступали в популярности «Трём мушкетёрам» и «Графу Монте-Кристо».

Исследуя образ Франции и франкоговорящих территорий, можно прийти к выводу, что, в противовес «сумрачному германскому гению», французы скорее рациональны. Посюстороннее бытие здесь и сейчас интересует их сильнее, чем туманные дали. Соответственно, в литературе ужасов тоже преобладает начало — реалистическое. Бытовое. Порой даже приземлённое. Франкоязычный автор ужасов, как пра-

вило, поместит своих героев в условия семейной драмы и оснастит их окружением тем более странным, чем более оно реалистично. Эмиль Эркман (1822—1899) и Александр Шатриан (1826—1890)

— два писателя родом из Восточной Лотарингии, известные под двойным псевдонимом Эркман-Шатриан — как нельзя более подходят под это определение. Напрасно искать в их рассказах призраков, двойников или вампиров. Для них самое фантастическое существо — человек, причём не причудливый аутсайдер (деятель искусства, мизантроп, фанатик-учёный), а прежде всего «нормальный» бюргер. Эркман-Шатриан владеют искусством в секунду сорвать маску с персонажа, кажущегося нам поначалу знакомым (по литературной традиции или из повседневности) — и под румяным приветливым лицом обнаруживается обличье зверя.

Когда Эркман в 1847 году познакомился с Шатрианом, он уже обладал мировоззрением, отчасти опирающимся на пифагорейскую философию.

И в то же время Майринк способен быть безумно весёлым! Он смеётся не только над самодовольным обывателем («Вальпургиева ночь»), но и над собственными собратьями по мистическому вос-

Любопытно, что один из самых пугающих и совершенных образцов французской литературы ужасов вышел из-под пера одного из самых ироничных классиков этой земли — **Проспера Мериме** (1803—1870).

Речь, разумеется, идет о новелле «Венера Илльская», магия которой пьянит и в наши дни. Мериме вообще был не чужд страшному и таинственному: помимо «Венеры», потомкам стоит благодарить его за озорную и все же жутковатую историю о литовском медведе-оборотне «Локис», и сочную восточную сказку «Джуман», и цикл стилизаций под западнославянский

фольклор «Гузла», где каждая вторая песнь повествует о краснотелых обитателях могил — упырях.

Источенный болезнью мозг великого **Ги де Мопассана** (1850—1893) порождал порой фантомы, утонченная жуть которых заставила бы смущенно умолкнуть и Рэмси Кэмпбелла. Самый известный его кошмар — «Орля», повесть о невидимых существах, живущих рядом с нами... совсем рядом. Не меньше — если не больше — пугает новелла «Гостиница», в которой блестяще обыгрывается популярный в современном хорроре мотив изоляции (кодировое слово — «Сияние»). Подлинным безумием веет от короткого рассказа «Ночь» (подзаголовок которого не допускает разночтений: Кошмар), а новелл под архетипическим названием «Страх» за авторством Мопассана известно как минимум две.

Традиции Эдгара По на французской почве успешно возделывал **Огюст**

Вилье де Лиль-Адам (1838—1889). Многие из его «Жестких рассказов» — в частности, «Пытка надеждой» и «Тайна эшафота» стали хрестоматийными.

Из современных французских авторов с литературой ужасов заигрывают, каждый в меру своего таланта и жанровых пристрастий, такие разные писатели, как Габриэль Витткоп, Жан-Кристоф Гранже и Ромен Гари. А на странице 78 этого номера вы можете прочесть рецензию на роман **Лорана Ботти** «Однажды случится ужасное...», представляющий собой попытку сыграть в Стивена Кинга по-французски.

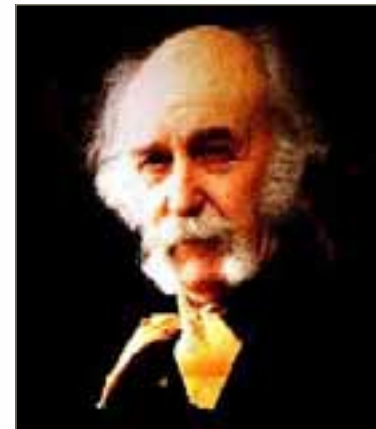
фию переселения душ. Душа, хотя она и не материальна, существует только в связи с органической субстанцией — в соединении с новым телом. При этом мы несём в себе уже пройденные ступени развития, исчезающие лишь постепенно благодаря духовному усовершенствованию. В человеке, с точки зрения Эркмана, всё ещё много от животного...

Иллюстрацией этого положения может служить рассказ «Реквием ворона». Речь в нём идёт о композиторе, который никак не может завершить музыкальное произведение, потому что его преследует ворон. Птица как будто задалась целью мешать ему! Старый доктор вносит ясность: ворон — давний враг музыканта, они враждовали ещё в прежних воплощениях. Доктор согласен избавить его от этой беды, но в обмен на... кошку музыканта, которая, в свою очередь, была в прошлых воплощениях враждебна тому, кто теперь стал доктором...

В рассказе «Невидимое око, или Гостиница трёх повешенных» происходит рождение знаменитого сюжета, обработанного потом и Эверсом, и Рампо. Нет надобности снова описывать события, основанные на принципе подражания. Стоит лишь отметить, что, в отличие от молодой и красивой героини Эверса, злодейка Эркмана-Шатриана — старуха, прозванная к тому же Летучей Мышью, что опять означает апелляцию к животному началу в человеке.

В России произведения плодотворных соавторов в большом количестве выходили до революции — однако в основном это были их исторические романы. Что касается ужасов, в Санкт-Петербурге в 1914 г. появился всего один эркман-шатриановский сборник, «Рейнские рассказы» — зато с предисловием самого Брюсова, высоко оценившего их! На протяжении советской эпохи сборник не переиздавался и остаётся практически неизвестным широкому читателю. Будем надеяться, какой-нибудь предприимчивый издатель возьмёт этот тандем на заметку.

Клод Сеньоль — пожалуй, не только самая яркая звезда на небосклоне французского литературно-

го хоррора, но и великолепный, безо всяких скидок, писатель. Проза тонкая, совершенная, свободная как от излишней описательной декоративности, так и от торопливого следования сюжету. Учительная богатство и разработанность французской прозы, выделиться на её фоне трудно; Сеньолью это удалось.

Что особенно привлекает в Сеньоле — он не ищет лёгких путей и штампованных решений. Даже в тривиальном, свойственном одному произведению ужасов сюжете он находит что-то такое, что сделает его неповторимым. Его вампир («Чупадор») не впивается зубами в шею невинной жертвы — через крохотный порез на расстоянии он вытягивает кровь из того, кто сам

в своей профессиональной деятельности вёл себя как кровопийца. Его оборотень — не жертва неподвластной воле ликантропии, а одержимый манией величия маньяк («Оборотень»). Прекрасное знакомство с народными поверьями, фольклорны-

ми представлениями о нечистой силе дали материал не только для компилятивно-исследовательского труда «Сказания о дьяволе», но и для собственного творчества.

Примечательная черта Сеньоля, отличающая его от части французской литературы, воспевающей имморализм — этот писатель никогда не поэтизирует зло. Злое начало в его произведениях, как правило, непривлекательно и терпит поражение. Лишь когда наделённый сверхъестественной силой герой карает людей за их омерзительные поступки, он может не подпадать под этот закон («Чупадор», «Дьявол в сабо»). В этом смысле Сеньоль старомодно, по-католически моралистичен.

Из французских авторов, получивших известность в последнее время, часто упоминается Брижит Обер (р. 1956). Однако, судя по её романам «Мрак над Джексонвиллем» и «Укус мрака», она предпочитает разрабатывать заимствованные темы — како-

вещов в типичном маленьком американском городке.

БЕЛЬГИЯ

Бельгия — родина Жана Рэ (иногда пишется «Рэй») и Томаса Оуэна, имена которых известны всем ценителям неанглоязычного ужаса в литературе.

Жан Рэ (Жан Раймон Мари де Кремер, 1887—1964) — человек-легенда, и

нам больше известна легенда о нём, нежели человек. Моряк, контрабандист, путешественник — что это, маска, придуманная для привлечения читателей, или достоверные биографические факты? С уверенностью сказать трудно, однако творчество его пронизано мотивами странствий: если не всегда странствий тела, то всегда — души. Его герои постоянно подвергаются опасности угодить в странный, искажённый, поту-

сторонний мир — отправляясь в полное неизвестности морское странствие («Майенская псалтирь») или сев в обыкновенный поезд, следующий раз и навсегда определённым маршрутом («Солянка»). Но даже если вы остаётесь дома, сверхъестественное придёт к вам само, не оставив камня на камне от спокойного существования. Примет ли оно облик пугающего стрейга («Переулочек святой Бергонны»), или ожившей железной руки («Рука Гёца фон Берлихингена»), или языческого бога, оказавшегося вашим родственником («Мальпертью») — вам никогда уже не быть таким, как прежде.

И в то же время произведения Жана Рэ — уютны. Впечатление этого своеобразного зловещего уюта создаётся за счёт описаний бытовых действий, предметов обстановки, кулинарных изысков, съедаемых героями за многочисленными трапезами. Куда бы ни занесло читателя вслед за перипетиями страшных приключений, служанка Элоди, прилежно выпекающая вафли, возвра-

ощаает ему чувство, что в мире существует надёжная реальность. И существует спасение.

Жан Рэ оставил колоссальное по объёму творческое наследие. Русскоязычному читателю доступна лишь малая его часть, объединённая в три сборника. Будем надеяться, его произведения, оставшиеся до сих пор без внимания переводчиков, ещё встретятся с таковыми.

Томас Оуэн (Жеральд Берто; 1910—2002) — млад-

ший брат Жана Рэ по ремеслу, а также его ученик. Если верить Оуэну, Рэ не только его «заметил», но и «в гроб сходя, благословил»... Причём слово «гроб», если

речь идёт об этих двух личностях, приобретает не фигуральный, а самый что ни на есть прямой смысл: в рассказе «Кладбище в Бернкастеле» автор вместе с Рэ предпринимает гробокопательскую экспедицию, чтобы обуздать распоясавшегося злобного духа! В отличие от Рэ, Оуэн ми-

нималистичен: средний объём его рассказа — 3-5 страниц. И более психологичен: в центре каждого — жизненная сценка, напряжённая ситуация, которая разрешается необычным, мистическим образом. Чёрная курица, сводящая с ума и в конце концов губящая главного героя, оказывается «частью» его жены — возможно, её женственностью, которой он так долго пренебрегал и потому понёс наказание? («Чёрная курица»). Отец, разгневанный на дочь за то, что она опозорила его имя, убивает её — принявшую образ приبلудной собаки («Отец и дочь»). Инфантильный мужчина превращается в злобного ребёнка («Мутация»). Случайно встреченная незнакомка оказывается покойницей, выходящей

с того света («Девушка дождя», «Мотель», «Аманда, почему?»). Сверхъестественное у Оуэна редко вторгается извне — как правило, оно рождается из тёмных глубин души и человеческих отношений, из подавляемых желаний и преступных замыслов. Сборник «Дагиды» в переводе Е. Головина — пока что единственное собрание его рассказов, вышедшее на русском языке.

ющая собой использование темы Лавкрафта — при нескрываемой полемике с ним. Сюжет узнаваемый: двое людей на заброшенном острове подвергаются атакам человекоподобных морских существ. Однако по ходу действия романа отношение к ним одного из людей меняется. Причиной становится та, которую он поначалу счёл отвратительной самкой животного — и в которой постепенно разглядел прекрасную

ИСПАНИЯ

Что касается испаноязычной части мира, собственно Испании отведена в жанре ужасов, похоже, пока что скромная роль. Мне попала в руки всего лишь одна книга современного испанского писателя **Альберта Санчеса Пиньоля** (р. 1965) «В пьянящей тишине», представля-

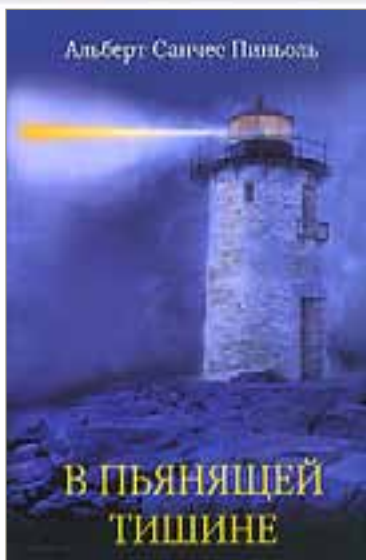
Вторым своим романом, «Пандора в Конго», Пиньоля, по-прежнему не забывая о Лавкрафте, отдаёт дань уважения и другому мэтру — Джозефу Конраду, воплотившему в «Сердце тьмы» чудовищный и притягательный образ туземной Африки.

Если традиция ужасного развита в современной испанской литературе слабо, то виноваты в этом не отцы-классики — доказательством тому слу-

жит сборник мистической прозы XIX — начала XX веков «Чёртов крест», выпущенный издательством «Азбука-классика». Среди составивших его занимательных быличек выделяются вязко-жуткой атмосферой одноименная новелла **Густаво Адольфо Беккера** (1836—1870), его же «Гора призраков» и «Моя сестра Антония» **Рамона дель Валье-Инклана** (1869—1936).

женщину... От этой лав-стори, подозреваю, Лавкрафт не однажды перевернулся в гробу, однако должна признать, что написано трогательно и искусно.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Испанию зримо опережает Латинская Америка — родина литературного течения, получившего название «магический реализм», заповедник мифов. Здесь любят мифы, здесь их творят, здесь их перерабатывают — и, положая руку на сердце, трудно определить, где пролегает граница между словесными упражнениями — и эзотерическим отбытием в неведомое.

Назвать **Хорхе Луиса Борхеса** (1899—1986) ли-

В разные периоды творчества баловал себя и читателей жутковатыми рассказами и главный маг Латинской Америки — **Габриель Гарсиа Маркес** (р. 1928). Иногда он

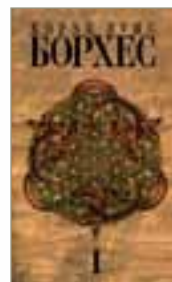
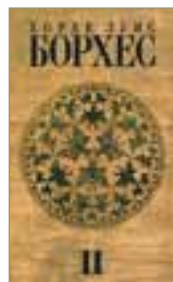

работал в русле «южной готики» Уильяма Фолкнера («Набо — негритенок, заставивший ждать ангелов»), иногда обращался к местному фольклору («Ночь, когда хозяйничали выпы»), порой рождал неповторимые, ни на что не похожие картины («Последнее плавание корабля-призрака»), но результат неизменно был один: читателя легко, словно перышком, касался страх, смешанный с бесконечным удивлением перед чудом...

Этому греху был причастен и другой великий магреалист — **Хулио Кортасар** (1914—1984). Беззастенчиво мешая действительность и выдумку в единое целое, он не чурался и темных оттенков — достаточно вспомнить хотя бы новеллу «Заколоченная дверь», исполненную лунной жути, многослойную притчу «Заколоченный дом» или «Менады» — кошмарный этюд о массовом психозе. Зыбкая атмосфера иномирности и нетривиальный стиль роднят Кортасара с современным мастером ужасов Рэмси Кэмпбеллом.

тератором, пишушим ужасы, значило бы неправомерно сузить его диапазон. Тем не менее, его сугубо литературное, откровенно пронизанное легко вычисляемыми книжными мотивами творчество содержит весомую долю того, что значимо для нашего любимого жанра. Причём любопытно: чем дальше углубляется он в книжные дебри, в области реальности, которые никогда не имел возможности живо осязать и (до своей знаменитой слепоты) видеть — тем ближе становится он к живой жизни, к непосредственному воздействию на эмоции читателя. «Хаким из Мерва, красильщик в маске» — не только вариации на

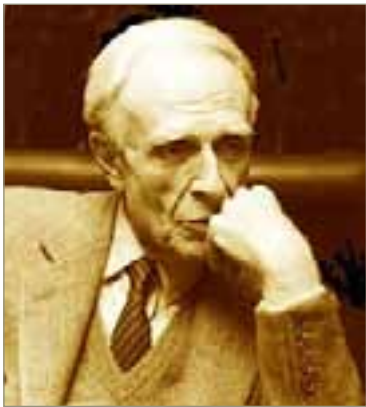
арабскую тему, но и один из самых впечатляющих и ужасных, на мой вкус, рассказов в мировой литературе... Тем более ужасных, что ничего намеренно шокирующего здесь как будто бы нет. Однако история разоблачённого лжепророка, скрывавшего

своё лицо под маской, слагается из противоречий, которые неотразимо воздействуют на читателя. Самым сильным ходом, может быть, является то, что этот, как считается, жулик неведомым образом ослепил леопарда — вряд ли зверь мог ослепнуть при виде лица прокажённого! Так, может быть, на его лице действительно был запечатлён след небесного чуда? И тогда его пророчества о мрачном аде и ещё более мрачном рае — истинны? Писатель оставляет читателя наедине с этой растерянностью. Ещё более сильное воздействие производит рассказ «There Are More Things» — о некоем инопланетном или сверхъестественном существе, обитающем в уединённом доме. Мы так и не увидим его — но описание

мебели и обстановки, предназначенных для тела иных, нечеловеческих форм, создаёт для читателя образ более чудовищный, чем любое из прямых, пусть даже с омерзительными подробностями, описаний.

Адо́льфо Бьои Касаре́с (1914—1999) был другом Борхеса — и прославлен им в качестве персонажа рассказа «Тлён, Укбар, Орбис Терциус».

Макс Фрай даже признаётся, что считал его вымышленным героем... Однако, в отличие от описанных в рассказе мест, Касарес вполне реален — и в роли автора ему приходилось пребывать гораздо чаще, чем в роли персонажа, о чём свидетельствует его внушительное литературное наследие. Некоторые критики считают его основоположником научной фантастики в Аргентине — но мистического в них, пожалуй, не меньше, чем научного. Воздействие их оказывается особенно сильным в связи с тем, что тон автора остаётся, как правило, нейтральным, без нарочитых запугиваний.

Иллюзия и реальность — вот тема, которая проходит красной нитью через произведения Касареса. В его ро-

манах заведомая подмена реальности иллюзией происходит с помощью голографии («Изобретение Мореля») или хирургической операции, заставляющей человека воспринимать окружающий мир не таким, каков он есть на самом деле («План побега»). Что касается рассказов, здесь прослеживается та же тенденция, пусть не в той же самой прямолинейной форме. Лётчик Иренео Моррис угодил в параллельный мир, имеющий минимальные расхождения с нашим («Козни небесные»). Молодая супружеская пара становится жертвой злонамеренной гипнотизёрши («Пауки и мухи»). Даже

в детективном рассказе, где нет места сверхъестественным объяснениям, провал преступников происходит по той причине, что толкование реальности не совпадает с нею самой: преступники расправились с тем, кого они приняли за преследователя — на самом деле, безобидный старик гнался за ними потому, что принял преступницу за свою покойную дочь («Как рыть могилу»).

Федерико Андахази (р. 1963) также представляет излюбленную латиноамериканскую тенденцию пе-

реработки мифов на новый лад — но вместо их поэтизации он исполнен сарказма. Моё знакомство с этим автором началось с романа «Милосердные» — текстом которого я тотчас поделилась и с реальным окружением, и с интернет-общественностью. Реакция впервые ознакомившихся простиралась от безудержного, хотя и несколько нервного, смеха до возмущения автором. Неудивительно: ведь нахальный аргентинец покусился на святое! На готику, на Байрона и его романтический круг общения, на ту ненастную швейцар-

скую погоду, в которую был зачат «Франкенштейн» Мэри Шелли и «Вампир» доктора Полидори... Полидори и является главным героем романа — правда, слово «главный» к нему не подходит: до такой степени он чувствует себя ничтожным и тяготится этой ничтожностью. Однако постепенно выясняется, что всё не так плохо: ненавидимый и боготворимый им Байрон — не гений, а точно такое же ничтожество. И Байрон, и другие великие писатели XIX в. обязаны своей славой некоему мерзкому существу... Неожиданности, смешанные с непристойностями, подстерегают читателя на каждой странице и делают «Милосердных» весьма занимательным чтением.

Разоблачение мифов и откровенные описания половой сферы — то, что проявляется и в других романах Андахази. В «Городе еретиков» рождается версия возникновения Туринской плащаницы: исходным материалом послужило тело не Христа, а того, кого католическая церковь признала еретиком. В

«Анатоме» католики борются с врачом, открывшим клинтор как орган наслаждения у женщин... Вообще, похоже, у автора есть зуб на католиков, что не слишком актуально для наших широт: возможно, здесь кроется причина того, что книги Андахази раскупаются в России хуже, чем заслуживает этот, безусловно, достойный внимания писатель.

РУМУНИЯ

Говоря о романских литературах, нельзя оставить в стороне Румынию. Эта страна не избалована вниманием читателей всего мира — что, в общем, понятно: позднее создание государственности и позднее (XVIII в.) возникновение светской литературы обусловило неблагоприятные, в том числе и для жанра ужасов, условия. Тем не менее, уже в классической румынской литературе встречаются мотивы, которые являются принадлежностью именно этого жанра.

Михаил Эминеску (настоящая фамилия Эминович; 1850—1889) — наибо-

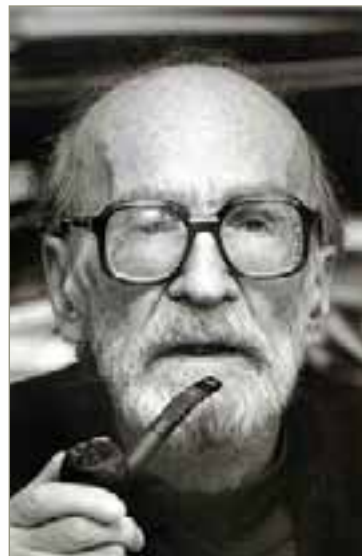

более подходящий пример. Самый прославленный поэт из представителей как молдавской, так и румынской литератур. Его образ пронизан множеством романтических ассоциаций: жизнь в бедности, безответная любовь, изнурительная психическая болезнь и смерть в сумасшедшем доме — мало кто из авторов мировой известности, кроме разве что Эдгара По, так точно воплотил собственной биографией представление о «проклятом поэте», расплачивающемся за свой гений простым человеческим счастьем.

Если обратиться к творчеству Эминеску, представление о «тёмном гении» станет ещё отчётливее. Создаёт его и стихотворение «Демонизм» («Весь мир — большая рака. Звёзды — гвозди, / В неё вколоченные крепко. Солнце — / Окно в темницу жизни...»), и «Молитва дака», воспевающая смерть и полное уничтожение личности как самый благодетельный из возможных поступков Бога. Однако поклонникам жанра ужасов более пристало чтить романтические поэмы Эминеску и, в первую очередь, «*Strigoii*» — название принято переводить почему-то как «Оборотни», хотя речь в поэме явно идёт о вампирах. Характерной особенностью этого произведения является то, насколько положительно представлены в них образы, традиционно рассматриваемые как относимые к нечистой силе. Прародители румынских вампиров Аральд и Мария прекрас-

ны и благородны; не вмешательство дьявола, а могущество дакийского жреца и благословение языческого бога Замолксе продолжает в посмертную вечность их бессмертную любовь.

Совершенно по-другому вампирическая тема представлена у другого румынского классика, на сей раз в XX в. — у **Мирчи Элиаде** (1907—1986), с чьими худо-

жественными произведениями, вошедшими в сборник «Под тенью лилии», русскоязычного читателя ознакомило издательство «Энигма» (1996 г.). Творчество его несводимо не только к мистике

и ужасам, но даже и к прозе. Личность необычайно крупного масштаба, философ и историк религий, писатель, путешественник и политический деятель — Элиаде настолько же не вписывается ни в одну литературную классификацию, как утконос — ни в одну зоологическую. Его рассказы и романы, как правило, представляют собой художественную реализацию его философских идей: здесь и игры с пространством и временем («У цыганок», «Серапорские ночи»), и практическая реализация бессмертия («Три грации»)... Однако одно произведение на вечную румынскую тему — о вампирах — он всё-таки написал. «*Девушка Кристина*», в отличие от эминесковских «*Упырей*» — повесть вполне традиционная и вполне готическая. Здесь оживают портреты, открываются зловещие фамильные тайны, мёртвая девушка создаёт свою эманацию в живом ребёнке, персонажей настигают одного за другим безумие и смерть, однако главный герой, как и полагается, выходит победителем... По-

весть, согласно современным вкусам, довольно-таки невинная — и нам трудно понять, почему после её публикации в 1936 г. автор был обвинён в порнографии и отстранён от преподавательской деятельности в Бухарестском университете.

Ана Бландиана (настоящее имя — Отилия Валерия Коман; р. 1942) — наша современница, живая свидетельница эпохи Чаушеску.

Сюрреалистический тоталитарный мир, в котором ей выпало жить, наложил отпечаток на её творчество. Главным образом Бландиана известна как поэтесса, однако её проза оригинальна и несёт отпечаток — скорее даже не ужаса, а кошмарного сна. Что-то здесь пугает, а что-то кажется мучительно красивым, затрагивая глубинные слои психики. Писательница приезжает

в деревню своего детства, желая возродить милые воспоминания — но вместо этого попадает в уродливое место, где сама природа претерпела гибельную деформацию, где обитают лишь страшные старики и старухи, желающие оставить героиню здесь навсегда («Поездка за город»). В магазине, на глазах у всего честного народа, женщину ухватил за руку и не отпускает какой-то незнакомый ей тип — а окружающие не только не делают попыток помочь, но и осуждают жертву («Подделка под кошмар»). Преподавательница философии во времена повального дефицита пытается развести кур у себя на балконе — однако из яиц, которые принёс ей подозрительный незнакомец, вылупляются отнюдь не цыплята («Птица потребительская»)… Всё небывало — и всё достоверно.

ПОЛЬША

Если уж мы переместились в Восточную Европу, Польша представляет для любителя литературных ужасов немалый интерес. Как и Румыния, она представляет собой парадоксальное сочетание Запада и Востока в разных формах; только если румыны — романоязычный народ, который исповедует православие, то поляки — в некотором роде их антипод: славяне, религия которых — католическая. Сочетание славянской мифологии с католической готикой обнаруживается в «страшных» балладах Адама Мицкевича, таких,

как «Лилии», «Привал в Упите», «Свитезянка». Однако для XX в. знаковой фигурой польской чёрной фантастики стал писатель, который смог предложить читателю нечто позанимательнее, чем мертвецы и русалки…

Стефан Грабинский (1887—1936) родился в Каменке-Струмиловой, неподалёку от Львова (тогда Лемберг). Болезнь, погубившая его отца, брата и сестру — костный туберкулёз — усугубила замкнутый, мечтательный характер будущего писателя и способствовала его увлечению фантастической литературой.

Несмотря на то, что Стефан Грабинский написал множество оригинальных и интересных произведений фантастической литературы XX века, при жизни он был практически не известен в Польше и, за исключением двух незначительных публикаций в Италии, не перебрался. Период наибольшего успеха Грабинского приходится на 1918 — 1922 годы, когда он опубликовал пять сборников рассказов. Одна-

ко и они не принесли большого дохода; писателю приходилось работать школьным учителем. Но прогрессирующая болезнь лишила его даже этого источника средств к существованию. Присуждённая ему в 1931 г. Львовская литературная премия положения не улучшила, и писатель скончался не только в страданиях, причиняемых туберкулёзом, но и в бедности. Вторая мировая война заставила польских читателей забыть о его произведениях, которые оказались как будто бы совсем неко времени — так же, как неуместной выглядела фигура Грабинского в предвоенной Польше… Однако в 50 гг. интерес к нему снова оживился. Одним из самых пылких его поклонников стал Станислав Лем! Ныне имя Грабинского стоит в одном ряду с именами Блэквуда, Лавкрафта и Мейчена.

Сборники Грабинского — кладёз сюжетов, мало или совсем не использовавшихся в литературе ужасов. Особое внимание он уделяет патопсихологии обыденной жизни

(сборник «На взгорье роз»), а также профессиональным областям деятельности человека — таким, как пожарное и железнодорожное дело. Ему посчастливилось создать нескольких убедительных фольклорных персонажей. Чего стоит хотя бы Чумазлай — железнодорожный демон, предвещающий крушение поезда (сборник «Демон движения»)! А как насчёт белого вырака или огнедлаков, с которыми тесно знакомы пожарные (сборник «Книга огня»)?

Собрание сочинений Грабинского, выпущенное издательством «Энигма», вскоре оказалось полностью раскуплено. Это достаточно весомый показатель того, что своеобразный польский писатель нашёл своего читателя в нашей стране.

УКРАИНА

Следуя из Польши, естественно попасть на Украину. В бытность свою частью Российской империи, а впоследствии Советского Союза, Украина несомненно была

интереснее России в плане ужасов. Это родина Гоголя, навеки осчастливившего поколения читателей своим «Вием»... Увы, о состоянии современного украинского хоррора русскоязычный читатель так же мало информирован, как о состоянии современной украинской литературы вообще. Поэтому, если ранее речь шла в основном о литературе, переводившейся на русский, в данном пункте я отступлю от этого правила. Свидетельством того, что традиция жанра ужасов вновь возрождается — теперь уже в самостоятельном государстве — для меня послужил выход в 2004 году антологии «Чорт зна що», название которой понятно и без перевода. Составитель антологии — известный писатель **Юрий Винничук**, который отдал немало сил разработке именно этого жанра, о чём свидетельствует и его рассказ «День ангела», размещённый в сборнике.

Кроме рассказа Ю. Винничука, читатель встретит в антологии немало интересного: стихи и проза, произведения авторов средневе-

ковых и современных, знаменитых и безвестных составляют многоцветную мозаику. Заявленный в заглавии герой — чёрт — предстаёт в разных обликах: это и общеизвестный дьявол-искуситель; и карпатский Ариман — Аридик, воплощение мирового зла; и добрый чёрт, который вместо того, чтобы вредить людям, помогает им; и чувствительный чёрт, страдающий из-за любви к смертной девушке... Водится здесь даже такой редкостный фольклорный персонаж, как Хапун — местный украинско-еврейский Джиперс-Криперс, который каждый год на Йом-Киппур (Судный день) прилетает в синагогу в своём длинном чёрном сюртуке и уносит самого большого грешника. Этот персонаж — результат недоразумения: слыша скорбные восклицания из синагоги, соседи-украинцы считали, что там происходит нечто страшное, и придумали логичное, на собственный взгляд, объяснение... В результате получится сюжет, использованный разными писателями, в том числе и русским классиком В. Короленко.

К сожалению, антологии свойственна некоторая хаотичность... Вероятно, виноват недостаток материала — но, помимо произведений, написанных собственными украинскими авторами на родном языке, в сборник включены тексты самые что ни на есть разнообразные — и по национальной, и по языковой принадлежности. Есть здесь и апокрифы, и жития святых; переводы с русского,

польского, греческого, старославянского... Само по себе это не может быть поставлено в упрёк. Беда в том, что переводные произведения никак не отделены от аутентичных, и узнать о языке оригинала возможно, лишь тщательно вчитавшись в курсив анонса текста. Отыскивание имён переводчиков превращается в отдельное утомительное времяпрепровождение... Поистине, здесь поработал сам дьявол, который любит морочить людям головы — так, что, как говорится, сам чёрт не разберёт!

И тем не менее, несмотря на отдельные недостатки, эта антология — хороший знак. Издательство «Пирамида», выпустившее её в свет, сулит вслед за ней издать антологии, посвящённые ангелам, ведьмам, русалкам, духам и снам... Пожелаем Украине стабильности, при которых эти благие намерения смогут осуществиться.

ЯПОНИЯ

Парадоксально, но факт: о литературе ужасов, созданной на славянских языках, нам известно меньше, чем о соответствующей дальневосточной литературе! И если речь зашла об «азиатском хорроре», типичные его образцы созданы в Японии. Японцы, как и русские — великие подражатели: долгое время они пребывали в изоляции от европейской культуры, зато, соприкоснувшись с ней, не только наверстали отставание семимильными шагами, но и создали ориги-

нальные, легко узнаваемые образцы на основе слияния заимствованного с традиционным.

Что касается самого жанра ужасов, то здесь он издавна бытовал в форме, называ-

емой «квидан» (другой вариант написания — «кайдан») — рассказы о страшном и необычайном. Сверхъестественные существа — их герои — многочисленны и разнообразны: это и демоны, и духи умерших, и стихийные духи, и лисы-оборотни... С этими странными созданиями можно познакомиться, прочитав «Японские квайданы: Рассказы о призраках и сверхъестественных явлениях» (Минск: Современный литератор, 2002). Однако славу японским ужасам принесли всё же не эти продукты народной фантазии, а творения писателей с индивидуальным голосом и собственным кругом тем.

«Кайдан» здравствует в Японии и поныне, но за вычетом книг Судзуки (среди которых следует упомянуть и проникновенные «Темные воды») в Россию проникли всего два современных представителя этого почтенного жанра.

Если «Остров мертвых» **Масако Бандо** (р. 1958), выпускницы европейского университета, довольно грубо сталкивает национальный колорит с чисто западными приемами запугивания, то менее, на первый взгляд, «приаппененный» роман

«Лето с чужими» известного сценариста **Таити Ямада** (р. 1934) воздействует на читательскую душу гораздо бережней и тоньше — следуя восточной традиции, самое страшное автор оставляет за кадром.

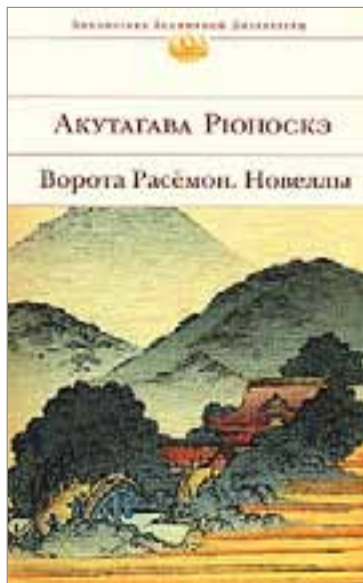
Близки к мягкой, мистической ветви хоррора многие романы и рассказы **Харуки Мураками** (р. 1949), в том числе знаменитая «Охота на овец».

Рюносукэ Акутагава (1892—1927) — признанный японский классик. Психическая болезнь, вероятно, унаследованная от матери, наложила тяжёлый отпечаток на его недолгую жизнь и привела к самоубийству. Неудивительно, что его влекло не только к мрачным европейским писателям (Стриндбергу, Достоевскому), но и к мрачным темам. В новелле «Муки ада» одержимый творчеством художник жертвует ради картины всем — в том числе жизнью горячо любимой дочери, которую сжигают у него на глазах. «Ведьма» содержит классический сюжет

кто так целенаправленно и увлечённо прививал к древу традиционной японской литературы росток европейского хоррора. Творчество его во многом ещё подражательно: так, сюжет рассказа «Волшебные чары луны» откровенно повторяет «Паука» Эверса. Однако подражательность здесь не выглядит плагиатом: она скрадывается за счёт своеобразного колорита японского общества, которое ещё не успело перестроиться на западный лад. Впрочем, наиболее интерес-

жет оккультного преследования, но заканчивается новелла хорошо — герои не только побеждают страшную старуху, но и обретают счастье.

«**Эдогава Рампо**» — в звучании псевдонима Таро Хираи (1894—1965), творившего в XX в., можно без особых усилий распознать имя Эдгара По. Он был первым,

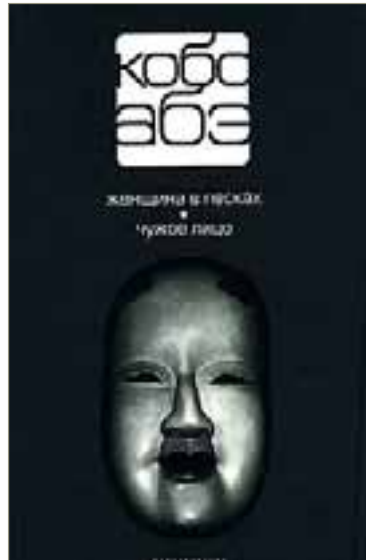

кто так целенаправленно и увлечённо прививал к древу традиционной японской литературы росток европейского хоррора. Творчество его во многом ещё подражательно: так, сюжет рассказа «Волшебные чары луны» откровенно повторяет «Паука» Эверса. Однако подражательность здесь не выглядит плагиатом: она скрадывается за счёт своеобразного колорита японского общества, которое ещё не успело перестроиться на западный лад. Впрочем, наиболее интерес-

ны рассказы, пронизанные сугубо японским мировосприятием: такие, как «Ад зеркала» или «Путешественник с картиной». «Человек-кресло» — и сюжетно, и по названию — явно предвосхищает фантазмы Кобо Абэ. Подобно своему американскому «тёзке», Рампо уделял также внимание детективным рассказам.

Абэ Кимифуса, известный как **Кобо Абэ** (1924 — 1993) — ещё один в высшей степени сновиденный автор. Героев его романов связыва-

(«Человек-ящик»). А ещё бывает так: неизвестно откуда взявшаяся «Скорая помощь» увозит вашу абсолютно здоровую жену, и чтобы выручить её, придётся плутать в лабиринтах зловещей клиники с риском погибнуть или потерять собственную личность («Тайное свидание»)… В романах Кобо Абэ мало натуралистических, шокирующих сцен, по стилю они скорее убаюкивающе-монотонны — однако сюрреалистически-дурнотное впечатление от них остаётся надолго.

этого произведения принадлежит его одноимённому киноаналогу; можно лишь констатировать, что и то, и другое — вещи весьма крепко сделанные. История о непонятной записи на видеокассете, которую нужно непременно переписать и передать другому в течение недели (иначе смерть тебе, о несчастный!), держит читателя / зрителя в напряжении от начала до конца. За «Звонком» последовали продолжения вместе с предысторией. Как фантастика они достаточно презентабельны и даже имеют некоторые новаторские черты, но к хоррору, как мне кажется, эти романы имеют опосредованное отношение. Ужас возникает там, где имеется пусть не линейный, но во всяком случае легко доступный для понимания сюжет, а в продолжениях «Звонка» уси-

ет логика дурного сна — случайность, которая очень быстро цементируется в необходимости. Отправившись за город, человек становится

я пленником, откуда он должен бесконечно вычерпывать песок в компании женщины, одновременно враждебной и близкой («Женщина в песках»). Отягощённый детскими комплексами толстяк набирает команду людей, достойных выжить в грядущей ядерной катастрофе — однако образовавшаяся в результате орава оскверняет и разрушает место, которое было ему убежищем («Вошедшие в ковчег»). Человек отделяет себя от мира картонным ящиком, который надет на голову и доходит до пояса

быстрым взлёт популярности **Кодзи Судзуки** (р. 1957) связан с высочайшей раскрученностью его главного детища — романа «Звонки». Трудно теперь судить, сколько процентов в успехе

лия автора объяснить и увязать тонкости влияния экстрасенсорного дара Садако Ямамуры, рождённой от некоего морского духа, на видеоплёнку, а видеоплёнки, в свою очередь — на генетический код человека, не всегда компенсируются напряжением по-настоящему страшных моментов... Но они действительно есть! Таково начало «Звонка-0» — глава «Гроб в небе», где посмотревшая кассету девственница беременеет и скоропостижно рождает чудовищного младенца, оказавшегося... всё той же Сада-

ко Ямамурой, которая не в силах успокоиться, пока не распространит своё влияние на весь мир.

КИТАЙ

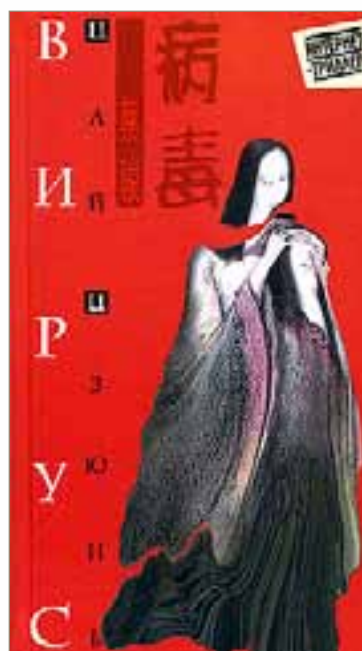
Несмотря на быстрое экономическое развитие этой страны, мы всё ещё знаем о ней очень мало. Зачастую она представляется неким многомиллионным монолитом, где человеческие массы, «одинаковые с лица», спаяны цементом коммунистической идеологии. Цай Цзюнь, молодой, но уже успешный писатель, многообещающе названный «китайским Стивеном Кингом», опровергает это расхожее заблуждение. Его роман «Вирус», помимо своей основной функции пугания читателей, открывает окно в современный Китай. И оказывается, что рядовой студент-китаец очень похож на своего российского сверстника! Прошлое времён «культы личности» для него — не руководство к действию, а то, что давно осуждено и не должно по-

вториться. Правда, в целом идеологией — ни маоистской, ни антимаоистской — герои Цай Цзюня не заморачиваются. Зато хлебом их не корми, дай посидеть в интернете — откуда проистекают всяческие неприятности... Череда таинственных смертей, губительная сетевая игра, древняя, но неумершая принцесса, которая таким замысловатым путём ищет свою отрезанную голову — Цай Цзюнь эксплуатирует распространённые

мотивы «азиатского» хоррора, в конце сбиваясь почти на пародию, но делает это так динамично и с такой юной лихостью, что успех романа, честное слово, заслужен.

Издательство пообещало другие романы автора, но пока что их в продаже не встречала. Будем ждать...

В завершение хочется задать вопрос: чем может быть полезно знакомство с упомянутыми здесь авторами? Полагаю, увидев, как представители различных национальных культур используют их особенности для создания оригинального, ранее не существовавшего продукта, человек, читающий и пишущий по-русски, способен по-новому взглянуть на культуру родную, в которой кроется непаханое поле возможностей национального хоррора. И обнаружить, что «другая перспектива бытия», на которую намекал Жан Рэ, скрывается совсем рядом... ☹

**Фотина Морозова
Врезки Владислава
Женевского**

Задать вопрос редакции, поделиться впечатлениями, ознакомиться с анонсом ближайшего номера можно на объединённых форумах ужасов AllHorrors.com и в группе ЛоТ В Контакте.

В недалёком будущем заработает новый официальный сайт Литературного общества «Тьма» и одноименного журнала. Хотя в настоящее время ресурс находится в разработке, многие разделы и материалы находятся в открытом доступе уже сейчас:

www.darkfiction.ru

Старый сайт ЛоТ и журнала «Тьма»:

www.ourdarkness.info

Кодзи Судзуки: «Без чувства страха человек долго не протянет»

Кодзи Судзуки, подобно самой знаменитой своей героине, предпочитает держаться в тени — по ту сторону экрана и книжной страницы. Это интервью, которое писатель дал одному из англоязычных литературных сайтов — одно из немногих.

Основная сюжетная линия «Звонка» (похоже, это самая известная ваша книга, благодаря японской и американской экранизациям) рассказывает о кассете, бессвязные изображения на которой мистическим образом ровно через неделю убивают посмотревших ее людей. Что натолкнуло вас на такую идею?

Когда я начинал писать этот роман, у меня еще не было определенного замысла. В большей или меньшей степени, сестра за книгу меня заставило — именно заставило — вдохновение. Я не знал тогда, о чем будет эта история и что за роман у меня получится.

В чем-то это похоже на сочинение музыки. Я прислушивался к истории, которая разворачивалась у меня в голове, и переносил ее на бумагу. Моцарт говорил, что его симфонии и концерты проходят сквозь него, а он сам лишь переводит их в ноты. Но Моцарт не знал, откуда берется эта музыка. Так же и я. Эта история просто пришла ко мне, и все.

Да, весьма загадочно... «Звонка» затрагивает множество тем: мизантропия (человеческая ненавистничество), гермаф-

родитизм, гендерные вопросы, болезни, СМИ, этика, утилитаризм — лишь некоторые из них. По-вашему, какую из тем или идей «Звонка» можно назвать главной?

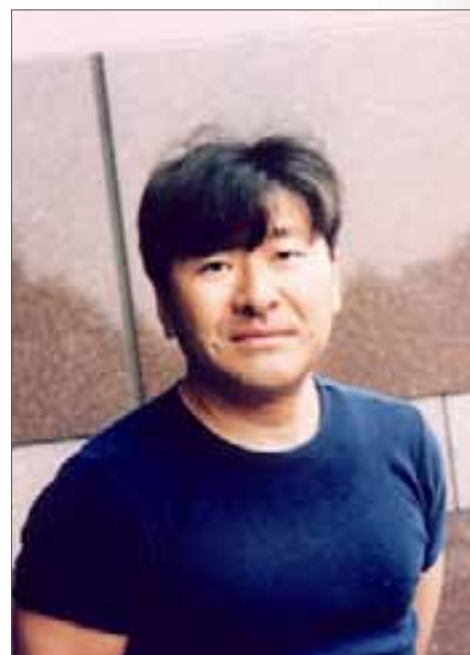
Когда я писал роман, мне приходилось заботиться о двух дочерях. Я создал его в 1989 году. Тогда моей старшей дочери было всего два года, а жена работала преподавателем японской истории в средней школе. Поэтому я присматривал за дочерьми вместо нее.

Что необычно для Японии...

Поэтому в «Звонке» я, на самом деле, рассказал о любви к своим дочерям. Главный персонаж в книге не женщина, а мужчина: Асакава Казуюки. Он отец. У него есть жена и дочь. И как большинство мужчин, он ужасно боится их потерять.

Я тоже. Для меня самый большой кошмар — потерять жену и дочерей. Так что Асакава, мой протагонист, сражается за жизнь жены и дочери.

Что влияет на вашу работу — явно и неявно? Книги? Мифы? Телевидение? Фильмы? Стивен Кинг, Эдгар Аллан По? Религия? Философия? Что вас вдохнов-

ляет? Или все это часть вашего внутреннего мира?

По большей части, мое творчество — выражение моего жизненного опыта. Но если быть честным, думаю, прочитанные книги тоже оказывают на меня влияние. В университете я изучал французскую литературу, позже много читал американскую и немецкую.

И знаете, я не читаю хоррор. Не люблю литературу ужасов. Одно время читал Кинга, но не много. Я не смотрю телевизор и фильмы ужасов. Больше всего на меня влияет мой жизненный опыт, в первую очередь — общение с дочерьми.

Впрочем, мне нравится думать о себе как о крутом парне, ком-то вроде японского мачо. (Смеется) Может, я выгляжу как простой японец, но мне симпатичен архетип американского мужчины. Мне

нравятся персонажи Хемингуэя, и не меньше — ходить в море под парусом, так что Хемингуэй мне близок. «Старик и море» и все такое прочее...

Что есть «зло»? В наше время слово кажется изрядно заезженным... У Стивена Кинга и в западной религии зло — это нечто первобытное и нерукотворное, существующее независимо от человека. У вас же в «Звонке» зло сотворено людским разумом — Садако, возненавидевшей человечество. Говоря словами философа Жана-Поля Сартра, для вас ад — это «другие люди»?

Я верю в силу человеческого сознания. Несомненно.

Я не верю в зло. Я считаю себя оптимистом, поэтому не очень интересуюсь концепцией зла. Но в романе без зла не обойтись: просто необходимо разделить хорошее и плохое, чтобы получилась книга. Я стараюсь писать о лучшей стороне человека. Если не будет тьмы, не будет и контраста. И тогда то, что ты хотел сказать, останется незамеченным. Свет и тьма.

Вы сами верите в ад, демонов или привидения?

Нет. Я не верю в дьявола, демонов и Зло.

Зачастую то, что заложено в книге, никак не отражается в экранизациях, даже самых удачных. Книга дает возможность создать индивидуальный,

скроенный по отдельной мерке мир ужаса, в то время как в фильмах страх больше зависит от жанровых традиций. Вам понравились экранизации вашей книги?

Книги и фильмы — далеко не одно и то же, это я знаю. Когда читатель погружается в книгу, между напечатанными словами и сознанием создается буферная зона. Человек прочитывает строчку, и его интуиция, его воображение воссоздают индивидуальный образ героя или героини. В этом вся суть книг.

В фильмах все иначе. Фильмы напрямую обращаются к слуху и зрению, так что воображение становится ненужным. Все подается прямоком в голову.

Да, я знаю о различии между книгами и фильмами. Книги задействуют воображение.

Так что же вы думаете об экранизациях?

Я думаю, мне повезло. И японский, и голливудский «Звонок» очень хороши. И мне повезло быть их автором. Если бы я считал иначе, то сам себе не позавидовал бы. Голливудский «Звонок» — очень хорошая картина... но с романом он имеет мало общего.

В литературном «Звонке» много внимания уделяется детективной составляющей, интеллектуальному расследованию. Японский фильм больше строится на интуиции и мистической связи Асакавы с паранормальным феноменом. Это было неизбежным сокращением? Вы думаете, это ослабило идею, заложенную в книге?

Я думаю, это сокращение, ведь фильм длится всего два часа. Невозможно передать все в фильме. Вот если бы у них было десять-двенадцать часов, тогда — может быть.

Почему в обеих экранизациях пол главного персонажа был

изменен с мужского на женский? Репортер Асакава Казуюки стал Асакавой Рейко... Кажется, в большинстве хорроров и слэшеров (по крайней мере в Голливуде) главными персонажами становятся женщины. К примеру, Джейми Ли Кёртис в серии «Хэллоуин» или Нив Кэмпбелл в «Крике». Это был ваш выбор?

Мне хотелось, чтобы в оригинальном «Звонке» режиссер использовал мою ситуацию. Асакава Казуюки, мужчина... Я хотел написать историю отца, который защищает любимую дочь. Но в Японии так не принято, поскольку потребность защищать дочь считается материнским инстинктом, уделом женщины. Вот почему в японском фильме героиня — женщина, Асакава Рейко.

Однако я не думаю, что должно быть именно так. Мне хотелось создать роман нового типа, ведь я сам принадлежу к новому типу отцов — тех, что присматривают за детьми. И я думаю, для романиста

весьма важно вкладывать в свою работу личный жизненный опыт.

В американском «Звонке» я тоже хотел видеть в главной роли мужчину. Я думаю, образ американского отца достаточно силен, так что мужчина был бы вполне уместен. Например, Арнольд Шварценеггер из фильма «Коммандос». (Смеется) Смыслом его жизни была защита дочери.

Один из важных аспектов книги — исследование мужской дружбы между Асакавой и Такаямой Рюдзи. Этот момент на-

векн реальной дружбой?

Хммм... Я уже говорил, что для писателя важно воплотить в книге собственный опыт. Оба персонажа, Асакава и Такаяма — это две грани меня самого.

Раздвоение личности?

Асакава — обычный человек с серьезным взглядом на жизнь. Такаяма — очень сильный, но своеобразный человек. Во мне при-

сутствуют оба архетипа. Мне пришлось отринуть свой собственный характер, чтобы эти двое смогли появиться на свет.

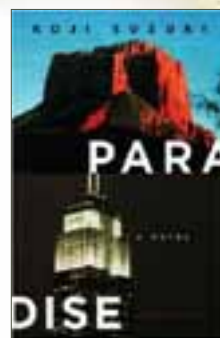
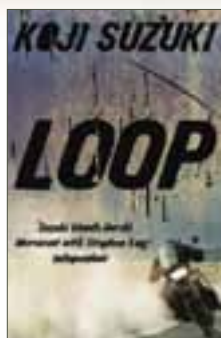
Существует ли такое явление как «японский хоррор»? Или жанр ужасов универсален? Должны ли у страхов быть корни в национальной культуре?

Я думаю, людям нельзя терять чувствительности к страху. Это необходимо для выживания. Без чувства страха человек долго не протянет. Это врожденный инстинкт. К примеру, если мышь перестанет бояться, она обречена. Если возникнет опасность, а страх не заставит ее бежать, ее ждет смерть.

Вы довольны американской экранизацией «Звонка»? Вы принимали участие в адаптации оригинала для американской публики?

Мне нравится голливудская версия «Звонка». Я прочитал сценарий и высказал несколько пожеланий. Во-первых: никакой крови, никакой резни, никаких сцен насилия. Мне не нравится «мясо» — с

ним отпадает нужда что-то домысливать. Во-вторых: все пугающие сцены должны максимально задействовать воображение зрителя...

Почему промежуток между публикацией книги (1991) и переводом на английский занял так много времени — 11 лет? Как вы выбирали переводчика? [Кодзи Судзуки — сам профессиональный переводчик, свободно владеет английским. — Прим. переводчика]

Я написал роман очень, очень, очень давно. За это время в Японии было опубликовано множество американских романов... и лишь несколько японских появились в Америке. По мне, большая удача, что мой роман переведен на английский, пусть на это и понадобилось одиннадцать лет.

Вы человек многих профессий — писатель, переводчик, специалист по уходу за детьми, опытный мореход, путешественник и любящий отец. Кто вы? Все вместе и сразу?

Думаю, я — Кодзи Судзуки.

Над чем вы сейчас работаете?

У меня вышла новая книга «Прогулка богов». Она исследует природу культов, таких как Аум Синрикё. Это таинственная исто-

рия о женщинах; думаю, читатели получат от нее много эмоций.

Что вы сейчас читаете? Каким книгам отдаете предпочтение?

Мне интересно все. Мне нравится французская и американская литература, как и любая другая хорошая литература. В данный момент меня больше всего интересует наука. Читаю о ДНК, теории относительности и квантовой теории. Каждый день стараюсь изучать интересующие меня книги по истории и науке.

На ваш вкус, какие книги японских авторов обязательны к прочтению?

(Молчание) Хммм... Не из американской беллетристики?

Японская литература. Японская беллетристика.

(Молчание) Я думаю, у американской литературы есть своя особенная логика. А японская литература существует в обособленном маленьком мире. Она не имеет внешней логики.

Японские романы, на мой взгляд, слишком специфичны. Сами японцы читают эти романы и находят их увлекательными. Люди в других странах, думаю, не сочтут их столь интересными. Японская литература не обращается к ми-

ровым ценностям и при этом не строится на мировых стандартах.

Shishosetsu [«я-роман», т. е. роман о самом себе — Прим. ред.] — одна из частных форм японского романа. Если американец прочтает подобную книгу, вряд ли она ему понравится. Это узкая литература, она не обращена на мир.

Вы смотрели фильмы Куросавы? Я думаю, у него есть эта всечеловеческая логика и доступность. Множество людей по всему миру находят его фильмы интересными. Я хотел бы быть Куросавой. Чтобы любой человек на земле мог найти что-то в моих книгах — и неважно, почувствует он себя от этого счастливей или просто с интересом проведет время. ☺

Апрель 2003

Перевод
Сергея Непрозванова

Рэмси Кэмпбелл: «Иногда страх пропитывает все вокруг себя»

Мы можем долго рассуждать о достоинствах «Террора», хулить Дина Кунца и превозносить Стивена Кинга, выкладывать деньги за очередной сборник унылых готических страшилок — но пока в России не выйдет хотя бы один роман и один сборник Рэмси Кэмпбелла, о хорроре мы будем знать ничтожно мало.

Кэмпбелл — обладатель фантастического числа жанровых наград и премий, но по-настоящему в нем привлекают не регалии, а гнетущее чувство страха, которым пропитаны даже самые безобидные его произведения. Вопреки расхожему мнению, по-настоящему жуткая книга вызывает не трепет, а желание ее отбросить, ибо напряжение становится невыносимым... но сделать это невозможно: порождение чьей-то воспаленной фантазии уже запустило цепкие пальцы в ваш мозг. Таковы книги Рэмси Кэмпбелла, и мы не видим причин не соглашаться со знаменитым лавкрафтоведом С. Т. Джоши, который написал однажды: «Будущие поколения увидят в нем ведущего писателя ужасов нашей эпохи, во всем равного Лавкрафту и Блэквуду».

Читайте первое русское интервью с легендой мирового хоррора, которое мистер Кэмпбелл дал специально для «Тьмы».

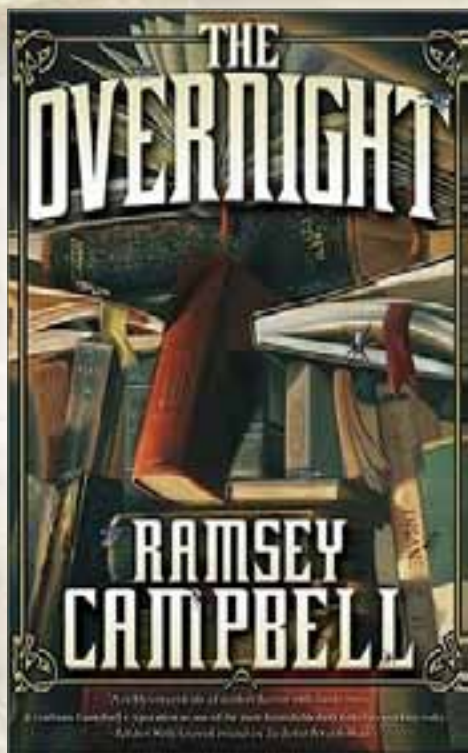
Ваша писательская карьера, как и у многих молодых авторов той поры, началась в русле Мифов Ктулху. В дальнейшем вы не раз отходили от лавкрафтовского понимания хоррора, но неизменно к нему возвращались — и каждый раз на новом уровне. Как вы считаете, сохранилась ли в вашем творчестве частичка Лавкрафта? Жизнеспособны ли его принципы и по сей день?

Несомненно! В большей мере я отвергал не Лавкрафта, а свои подражания — особенно в том,

что касалось использования его мифологии. Я старался заполнить каждый пробел в мифологии, который попадался мне на глаза, не осознавая, что на самом деле ее задачей было создать атмосферу таинственности, не вдаваясь в объяснения и систематизацию. Так Лавкрафт надеялся спасти жанр сверхъестественного от викторианского оккультизма, который представлялся ему слишком шаблонным и не дающим простора для фантазии. Однако Мифы были лишь одним из способов, которыми Лавкрафт пытался достичь

своих целей — строго говоря, он всю свою литературную деятельность посвятил поискам совершенной формы для истории об ужасном. Я по-прежнему считаю, что его принципы — психологическая достоверность; персонажи, которые реагируют на все, как реальные люди; тонкая оркестровка ужаса при помощи намеков, недомолвок и тщательно продуманной композиции — незаменимы для нашего направления. В части лучших его работ — «Цвет из иных миров», «Жизнь Чарльза Декстера Варда» — не содержится никаких ссылок на его мифологию (или их очень мало). Этой модели я попытался следовать в моем романе «В темной чаще» («The Darkest Part of the Woods»). Положительное влияние Лавкрафта до сих пор чувствуется в отдельных моих историях.

Почему, на ваш взгляд, англо-американская традиция хоррора — самая сильная в мире? Попадались ли вам стоящие внимания авторы вне англоязычного пространства?

Думаю, дело в общем языке — это открыло дорогу для взаимного обогащения культур по обе стороны Атлантики. Так, на де ла Мара оказал влияние По, а Лавкрафт учился у Блэквуда, Мейчена, М. Р. Джеймса и лорда Дансени, равно как и у своих соотечественников — По и Бирса. В творчестве Фрица Лейбера объединились М. Р. Джеймс и Лавкрафт, и так далее — две традиции насыщают и укрепляют друг друга. Но если говорить о других странах, нельзя не отметить Гофмана, Жана Рэ и Хосе Карлоса Сомосу (хотя обычно его не называют в числе тех, кто пишет хоррор, некоторые его романы прекрасно подходят под мое личное определение жанра). Также давайте не будем забывать про Кафку. А без «Вия» Гоголя у нас не

было бы великого фильма ужасов Марио Бавы «Маска демона».

Каковы, по-вашему, перспективы литературы ужасов? Не ожидает ли нас хоррор-бум? На кого из молодых авторов вы возлагаете надежды?

Литература ужасов и не думает умирать, как бы часто ни провозглашали ее похороны — и мне кажется, сейчас она в очередной раз подымается из могилы. На плаву ее поддерживают небольшие издательства — например, PS Publishing в Британии или Ex Occidente в Бухаресте (в последнее время у них вырисовывается интересная линейка книг). Состоится ли новый бум, сказать не могу. А хороших молодых авторов хватает — взять хотя бы Гэри Фрая (Gary Fry), Эллисон Берд (Allyson Bird), Джона Л. Проуберта (John L. Probert), Гэри МакМэхона (Gary McMahon), Реджи Оливера (Reggie Oliver), Рио Юэрса (Rio Youers)... Всякий раз, как приходится составлять подобные списки, много достойных имен неизбежно остается за кадром. Лучшие путеводители по новому хоррору — это ежегодник Стива Джонса «Лучшие новые ужасы» (Mammoth Book of Best New Horror) и аналогичная — но с минимумом пересечений — серия антологий от Эллен Датлоу.

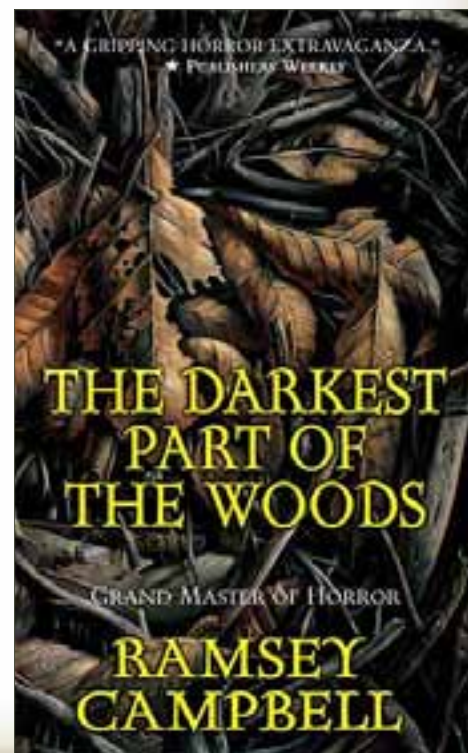
В глазах многих вы почти волшебник: вам по силам найти источник ужаса в любой ситуации или образе, какими бы безобидными они ни казались на первый взгляд. Так присущ ли страх самой природе вещей — или только человеку?

Наверное, и то, и другое. Разумеется, у всех нас есть какие-то страхи, признаем мы их существо-

вание или нет. Но в контексте моих историй можно говорить о двух моментах. С одной стороны, очень часто источником ужаса — независимо, психологического или сверхъестественного характера — становится окружающая обстановка, какой привычной она бы ни была. С другой, страх — опять-таки, любого вида — иногда пропитывает все вокруг себя; в этом меня убеждает личный опыт.

Каковы ваши взгляды на зло? Обязательна ли для современного автора ужасов четкая концепция зла?

Я все больше проникаюсь убежденностью, что зло сводится к отказу человека от обязанности делать нравственный выбор (по крайней мере, эти явления неразделимы). Мы сами выбираем, что нам делать — а попутно выбираем и последствия. Мне кажется очень подозрительным, когда людей пытаются уверить, что они не несут ответственности за свои поступки. Думаю, сейчас самое время на-

помнить им об истинном положении вещей.

При всем при этом я считаю, что авторам, работающим в жанре ужасов (или любым другим), не следует рассматривать творчество как способ обнародовать свои предвзятые представления о зле. Настоящее искусство позволяет нам взглянуть

новыми глазами на привычные вещи; такой же эффект должен оказывать на писателя акт творчества. Когда в моих книгах заходит речь о зле, я пытаюсь исследовать его природу, а не механически излагать свои взгляды — во всяком случае, надеюсь, что это так.

В некоторых ваших произведениях присутствуют сцены, в которых сексуальные образы поданы в очень тревожном, нестандартном ключе. Почему, на ваш взгляд, эротика и хоррор так хорошо сочетаются? Или, быть может, это не так?

Видимо, вы говорите о сборнике «Напуган до смерти» («Scared

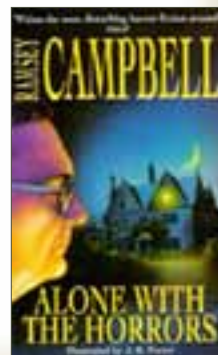
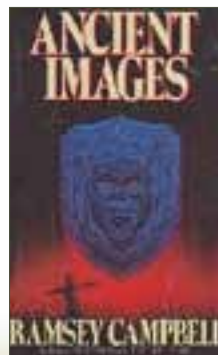
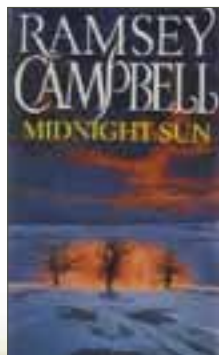
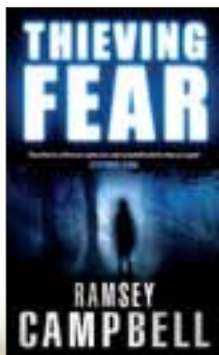
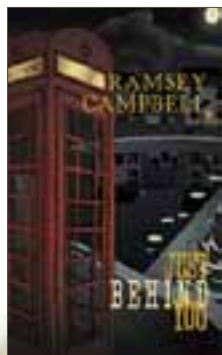

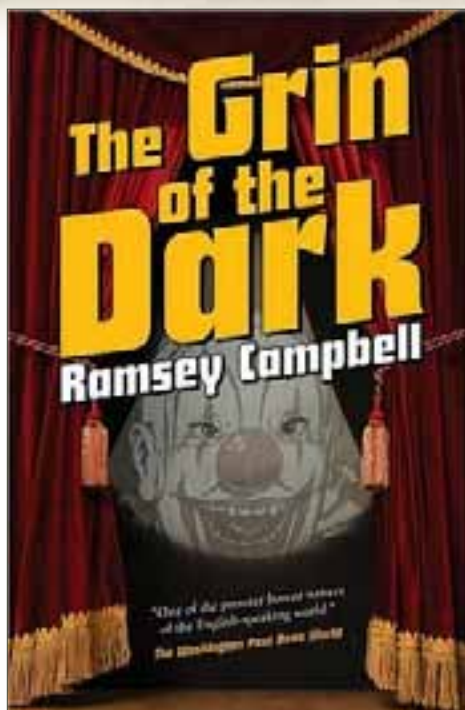
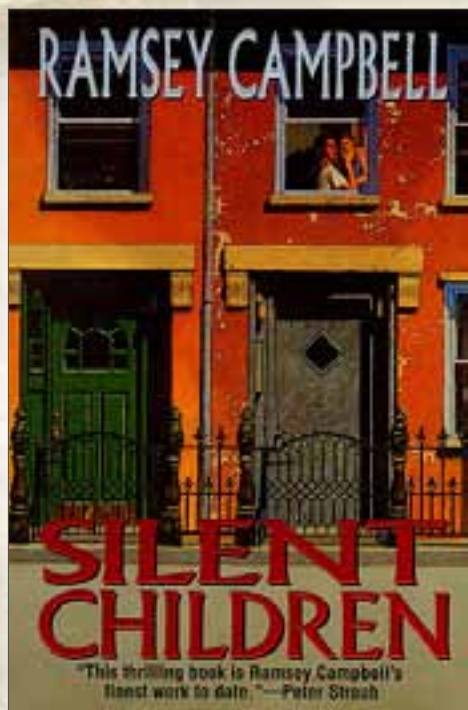
Stiff»). В этих рассказах я попытался выяснить следующее: если вывести элемент сексуальности, который лежит в основе некоторых образцов хоррора, на поверхность, то не потеряет ли такое произведение в силе воздействия? Кажется, обошлось без потерь. Однако я не могу с ходу согласиться, что хоррор как явление более пригоден для, скажем, фрейдистских трактовок, чем другие жанры. Я не поклонник откровенной порнографии, и когда ее используют в литературе ужасов (а в наши дни такое не редкость), это меня отвлекает — и более того, мне становится скучно.

им героям, чтобы намеренно лишать их читательской симпатии или выставлять их в неприглядном свете. Я всего лишь хочу, чтобы они предстали такими, какие они есть. Никогда не понимал мнения, что персонаж обязательно должен вам нравиться или что вы должны поставить себя на его место, чтобы получить удовольствие от литературного произведения. Лично для меня авторской пронизательности и хорошего слога вполне достаточно. Оба подхода — и отстраненный, и противоположный ему — могут прекрасно работать. Роберт Эйкман и М. Р. Джеймс, как правило, держатся несколько в стороне от повествования, в то

Нередко складывается впечатление, что вы относитесь к своим персонажам без особой симпатии. Выходит, воздействие произведения ужасов сильнее, если автор и читатель несколько отчуждены от героев?

Не сказал бы, что я до такой степени не сочувствую сво-

время как Ричард Матесон и Стив Кинг стараются передавать эмоциональное состояние своих персонажей самым непосредственным образом. Судя по всему, я нахожусь где-то посередине.

В отличие от фэнтези или научной фантастики, хоррор сопряжен для писателя с определенными социальными трудностями. Быстро ли ваши родные свыклись с тем, что вы работаете не в самом обычном жанре? Как ваши дети реагировали на то, что их отец пишет хоррор? Кстати, как они относятся к ужасам теперь?

Мне кажется, научные фантасты тоже чувствуют некоторое давление со стороны общества; возможно, это касается и тех, кто пишет фэнтези. Что же до меня, я давно к этому привык, и мне всегда есть что ответить людям, которые чувствуют непреодолимое желание высказать мне в лицо, что они думают о моих книгах (которых они, как правило, не читали, да и вообще не особенно разбираются

в хорроре, но все-таки убеждены, что это им не нравится). С семьей у меня трудностей не возникало. С будущей женой я познакомился на научно-фантастическом конвенкте — она одна из дочерей А. Бертрама Чандлера [известного научного фантаста — Прим. ред.], — и к тому времени она уже знала и любила литературу ужасов. Наши дочь и сын выросли на хорроре: я кое-что им читал (когда они были маленькими, приходилось тщательно подбирать книги) и показывал им сравнительно безобидные фильмы пятидесятых и более ранних годов. Им до сих пор нравится это направление, и они читают мои книги.

На сегодняшний день вы написали около тридцати романов и пропорциональное число рассказов. Какая из форм требует больших усилий? Существует ли качественная разница между рассказом и романом ужасов?

На мой взгляд, в рассказе очень важно знать, какие детали опу-

стить. Как правило, малая форма предполагает более напряженную работу. С другой стороны, в процессе создания романа приходит в действие скрытая динамика, и крупной форме свойственно удивлять писателя — по крайней мере, в моем случае. Вот почему мне так нравится писать романы, но и рассказы я не забрасываю: у меня слишком много идей, для которых лучше всего подходит именно небольшой объем. Я бы сказал, что каждая новая история, независимо от величины — это вызов.

Вы лауреат впечатляющего числа жанровых премий. Важны ли для вас по-прежнему эти формальные знаки признания ваших заслуг?

Конечно, важны. Они дают мне уверенность, что кому-то мое творчество по душе. Верите ли, чем старше я становлюсь, чем больше пишу, тем меньше уверен в значимости своей работы. Каждый раз, когда я отсылаю издателю новое произведение, особенно роман, я втайне ожидаю отка-

за — потому, что книга не соответствует стандарту или потому, что от меня ожидают совсем другого.

Что подтолкнуло вас закончить три незавершенных рассказа Роберта Говарда о Соломоне Кейне, и довольны ли вы результатом?

Об этом меня попросил Гленн Лорд [издатель, популяризатор и биограф Роберта Говарда — Прим. ред.]. Я постарался не ударить в грязь лицом, хотя Ричард Тирни заметил, что в моем исполнении главный герой получился несколько вялым.

Один из ваших романов, «Холодная луна» («The Hungry Moon»), включен в рекомендательный список Ассоциации писателей хоррора (HWA). Считаете ли вы, что это действительно одна из лучших ваших работ, которую можно рекомендовать любому поклоннику жанра? Почему, как вы думаете, ее включили в этот список?

По мне, эта вещь — беспорядочная смесь из нескольких не оформившихся романов. Здесь вам и комизм «Досчитай до одиннадцати» («The Count of Eleven»),

и рассуждения о загробной жизни, которых много во «Влиянии» («The Influence»), и даже, вероятно, попытка внушить благоговейный трепет, которую я позже предпринял в «Солнце полуночи» («Midnight Sun»). Это слишком бесвязная книга, и я предпочел бы, чтобы люди читали другие мои романы. Некоторые сцены в «Луне» мне нравятся, но от этого лишь печальнее, что остальные удались меньше. Чем продиктован такой выбор, честное слово, не знаю.

Какие ваши книги вы порекомендовали бы тому, кто только начинает знакомство с Рэмси Кэмпбеллом?

Говоря о рассказах, хорошим началом послужит сборник «Наедине с ужасами» («Alone with the Horrors»); более поздние, «Кошмары наяву» («Waking») и «Прямо за твоей спиной» («Just Behind You») тоже весьма и весьма неплохи. Романы: «Ухмылка тьмы» («The Grin of the Dark») — параноидальная комедия, «Солнце полуночи» — попытка внушить сверхъестественный трепет. А еще у меня есть повесть «Жажущие призраки» («Needing Ghosts»), которая больше любой другой моей кни-

ги напоминает сон, перенесенный на бумагу.

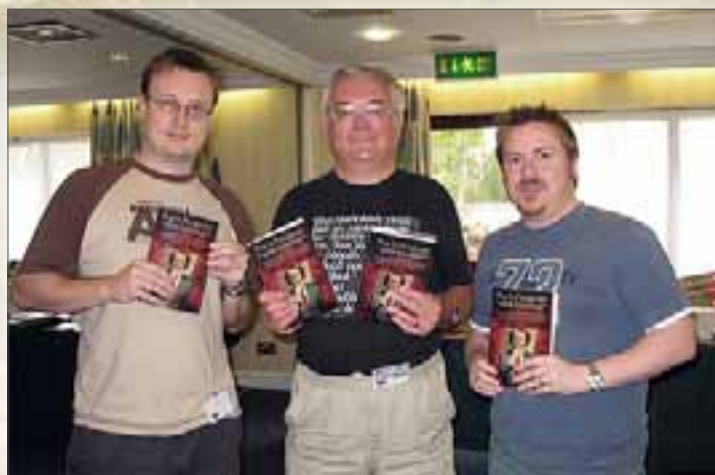
Не могли бы вы немного рассказать о географии ваших зарубежных изданий? Пытались ли выйти на вас российские издатели?

Мои книги выходили на многих языках — французском, немецком, испанском, польском, голландском, японском и так далее, — и в большинстве случаев (насколько я могу судить) в довольно точных переводах. Особенно я ценю, когда переводчик использует сноски в местах, где английская идиома или игра слов не поддается точному переводу. Не припомню, чтобы ко мне обращались российские издатели — признаться, я был очень удивлен, когда узнал, сколько моих рассказов уже вышло на русском языке.

Известна ваша страсть к кино. Какие фильмы ужасов 2008 года понравились вам больше всего? Удовлетворены ли вы в целом современным кинематографом ужасов? Есть ли тенденции, которые вы не одобряете?

Не вполне уверен, в каком году вышли эти картины, но два британ-

ских фильма — «Райское озеро» и «Безумная семейка» («Mum and Dad») — впечатлили меня тем, что имеют прочные корни в мрачных реалиях нашей жизни и сделаны очень своеобразно, по-британски. «Впусти меня» — очень сильный и волнующий фильм. «Антихрист», на удивление, показался мне не слишком характерным, что не так уж плохо — здесь мы наблюдаем документальную подачу материала, почти как в «Рассекая волны», но менее жутким фильм от этого не становится.

Что же касается тенденций, то у каждой эпохи есть свои штампы — и очень жаль!

Расскажите немного о своих новых книгах — в частности, о романе «Твари из лужи» («Creatures of the Pool»), который выходит в этом ноябре. Признаться, выбор названия интригует! Ждут ли читателей какие-нибудь эксперименты?

Думаю, «Твари из лужи» станет моим главным романом о Ливерпуле. Действие происходит в наши дни, но в основном ограничено территорией, которую занимал когда-то средневековый городок. Я десятилетиями собирал книги о Ливерпуле — чем древнее и неизвестнее, тем лучше, — и этот

роман во многом черпает из истории города и его мифов. Надеюсь, читатели не всегда смогут отличить элемент сверхъестественного в книге очень силен. А сейчас я заканчиваю «Семь дней Каина» («The Seven Days of Cain») — еще один роман о сверхъестественном, только на сей раз сюжет крутится вокруг Интернета (и психологии главного героя, как часто у меня бывает). Скажем так, эта книга об ответственности человека за то, что он создает.

Традиционный вопрос: что бы вы посоветовали начинающему автору ужасов?

Будьте как можно правдивей. Наблюдайте за людьми — как они ведут себя, как разговаривают, и старайтесь, чтобы ваши персонажи выходили столь же достоверными. Читайте классику жанра, но не ограничивайтесь этими рамками. Лучшие образцы хоррора многим обязаны тщательному подбору языковых средств, так что ищите верные слова!

И еще один: случилось ли вам бывать в России, и если да, то каковы были ваши впечатления? Оказала ли рус-

ская культура на вас какое-либо влияние?

Увы, в России я не бывал, но одним из самых важных авторитетов в литературе для меня стал Владимир Набоков. Его «Лолиту» я прочел в семнадцать лет, и она стала для меня абсолютным открытием: раньше я и представить не мог, что можно так работать с языком. Вряд ли Тарковский как-то на меня повлиял, но некоторые сцены из «Зеркала» и почти весь «Сталкер» кажутся мне не менее жуткими, чем фильмы ужасов Дэвида Линча. «Андрей Рублев» тоже меня тронул. Люблю русскую музыку, от хоровой до оркестровой, но опять-таки, не стал бы говорить о влиянии как таковом.

И наконец, не могли бы вы пожелать что-нибудь нашим читателям?

Пусть в вашей жизни будет поменьше страха, но наслаждайтесь ужасом в искусстве. ☺

**Интервью и перевод
Владислава Женеvского**

*Использовались вопросы
Дмитрия Квашина и
Константина Паршенко*

Андрей Круз:

«Для меня не существует просто машин, просто пистолетов, просто винтовок»

В то время как другие авторы боевиков командируют спецназовцев в прошлое, будущее и еще не приведи Азатот куда, Андрей Круз предпочел иную, не проторенную российскими сапогами дорожку, и выбрал милый любому, для кого слово «хоррор» не пустой звук, поджанр зомбокалипсиса. Почему — читайте в нашем интервью.

Первый вопрос традиционный — почему именно зомби?

Потому что мне в свое время понравились фильмы Ромеро. Потому что это самый нетипичный вид Апокалипсиса. И в этом есть нечто очень неправильное изначально.

Нравятся ли вам фильмы ужасов о зомби? Если да, то какие из них вы бы отметили как наиболее удачные?

Сказать о таких фильмах, что «нравятся аж жуть!» — не могу, добивает чаще всего убийственная нелогичность поведения действующих лиц. Подозреваю, что именно это подспудное раздражение и заставило написать такой текст. А вот сам жанр — нравится, жаль, что его возможности никто пока не сумел использовать в кино полностью.

К какому жанру вы бы причислили «Эпоху мертвых»? Ужастик? Роман-катастрофа? Боевик на фоне декораций с зомби? Все сразу или, быть может, что-нибудь другое?

Скорее всего это роман-катастрофа вместе с боевиком. Таков был замысел, по крайней мере. А затем он стал еще и моей моделью постапокалиптического общества — я показал его таким, каким, по моему мнению, оно будет после падения мира.

«ЭМ», том первый — это действительно Начало. Вы с самого, простите за каламбур, начала планировали столь неспешное и тщательное повествование или так получилось? Спрашиваю потому, что лично мне еще не приходилось сталкиваться со столь скрупулезным и подробным описанием подготовки к последствиям Катастрофы. Получилось почти руководство по выживанию.

Я планировал два тома, потом вырастил до трех. По мере написания самому становилось интересно, что будет происходить в этом мире, поэтому добавлялись детали, подробности. Ну и сам процесс выживания героев меня занимал все больше и больше по мере написания, хотелось представить, что будет делать в таких условиях чело-

век такого типа, которого я отношу к «типу выживающих». Не «выживателей» в бункерах с тушнякам, а тех, кто просто выживет в любых условиях и поможет выжить другим, активных, подготовленных.

В книгах заметное внимание уделяется оружию и снаряжению. Это отмечают все ваши читатели. Причины вашей любви к оружию известны и понятны, но вот некоторые считают, что объемы его описания несколько «утяжеляют» книги. Есть чем возразить? :) Или, быть может, это вполне естественно — писать о том, что хорошо знаешь и понимаешь.

Для кого-то утяжеляют, кто-то узнает что-то новое для себя из

этого. Мне неинтересно просто строить сюжет и задумываться исключительно о действиях ГГ. Ну и писать о том, что не интересно, тоже не хочется. Если разным людям показать фото человека, стреляющего из автомата, и спросить: «Что он делает?», кто-то ответит: «Стреляет», кто-то скажет: «Стреляет из автомата», кто-то уточнит: «Стреляет из калаша», ну а кто-то выразится: «Стреляет из АКМС». Я отношусь к последнему типу, то есть для меня не существует просто машин, просто пистолетов, просто винтовок.

На «Эпоху мертвых» народ уже пишет фанфики. Если вдруг вам предложат сделать из «ЭМ» межавторский проект вроде «Сталкера» — согласитесь? «Эпоха Мертвых. Питер» или «Эпоха Мертвых. Самара». Звучит ведь? Или все-таки жалко отдавать собственное детище на откуп чужой фантазии?

Нет, ни капли не жалко, просто не думаю, что кто-то соберется делать такой проект. «Сталкер»

возник из очень популярной игры, мои книги до такого уровня пространства не дотягивают. Сам создавать сериалы я не хочу, пусть уж кто-то другой занимается.)

Крамцов — близок вам своей жизненной философией и мироощущением? С себя писали?

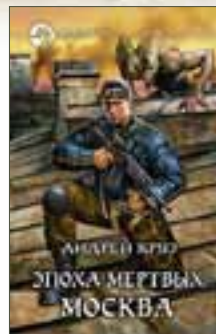
Нет, не с себя. С себя пишу персонажа «Я еду домой!», и его семью со своей. Немного в Ярцеве из «Земли лишних» от меня. А Крамцов выдуман на 100%.

Не могу не задать вам этого вопроса. Тем более, что герои «ЭМ» частенько его озвучивают. Вы считаете, что нашей стране нужен закон о разрешении ношения огнестрельного оружия? Если да, то почему? Эффект Зомби оставим за рамками вопроса. :)

Нужен толковый, грамотный и непротиворечивый закон. Нужна легализация короткоствола. И нужна чудовищная ответственность его владельцев за ненадлежащее хранение, ношение и не дай бог — применение. Потому что оружейный инфантилизм в российском обществе зашкаливает, откуда братья культуре обращения с оружием? Другое дело, что есть тонны мирового опыта как правильно организовать процесс, сложного в этом нет ничего. Просто решения на этот счет у нас принимаются теми людьми, которым на народ, собственно говоря, наплевать, а уж им самим точно ничего в этой жизни не грозит, кроме бюрократических штормов.

Расскажите о своих творческих планах и судьбе цикла «Эпоха мертвых».

Цикл «Эпоха мертвых» закончился на третьей книге, которую я

закончил, но даже название еще не придумал. Возвращаться к нему уже не буду. Есть вторая ветвь этого цикла, «Я еду домой!», первая книга из которого пойдет в продажу в конце сентября, а вторая закончена наполовину. Всего будет три. На этом с мертвецкой темой покончу навсегда.

Затем будут романы «Лучший гарпунщик» и «Кто ждет нас в темноте», названия рабочие.

Как вы пишете книги? Сколько времени уделяете, есть ли какие-нибудь особые ритуалы и писательские секреты? С какими трудностями вы сталкиваетесь при создании книг?

Пишу как работаю — ставлю себе норму в word-овских страницах на день, стараюсь ее выполнять. Пишу в свободное время, все больше по ночам или на работе, там у меня то есть дела, то нет их. Ну и перелопачиваю массы материала в борьбе за точность излагаемых фактов.

Спасибо за интервью. И отдельное спасибо за отечественные зомби-романы. Их нам очень не хватало. Успехов в творчестве и в жизни.

Спасибо за вопросы, был очень рад ответить. 🍷

Беседовал Евгений Михайлов

Улыбнитесь, вас убивают

Автор: Александр Варго
Название: Дом в овраге (роман)
Жанр: ужасы
Издательство: Эксмо
Серия: MYST. Черная книга 18+
Год: 2009

Начнем с очевидно-невероятного: Александр Варго, последние два года исправно выпекающий книжку за книжкой — надежда и оплот отечественного хоррора. Увы, эти лестные слова он заслужил не своим творчеством, а скорее отсутствием альтернативы на книжном рынке.

«Дом в овраге» — самый свежий и при этом не самый плохой роман Варго. В центре повествования находится без пяти минут выпускник юридического факультета Артур Малышев. Именно ему предстоит стать ключевой фигурой в деле о безжалостном маньяке, терроризирующем город. Убийца вершит свои злодеяния, руководствуясь богатым опытом человечества в вопросе о различных пытках — по ходу действия читателя побалуют и насаживанием на кол (несчастной жертвы, не читателя), и скармливанием насекомым, и многим, многим другим.

А виной всему — кто бы мог подумать! — трагедия, случившаяся с маленькой девочкой тринадцать лет назад. И хотя упоминание о гибели ребёнка встречается в начале книги, в процессе чтения этот факт изглаживается из памяти, и не всякому придет на ум задуматься о его

связи с происходящими событиями (а на них, надо отдать автору должное, роман богат). Однако умницы из издательства «Эксмо» разместили эту информацию в аннотации на обложке, поэтому о фактах, которые читатели должны бы узнать из последней трети романа, мы узнаём, ещё даже не открыв книгу. В последнее время я всерьёз задумываюсь о том, стоит ли вообще читать превью...

На выходе имеем достаточно крепкий образчик кровавого триллера, сдобренный описанием «ментовского быта» и плавно перетекающий в «игру на выживание», так здорово в своё время проиллюстрированную в фильме «Пила». Получилась ли интрига? Ответ скорее утвердительный — личность маньяка, несмотря на кажущуюся очевидность, на деле оказывается несколько интересней, чем

можно было бы предположить. А вот сам его образ получился слишком узнаваемым: тут вам и клоун из «Оно» Стивена Кинга (кстати, убийца из романа Варго всё время величает себя в среднем роде, что только подтверждает наши предположения — без влияния «короля ужасов» тут явно не обошлось), и Конструктор из упоминаемой выше франшизы «Пила», и многие другие. Но всё же именно в конце повествования образ маньяка приобретает завершенность, и любители старой доброй классики с удовольствием вспомнят одно замечательное произведение. Какое? Прочитайте — и поймёте сами, не раскрывать же здесь всех карт.

«Кровавая» составляющая книги впечатляет лишь в определенных пределах. Да, жестоко. Вот только выглядит это всё, особенно в последней трети романа, как упрощённая версия всё той же «Пилы», которая, кажется, своими многочисленными продолжениями уже успела всем надоест — но по крайней мере может похвастаться интересными ловушками.

Несколько слов о стиле. Пишет Варго не сказать, чтобы плохо, но присущая всем великим писателям красота и лёгкость языка здесь отсутствуют напрочь. Всё чётко, ясно и по делу: «Пришёл. Увидел. Замочил». Без лишних завитушек. Что до редактуры, то она, видимо, всё-таки имеется, так как по сравнению с предыдущими произведениями автора ляпов и огрехов стало всё же поменьше, но полностью искоренить их не удалось. Ну а как ещё объяснить, что упавшую в колодезь девочку (привет Кодзи Судзуки) ищут то три дня, то пять?

Можно читать? Можно. Нужно?... Если вы пристально следите за всем, что происходит на рынке хоррора — пожалуй, да. Ведь Варго — это настоящее русскоязычной литературы ужасов. И чувствуется, что он пришёл всерьёз и надолго, несмотря на все минусы. ☺

Константин Паршенко

“ — Я бы сняло с вас всю кожу, — задумчиво продолжало существо, лезвием по спине Дмитрия. Тот вздрогнул. — Но тогда вы очень быстро умрете. Я читало, как однажды это сделали с какой-то женщиной. Действие происходило на болоте, и ее моментально облепили комары. Шок, потеря крови и так далее, ну, вы меня понимаете. Ничего интересного. Зато она была очень большой, и из ее кожи мог выйти отличный чехол для рояля. Может, даже для танка. Знаете, сколько весит человеческая кожа? Около двух с половиной килограммов. В этой женщине ее было не меньше трех с половиной. А может, и все четыре...

Пророк из Верхнеоральска

Автор: Алексей Атеев
Название: Тьма (роман)
Жанр: ужасы
Издательство: Эксмо
Серия: MYST. Черная книга 18+
Год: 2009

Уральского писателя Алексея Атеева по праву можно назвать первопроходцем в современной российской литературе ужасов. Его «Загадка старого кладбища», датированная далеким 1990 годом, впервые была опубликована в газете «Магнитогорский рабочий» в постперестроечные времена и стала целым откровением для экс-советских читателей, не искушенных в донныне запрещенном жанре. Книга мгновенно превратилась в культ, ее переиздавали десятки раз, и в итоге о писателе заговорили далеко за пределами Магнитогорска, в результате чего был подписан долгосрочный контракт с известнейшим московским издательством «Эксмо». За два десятка лет было написано несколько повестей и около двадцати романов, ни один из которых нельзя назвать слабым. Все они наполнены неподражаемой, присущей писателю атмосферой саспенса советских глубин, в которых всегда происходит нечто сверхъестественное, доселе невиданное русским человеком.

И вот спустя три года молчания (последняя книга, «Демоны ночи», была выпущена в 2006 году), перед нами новое творение Атеева — «Тьма». Действие романа происходит в наше время где-то на уральских окраинах Гиперборейских гор. В захолустном городишке Верхнеоральск (автор явно неровно дышит к родным местам в своих романах; так и в этом он слегка искажил несколько букв в названии реального города) появляется бродяга, наделенный даром исцеления и воскрешения мертвых. Слух мгновенно распространяется по всей округе,

“ Где-то впереди, за деревьями, раздался громкий неприятный звук, будто кто-то продудел в берестяную трубу.

— Что это?! — всполошился Мишка.

— Понятно что, вернее, кто. Леший. Его голос.

— Скажешь тоже. Леших не бывает. И прекращай меня заводить. Шагай лучше побыстрее...

и вот у пророка уже появляются преданные ученики, но местная власть пытается избавиться от неугодного мессии, с которым в город приходят беспорядки и хаос. В то же время историк в далекой Сибири, охотящийся за древними манускриптами, находит древний фолиант Нострадамуса, в котором сокрыты пророческие сведения о приходе лжемессии — точное время и год. Историк случайно оказывается в Верхнеоральске, где и происходят издревле предсказанные события...

Роман по сути не принес ничего нового в творчество писателя. Это все те же пророки, колдуны, ведьмы, ожившие мертвецы на фоне российской глухомани. За три года застоя не поменялось ничего, авторский стиль полностью сохранен, вот только складывается впечатление, что эти годы писатель усердно штудировал всевозможную литературу, поскольку роман изобилует цитатами из Библии, историческими фактами и выдержками из хроник. Прибавилось также сексуальных сцен, злоупотреблять которыми писатель начал еще в «Демомах ночи», что, впрочем, придает повествованию определенную долю пикантности. Особо хочется отметить место юмора в романе, что тоже присуще неподражаемому стилю Атеева. Сама идея книги — переигрывание легенды про библейского пророка на современный лад в маленьком российском городишке — на мой взгляд, интересна, но все же от атеевского романа я никак не ждал предсказуемости сюжета — с самого начала знаешь, что будет дальше (согласно библейской легенде). Концовка интересна, но уж очень напоминает написанный почти пятнадцать лет назад «Обреченный пророк» (эпизод с передачей сверхъестественного дара).

В итоге имеем добротный написанный роман с долей исторических сведений и ничуть не изменившимся авторским стилем. Но как знаток творчества Атеева я ставлю книге твердую тройку за предсказуемость сюжета и многочисленные повторы. В декабре в той же серии заявлен еще один роман писателя, «Дно разума», и в нем хотелось бы найти более оригинальный сюжет. Читателям, не знакомым с Атеевым, читать «Тьму» будет интересно, так как автору свойственна легкая и в то же время увлекательная творческая манера. И все же начинать погружение рекомендуется с «Псов Вавилона» или же культовой «Загадки старого кладбища».

Никита Пашкин

Евангелие от Лукавого

Автор: Алексей Иванов

Название: Летоисчисление
от Иоанна (роман)

Жанр: современная
проза, новеллизация

Издательство: Азбука-классика

Серия: Экранизированный бестселлер

Год: 2009

Галлюциногенный, сюрреалистический, какой-угодно-только-не-исторический и очень короткий, совсем не-романных объёмов роман. От истории тут — имена персонажей и сюжетный костяк, всё остальное — от Лукавого (в обоих смыслах), от мрачной теологической притчи, которой реальность и нужна-то постольку, поскольку играет на фабулу. Фабула такова. Филипп Колычев, игумен Соловецкого монастыря, возвращается в Москву после десятилетнего отсутствия, приглашённый другом детства царём Иоанном, чтобы — как Филипп узнает чуть позже — занять место прежнего митрополита, сбежавшего от кровавой вакханалии, которую самодержец вовсе не собирается прекращать и которую Филиппу теперь предстоит легитимизировать. Только террор, вчера казавшийся вещью

сугубо-земной, совершенно человеческой, сегодня обретает inferнальные эсхатологические краски. Сперва в мотивировках Царя, возомнившего себя посланцем Божьим, являющим через казнь — милость, а потом и на практике. Кровь льётся как вода, будто смазывая шестерни небесных сфер, ремённые петли дыбы протирают мембрану, отделяющую земной мир от метафизики. Кажется, что страна погружается в беззаконие, а она погружается в inferно, по царским палатам колдуны пируют с мертве-

цами, над палатами кружит, предвещая финал, человекоподобная саранча, в то время как по усадьбам неугодных кружит опричина, и уже не поймёшь, от какого Иоанна идёт это жуткое летоисчисление — от Грозного или от цитируемого Грозным наизусть Богослова.

Земная форма трещит по швам, напоённая неземным содержанием. Эта симфония истории и мистерии лучше всего видна в описаниях — Иванов замечательно, очень красиво и при этом коротко, лаконично пишет, порой создавая живопись из нескольких предложений. Отдельные эпизоды — например, первую литургию Филиппа — хочется перечитывать раз от разу, просто смакуя живую ярчайшую картинку, при том, что в памяти она остается, как письмена заповедей в граните скрижали. Что же эти письмена гласят?

Иванов начал свою книгу фразой: «Господь является только во зле», а закончил тем, что самопровозглашённо-му Господу не является вообще никто. В конце тоннеля не мелькнет ничего — ни света, ни поезда. Даже забавно: обычно такой финал свойственен Истории, а не притче. ☹️

Александр Камнев

ЗОНА УЖАСОВ
— Ваш навигатор в
мире хоррора

www.horrorzone.ru

Особенности национальной охоты. На зомби

Автор: Андрей Круз
Название: Эпоха мертвых. Начало (роман)
Жанр: фантастический боевик с элементами хоррора, роман-катастрофа
Издательство: Альфа-книга
Серия: Фантастический боевик
Год: 2009

Чем интересен зомби-хоррор? Мертвецами, медленно бредущими (или бодро бегущими) по пустынным улицам? Headshot`ами, которыми их окучивают главные герои? Быть может, очередным осадным противостоянием в супермаркете, коттедже или на военной базе? Чем? Ведь за очень редким исключением книги про зомби так однообразны и предсказуемы, что в пору разводить руками. В чем же соль? А она обязательно должна быть, потому что ставить знак равенства между этим жанром и, скажем, плоскими слэшерами, которые любят за вопиющую предсказуемость, я бы не спешил. Это слишком просто.

Я могу предложить вам свою версию. Думается мне, что главное в данном жанре вовсе не зомби, а люди. Мы с вами. Саймон Кларк в «Кровавой Купели» подметил одну важную деталь, которая есть квинтэссенция моей мысли. Он сказал, что «бывают в истории моменты, когда время делится пополам. Знаете, вроде как рождение Иисуса Христа. Все, что было раньше, — до НЭ. Все, что позже, — НЭ». На стыке этих переломных моментов люди тоже делятся пополам. Катаклизмы, которые мы видели в фильмах Ромеро или Бойла, срывают со всех нас маски, до максимума упрощая громоздкую и непрозрачную систему взаимоотношений в современном обществе. Никаких полутонов и со-

циальных ролей. Только черное и белое. Так, почувствовав свою безнаказанность, кто-то отправится насиловать и убивать, кто-то грабить и жечь, а кто-то, наоборот, будет держать периметр обороны, прикрывая отход женщин и детей. Кто ты на самом деле? Это и есть самое интересное. Не зомби, которые в жанре больше декорации-антагонисты, а психология, зомби-эксперимент Хиршбигеля, если хотите. Вот в чем соль.

«Эпоха Мертвых» уже довольно известна в Сети. О книге говорят, пишут фанфики по мотивам, появляются рецензии и отзывы. Редко какая книга из серии «Фантастический Боевик» удостоивается подобного внимания. Особенно со стороны читателя. Причина такого безразличия со стороны последнего известна — не самый, мягко говоря, высокий писательский уровень авторов. Графоманы здесь, увы, действительно превалируют.

Поэтому если о книге из этой серии говорят и при этом говорят много, то это уже повод для знакомства. Тем более, что тема «Эпохи Мертвых» и печальная картина на отечественном рынке хоррор-литературы нас к этому вроде как даже обязывает. Не лучшее время, чтобы во-

ротить носы, господа. Впрочем, книга Андрея Круза заслуживает внимания и без вышеупомянутых «но».

Очень часто в фильмах (да и в книгах тоже) читателя (или опять же зрителя) просто ставят перед фактом — вот эпидемия, вот зомби, а откуда все есть-пошло вам знать совсем необязательно. В «ЭМ» с этим все в порядке. Есть вирус, есть обезьяны и крысы, которые им инфицированы, и есть кучка, скажем так, «зеленых» с набором слесарных инструментов в заднице. Знакомо? Да, начало действительно напоминает «28 дней спустя». Затем вирус, как это обычно бывает, вырывается на свободу и, словно снежный ком, начинает набирать обороты. Завязка тривиальна и ничего оригинального здесь искать не нужно.

Самое любопытное начинается позже, когда народ начинает понимать, к чему все клонится, и активно принимается за собственное спасение. Вот здесь и начинается наш с вами национальный зомби-апокалипсис — узнаваемый и такой непохожий на американский. Главное — нюансы. Масса нюансов, которые делают картину происходящего реалистичной и, простите, родной. От забавного желания напиться, природной запасливости нашего брата и головотяпства правительства до логичных и, что главное, весомых доводов в пользу того, почему, например, «нива» или «буханка» лучше «лендкрузера». Дельных советов по выживанию действительно много. Макс Брукс бы от зависти съел свой зомби-гайд.

Красная нить всей книги — пословица о спасении утопающих. Хочешь выжить — действуй. Не стоит надеяться на военных, правительство или на традиционное русское «авось». Моменты, которые западный автор обычно опускает, Круз старается обосновать и разложить по логическим полочкам. Например, армия. Кто поверил в теорию Брукса из «Мировой Войны Z», где наши вооруженные силы скатились к воинственной религи-

озности и вообще занимались черт-те чем? В подобный идиотизм лично мне поверить было очень сложно. А теперь представьте, что армия не съехала с катушек, а просто разбежалась по домам. Не потому, что она — трусливый сброд, а потому, что у всех солдат и офицеров есть семьи и близкие, которые в сложившихся условиях требуют защиты и помощи. Кто им поможет, если не их собственные мужья, сыновья, братья? И только по этой причине гарнизоны пустеют на глазах, а по всем дорогам страны разъезжают БТРы и военные КАМАЗы с дезертирами. Согласитесь, в подобное виденье ситуации Крузом поверить гораздо легче, чем в ту ахинею, что была в «Z». И так почти по всем пунктам.

«Эпоха Мертвых» — не ужасы. Но, положив руку на сердце, я кроме «Кровавой Купели» Кларка и не вспомню зомби-романа, который сумел меня напугать. Пугают ли они вообще кого-нибудь? Не уверен. Скорее они способны вызвать чувства отчаяния, безнадежности и переживания за судьбу героев, но никак не страха. Материя немного не та. Так и у Круза. Зомби шляются, человечинкой не брезгают, умирают окончательно после выстрела в «башню», но ни фига не страшно. Привыкли что ли...

“ Возле въезда в Шереметьево-2 стояли пять или шесть раздолбанных из КПВТ черных машин с правительственными номерами, вокруг них и в них валялись трупы, с десяток, но вот спецназерских бэтээров видно уже не было. Видать, прав я оказался в своем предположении, что те, предчувствуя тотальный и полный конец всего сущего, решили на прощание разобраться с облеченными властью и полномочиями, кто, сначала просрав свою страну из боязни за свои кресла, затем еще и плюнув на нее, рванул искать безопасное место в дальних краях. Интересно, что среди трупов был и один в генеральском мундире. Зомби вокруг них пока не крутились, но думаю, что это не за горами. Еще откормятся морфы на этом изобилии.

Получается, что по-хорошему надо бы покойнику дать воскреснуть сначала, а потом его уже валить окончательно, он тогда другим мертвякам в пищу не годится. А так им вон целый банкет приготовлен. Спецназеры про контроль не забыли, да вот рановато это сделали. Сервировали целый пир для мертвяков. Вот так, век живи – век учись и дураком помрешь.

А вот главные герои книги не особо вам запомнятся. Вот им как раз чего-то не хватает. Возможно, что здесь автору все же стоило поработать немного усерднее и уделить своим персонажам больше времени. Впрочем, даже не самые яркие типажи героев справляются со своими ролями, и наблюдать за их поведением в гибнущем мире одно удовольствие. Героев, кстати, много. Тут и сотрудник лаборатории, откуда вырвался вирус, и мать-одиночка, и бизнесмен, и банда отмороzków. Есть кому сопереживать и кого

искренне ненавидеть. И, как я отмечал в начале рецензии, делать это легко — есть только черное и белое. И совсем необязательно, что белое — это ОМОновец с «калашом», а черное — браток ОПГ. Отнюдь. Что творится внутри каждого из нас на самом деле — неизвестно. Ответы даст только Катастрофа. Парня в горы тщи, как говорится.

Подводя итоги, нужно сказать, что книга читается легко, и интерес к ней присутствует до последних страниц. Настоящему захватывает. Зомби, к слову, тоже не лыком шиты, и мертвецы медленные, если их вовремя не огреть по голове чем-нибудь тяжелым, со временем превращаются в морфов. Последние быстры, слабо уязвимы, да и вообще радуют глаз. Своим внешним видом, кстати, напоминают мне «лизунов» из Resident Evil. И это здорово. Будет с кем пободаться во второй и третьей книгах. Недостатки, конечно, есть, но для молодого автора они не смертельные. Так, семечки.

Настоятельные рекомендации к прочтению. Настоящий литературный прорыв на отечественном зомби-пространстве..

Евгений Михайлов

Так приходят Великие Древние!

Автор: Брайан Ламли

Название: Мифы Ктулху / The Taint and Other Novellas (сборник)

Жанр: ужасы, ктулхиана

Издательство: АСТ, АСТ Москва

Серия: нет

Год: 2009

Большинству российских поклонников хоррора Брайан Ламли известен в первую очередь как автор сериала «Некроскоп», романов «Психомех», «Воин древнего мира» а также научно-фантастической дилогии «Дом дверей». Существует, однако, ещё одна его литературная ипостась, не столь широко представленная в нашей стране. Помимо прочего, он — страстный поклонник творчества Говарда Филлипса Лавкрафта и сочинитель множества продолжений знаменитых мифов Ктулху. К слову сказать, отечественный читатель не избалован подобного рода изданиями. Первым «пробным шаром» в этой области стал выпущенный в 2004 году издательством АСТ сборник повестей Ламли под названием «Из глубины». И вот, по прошествии пяти лет, наконец-то вышел второй его сборник.

Это небольшой, чуть более четырехсот страниц, томик, включающий в себя семь повестей, относящихся к разным периодам творчества писателя — от самых ранних, созданных в 60-х годах XX века, до написанной после долгого перерыва в 2003-м «Порчи». Две из них уже выходили на русском языке (первая, «Повелитель червей» — в упомянутом выше «Из глубины», вторая, «Порча» — в антологии «Ужасы»). Остальные пять — премьеры. Хорошим дополнением сборнику служат авторское предисловие и комментарии, предваряющие каждый рассказ. Комментарии эти — своего рода вежи, отмечающие этапы становления и развития Ламли как писателя, начиная с

“ Как описать или объяснить новичку, только-только начинающему знакомиться с литературой ужасов (а вы наверняка новичок), что самое важное в жутковатой мифологии Ктулху — это звукоряд, образующий его Имя?

первых, подражательных опытов и заканчивая вполне самостоятельными произведениями, для которых мифология Лавкрафта послужила только литературной основой, стартовой площадкой.

Первый рассказ сборника носит название «Ужас в Оукдине». Это одна из ранних вещей Ламли, написанная под сильным влиянием Лавкрафта. Тем не менее, это не рабское переписывание «под копирку», а вполне самостоятельный рассказ. То же самое можно сказать и о «Вместе с Суртсеем», вольном переложении «Зова Ктулху». Приятно разнообразит эту палитру ужасов «Дом над прудом» — окрашенная в готические тона история о старинном особняке, от которой веет жутью. Большим сюрпризом для многих читателей станет «Рождённый от ветра», в котором помимо лав-

крафтовских мотивов в равной степени слышны отголоски гениального «Вендиго» Элджернона Блэквуда.

В дальнейшем Брайан Ламли сумел выработать более индивидуальный стиль, где на первый план выступает его собственная, неповторимая манера. Яркий тому пример — «Порча». Действие повести разворачивается в английском рыбацком посёлке (привет Инсмуту), где обнаруживаются следы глубоководных. Но на этом сходство заканчивается. Авторскую интерпретацию темы от канонической здесь отличает почти детективная интрига и неожиданно тонкий психологизм, а также резкий поворот сюжета в конце, который в мгновение ока расставляет все точки над «i».

Особняком стоит «Повелитель червей» — приквел к сериалу о детективе-окультисте Титусе Кроу, до настоящего времени обойдённому вниманием российских издателей. Хочется надеяться, что с выходом данного сборника ситуация начнёт меняться к лучшему.

Единственный аутсайдер среди этого великолепия, пожалуй, только «Кошмар на ярмарке» — излишне затянутый, с подетски нелепым сюжетом. Что ж, в каждой бочке мёда своя ложка чего-нибудь погуще и почернее... Литература литературой, а деньги тоже надо зарабатывать.

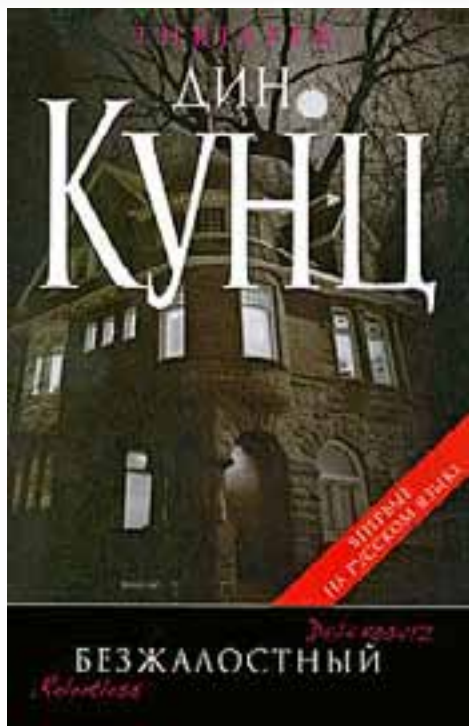
Перед любым подражателем Лавкрафта, как правило, стоит непростая задача: не скатиться к затёртым штампам и схемам. И Брайан Ламли с этой задачей справляется, изобретая оригинальные ходы и, в то же время, оставаясь в рамках жанра. Разумеется, Брайан Ламли не Лавкрафт, но отнюдь и не литературный поденщик, паразитирующий на его наследии. Большинство его рассказов, даже откровенно подражательных, написаны очень достойно, устрашая не меньше, чем творения самого Мастера. 🐛

Александр Новичков

Не злите автора

Автор: Дин Кунц
Название: Безжалостный / Relentless (роман)
Жанр: триллер
Издательство: Эксмо
Серия: Thriller
Год: 2009

В 2009 году Кунц порадовал и еще порадует своего постоянного читателя в общей сложности тремя книгами (жаль, что так мало). Если сравнивать рассматриваемый роман с наконец-то закончившейся (на данный момент?) эпопеей о разумном и интеллигентном создании злого гения Франкенштейна, то «Безжалостный» безусловно выигрывает как формой, так и содержанием. В романе есть и внятная интрига; и достойное развитие событий на достаточно высоком уровне, так необходимом для каждого известного (и часто даже уважающего самого себя и еще чаще — свое творчество) американского беллетриста, на обложке книг которого совсем незаметно и даже, прямо скажем, очень скромно помещена надпись-напоминание загадочного содержания «The #1 New York Times bestselling author». Есть в книге и пугающие злодеи, которые в этот раз получились у Кунца на удивление страшными и полностью соответствуют роли, отведенной им не только авторским во-

ображением (как было у Кунца несколько книг тому назад), но и их поступками, действиями и даже мыслями. Необходимо отметить, что мыслят отрицательные персонажи убедительно и порочно.

Если в качестве эталона взять самый продуктивный период Кунца, когда в его романах стаями резвились золотые ретриверы, когда главные герои и героини предавались семейным ценностям с упоением, страстью и неутолимым желанием, присущим только яростным романтикам, когда бегали и прыгали дети, а за всем этим сверху наблюдали циничные и жестокие злые создания, строящие план за планом по уничтожению последнего оплота американской Семьи и Любви, то даже в этом случае книга смотрится вполне достойно.

Кроме того, сам сюжет представляет большой интерес. Взаимоотношения автора и критика, автора и издателя интересуют большое количество людей, и не только непосредственно занятых в издательском бизнесе. Наиболее удачные произведения, эксплуатировавшие сходные мотивы, уже в принципе определены. И Кунц своим романом «застолбил» место рядом хотя бы, например, с

романами «Об авторе» Дж. Колапинто и «Крюк» Д. Уэстлейка. Таким образом, наибольший интерес представляет первая треть романа, непосредственно посвященная проискам злобных критиков и неводержанности «звездных» авторов. (Мораль: не злите автора, а то кто его знает... а вот критика просто берегитесь — у него точно фрустрации). Интересно, сидя в удобном кресле, наблюдать за развитием их поначалу странных взаимоотношений, а затем и открытым противостоянием. Последующие две трети предоставляют возможность читателю вернуться в детство, то есть в прошлое, и вспомнить, чем же привлекал Кунц читателя лет двадцать назад. Вспомнили? Правильно, романом преследования. В целом данная часть — преследование героев группой людей с нездоровыми намерениями — также удалась. Конечно же, если вам нравятся такого типа произведения. В этом случае в книге можно обнаружить все необходимое для удержания и некоторой эскалации читательского интереса. Под конец автор покажет циничный и по-настоящему пугающий Заговор (именно с заглавной буквы).

Каковы же недостатки? Как обычно, любой романист, написавший целую кучу романов, начинает в каждом последующем использовать наработанные приемы и техники, что придает книге определенную форму. За это можно обвинить как в самоповторах, так и в оригинальности авторского стиля. В этом романе Кунц наряду с узнаваемыми и характерными только для него деталями, добавил еще и изрядную долю мрачности, что в свою очередь также выделяет этот роман из других его книг.

ИТОГ: роман будет интересен прежде всего постоянным читателям и, возможно, тем, кто еще не знаком с творчеством Кунца. Если у вас Кунц вызывает отторжение, то читать и этот роман явно не стоит. 🍷

Юрий Александров

“ В большинстве нынешних ресторанов так же шумно, как на фабрике по изготовлению цимбал и барабанов, на которую ворвались двести шимпанзе с намерением хорошенько оттянуться. В этих заведениях воздерживаются от использования шумопоглощающих материалов и устройств, утверждая, будто какофония звуков создает у посетителей ощущение, что именно здесь жизнь бьет ключом.

Сказка спального района

Автор: Йон Айвиде Линдквист

Название: Впусти меня / Låt den rätte komma in (роман)

Жанр: хоррор, вампирская драма

Издательство: Азбука-классика

Серия: Экранизированный бестселлер

Год: 2009

Любая экранизация проигрывает литературной основе по крайней мере в одном отношении: сама природа кино такова, что за кадром остаются многие детали (диалоги, мысли, описания), из которых и сплетается ткань хорошей книги. В свою очередь, талантливый режиссер восполняет эту потерю при помощи средств, которые свойственны только кино и его языку — вот почему так редко удаются фильмы, где создатели думают о букве, забывая про дух. В том, что картина Томаса Альфредсона стала не только отличной экранизацией, но и одним из главных кинособытий 2008 года, сейчас сомневаются уже единицы — да и тем в конце концов придется сложить знамена. Вот только будет ли после выверенного, по-скандинавски зябкого зрительного ряда, после пронзительной музыки Йохана Сёдерквиста, после невероятной игры детей-актеров — будет ли книга восприниматься как нечто самостоятельное, оформится ли картинка в мозгу читателя?..

Главный козырь Линдквиста — оригинальная задумка, которую он с любовью, как хрупкое деревце перед холодами, укутывает в человеческую психологию. Разумеется, дотошному критику не составит труда докопаться до корней этого сюжета (самый очевидный, но от этого не менее неожиданный, источник — история Малыша и Карлсона), и все же писателю удалось избежать удушающих объятий англоязычного хоррора с его усредненным набором ситуаций и решений. У девяти из десяти западных авторов вампир вторгается в жизнь людей как нечто изначально

“ Ему что-то послышалось. Прижав нож к бедру, он огляделся по сторонам. Поднес лезвие к глазам, посмотрел. Острие было таким же ровным, как и прежде. Он заглянул в него, как в зеркало, и в нем отразился детский городок. На вершине горки кто-то стоял. Еще секунду назад там никого не было.

чуждое, но Линдквист парадоксальным образом вписывает эту фигуру в быт. Его девочка-вампир живет не в замке, не в гробнице и даже не в заброшенном доме, а в самой обычной квартире в сердце самого заурядного спального района — по соседству с матерями-одиночками, опустившимися алкоголиками и подростками, нюхающими клей. Унылый фон стокгольмского пригорода ближе и понятнее россиянину, чем прилизанная картинка «одноэтажной Америки» с ее газонкосилками и барбекю, и благодаря этому история двух одиночеств, рассказанная в романе, пролезает в душу без приглашения и смазки (если не считать крови и некоторых других телесных жидкостей, которыми текст не обделен).

Главный промах Линдквиста — неумение удержать сюжет в одном русле,

неспособность сосредоточиться и отсеять лишнее, которая с головой выдает его дебютантство. Литературная ипостась «Впусти меня» страдает избыточным весом: здесь и множество героев, не вносящих ничего в сюжет (яркий пример — трудный подросток Томми, линию которого можно было бы изъять из романа без всяких последствий для его цельности), и ворох бесполезных сцен, и не до конца продуманная смысловая составляющая (так, тема советской подводной лодки, севшей на мель у побережья Швеции, не получает развития и фактически брошена на полпути), и некоторая громоздкость в изображении чувств и мыслей героев. Как и всякий неопытный автор, Линдквист слишком много делает сам и слишком мало оставляет на долю читателя. Впрочем, фигуру умолчания он освоит несколькими годами позже — когда будет писать сценарий для экранизации, и вот тогда мощная сюжетная основа, помноженная на талант съемочной группы, даст ошеломительный результат. Там, где писатель с тщательностью зануды-отличника размазывает по бумаге очевидное, режиссеру и оператору хватает нескольких кадров, чтобы сказать зрителю неизмеримо больше.

И все же не стоит быть слишком строгими к старине Йону: к счастью для мира, он из тех литераторов, что проторенной колее предпочитают шишки самостоятельного пути. Пускай местами под шведской краской просвечивает-таки бессмертное «Здесь был Стив», пускай не все в этой книге уместно и естественно — главное, что в душе Линдквиста живет искорка, которая с самого рождения литературы отличала творца от ремесленника и подвигала читателя закрывать глаза на любые недостатки. Человечество стало богаче еще на одну вечную историю, и этого даже слащавым обложкам под «Сумерки» скрыть не под силу. ☀

Владислав Женевский

Сотканный рай

Автор: Клайв Баркер

Название: Сотканный мир
/ Weaveworld (роман)

Жанр: фэнтези с элементами хоррора

Издательство: Эксмо, Домино

Серия: Книга-загадка, книга-мистика

Год: 2009

Клайв Баркер — уникальный писатель, давно отрекшийся в своем творчестве от всяких жанровых рамок. Примером его нелинейности является роман «Сотканный мир», созданный им в начале писательской карьеры.

В романе присутствует два мира: Королевство чокнутых — скучный и однообразный мир людей, и Фуга — земля ясновидцев, наполненная яркими красками жизни, чудесами и необыкновенной красотой. Волшебство ясновидцев скрыто от людских глаз при помощи магического ковра, за которым злодеи ведут охоту.

Как и полагается классическому фэнтези, персонажи разделены на две группы — хороших и плохих. Кэлхоун Муни и Сюзанна — счастливицы, узревшие своим глазами чудеса Фуги — оберегают Сотканный мир от врагов. Они из тех немногих, что спаслись или, по крайней мере, отгородились от суеты людской жизни, ушли от тщеславия чокнутых. Им противостоят колдунья Иммаколата, ее прихвостень Шедуэлл и фанатичный инспектор полиции Хобарт, которые хотят, каждый со своей целью, завладеть «страной чудес». Часто Баркера обвиняют в том, что он клеит из картона однотипных персонажей, однако в этом случае все герои аккуратно прописаны, читатель чувствует их радости и переживания.

В этом романе вы не найдете морей крови и груд кишок, которыми изобилуют ранние работы Баркера. Да, в книге есть сцены, вызывающие отвращение и ужас (и сделаны они с присущей мэтру изобретательностью — чего только стоят покойные сестры Иммаколаты

и ее слуга-некромант, а уж тем более ангел Уриэль!), но их не так много; фэнтези с хоррором здесь находятся в некой гармонии.

В «Сотканном мире» речь идет о том, что герои вспоминают — или не могут вспомнить — увиденный мельком рай.

«И только когда в разгар очередного безотрадного дня какая-то мелочь, какой-то запах или звук напоминал ему о том, что он бывал в ином мире, дышал его воздухом, встречался с живущими там созданиями, — тогда Кэл сознавал, насколько призрачны его воспоминания. И чем упорнее он пытался вспомнить забытое, тем увереннее оно ускользало от него.

Чудеса Фуги стали пустыми словами, реальностью, куда он больше не имел доступа. Он думал о фруктовом саде, и с каждым разом ему представлялось все

более и более прозаическое место, где он ночевал (где он спал и ему снилось, что его нынешняя жизнь это всего лишь сон), с ещё более прозаическими яблоневыми деревьями...

Наверное, вот так человек умирает, думал он: теряя всё, что ему дорого, и не может предотвратить потерю.

Но при этом упор сделан на то, как мы, чокнутые, утопаем в своей глупости, а ведь не каждый способен понять свои ошибки, не каждый может выбраться из океана абсурда и порока и заслужить рай.

На некоторые интересные вопросы в книге Баркер нам так и не ответил, а читателю это сделать почти невозможно. После прочтения романа остается осадок недосказанности, складывается впечатление, что автор запутался в собственных фантазиях. Впрочем, сам он этого почти не скрывает: «История не завершена, но я сказал всё, что мог».

Стиль Баркера, как всегда, великолепен, а его представления о жанре фэнтези уникальны. Все персонажи играют свою роль, все вещи материальны, все мифы реальны.

«То, что можно вообразить, никогда не умрёт», — говорится в книге сказок Мими Лашенски, одной из героинь. Так и Фуга — земля ясновидцев — останется навсегда.

Е. Королёва выполнила для издательства «Эксмо» отличный перевод романа — 800 страниц текста, в отличие от версии хирургов-любителей «Кэдмен», которые уложились в 448 страниц. А ещё в книге нас ждёт вдохновенное предисловие от автора. 🍷

Иван Федулов

“ Она была прекрасна: это он подумал в первую очередь. В пурпурном, почти черном платье, плотно обтягивающем ее тело, она казалась запутанной от горла до ног, но одновременно и раздетой. Тот же парадокс прослеживался во всех ее чертах. Волосы ее были острижены до длины двух дюймов, брови выщипаны, что придавало ее лицу невинное, почти детское выражение. Кожа лоснилась, как намазанная маслом, но никаких следов косметики не было видно.

По ту сторону канона

Автор: Коди Макфейден
Название: Человек из тени / Shadow Man (роман)
Жанр: триллер
Издательство: АСТ, АСТ Москва
Серия: The International Bestseller
Год: 2009

«Человек из тени» — дебютная книга подающего надежды вот уже четыре книги подряд молодого (относительно) американского автора. Чем же она примечательна? Явно не названием — уже не раз и не два посещали читателя люди из тени. Дебют и одновременно начало целой серии книг? Поражает воображение, пожалуй, лишь тривиальностью. Соблюдением канонов триллера о поисках серийного преступника? Тоже не то. Героем, агентом ФБР, да еще женщиной? Ответ очевиден.

Что же с этой книгой автор сделал такого особенного, чем она выделяется из ряда подобных триллеров? Ответ не очевиден: сила романа именно в деталях. В последнее время, после выхода книги Дж. Фрэй «Как написать гениальный детектив», встречается все больше книг, после прочтения которых в голове бьется единственная мысль (другие мыслительные процессы при чтении не было необходимости задействовать) — ну почему и этот триллер так похож на канон Фрэй? В данной ситуации проявляется некий дуализм: то ли Фрэй подгадал надвигающиеся перспективы и не радующие читателя тенденции, то ли выступил в качестве катализатора имеющегося в настоящий момент процесса. Как бы то ни было, результат один. Очень много книг построено на слепом использовании (в лучшем случае на неумелом) канона Фрэй. Краеугольным камнем канона является наличие не просто недостатка и некоторого надлома у героев, но Недостатка и Надлома. И все авторы (особенно начинаю-

щие) дружно бросились писать об увечных героях: «талантливый (но добропорядочный) мистер Рипли» (Г. Долан), «убитый тяжелой долей, но крутой» (М. Корита), «круче только после стопки» (Э. Зукер), «я таскаю тяжелые мешки» (Д. Ливайн) и т. д.

Макфейден пошел еще дальше — он подверг героиню таким жестоким и жутким испытаниям, что о них и читать-то не очень хочется, попутно наградив ее кошмарными шрамами как на лице, так и равномерно по всему телу. Душевное состояние Смоуки Барретт не уступает физическому, а психоэмоциональный надлом героини еще более страшен. Надлом из канона Фрэй автор довел до абсолюта. Еще ни один смельчак так не издевался над своим серийным персонажем. И что самое важное, Макфейден с задачей справился — книга получилась депрессивная, пугающая, напряженная и... атмосферная.

Отрицательный герой вышел под стать героине — очень умный и талантливый манипулятор. Насколько добродетельна героиня, настолько же порочен и преступник. Он не знает жалости, им владеет лишь одно желание — по-

“ Алан смотрит на Лео.
— У меня было четыре случая. Даже Келли блевала, хотя ни за что не признается, потому что королева, ей не положено. — Он, прищурившись, смотрит на Лео: — Сынок, в жизни нет ничего такого, что может подготовить тебя к лицемерию трупа. Ничего, будь оно все проклято. Не важно, сколько фотографий ты посмотрел и сколько дел изучил. Настоящий труп — совсем другое дело.

Лео смотрит на Алана, и я узнаю этот взгляд. В нем уважение на грани преклонения ученика перед учителем.

— Спасибо.

— Без проблем.

бедить. Их поединок, противостояние, схватка умов носят очень напряженный характер, внимание читателя автор захватывает с первых же страниц — с погружения в самые недра души героини. Все очень серьезно — игра идет не на жизнь, а на смерть. При этом Макфейден успешно избегает недоверия со стороны читателя, с чем не справился тот же Зукер в романе «Уровень 26».

Часто ахиллесовой пятой триллеров выступает желание автора завесить значимость героя как «последней надежды человечества». Героиня умна и талантлива, но при этом ловит преступника не одна — персонажи работают единой командой.

В целом «Человек из тени» производит довольно сильное впечатление и заслуживает места рядом с «Красным драконом» и «Молчанием ягнят» Т. Харриса, романами Дж. Сэндфорда и М. Коннелли, книгами Р. Миллера и некоторыми романами Дж. Дивера. Достойный дебют. Жутко, пессимистично и очень мрачно.

ИТОГ: один из лучших триллеров, переведенных за последние полгода. 📖

Юрий Александров

Повесть о двух романах

Автор: Лилит Сэйткроу

Название: Контракт с дьяволом

Жанр: городское фэнтези + детектив

Издательство: Эксмо, Домино

Серия: Книга-загадка, книга-мистика

Год: 2009

Роман Сэйткроу относится к популярному ныне субжанру, в котором отважные и честные мужчины (и женщины тоже), преимущественно гуманоидного происхождения, противостоят несущим угрозу порождениям мрака и тьмы, кои, как правило, предпочитают жить поближе к людям, в городах. Сей гибрид происходит из скрещения городского фэнтези с детективом, преимущественно «крутой» школы (очевидно, что американской). Эстетика последней используется для большой увлекательности, так как понятно, что духа/призрака/депрессивного колдуна не привлечь к уголовной ответственности посредством прогрессивной американской судебной системы (почти все авторы — американцы). Да и пенитенциарная система совсем не для них. Поэтому и приходится героям и героиням мужественно сжать зубы или женственно напрячься — и в очередной раз отправить злодеев в лучшем случае на постоянное лечение к стоматологу. Итак, в рассматриваемом субжанре прогрессивная часть писателей работает по двум методам.

Метод №1. Называется — РОМАН (Рассказ О Милых Атлетичных Незнакомцах). Классические представители: Ш. Харрис, поздняя Л. Гамильтон, Ш. Кеньон и целая толпа известных у Них писательниц. Что такое РОМАН? Это очень романтическая история в урбанистических декорациях об одиноких и, как правило, заурядных героинях, которым уже мало среднестатистических мужчин и хочется разнообразия. Теперь мускулистые руки благородных пиратов заменены на волосатые лапы оборотней (тоже благородных);

подлецы-олигархи и, pardon, миллионеры с греческими корнями уступили теплое место вампирам-проходимцам; даже призраки с мощным телосложением обходят по очкам толпу обычных поклонников. Как определить, что книга написана с использованием данного метода? Очень просто: в выходных данных книги после названия ставят двоеточие и пишут слово «роман». Если к нему присовокуплен эпитет «фантастический», то первый контакт (за которым последует второй, третий и...) в книге и вправду поведен с фантастическими деталями. Еще одна отличительная способность данных книг (об этом уже можно говорить как о сложившемся явлении) — это надпись на черной обложке, чуть ниже внушающей благоговейный трепет полуголой девушки: «черные звезды черной мистики». Это не что иное как издательский троичный код.

Метод №2. Называется — РОМАН (Рассказ О Мускулистых Агрессивных Негодях). Классические представители: Ч. Хьюстон, С. Грин, Т. Снигоски и другие творцы, злоупотребляющие читательским терпением. Родословная данного метода ведет

себя от любимых американцами Тревиса МакГи Макдональда и Спенсера Паркера, как наиболее ярких представителей. Герои-острословы, роковые женщины, предательство, смерть негодьям и т. д. Как отличить метод №1 от метода №2? Нетрудно: в выходных данных книги при использовании метода №2 буквы в слове «роман» выглядят более мужественно.

Что же в рассматриваемом романе? Данная книга получила положительные рецензии от «Романтик Таймс» (в переводе названия нет нужды), Дж. Шоултер (мастерицы любовно-фантастических романов), Х. Грэхэм (одной из ведущих представительниц современной лавбургер-промышленности). Очевидно, перед нами метод №1. Однако Сэйткроу делает в своей книге хитрый ход — откровенных сцен секса в ней почти нет! (Какой накал страстей, какова эмоциональная напряженность!) Зато есть сюрприз — лесбийский опыт и... восхитительные демоны прямо со сковородки, то есть из ада. На этом Сэйткроу не останавливается и преподносит читателю еще один сюрприз — в книге нет... внятного сюжета. Роман заставит пустить скупую слезу даже прожженного циника от ностальгии по первым книгам об Аните Блейк. Вся напряженность сюжетного полотна выражена в одном перефразированном предложении из официальной аннотации: «Валентайн должна найти и уничтожить беглого демона по приказу владыки ада». Детективная линия слабее шестимесячного котенка, саспенс поражает воображение напряжением пальчиковой батарейки, меч у героини длиннее, чем у некоторых героев дуло пистолета, психоэмоциональной организации персонажей не позавидует даже деградировавшая амеба, сюжет держится скачками улитки-рекордсменки...

ИТОГ: при любом раскладе данная книга не попадает даже в средний эшелон коммерчески успешных авторов, работающих в рассматриваемом субжанре. 🌀

Юрий Александров

Там, за туманами

Автор: Лоран Ботти

Название: Однажды случится ужасное... / Un jour, des choses terribles (роман)

Жанр: мистический хоррор, детектив

Издательство: РИПОЛ классик

Серия: нет

Год: 2009

Однажды случилось ужасное, и гордого, яростно ревущего зверя, имя которому Стивен Кинг, выловили в лесах штата Мэн, утянули на скотобойню — и наделали вкуснящих гамбургеров, которых пестрому населению планеты должно хватить в аккурат до времени, когда мир сдвинется с места. До тех же пор издательские аналоги «Макдональдса» будут исправно снабжать человечество отменной североамериканской дичью, обреченной томиться в майонезных объятиях булочек с кунжутом, а не наслаждаться компанией вишневого соуса и изысканного гарнира в шведском ресторане для избранных «Нобель».

Вдохновившись вкусом привозного фастфуда, европейцы, россияне и азиаты дружно кинулись открывать собственные заведения, надеясь относительно дешевой и умеренно ощутимым местным колоритом выманить клиентов из лап американского корпоративизма. Преуспели, увы, немногие: ни тщательно перерисованная рецептура, ни продуманный сервис (посетитель получает только то, к чему привык — никаких сюрпризов) не смогли возместить утрату главного ингредиента — натурального мяса. В итоге выбор у среднестатистического едока невелик: либо уныло жевать подкрашенную сою местного производства, либо привычно направить стопы в местечко с желтой литерой «М» на вывеске.

Одним из тех, кто ловчился приготовить гамбургер по-королевски и потерпел неудачу, стал француз Лоран Ботти. Справедливо рассудив, что Европе, в отличие от Нового Света, есть о чем вспомнить, автор развернул действие в древнем французском городишке, где нет и пяди земли, не оскверненной кровью невинно убиенных. Рядом с Лавилль-Сен-Жур старому доброму Дерри впору захлебнуться слюнями от зависти: сатанизм, тайные общества, ритуалы с участием детей младшего школьного возраста, самосожжения, парочка маньяков (орудовавших, правда, на парижских улицах), орды безмолвных призраков, нескончаемый туман и обязательные горгульи на готическом соборе в центре города. Надо признать, все эти радости европейской жизни рассеяны по книге вполне равномерно, без фанатизма, и все же читателя нет-нет да и пробирает зябкое чувство — да как вообще такое место может существовать на земле?

Оказывается, может, и вполне благополучно — для местных. А вот при-

езжим, среди которых почти все положительные герои (не по-детски серьезный мальчишка, потерявший брата; молодая красивая учительница, у которой муж хочет забрать сына; неуклюжий, но чертовски сообразительный комиссар полиции — французский собрат лейтенанта Коломбо), ничего хорошего здесь не светит. Лавилль тщательно охраняет свои тайны и не дает спуску тем, кто на них посягает... ну и далее по сценарию.

Большую часть повествования Ботти отдает на откуп двум авторитетам — уже упомянутому Стивену Кингу и своему земляку Жану-Кристофу Гранже. От первого в «Однажды» внимание к топографическим деталям, маловыразительная мистическая составляющая (будем честны, это не конек Стивена) и тщательно выписанные персонажи — настолько тщательно, что меньше всего они походят на живых людей (а вот здесь Стивен блистал даже на заре туманной юности). От второго — теория заговоров, легкая чернушность и напряженная, но при этом несколько сумбурная детективная интрига. Завершается действие, полное бесконечных разоблачений, уединенных разговоров шепотком и молочной осенней мглы, относительно смелой концовкой, в которой у Ботти наконец-то прорезается собственный голос: Гранже и Кинг, несмотря на имидж мракоделов, редко отказываются побаловать читателя сладким хэппи-эндом.

Если рассматривать «Однажды случится ужасное...» как проверку на профессионализм, то автор (далеко уже не дебютант), вне всякого сомнения, проходит ее успешно, без лишнего лепета и шпаргалок. Вот только питательная ценность романа невелика: соя остается соей, как ни выдавай ее за плоть убиенного теленка... ☹

Владислав Женеvский

Объединённые форумы ужасов в Сети: www.allhorror.com. Присоединяйтесь!

Кладбищенские джунгли

Автор: Нил Гейман

Название: История с кладбищем

/ The Graveyard Book

Жанр: фэнтези

Издательство: АСТ

Серия: нет

Год: 2009

Знаменитый англо-американский писатель Нил Гейман очень любит детей. Очень. Настолько, что с завидной регулярностью создает для них отличные книги. Не успела отбушевать экранизация зловеще-сюрреалистичной «Коралины», а на подходе уже новая история. История, как вы, наверное, догадались, самая что ни на есть детская, с кладбищем. Гейман, без сомнения, знатный сказочник, но сказки его отличает очевидное отсутствие полосатых слонов, ушастых симпатяг и в меру упитанных мужчин в самом расцвете сил. Здесь правят бал (иногда в буквальном смысле) весьма даже жуткие персонажи. Бледные, порой чуть подгнившие, порой совсем бестелесные. И неизменно, скажем так, не от мира сего.

«История с кладбищем» на самом деле называется совсем иначе — «Graveyard Book», то бишь, «Книга кладбища». Господин Гейман, всегда отличавшийся постмодернистскими наклонностями, решил отвесить глубокий поклон классику мировой литературы Редьярду нашему Киплингу. И отвесил-таки, написав несколько новелл о необычном английском варианте Маугли, мальчишке со странным именем Никто Оуэнс, и объединив их в одну книгу, которая успела отхватить целых три внушительных литературных премии («Ньюбери», «Локус» и «Хьюго») еще до того, как добралась до российского рынка.

Вся семья Никта была убита Шерханом... э... то есть человеком по имени Джек, конечно же. Но сам мальчик,

еще совсем младенец, чудом уцелел, по чистой случайности попав на близлежащее старинное кладбище. Где и был усыновлен сердобольными привидениями. До боли знакомая история, не правда ли? Параллели с «Книгой джунглей» встречаются на каждом шагу: неуспокоенная чета Оуэнсов вполне сойдет за Отца и Мать волков, вместо бандар-логов выступят многочисленные болтливые и светливые гули, а Багиру и Балу без труда можно узнать... впрочем, что это я! Сами читайте, находите многочисленные пасхальные яйца, заботливо спрятанные автором в тексте.

Одного только переигрывания Киплинга Гейману недостаточно, он взял

“ Некто Джек остановился перед лестницей, извлёк большой белый платок из кармана чёрного плаща и вытер им нож и правую руку в перчатке, затем спрятал платок обратно. Задача была почти выполнена. Он оставил женщину в её кровати, мужчину на полу спальни, а старшего ребёнка — в детской, среди игрушек и недостроенных моделек. Осталось разделаться с младшим, почти младенцем. Ещё один — и задание будет выполнено.

в оборот английскую историю, национальные пословицы и поговорки, создав тем самым непреодолимые трудности для российских переводчиков. Однако последние вполне справились со своей задачей, пусть и не добившись невозможного, но сделав все, что было в их силах, и выдав на суд читателей добротный, адекватный и приятный текст.

Название, конечно, подкачало, да и оформление, скажу честно, оставляет желать лучшего, но ведь хорошую книгу не могут испортить ни обложка, ни бумага, хорошая книга найдет путь к сердцу и оставит на нем свой теплый, приятный след. Особенно, если она читается легко и быстро, всего за несколько уютных вечерних часов.

Никто Оуэнс пройдет через многие испытания, познает самые разнообразные трудности и радости, приобретет друзей и победит врагов. Ребенок, выросший и воспитанный на кладбище и общавшийся исключительно с его обитателями, станет в итоге (как того и требует логика сказки) храбрым, честным, полноценным членом общества. Старина Гейман любит переворачивать все с ног на голову, беспокоить рассудок читателя, разрывать, как это сейчас модно говорить, шаблоны. Вот и здесь традиционный хоррор вывернут наизнанку: мертвые мудрее живых, мертвые не враги живым, мертвые заботятся о живых и берегут их покой. Однако в том, что касается подтекста, смысла, посыла книги, автор по-английски традиционен, как хороший черный чай. Зло и смерть не связаны между собой, зло изначально обречено на неудачу, а для добра нет никаких преград — таков основной лейтмотив книги, и потому, несмотря на весь мрачный, замогильный антураж, ее без всяких сомнений можно назвать книгой для детей. Для самых разных детей, любых вероисповеданий, убеждений и возрастов, от десяти и до ста десяти лет. 🐾

Дмитрий Тихонов

Почти мистический триллер

Автор: Роберт Липаруло
Название: И придет всадник... / Comes a Horseman (роман)
Жанр: мистический триллер
Издательство: АСТ, Астрель
Серия: нет
Год: 2009

Тем, кто еще не устал от страстей по «Коду Да Винчи» и всевозможным тайным — и не очень — сообществам, посвящается. Автором очередного опуса на изъезженную тему выступил некий Роберт Липаруло. Творение Липаруло носит апокалиптическое название «И придет всадник...» Прямых параллелей с Дэном Брауном в романе не прослеживается, но косвенные при желании можно разглядеть.

Существует некая тайная организация с длинным и труднопроизносимым названием на латыни. Сами её члены, влиятельные промышленники и политики, предпочитают им не пользоваться. Для краткости они именуют себя просто Смотрителями. Это совет избранных, имеющий очень давнюю, многовековую историю. У них есть всё — деньги, власть... Но этого им мало. Как водится, эти почтенные джентльмены жаждут большего. Дождаться прихода антихриста и помочь ему воцариться на земле — таково их цель.

И вот, после столетий ожиданий и наблюдений, такой человек будто бы найден. Зовут его Люко Скарамуцци. В прошлом бандит и торговец оружием, ныне — посол Италии в Израиле; словом, кандидатура подходящая.

В это же самое время в Америке появляется жуткий маньяк — и не типовой психопат, а самый настоящий викинг. Своих жертв он обезглавливает огромной боевой секирой. После того, как всего за несколько дней совершается четыре убийства, за дело берутся двое

агентов ФБР — Алиша Вагнер и Брейди Мур. Расследование выводит их на нью-йоркского священника, отца МакАфи (именно так, с заглавной «А» в середине). МакАфи указывает им другой след, ведущий не куда-нибудь, а в Рим. И вот здесь-то и начинается самое интересное. На Брейди и его маленького сына совершает покушение тот самый викинг. Алише везет не больше: на неё набрасывается некое жуткое существо, при дальнейшем рассмотрении оказавшееся наркоманом-сатанистом. Чудом избежав смерти, напарники решают начать собственное расследование, для чего и отправляются в Италию. По прибытии туда выясняется, что заказчиком покушений на них является уже известный нам Люко Скарамуцци. Человек, общивший им это, даёт понять, что Скарамуцци не отступится, пока не убьёт их обоих. Теперь у них остаётся единственный выход — самим убить его...

Роберт Липаруло отлично воплотил этот непростой замысел. Читая «Всадника», ни в чём нельзя быть уверенным. Тонко продуманная, изощренная интрига и непредсказуемые сюжетные ходы постоянно подкидывают сюрпризы. Текст книги напоминает стремительный, бур-

ный поток, воды которого несутся с ошеломляющей скоростью. Липаруло почти не даёт читателю времени на раскочку, с ходу втягивая его в круговорот событий. Единственный недостаток такого быстрого темпа — некоторая торопливость, из-за чего картина происходящего кажется несколько смазанной. Многие мелкие детали, схождения и расхождения сюжетных линий приходится уяснять на ходу. Нельзя, правда, сказать, чтобы сюжет от этого страдал, скорее наоборот — большинством наиболее эффектных моментов роман обязан именно скоростному ритму. Самые жуткие, леденящие душу моменты обрушиваются абсолютно неожиданно, заставляя читателя врасплох. Только что перед ним разворачивалась совершенно обыденная сцена, а в следующий миг она без предупреждения оборачивается кровавым кошмаром. Роман отличает томительно-мрачная атмосфера, заставляющая нервно поёживаться и вздрагивать от страха, как и было обещано в издательской аннотации. Это как раз тот (довольно редкий для АСТ) случай, когда текст на обложке соответствует действительности.

«Всадник» хорош именно как триллер с религиозным подтекстом — основательным, но без морализаторства. Любителям же чисто мистических историй в духе «Омен» Дэвида Зельцера стоит дважды подумать, прежде чем браться за эту книгу, поскольку настоящей мистики здесь нет. Небольшие элементы сверхъестественного служат лишь дополнением к общему фону.

Александр Новичков

“ Оттуда вдруг послышалось чье-то дыхание — словно ожила сама тьма. Дыхание было глубоким и ровным: вдох — выдох.

— Кто здесь?! — попыталась крикнуть Синтия, но ее голос прозвучал слабо и жалобно. — Кто здесь? — повторила она, прокашлявшись.

Свой среди своих

Автор: Уильям Хоуп Ходжсон

Название: Карнакки — охотник за привидениями / Carnacki the Ghost-Finder (сборник)

Жанр: ужасы, мистика, детектив

Издательство: Вече

Серия: Мастера мистической прозы

Год: 2009

Из классиков литературы ужасов Ходжсон ступил на российскую землю последним (отдельные рассказы не в счет), и поэтому логично будет представить его читателю через сравнение с другими мэтрами.

Многое роднит Ходжсона с его соотечественником М. Р. Джеймсом: оба действию предпочитают факты, сюжету — атмосферу, объемным персонажам — почтенных джентльменов, основная функция которых состоит в красочном переживании испуга. Оба подчеркнута неторопливы и непритязательны в стиле: обстоятельность и детализация ставятся выше, чем игры с языком и яркие метафоры. Вместе с тем Ходжсон, человек трудовой профессии (солидная часть его жизни прошла в море), далек от исторических и библиофильских изысков, присущих автору «Рассказов антиквария». Во многих рассказах о Карнакки зло коренится не в прошлом, а где-то извне — в чуждых нам слоях бытия.

Внешне цикл близок к историям Элджернона Блэквуда об оккультисте Джоне Сайленсе, однако последние не страдают от недостатка психологизма и, что особенно важно, однообразия. В отличие от старшего коллеги, Ходжсон стро-

ит повествование по единому шаблону, отчего рассказы приобретают сходство с распространенным типом квестов «Выйди из комнаты»: Карнакки — набросанный, кстати, более скупыми штрихами, чем доктор Сайленс — является в помещении, облюбованное потусторонними силами, и методом проб и ошибок докапывается до истины. Иногда та оказывается обыденной — и здесь автор верен традициям Конан Дойла, который предпочитал не сталкивать мистера Холмса с тайнами, неподвластными для человеческого разума.

Лавкрафту, одному из своих литературных учеников, Ходжсон ощутимо проигрывает в увлекательности и масштабе. Гений из Провиденса едва ли не все свои полотна писал на фоне безграничной Вселенной, его же предшественника мысль о ничтожности человека привлекает не так явно, хотя многие описанные им существа из «внешних сфер» могли бы занять не последнее место в ктулхуанском пантеоне.

С Артуром Мейченом, наиболее одаренным из творцов «черной фантастики» начала XX столетия, Ходжсона сближает самая сильная его черта. Как и знамени-

тому валлийцу, ему свойственна поразительная достоверность в изображении сверхъестественных явлений. В лучшем из рассказов о Карнакки, «Свинье», манера автора приближается к документальной, если не протокольной; с беспристрастностью научного прибора он описывает чувства героя и происходящую вокруг него чертовщину, блестящим образом избегая штампов, которыми кишат нынешние аналоги. Описание это, растянутое на сорок с лишним страниц, иного читателя может вогнать в сон: рассказы Ходжсона требуют непрерывной работы ума и воображения, без которых получить удовольствие от этой своеобразной прозы невозможно. Однако тех, кто переборол себя, ждет настоящее пиршество духа — и страх как он есть.

Увы, в прочих отношениях Ходжсон Мейчену не ровня — слишком узок круг его интересов. Исключение составляет разве что тройка внецикловых рассказов, также включенных в сборник (как и три занятых истории о контрабандисте капитане Голте, автором которых мог бы быть О. Генри). «Брошенное судно» без труда можно адаптировать в сценарий современного фильма ужасов: уровень насилия, как ни странно, полностью соответствует суровым стандартам наших дней. Еще одна морская история, «Голос в ночи», заставляет не только поежиться, но и вспомнить о фантазиях Здислава Бексински. И поистине изумляет кошмар «Или, Или, лама савахфани!», в котором Ходжсон оригинально и с небывалой смелостью обыгрывает один из главных сюжетов христианской мифологии.

В целом сборник представляет собой неплохую стартовую площадку для тех, кто намерен дождаться культовых романов Ходжсона, которые и принесли ему посмертную славу. А ждать осталось недолго — трудами издательств «Энигма» и «Вече» наступление пойдет с двух фронтов сразу. 🍷

Владислав Женевский

“ Минуту спустя открылась дверь и дважды хлопнула с большой силой. В следующее мгновение исполненная ярости тварь метнулась ко мне из теней. Инстинктивным движением я бросился вбок, сняв при этом свою руку с Электрического Пентакля...

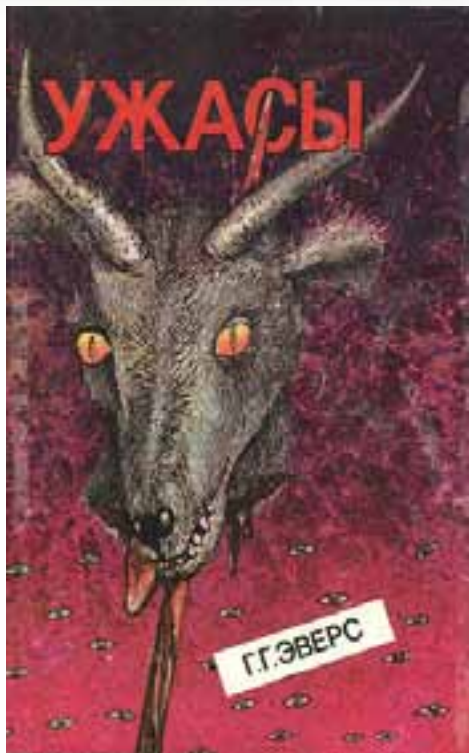
Немецкое золото

Автор: Ганс Гейнц Эверс
Название: Ужасы, Одержимые / Das Grauen, Die Besessen (сборники рассказов)
Жанр: ужасы, мистика
Год первого издания: 1907, 1908
Перевод на русский язык: неизвестный переводчик

Кто или что страшнее всего? Враждебно настроенные пришельцы? Морские чудовища? Призраки и другие необъяснимые явления?

Нет. Страшнее реальности ничего быть не может. Все вышеперечисленное далеко от нас, а действительность — вот она, здесь. Стоит только оглянуться. Поэтому любителей литературы ужасов иногда реалистичный психологический триллер поражает и пугает гораздо больше, чем какой-нибудь сверхъестественный хоррор.

Среди мастеров жанра ужасов конца XIX — начала XX вв., известных в первую очередь благодаря не мистико-фантастическому наполнению своих произведений, а именно реалистическому, одно из первых мест занимает немец Ганс Гейнц Эверс. Подавляющее большинство его рассказов и повестей реалистичны и натуралистичны, другие же

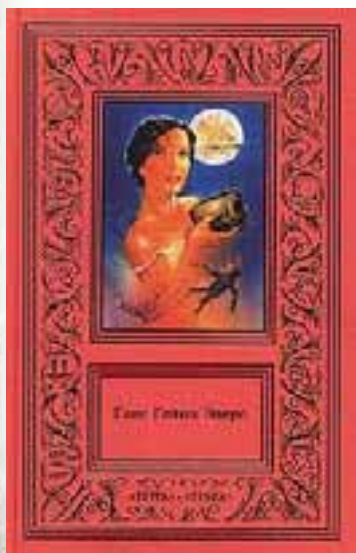
порой имеют мистический налет — но зачастую всего лишь налет.

Первые рассказы Эверса появились в самом конце XIX века — в 1899 году. Многие из них не знакомы российскому читателю, но уже по раннему рассказу «Любовь?» можно судить о потенциале автора. Впрочем, классические произведения были написаны вскоре после первых публикаций — в начале XX века.

Лучшие творения Эверса объединены в два сборника, которые были впоследствии названы «золотыми». Это «Ужасы» («Das Grauen», 1907) и «Одержимые» («Die Besessenen», 1908). Наряду со знаменитым романом «Альрауне» «золотые» сборники чаще всего издавались и переводились на другие языки.

КЛАССИКА

«Ужасы» — название красноречиво говорит само за себя. Здесь собраны ужасы на любой вкус. Наверное, самый жуткий, шокирующий рассказ Эверса — история о любителе состязаний «Соус из томатов», некоем *padro* («Соус из томатов»); здесь есть история об удивительных отвратительных картинах, которые были написаны не менее удивительными отвратительными красками («Сердца королей»); имеется коротенький рассказ о девочке, восхищавшейся на Гаити «дивными чудовищами» («В стране фей»)… Есть в сборнике и мистические рассказы: о превращении человека в дерево («Из дневника померанцевого дерева») или об ожившем трупе («Мертвый еврей»). Одиннадцать рассказов были написаны автором в 1903—1907 годы, и большинство из них впервые увидели свет еще до выхода в сборнике «Ужасы».

Во второй «золотой» сборник вошли семь рассказов, каждый из которых соответствует заглавию книги — «Одержимые». Одержимость героев рассказов вызвана различными причинами и проявляется в различной степени: у кого-то сильнее, у кого-то слабее. Эти истории повествуют о взаимоотношениях людей различных рас («Синие индейцы» и «Шкатулка для игральные марок»), о страшной и странной мистической силе, противостоять которой очень трудно («Паук»), о раздвоении личности («Смерть барона фон Фридель»)… Пожалуй, о причинах одержимости героев этих рассказов отлично говорят подзаголовки, подобранные для каждого из произведений:

- «Последняя воля Станиславы д'Асп» — Любовь
- «Синие индейцы» — Кровь отцов
- «Паук» — Лилит
- «Шкатулка для игральные марок» — Новая культура
- «С. 3. 3.» — Logos
- «Смерть барона фон Фридель» — Второе Я
- «Дельфы» — Бог

Как и в «Ужасах», здесь собраны различные рассказы, один из них — «Дельфы» — основан даже не на современном

автору материалу и не на его впечатлениях от путешествий. Разброс в датах написания произведений здесь больше, чем в предыдущем сборнике: 1901 («Дельфы») — 1908 гг.

Одним из лучших рассказов сборника «Одержимые» — и во всем творчестве Эверса — по праву считается «Паук». История студента, занявшего номер в гостинице, в котором по неизвестной при-

чине до него уже повесились несколько постояльцев, вряд ли оставит читателя равнодушным. Если это произведение и было написано на основе рассказа Эркмана-Шатриана «Невидимое око, или Гостиница трех повешенных», то Эверс значительно переработал исходный замысел, сместил акценты — и сделал свою, абсолютно «эверсовскую» историю, в отличие от другого писателя, создавшего похожий рассказ, — Эдогавы Рампо («Волшебные чары луны»).

Хотя Ганс Гейнц Эверс в первую очередь известен как создатель «Альрауне», рассказы его в массе своей так же хороши, как и названный роман, а отдельные шедевры (например, «Соус из помидоров», «Шкатулка для игральные марок»), как отмечают многие, даже лучше. И конечно, произведения малой формы производят неизгладимое впечатление. Это скорее относится к тем самым реалистическим рассказам, без мистических и прочих фантастических элементов. Потому что нет ничего страшнее реальности — и Эверс с блеском это подтверждает. 🕷️

Дмитрий Квашнин

О ЧЕМ ГРЕЗИТ ФЕВР или Марк Твен против Брэма Стокера

Автор: Джордж Мартин

Название: Грезы Февра /
Fevre Dream (роман)

Жанр: ужасы, мистика

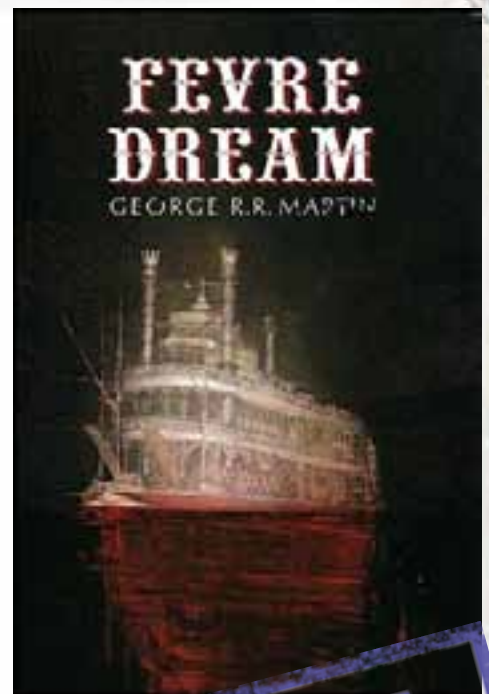
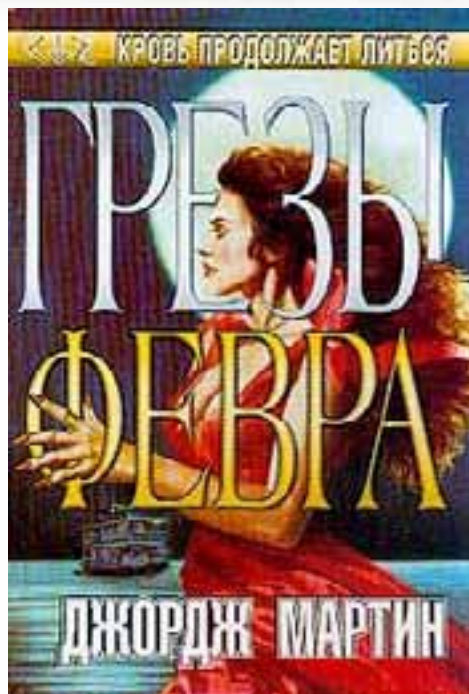
Год первого издания: 1982

Перевод на русский язык: Т. Замилова

Как известно, вся американская литература выросла из книги «Приключения Гекльберри Финна», в которой отчаянный товарищ Тома Сойера путешествовал вместе с беглым негром Джимом по Миссисипи. С тех самых пор эта река не дает покоя писателям и читателям, беря умы и волнуя сердца. Поэтому нет ничего удивительного в том, что рано или поздно она должна была найти свое место и в жанре «хоррор».

Нелегкую эту задачу взвалил на свои мясистые плечи маститый ветеран современной художественной литературы Джордж Мартин, наиболее известный в мире как создатель Семи Королевств Вестероса. Конечно, не Марк Твен, но человек, бесспорно, талантливый и заслуживающий внимания. До того, как с головой погрузиться в свою бесконечную фэнтезийную сагу, он в основном сочинял замечательную научную фантастику, но и ужасами не брезговал, о чем лучше всяких слов свидетельствуют такие шедевры, как «Короли-пустынники» (Sandkings, 1981) или «Человек-в-форме-груши» (The Pear-Shaped Man, 1991). Ну и, само собой, «Грезы Февра».

Название романа (оно же название главного действующего парохода) представляет собой игру слов: перевести его можно и как «Грезы Февра», и как «Горячий бред» — выбирай на вкус. В русскоязычном варианте эту зловещую двусмысленность передать, естественно, не удалось.

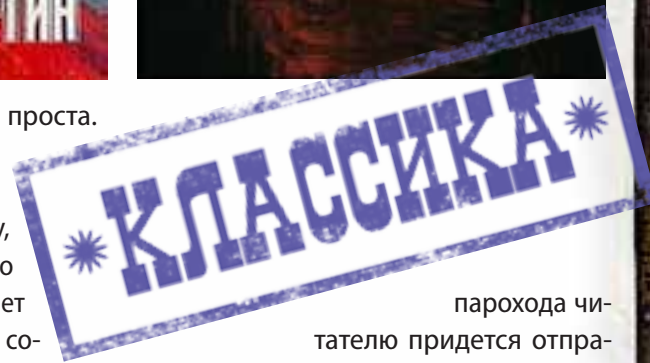
Завязка сюжета изыскано проста. Однажды ночью капитану Эбнеру Маршу, недавно крупно разорившемуся судовладельцу, является загадочный субъект по имени Джошуа Йорк и предлагает фантастическую сделку. Марш сомневается, колеблется, но все-таки соглашается, хотя чем заканчиваются разного рода фантастические сделки, заключенные под светом луны, нам всем хорошо известно. И вот как раз о последствиях подобной неосмотрительности и рассказывает книга.

Композиционно она выстроена следующим образом: главы, рассказывающие об Эбнере Марше и его странном компаньоне, чередуются с главами, в которых описывается Мрачный Билли Типтон, верный слуга некоего Дэймона Джулиана, жуткого затворника, хозяина небольшой плантации неподалеку от Нового Орлеана. Это излюбленный прием Джорджа Мартина, дающий читателю возможность взглянуть на одни и те же события глазами разных персонажей, и тем самым придающий истории объемность и разноплановость.

«Грезы Февра» — это роман-путешествие. На борту одноименного

парохода читателю придется отправиться в долгое плавание по Миссисипи и ее притокам — от Сент-Луиса до Нового Орлеана через Каир, Виксбург, Натчез и другие большие и малые города и веси Северной Америки. Почти все они подробно и красочно описываются, складываясь в яркую, выразительную картину жизни на Миссисипи во второй половине XIX века. Прекрасно описано общество, обитавшее в те времена на ее берегах — пестрый клубок, в котором нельзя выжить, играя по правилам: скаредные плантаторы, надменные креолы, беспринципные работоторговцы и убийцы, авантюристы, проститутки, матросы, охотники за головами и чернокожие рабы. И вампиры.

Что касается последних, то Мартин несколько отошел от традиционных канонов. То ли научно-фантастическая направленность сознания взяла свое, то ли Ричард Матесон повлиял, но только вампиры в «Грезах Февра» отнюдь не вос-

ставшие из могил мертвецы, неупокоенные обитатели склепов, пьющие человеческую кровь. Вампиры Мартина — это отдельная раса, редкий и почти уже исчезнувший вид живых существ, таящийся в тени человечества с незапамятных времен. Солнце, как полагается, для них губительно, а свежая кровь — необходима. А вот чеснок, молитвы, серебро и бегущая вода на них никак не действуют, да и в зеркалах они отражаются без всякого стеснения. К людям большинство вампиров относятся как к скоту, источнику пищи и комфорта. Антураж, в который помещено действие, позволяет автору провести любопытную аналогию с отношением белых господ к чернокожим рабам и, соответственно, заставить читателя задуматься о том, где же все-таки скрывается истинное зло.

Тем более, что и среди вампиров нет единства во взглядах на этот вопрос...

Однако особое, неповторимое очарование книги — вовсе не в «ночных охотниках». Да, бездонный взгляд древних черных глаз Деймона Джулиана берет за живое. Да, скользкие во тьме бледные фигуры, быстрые и непобедимые, производят должное впечатление. И неистовая внутренняя борьба Бледно-

го Короля, борьба между «красной жаждой» и человечностью, вряд ли оставит вас равнодушными.

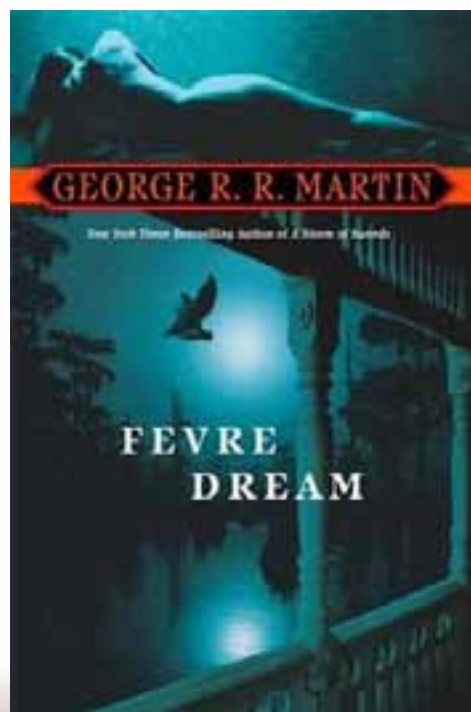
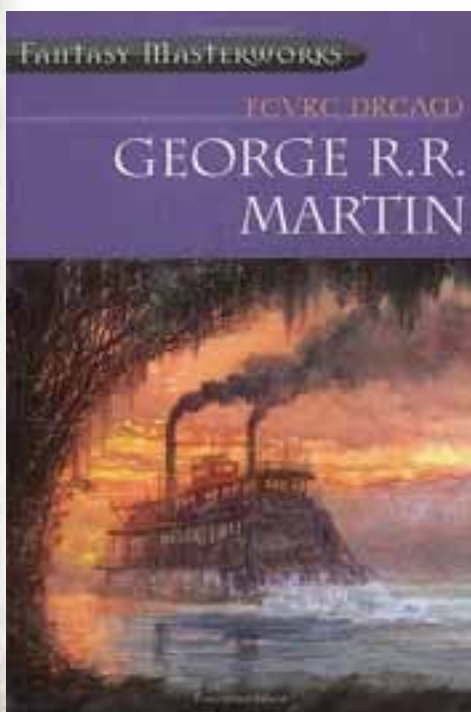
Но это все не выходит за рамки традиционных вампирских конфликтов и архетипов, разработанных в огромном количестве книг соответствующей тематики. В «Грезах Февра» самое главное — река. Великая река, несущая в своих водах сотни и сотни человеческих жизней, надежд, историй и тайн. И люди, живущие на ней, живущие ей — речники. Лоцманы, боцманы, матросы, капитаны, обитатели и хозяева бесчисленных пароходов. Центральный персонаж, капитан Эбнер Марш, вовсе не храбрец, да и острым умом не отличается. Единственное, чем он на первый взгляд замечателен, это своей необычайной внешностью. Толстый, кривоногий, с лицом, покрытым многочисленными бородавками, он вполне отдает себе отчет, что является «самым безобразным капитаном на чертовой реке». Кстати говоря, поклонники творчества Мартина наверняка заметили его тягу к подобным героям, вспомним хотя бы Тириона Ланнистера из «Песни Льда и Пламени» или толстяка Тафа. Эбнер Марш — речник до мозга костей, неотесанный, грубоватый, не интересующийся ничем, кроме

пароходов, но в то же время честный, немало инфантильный и способный на настоящую дружбу. Эбнер не верит в вампиров и не читает стихов, однако в трудную минуту всегда готов встать грудью на защиту того, что ему дорого. Такой простой, незатейливый мужик, пусть и слегка себе на уме, выписанный автором с подкупающей достоверностью. Психологизм всегда был сильной стороной творчества Мартина, вот и здесь читатель ни на мгновение не усомнится в обоснованности действий, мыслей и переживаний главных героев. А капитан Марш — это, несомненно, один из самых удавшихся образов, яркий и запоминающийся.

Именно его судьба является стержнем для эпической истории «Грез Февра», повествующей о том, как человек победил зверя — победил, несмотря на то, что иногда очень тяжело понять, где кончается человек и начинается зверь.

Вывод: если вы читаете «Грезы Февра» как хоррор, как роман о вампирах, то вам, безусловно, очень повезло, потому что это действительно оригинальная, сильная и во многих местах пугающая книга, которую не стыдно поставить в один ряд с «Дракулой», «Интервью с вампиром», «Я — легенда», «Жребием» и романами Тома Холланда. Если же для вас это в первую очередь историко-приключенческий эпос, полный событий, харизматичных персонажей и атмосферных описаний, то вам повезло ничуть не меньше, так как романтика Миссисипи эпохи колесных пароходов (стилистика стимпанка сейчас как раз переживает очередной виток популярности) схвачена и подана Джорджем Мартином в самом лучшем виде. Недаром в свое время роман номинировался и на «Locus», и на «World Fantasy Awards», а в 2001 году был переиздан в серии «Шедевры Фэнтези». Впрочем, другого от него ждать и не приходится. Мастер, что тут еще скажешь... 🍷

Дмитрий Тихонов

От заката до восхода

Автор: Стивен Кинг

Название: Сразу после заката / Just After Sunset (авторский сборник)

Жанр: ужасы, мистика

Дата выхода на языке

оригинала: ноябрь 2008 года

Дата выхода на русском

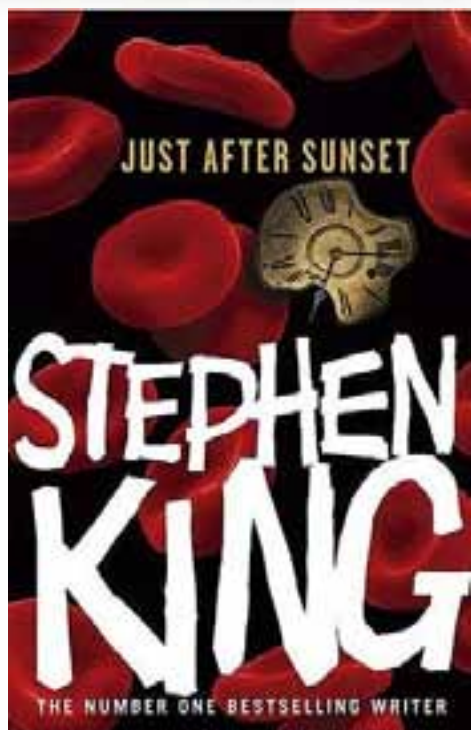
языке (прогноз): конец зимы

— начало весны 2010 года

Выбирая название для нового сборника, Кинг шел на риск — насколько это понятие вообще применимо к писателю, книги которого продаются миллионными тиражами по всему миру. С чем в универсальной системе символов принято связывать закат (и то, что бывает после него), известно каждому школьнику. К счастью, уровень кинговской малой прозы позволяет забыть о неудачных метафорах, как бы тревожно они ни звучали.

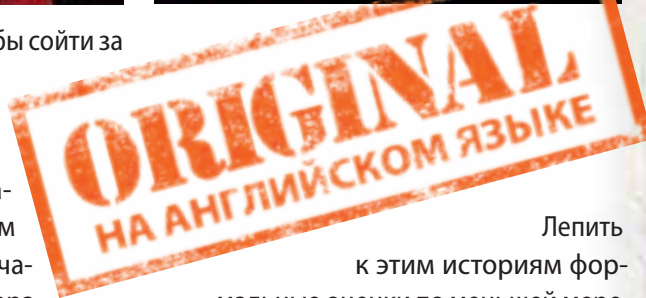
Пожалуй, из всех сборников Стивена этот наиболее цельный — благодаря сквозному персонажу, который мрачным пейзажем присутствует в большей части рассказов. Этот персонаж — смерть. Чудом ускользнув от нее одним сентябрьским днем 1999 года, человек из штата Мэн до сих пор бежит от ее тени... Или, быть может, наоборот — неторопливо обходит границы ее владений, изучая неизведанную территорию, всматриваясь в тьму, поглотившую вечернее солнце? Как бы то ни было, в отношении к старой знакомой Кинг подчеркнуто серьезен. Это касается не только историй, в центре которых контакт между царством мертвых и миром живых, но и более, казалось бы, стандартных сюжетов: мастер все чаще и чаще отказывается заканчивать рассказ гибелью главных героев (или их противников, что ненамного лучше), как требует классическая модель хоррора или триллера.

Да, Кинг заматерел и остепенился (и теперь ему нет нужды демонстрировать

удостоверение личности, чтобы сойти за классика), однако присущая его прозе напряженность отнюдь не испарилась — лишь сместилась из внешнего плана во внутренний. В реальном мире битвы с драконами случаются и после заката, но разворачиваются они не на выжженных пустах, а в человеческой душе.

Вместе с тем неверно было бы видеть в этой книге концептуальную, от ума, подборку, где каждая цветная стекляшка занимает некое место, предусмотренное планом. Как и прежде, Стив предпочитает работать по наитию, и общность рассказов говорит скорее о том, что автор сейчас находится на новом этапе жизненного пути и склонен к определенным мыслям, а не о некоем четком замысле. Цельность сборника заключается не в последнюю очередь и в его разнообразии — здесь и образцовый лавкрафтианский хоррор, и лирика, и сложные нравственные метафоры, и капля-другая иронии, и даже парочка бойких историй, заставляющих вспомнить о «старом добром Кинге», подарившем нам «Кадиллак "Долана"» и «Корпорацию "Бросайте курить"».

Лепить к этим историям формальные оценки по меньшей мере глупо, вернее будет разбросать их по номинациям.

Самая нежная — «Willa» («Уилла»)

О чём: После крушения скорого поезда пестрая группа пассажиров застревает на уединенной станции в вайомингской глуши. Спасаясь от скуки, девушка по имени Уилла отправляется в расположенный поблизости городок. Заметив отсутствие любимой, ее жених Дэвид отправляется на поиски. В Кроухарт-Спрингс им двоим суждено узнать невероятную правду, и тогда ожиданию будет положен конец...

Как: Как давно известно половине фанатов Кинга и примерно четверти критиков, истинная его сила не в «яростной

эстетике тьмы» и не в обостренном восприятии мистического (здесь корону отдадим Рэмси Кэмпбеллу), а в правдивом и убедительном изображении человека со всеми его противоречиями и слабостями. И если когда-то мэтр был склонен распоряжаться этим ценным сырьем, как генерал — пушечным мясом, то в последние годы в его отношении к героям, особенно молодым, чувствуется нескрываемая симпатия. Каждый такой персонаж для него — как та самая Роза из одной долгой-долгой саги, непостижимая в своей хрупкости. Сказанное в полной мере относится к этому трогательному рассказу, в котором главное выражено через намеки, а единственным смыслом жизни — и смерти — представит простое человеческое чувство — любовь. Только по ее отсутствию и можно отличить рай от ада...

Самая динамичная — «The Gingerbread Girl» («Гретель» / «Девушка-колобок»)

О чём: После смерти малолетней дочери героиня берет пример с Форреста Гампа и пускается бежать — в прямом и переносном смысле, прочь от горя и от самой себя. Но однажды на пути Эмили встанет плохой человек — и ей придется примириться с собой, чтобы выжить.

Как: Один из двух образцов саспенса, включенных в сборник — и менее удачный. Как заведено в жанре, история берет старт с психологии и финиширует безостановочным действием, но вот забавная штука: наскочив на беговую дорожку, повествование делается едва ли не статичным, замедляет ход до броских кадров, ползущих друг за другом с досадным интервалом. Здесь, однако, многое зависит от настроения читателя, но вот в опереточного психопата, сшитого Кингом с лентой, по собственным многолетним выкройкам, будет сложно поверить даже ребенку. В определенном

смысле эта фальшь даже радует: приятно сознавать, что кумиру миллионов не просто вжиться в роль серийного убийцы — значит, не так велики тараканы, нашедшие гнездовье в его голове... Впрочем, остался бы в народной памяти Колобок, не случись на его пути пара-тройка созданий с очень большими зубами? Едва ли. Так и в «Гретели» очередной американский психопат явлен лишь для того, чтобы тотальное бегство героини не протянулось в бесконечность.

Самая утонченная и жуткая — «Harvey's Dream» («Сон Харви»)

О чём: Однажды утром старый Харви рассказывает своей жене о страшном сне, который слишком походит на реальность...

Как: Чтобы по достоинству оценить этот рассказ, избыточный полутонами и начисто лишенный событийного ряда, одного прочтения недостаточно. Не находя привычных маркеров (инцидентов и поступков), разум скатывается с текста, как с горки. Только со второго захода, цепляясь за борта и тормозя ногами, можно оценить красоты психологического пейзажа. При этом идея, образующая сюжет, банальна, даже примитивна — не секрет, что подобные ходы обожают сценаристы женских мистических сериалов. Но Кинг, верный себе, оставляет читателя без четкой концовки, и нереализованные ожидания, повиснув в воздухе, обрачиваются зябкой жутью, призрачным холодком по коже.

Самая острая — «Rest Stop» («Стоянка»)

О чём: Заскочив в придорожный туалет на пустынной автостраде, писатель становится свидетелем ссоры между мужчиной и женщиной. Для последней все

может закончиться печально. Но где найти смелости, чтобы вмешаться?..

Как: Растянув эту дорожную притчу до размеров романа, получим реалистичную версию «Темной половины». Будем, однако же, благоразумными, и оставим все как есть — вслед за самим Кингом, которому не откажешь в даре извлекать разную мораль из одних и тех же ситуаций. А дилемма, обыгранная в «Остановке», будоражит человечество со времен Адама... или его хвостатых соперников от науки, если угодно. Верзила Стив бьет без промаха, сэй Постоянный Читатель.

Самая безумная — «Stationary Bike» («Велотренажер»)

О чём: Решив похудеть, рекламный художник покупает себе велотренажер. Чтобы тренировки не казались скучными, он подключает фантазию... и обеспечивает себе серьезные неприятности.

Как: Вообще говоря, писатель должен быть честен с теми, кто его кормит... не стоит только понимать это правило буквально и лишать читателя удовольствия быть обманутым. В показательном примере надувательства, именуемом «Велотренажером», Кинг затрагивает привычную для себя тему соотношения реальности и творческого вымысла. «Баллада о гибкой пуле», «Дорожный ужас прет на север» и «Дьюма-Ки» выросли на тех же дрожжах, однако в них не было доступа иронии. Здесь подвох чувствуется уже в завязке: предпосылка, дающая толчок сюжету, знакома (и давно опостылела) любому почитателю телевизионной рекламы. То, что поначалу развивается как мистический триллер на грани абсурда, заканчивается чистым абсурдом — к чести мастера, совершенно обоснованным и уместным. Такого хулиганства Кинг не позволял себе со времен «Перекурщиков» — и совершенно напрасно.

Самая пронзительная — «The Things They Left Behind» («Вещи, которые остались после них»)

О чём: В квартире человека, которому повезло 11 сентября 2001 года не пойти на работу во Всемирный торговый центр, начинают появляться вещи его погибших коллег...

Как: Идея этого рассказа посетила Кинга примерно через месяц после катастрофы, потрясшей Америку и мир. При желании можно увидеть в «Вещах» попытку самоизлечения, бегства в художественную реальность, где у всякого события есть причина, следствие и смысл. Если такого желания нет, понять авторский замысел будет гораздо проще — хотя такие излияния человеческого сердца, как это, в пояснениях и комментариях не нуждаются... даже если вы не американец.

Самая трагичная — «Graduation Afternoon» («После выпускного»)

О чём: о том, что у молодости все впереди. Как правило.

Как: Если позаимствовать у Клайва Баркера удачную метафору и представить жизнь в виде сплетения — безгранично сложного и удивительного — разноцветных нитей, то в этом рассказе, самом коротком в сборнике, речь на самом деле ведется о чудовищных ножницах, способных обрезать все нити разом и оставить за собой лишь бессмысленную пустоту. Бездушной стали все едино — что белое красить, что черное, что красное, что зеленое... Выйди «После выпускного» лет на двадцать раньше, у него были бы все шансы блеснуть на советском просторстве в какой-нибудь антологии за-

рубежной фантастики (в переводе Норы Галь). Сейчас таких не составляют — и жаль, потому что угроза, о которой пишет Кинг, нависает над человечеством и поныне.

Самая традиционная — «N.» («N.»)

О чём: о местах, где истончается грань, отделяющая привычный мир от иных реальностей.

Как: Кинг не единожды пытался сыграть на лавкрафтовском поле, и всякий раз результаты были как минимум удовлетворительными (а то и блестящими, если вспомнить «Крауч-Энд»). В «N.» наш способный ученик пошел дальше и бросил вызов фигуре не такой известной, как Лавкрафт, но несравненно более сложной — Артуру Мейчену (ему и посвящена коллекция «Сразу после заката»). В те дни, когда вопрос о серьезности жанра даже не поднимался, этот человек писал шедевры ужасов, не желающие тускнеть и в наши дни. Увы, дотянуться до «Великого бога Пана» у Кинга не вышло даже на цыпочках: как ни странно, с ним сыграла злую шутку привычка к лавкрафтовской системе координат. Отшельник из Провиденса, переняв лучшее у Мейчена и других грандов черной фантастики, создал собственную школу, в которой сплелись в единую ДНК-спираль две ветви литературы о пугающем — психологическая и приключенческая; в потомстве Лавкрафта чистых экземпляров уже почти не встречалось. Вот почему Кингу так сложно уловить ритм мейченовской прозы: ему недостаточно показать тени монстра — по правилам игры тот должен показаться целиком, пускай хрупкий эффект необъяснимости будет разрушен. Во всех прочих отношениях «N.» строго каноничен — начиная с класси-

ческой (дневниковой) формы и заканчивая предсказуемым финалом. Не стоит, впрочем, забывать, что в руках новичка или даже профессионала менее высокого уровня традиционный сюжет мог рассыпаться набором штампов. В случае Кинга этого не произошло, и его беспокойный гимн обсессивно-компульсивным расстройствам (а также тварям из внешних сфер) заставит недовольно сдвинуть брови лишь того, кто давно и безнадежно отравлен кристальным ужасом Артура Мейчена.

Самая неожиданная — «The Cat from Hell» («Кот из ада»)

О чём: о киллере, которому поручили убить кота.

Как: В соседстве с более молодыми сородичами этот рассказ, ускользавший из когтей Постоянного Читателя тридцать с лишним лет, смотрится чуть неуклюже — как сельский интеллигент, нежданно для себя очутившийся на светской вечеринке. С другой стороны, он станет благословением для тех, кто соскучился по раннему Кингу, и среди жутких быличек, созданных мастером на заре карьеры, занимает не последнее место. Поверьте, пролезать человеку в душу (и не только) этому коту не в новинку. Хоррор как он есть,

Самая нехитрая — «The New York Times at Special Bargain Rates» («“Нью-Йорк Таймс” по специальной цене»)

О чём: о женщине, которой однажды позвонил ее муж, за три дня до этого погибший в авиакатастрофе.

Как: И снова сюжет, достойный мильной оперы... на этот раз без смягчающих.

Новостная лента ужасов : <http://www.horror-blog.info> Все о хорроре в любых обликах.

В некотором смысле рассказ противоположен «Сну Харви» — голый костяк против сочного шмата мяса. Чтобы вычислить пищевую ценность того и другого, диетологом быть не обязательно.

Просто самая — «Mute» («Немой»)

О чём: об опасных желаниях и непростых людях.

Как: С некоторых пор мораль стала в литературе персоной нон-грата. Причин много: одним надоело учить, другие не желают (или будем честнее с собой — не могут) учиться. И все же находятся смельчаки, которые скрытно, на манер террористов, проносят в литературные уголья зерна нравственности — и охотно заражают ими уязвимые читательские души, открытые для любого влияния. В «Немом» партизанская сноровка Kingа проявляется особенно четко: усыпив доверчивого посетителя сочными психологическими подробностями и еле слышимым юмором, в концовке он извлекает из пух-

лых клоунских штанов молоток и огревает несчастного по голове. Итог — один потрясающий рассказ и один прояснившийся разум.

Самая загадочная — «Ayana» («Аяна»)

О чём: о неувядающем чуде.

Как: В «Зеленой миле» мастер уже пробовал изобразить чудо, рожденное вне религиозной веры. В «Аяне» эксперимент повторяется с той же мерой успеха. Есть ли Бог, нет ли его — в реальности вещей, которые мы связываем с его образом, сомневаться не приходится. И грешен тот, кто не верит в очевидное...

Самая задорная — «A Very Tight Place» («Взаперти»)

О чём: о человеке, которого оставили умирать в пластмассовом сортире на заброшенной стройплощадке, а он взял да и выжил.

Как: Хотя в предисловии к «Ночным кошмарам и фантастическим видениям» King открещивается от ремесла престижжигитатора, факты выдают в нем первоклассного фокусника. Правда, для извлечения кроликов он использует не цилиндр, а все, что под руку попадет. «Взаперти» демонстрирует, как при некотором навыке можно вытащить кролика... пардон, немолодого гея из покосившейся туалетной кабинки, успев попутно насмешить и шокировать зрителя и увенчав номер неожиданной концовкой. Аплодисменты!

...Стоит только отбросить дурные символы, и становится ясно: закат — всего лишь преддверие рассвета. Стивен King, как и полагается светилу, следует этому ритму эпоха за эпохой, и с каждым новым восходом сияет если не ярче, то теплее. А значит, нам будет где отогреться после долгой морозной ночи. ☺

Владислав Женевский

Борис Левандовский

www.levandovskij.info

Официальный сайт одного из основателей ЛоТ, автора романов «Обладатель великой нелепости», «Бабай» и повести «Что-то в дожде» Бориса Левандовского. На сайте работает форум, проводятся конкурсы.

Завершился конкурс

«ЗДЕСЬ ЖИВЕТ БАБАЙ»

организованный Борисом Левандовским при поддержке ЛоТ и Александра Щёголева.

В следующем номере «Тьмы» читайте рассказы победителей!

25 КЛАДР

НЕЗАВИСИМЫЙ ЖУРНАЛ О КИНО

ТОЛЬКО НА www.25-k.com

- Рецензии на новинки проката
- Обзоры грядущих премьер
- Новости кино
- Репортажи с крупнейших кинофестивалей
- Анимация, Культовое, Ретро и Другое кино
- Сравнение оригиналов и ремейков
- Дискуссии об актуальных проблемах кинематографа
- Кино в книгах

- Кинопроизводство
- Сериалы
- Профессии в кино
- Жанры
- Рейтинги лучших
- Обзоры кассовых сборов в России
- Музыка в кино
- Биографии и интервью
- Инструкции
- Плюсы и минусы кинохитов
- Цитаты из фильмов

и многое другое!

КАЖДЫЙ МЕСЯЦ. БЕСПЛАТНО.

ИСТОРИЯ ОДНОГО КУЛЬТА

Если сейчас спросить типичного любителя ужасов, что есть японский хоррор, скорее всего вы услышите единственное название — «Звонок». И как бы ни хотелось отнести эту узнаваемость к книге Кодзи Судзуки, в первую очередь речь здесь пойдет о кинематографе.

Литературная основа «Звонка» не лишена определенных достоинств и все же остается прежде всего вычурным детективом без тени мистики и сверхъестественного, рассказывает который отнюдь не о призраке из телевизора. Сам автор не причисляет себя к поклонникам темного жанра — более того, открыто признается в нелюбви к телевизионным ужасам и «страшной» литературе. Судзуки-писатель — откровенный материалист. Он не верит в существование мистических явлений, что весьма красноречиво отражено и в его книгах. И если концовка первого «Звонка» (точнее — «Кольца») расставляет не все точки над «и», оставляя окно для читательской фантазии, то в последовавших продолжениях («Спираль», «Петля» и «Рождение») автор окончательно избавляется от блеска мистической поэ-

лоты, предлагая немного фантастичное, но все же научное объяснение феномена «смертельной кассеты».

Невольно возникает вопрос, как удалось человеку, настолько отрешенному от жанра, обрести любовь и поклонение среди фанатов хоррора. Может, дело вовсе не в нем?

Первая попытка экранизировать роман была предпринята в 1995 году. 11 августа на японском канале Fuji TV состоялась премьера двухчасовой драмы «Звонок», очень близкой к содержанию книги. Однако ажиотажа фильм не вызвал.

Спустя три года за дело взялся режиссер Хидео Наката. Первым самостоятельным опытом

Хидео в качестве режиссера стала лента «Актриса-призрак». В прокате фильм потерпел оглушительный провал: по словам самого режиссера, кинотеатрам удалось продать не более шестидесяти билетов. Происходит дело в Гол-

ливуде, на режиссерской карьере Хидео можно было бы ставить крест. Но в японской студийной системе инвесторов привлекает не прибыльность картин ре-

жиссера, а его опыт работы в конкретном жанре.

Вокруг кандидатуры Хидео Накаты разгорелись споры. Главный сценарист нового «Звонка» Хирочи Такахаси, уже успевший поработать с Хидео в «Актрисе-призраке», был категорически против, отзываясь о предложенном режиссере как о человеке, «совершенно не пони-

мающему природы ужасного». Конфликт разрешил Кодзи Судзуки. Ему отправили копию фильма «Актриса-призрак» с пометкой Вы не против, если режиссер этой картины будет снимать «Звонок»? Судзуки возражать не стал. Так появился самый кассовый фильм ужасов в истории японского кинематографа.

После выхода «Звонка» на экраны Кодзи Судзуки и Хидео Наката проснулись знаменитыми. Образ длинноволосой девочки из колодца стал узнаваем во всем мире, а вскоре, как это бывает со всеми удачными находками, превратился в штамп.

Но японский кинематограф — штука своеобразная. Истинный потенциал картины откроется лишь знакомым с восточной культурой людям. «Гуляя вдоль реки или пруда, можно ощутить, как рождаются призраки», — говорит Судзуки. Японские духи или приведения часто являются в ограниченное влажное

пространство. Там, где мы с вами видим дождь, японцы чуют лишний повод для появления призрака. Мы боимся глубокого темного колодца. Японцы — мокрых стен и воды на его дне. Аудитория японского хоррора ежится от страха при виде влажного и душного места, в то время как мы... Впрочем, боимся и мы. Судзуки умело воплотил в своем романе культурные страхи соотечественников. Позднее он вернется к теме «призрака у воды» в повести «Темные воды», которая также будет экранизирована по обе стороны океана.

Всего за два года с момента выхода первого

«Звонка» франшиза набрала обороты. Судзуки вплотную занялся популярной серией. Экранизации выходили одна за другой: «Спираль» (1998), «Петля» (1999) — официальный сиквел от Хидео Накаты, далее — предыстория «Звонок о: Рождение» и корейская версия «Звонок: Вирус». Вполне естественно, что Голливуд не смог пройти мимо такого многообещающего сериала. Студия «DreamWorks» выкупила права на ремейк за 1 млн. долларов, перехватив их у компании «Walt Disney». В 2002 году американский «Звонок» вышел в прокат. Многие ожидали дешевой поделки, но фильм, вопреки прогнозам скептиков, оказался крепким и самостоятельным. На этот раз Голливуд не ограничился пустым копированием. Планка, заданная оригиналом, оказалась высока. Может, именно это заставило американцев отойти от изблюбленных клише.

Кодзи Судзуки

Кодзи Судзуки (р. 1957) — автор бестселлеров, которого часто называют японским ответом Стивену Кингу. Настоящая мировая известность пришла к автору после великолепных экранизаций романа «Звонок».

Наиболее известные произведения:

- Звонок (Кольцо) / Ringu (1991)
- Звонок-2 (Спираль) / Rasen (1994)
- Темные воды / Honogurai Mizu No Soko Kara (1996)
- Звонок-3 (Петля) / Ruru (1998)
- Звонок-0 (Рождение) / Basu Dei (1999)

Также Судзуки написал несколько работ об отцовстве в Японии, резко критикуя отсутствие отцов-домохозяек. Перевел детские книги Саймона Бретта («Исповедь маленького негодника») на японский. Написал собственную книгу для детей «Слезы» (Namida).

24 мая 2009 года в Японии опубликован новый рассказ Судзуки — «Капля» (на туалетной бумаге!).

В дополнение к письму и переводу, Судзуки — заядлый мотоциклист и опытный моряк.

Награды:

В 1990 году Кодзи Судзуки получил премию Fantasy Novel Award за произведение Rakuen [«Рай»]. В 1996 году роман «Спираль» (продолжение «Звонка») получил премию Yoshikawa Eiji Young Writer.

Было переработано все, начиная самим сценарием и заканчивая незначительными сценами. Видеоряд смертельной кассеты стал отталкивающим и действительно пугающим. Такому экспрессионизму позавидовал бы сам Дэвид Линч. Упрощенный, но не до идиотизма, сценарий стал более доступен для широкой публики. В итоге от книги Судзуки не осталось практически ничего, кроме главной идеи... но идея сыграла.

Мертвая девочка Самара (в оригинале — Садако) стала культом, новым витком в истории хоррора. И пусть ее серые клоны продолжают плодиться... Мы-то знаем, с чего все началось.

Так кто все-таки повинен в возникновении феномена «Звонка»? Кодзи Судзуки — автор идеи и литературный отец Садако? Хи-

део Наката, вдохнувший жизнь в остывающую серию? Студия «DreamWorks» во главе с Гором Вербински, который адаптировал фильм для западного зрителя, подняв франшизу на пик популярности, не растеряв и даже преумножив достоинства оригинала? Или, быть может, сами фанаты жанра?

Когда людей судят за преступление, неважно, кто «стоял на шухере», а кто «шел на дело». Виновны все.

Так зачем же нам — людям, обсуждающим искусство — спорить о том, «что лучше: фильм или книга», «оригинал или римейк», если все это в совокупности не только принесло нам удовольствие, но и подняло жанр на новый уровень?

Сергей Непрозванов

Хидео Наката

Сразу после окончания университета Хидео Наката (р. 1961) пришел на студию Nikkatsu, где следующие семь лет провел в качестве рядового ассистента режиссера.

В начале 90-х Наката выиграл федеральный грант на повышение квалификации во Франции, после чего впервые получил возможность появиться на съемочной площадке в качестве режиссера.

В 1993 году на волне популярности молодежных «страшилок» Хидео получает добро от Nikkatsu на съемку нескольких короткометражных фильмов для очередного телесериала ужасов. Позднее эти короткометражки войдут в большую антологию под названием «Death, Curse & Spirit».

В 1996 году Хидео Наката выпускает свой первый полнометражный фильм — хоррор «Актриса-призрак».

Избранная фильмография:

- Honto ni atta kowai hanashi: Jushiryô / Curse, Death & Spirit (1992)
- Актриса-призрак / Joyû-rei / Ghost Actress (1996)
- Звонок / Ringu / Ring (1998)
- Хаос / Kaosu / Chaos (1999)
- Звонок 2 / Ringu 2 / Ring 2 (1999)
- Темные воды / Honogurai mizu no soko kara / From the Depths of Dark Water (2002)
- Звонок 2 / The Ring Two (2005)
- Кайдан / Kaidan (2007)

Был внесен в список «самых влиятельных людей планеты» по версии журнала Time.

«Звонок» (Япония): интересные факты

- Сюжет о «проклятой видеокассете» был впервые использован писателем Кристофером Фаулером в романе «Руна» (1990), основанном на городских легендах конца 1980-х. В фильме Дэвида Кроненберга «Видеодром» (1983) присутствовала загадочная кассета, вызывающая у всех посмотревших галлюцинации.
- Имя Садако является сочетанием японских слов «непорочность» (sada) и «ребёнок» (ко).
- Имя Садако упоминается в японском рассказе «Садако и тысяча бумажных журавликов»; в нем излагается история девочки, умирающей от лейкемии, которой она заболела после

атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Садако верит, что останется в живых, если сделает тысячу бумажных журавликов.

- Прототипом персонажа фильма Шидзуко Ямамуры (мать Садако) стала женщина Шидзуко Мифуне, которая родилась в 1886 году. Она обладала даром ясновидения. В 1910 году её объявили шарлатанкой, а через год она покончила жизнь самоубийством, прыгнув в кратер вулкана.
- В ходе съёмок эпизода с появлением Садако из колодца был применен достаточно простой спецэффект. Во время съёмок исполнительница этой роли Риэ Иноу пятилась назад, а при монтаже пленку пустили в обратную сторону, из-за чего движения Садако кажутся очень необычными.

- Существует мнение, что, дабы глаз Садако производил пугающее впечатление, изобретательные японцы перевернули его «вверх ногами». Об этом может свидетельствовать слишком короткое и узкое верхнее веко и чрезмерное выпуклое — нижнее. В кадре также отсутствуют ресницы, которые могли бы разоблачить хитрый эффект.

«Звонок» (США): интересные факты

- Часть приемов нагнетания атмосферы была позаимствована из картин Альфреда Хичкока. В картине есть отсылки на шедевры Хичкока «Психо», «Окно во двор» и «Семейный заговор». Кроме того, в далеком 1927 году Хичкок снял драму «The Ring» («Ринг»), в которой рассказывается о противостоянии боксеров.
- В качестве дополнений и бонусов на DVD-издании присутствует видеоряд, свидетелями которого стали главные герои картины. Интересно, что при выборе данного сегмента контроль над меню пропадает, лишая зрителя возможности сделать паузу, перемотку или вернуться в главное меню. Единственный способ прекратить просмотр — выключить телевизор или плеер. Управление возвращается только по оконча-

нии видеоролика, после чего дважды звучит телефонный звонок.

- В первую неделю американского проката каждый зритель, войдя в зал, мог обнаружить на своем сидении кассету с записью все того же таинственного видеоряда.

- На полке, где Рэйчел обнаруживает злополучную видеокассету, находятся также видеозаписи фильмов «Вдребезги» (1991), «Запах женщины» (1992), «Стальные магнолии» (1989), «Содом и Гоморра»

(1962), «Семейный заговор» (1976), «Спонтанное возгорание» (1990), «Человек со снежной реки» (1982) и «Школьные узы» (1992).

- Имя девочки «Самара» имеет отношение к рассказу У. Сомерсета Моэма «Встреча в Самаре». Его герой, встретив на рынке Смерть, уезжает в городок Самара.
- Фигурировавшее в фильме дерево с красными листьями (японский клён) было искусственным и во время съёмок неоднократно падало от сильного ветра. Его соорудили из металлической трубы и арматуры, обвешанной шелком. Кстати, плод японского клёна называется «самара» (ещё одна ссылка на имя главной героини).
- Бюджет американского «Звонка» примерно в 40 раз превышает бюджет японской версии.

А потом как бабахнет!

2012

Название: 2012

Год: 2009

Страна: США / Канада

Жанр: фантастика, фильм-катастрофа

Слоган: «Узнай правду... если сможешь!»

Режиссер: Роланд Эммерих

Сценарий: Роланд Эммерих,
Харальд Клозер

В ролях: Джон Кьюсак, Аманда Пит, Вуди Харрельсон, Тэнди Ньютон, Дэнни Гловер, Чиветель Эджофор и др.

Тема конца света в последние годы набирает все большую и большую популярность в одном из важнейших

искусств, коим для нас, безусловно, является кино. Не исключение фильм «2012», ставший одним из самых ожидаемых в уходящем году. Название отсылает к конечной дате календаря мая — 2012 году, когда планеты Солнечной системы окажутся на одной линии друг с другом, что

приведет к глобальным природным катаклизмам: сильнейшим землетрясениям, цунами и извержениям вулканов, способным обратить целые страны и континенты в руины.

Идея безусловно, интересная и актуальная: в прессе и на телевидении все чаще мустируется тема глобальных катаклизмов, приближающегося конца света. А учитывая, что означенный год не за горами, самое время наглядно представить, чего нам стоит ожидать.

Помочь нам в этом вызвался режиссер Роланд Эммерих, ранее уже обращавшийся к теме апокалипсиса в фильмах «День независимости» и «Послезавтра». На сей раз, разжившись бюджетом в 200 000 000 долларов, он надеялся сотворить абсолютный шедевр в жанре «фильма-катастрофы», но вот преуспел ли в этом — вопрос открытый.

Наивысшей оценки заслуживает лишь проведенная PR-компания, благодаря которой к фильму возник нешуточный интерес. Если в свое время фильм

Джэймса Кэмерона «Титаник» вернул к жизни многие провинциальные кинотеатры, до этого приспособленные под торговые центры и офисы, то «2012» отличился тем, что в дни его показа в кассах кинотеатров вновь появились очереди, а в залах были полные аншлаги.

Можно ли снять что-либо новое в жанре фильма о конце света? На мой взгляд, можно! Но по всей видимости, Роланд Эммерих решил не лезть в дебри, выбрав самую исхоженную тропинку.

Сюжет фильма не отличается особой новизной, более напоминая набор избитых штампов и клише, плавно переключавшихся из эпиков «День независимости» и «Послезавтра». Практически те же сюжетные линии, мотивация героев, реплики и диалоги. Впрочем, это и не удивительно, ведь над «2012» трудился тот же состав сценаристов, что и над предыдущими фильмами Роланда Эммериха.

Если сюжетом подобных работ предусмотрено зло, то часть этого зла, безусловно, сосредоточена

в русских! «Русские в американских фильмах» — тема довольно занятая. Стараниями Эммериха и ему подобных представления американцев о России еще долго будут отставать от реальных. Так, на этот раз русские в фильме, предстали в образах циничного разжиревшего олигарха, в прошлом русского боксера из Мурманска (та еще сволочь!), его двух тупых сыночков, жены-блондинки с декоративной собачкой, а также президента Российской Федерации с фамилией Макаренко. Не вдаваясь в долгие дискуссии, это определенно не самые завидные роли в фильме.

Едва ли впечатляет игра актеров. Если Джон Кьюсак и Чиветел Эджиофор играли естественно, то второсортные актеры откровенно халтурили. Портреты героев крайне скудно проработаны, искренних и ярких эмоций дефицит... зато пафоса хоть отбавляй!

А еще можно было бы смело отбавить наивности и откровенной бездарности. По-видимому, создатели фильма местами вдохновлялись историями про суперменов, перекладывая их поступки на героев фильма «2012». Иначе не объяснить, как, напри-

мер, можно в последнюю секунду вернуться от масштабного разрушения, да еще и не один раз, а кроме того, остаться с абсолютно белым воротничком рубашки (в случае Джона Кьюсака) и идеальным макияжем (в случае Аманды Пит), после стольких злоключений.

Безусловно, если что-то и спасает фильм, то это грандиозные спецэффекты. Землетрясения, потопы, пожары, разрушения — за какие-то два с половиной часа создатели с блеском разделались с планетой Земля. Впрочем, ничего другого здесь ждать и не приходилось. Примечательно, что вся эта вакханалия дозирована в нужных количествах. Соответственно, смотреть подобный фильм

на небольшом экране телевизора — преступление. Фильм предназначен исключительно для кинотеатров, где можно полностью проникнуться яркой картинкой, подкрепленной неплохими музыкальными темами.

Но так или иначе, впечатления от фильма остаются смутные. Визуальный аспект радует взгляд и захватывает, но не более того. Большинство из нас уже далеко не дети, чтобы отрешенно любоваться одними лишь картинками. Хочется определенной смысловой нагрузки, а не только до боли известного факта, что Соединенные Штаты Америки в очередной раз спасли весь мир!

Тем временем Роланд Эммерих не собирается останавливаться на достигнутом. В его планах продолжить историю фильма «2012» в телевизионном сериале, представив свою версию того, что случилось после всемирного катаклизма. Что получится из этой затеи — очередной вопрос. Но хочется верить, что это будет что-то более достойное, чем «2012» — фильм, который можно посмотреть один раз, но не более того...

Константин Покровский

Последнее искушение Антихриста

Антихрист

Название: Антихрист / Antichrist

Год: 2009

Страна: Германия, Дания, Швеция, Франция, Италия, Польша

Жанр: фантастика, триллер

Слоган: «When nature turns evil, true terror awaits»

Режиссер: Ларс фон Триер

Сценарий: Ларс фон Триер

В ролях: Уиллем Дефо, Шарлота Генсбур

Когда разум перестает понимать окружающую реальность, ему остается лишь играть в сторонние ассоциации. Сначала идет **Боль** — она безгранична и непознаваема как весь **Мир**. **Мир** — это лишь вместилище **Страх**, который сжирает всех изнутри. **Страх** — это одно из имен **Безумия**, пьянящего и ослепляющего.

Безумие — это всегда **Одиночество**, вращение вокруг своей оси без малейшей попытки выбраться из этого вращения. А **Одиночество** многих — это **Хаос**, беспорядочный полет миллиарда частиц, который только и может, что причинять им **Боль**. А теперь вернитесь к самому началу этих тождеств, и вы поймете, что на этом языке слова «**Мир**» и «**Хаос**» лишь звучат по-разному, но означают одно и то же. По крайней мере, слов лисицы, пожирающей в лесу собственную плоть, это сравнение звучало очень убедительно...

Назовите Ларса фон Триера, прямо в лицо, эпатажником, провокатором и гнусным шарлатаном от мира кино — и он даже не обидится. Датский кинорежиссер прекрасно знает цену этим средствам художественной выразительности, для него провокация так же важна, как для иных режиссеров — работа оператора или музыка композитора, она — как его любимый инструмент, на ко-

тором он дает успешные концерты, уже более двадцати пяти зим из своей пятидесятидвухлетней жизни. О чем бы не снимал Триер — трилогию о будущем Европы, о людях, наделенных «Золотым сердцем», чьи благородные помыслы в итоге оказываются не оцененными сытым меркантильным обществом, или трилогию об Америке как примере целой системы, полностью построенной на людском равнодушии, переходящем в лицемерие, ему не интересно констатировать сухие факты. Главная его цель — надломить, напугать, задушить зрителя теплой эмоциональной волной; как и подобает настоящему анархисту, его интересует не простое механическое покачивание головой, а взрыв внутри каждого зрителя, причем амплитуда волны зависит опять-таки от мастерства триеровской настройки.

О, можете даже не сомневаться: в этом вопросе наш Ларс — большой мастак. И не важно на-

блюдаете ли вы за страданиями слепнувшей Сельмы или не обделенных интеллектом героев «догмовских» «Идиотов»; если во время просмотра к вам в голову робким домушником проникла некая мысль, которая будет последовательно и агрессивно все ближе к финалу расширять ареал своего обитания — даже не сомневайтесь, что в режиссерском варианте сценария ей соответствует особая пометочка. Ненависть и отвращение, боль и жалость, страх и сострадание — это те инструменты, которыми Триер будет ловко оперировать, дабы забраться подальше в хрупкую зрительскую душу. Если фильмы иных режиссеров можно уподобить катанию на американских горках или

уроку для неразумных в средней школе, то здесь типичный аттракцион сопряжен скорее со статьей в Уголовном кодексе — ограблением с нанесением особо тяжких увечий. Он подойдет к вам издали, на нелюдимой улице, заговорит и даже увлечет необычной историей, но стоит лишь на минуту замешкаться — обрушится со всей яростью, не оставляя ни единого шанса на сопротивление. Типичный эффект от просмотра практически каждого фильма безумного датчанина — замешательство, ступор, который в зависимости от

типа зрителя может продолжаться от нескольких минут до дней и недель. Дело в том, что Триер абсолютно убежден, будто самое эффективное средство донесения идей до зрителя — это не заунывная светская беседа и не банальное морализаторство, а хорошо просчитанный сильный удар по голове. Поэтому если очередная триеровская история вдруг ка-

жется вам плавной и размеренной, лучше заранее обхватить голову, дабы смягчить его тяжесть. Может быть, именно по этой причине с момента окончания последнего Каннского кинофестиваля по миру разносится глумливый смешок: «Акела промахнулся», ознаменовавший собой неприкрытое злорадство со стороны обозревателей, журналистов и коллег по режиссерскому цеху по поводу нового фильма, обернувшегося (исключительно с их слов) огромной творческой неудачей. На премьере «Антихриста» канн-

ские снобы смеялись и свистели, а последовавшая за премьерным показом пресс-конференция обернулась громким скандалом, когда Триер откровенно заявил, что мнение кого-либо из присутствующих об «Антихристе», его совершенно не интересует, потому что сам он считает этот фильм самой большой удачей в собственном творчестве. Кроме того, режиссер откровенно признался в том, что картина снималась на фоне очень острой и не затухающей личной депрессии, что было истолковано некоторыми журналистами и критиками как чуть ли не признание Триера в собственной психической неуравновешенности. Всем означенным господам искренне предлагаю

успокоиться и попить водички. Просто Великий Провокатор и Мистификатор решил предпринять самую рискованную авантюру в своей карьере: снять в абсолютно не-триеровской манере совершенно триеровский по духу фильм... и с задачей он справился на «отлично». В жизни каждого крупного режиссера обязательно существует периодизация, для каждого из отрезков которой характерны определенные темы, сюжеты или элементы кинематографической стилистики. В творчестве Триера под

каждый из периодов отведена отдельная трилогия: начав с сюрреалистического копания в прошлом, настоящем и будущем Европы (трилогия «Европа» начинается с «Элемента преступления», продолжается «Эпидемией» и заканчивается «Европой»), он довольно быстро разочаровался в стандартных художественных средствах, которые вскоре посчитал лживыми, лицемерными, не отражающими истинной сути вещей. В поисках нового киноязыка — более выразительного и универсального — он примкнул к экспериментальному течению «Догма 95», которое ратовало за полное слияние кино на экране и в повседневной жизни (съемки под документальную камеру, полный отказ от условностей в лице костюмов и декораций, работа исключительно с непрофессиональными актерами). Поискам этого языка на съемочной площадке была посвящена вторая трилогия Триера, которую сам автор условно называл «Золотым сердцем» («Раскакая волны», «Идиоты», «Танцующая в темноте»). В центре каждого из трех фильмов стояли обра-

зы чудесных и замечательных героев, обладающих необыкновенной силой самопожертвования, но в силу черствости и надменности местного общества все эти качества остаются неоцененными, приводя в итоге к трагическому финалу. Собственно, именно «Танцующая» с ее откровенными издевками над комплексом американской мечты и самим жанром киномузика в итоге привела ее создателя к своеобразной эволюции этой идеи, которая окончательно состоялась лишь в новой трилогии — американской («Догвилль», «Мандерлей» и грядущий в конце этого года «Васингтон»). С каждой трилогией Триер становится все жестче, все циничнее, от описания (второпланового) цинизма и безразличия, царящего

внутри отдельных людей датчанин плавно переходит к максимально крупным планам, бичующим за то же самое уже целые общества, и как следствие — породившую их человеческую природу. Фильм за фильмом меняется не только почерк режиссера — нет, от трилогии к трилогии внутренне взрослеет и эволюционирует сам Триер, словно раз за разом постоянно убивая в себе ту часть себя, которая отвечает за надежду в самый лучший из исходов. И эта четвертьвековая эволюция до полной мизантропии и является одним из важных ключей к пониманию стилистики «Антихриста».

В посвящении картины творчеству выдающегося советского кинорежиссера Андрея Тарковского уже успели усмотреть циничную издевку, равно как и самой триеровской стилистике, впервые опробованной в этом фильме — навесить презрительный ярлык «антитарковщины». Действительно, в «Антихристе» очень много Тарковского — символики, образов, характерных операторских ракурсов. Но вместе с тем «Антихрист» безумно полемичен по отношению не только к отдельным фильмам Андрея Арсеньевича (более других — «Жертвоприношение» и «Ностальгия»), но и ко всему творчеству признанного кинокласси-

ка. Взяв руками каждый классический кадр медленно стекающих потоков воды, обхватив сухими пальцами каждый ракурс лесной опушки, Триер, не жалея ни сил, ни времени, выворачивает бедного кинопатриарха наизнанку, выстраивая тем самым его полную противоположность — буквально зеркало, отражающее «Зеркало». Точно таким же образом и сам условный сюжет фильма о супружеской паре, остро переживающей потерю единственного ребенка, выступает кривым отражением «Жертвоприношения», где во имя спокойствия и дальнейшей жизни на Земле человек вступает в единовременную связь с Ведьмой (очерняя грехом), сжигает свой дом (искупляя) и более не произносит ни еди-

ного слова — принося тем самым собственную Жертву во имя благоденствия всех людей на планете. «Человеку нужен свет, — говорил Тарковский о своем фильме. — Искусство даёт ему свет, веру в будущее, перспективу... даже если мир, о котором рассказывает художник, не оставляет места для упования».

Однако там, где герой Тарковского возвышался над собой, Триер не смущается демонстрировать кадры откровенно порнографического содержания, а печальные размышления об утрате человека связи с Природой (читай: с Богом) уступают место жесткой

констатации факта, что наоборот, человечество слишком сильно с ней связано, и в первую очередь — со своей собственной. Там, где Тарковский размещает на фоне лесной природы для своего зрителя символы Надежды и Веры, Триер доводит собственную мизантропию до уровня системного обобщения, и на его картинке (к слову — практически идентичной оригиналу) невозможно разглядеть ничего кроме Боли, Безумия, Страха и как системообъе-

диняющего фактора — естественно, самого Хаоса.

Однако я не зря попытался максимально подробно расписать весь творческий путь Триера, чтобы ни у кого не осталось и тени сомнения: в планы Триера совсем не входило издевательство над киномоощами Андрея Арсеньевича. Как и все режиссеры, начинавшие свой творческий путь в 80-х годах, Триер поначалу был очарован символизмом Тарковского — настолько, что свой полнометражный дебют, фильм «Элемент преступления», посвященный в равной степени психоанализу и исследованию самых

темных закоулков человеческой души, он выдерживал именно в символично-образной стилистике с прямыми отсылками к «Сталкеру». С тех пор утекло немало воды, и ровно двадцать пять лет спустя (как мне видится, это отнюдь не совпадение), на исходе создания своей третьей трилогии, Триер вновь возвращается к той же стилистике, чтобы на этот раз ее опровергнуть и посредством того же стилистического Тарковского между кадром, застывшего вну-

три системы экранных образов, построить уже самого настоящего Ларса фон Триера позднего периода творчества — с его невозмутимой яростью и разложенным по полочкам систематическим хаосом. Если в «Антихристе» он с кем-то и полемизирует,

то не с Тарковским, а скорее с самим собой, отмотавшим жизнь на четверть века назад, с молодым датским кинорежиссером, тогда увлекавшимся сюрреалистической образностью и имевшим совершенно иной взгляд на вещи. Каждая сцена — как удар, каждая рвущаяся наружу очередная порновставка — как невыученный урок, в который умудренный сединами и опытом Триер макает своего еще совсем не опытного и молодого протеже. Жестокость режиссера к своему зрителю давно стала притчей во языцех, однако здесь Триер проявляет чудеса жестокости уже в первую оче-

редь по отношению к себе, устроив прилюдно-показательный акт экзорцизма собственных юношеских заблуждений, демонстративное «сожжение ереси» внутри своего мировоззрения и торжественно оставив ее умирать на той самой лесной опушке, с которой он уйдет с высоко поднятой головой, ни разу не обернувшись назад.

Словно подчеркивая глубокое личностное значение, которое для него самого имела работа над этим фильмом, Триер отказывается от своих знаменитых «скрупулезно высчитанных аттракционов». По сравнению с холодной режиссерской симметрией «Танцующей» или «Догвилля» «Антихрист» более стихийен и бесконтролен даже для самого Триера. Несмотря на четкое построение с разбивкой по главам, бурный океан визуальных образов крайне нестабилен и по структуре напоминает скорее одного из подлинных героев картины — тот самый Хаос, которым в глазах режиссера и героев и предстает наш повседневно-буднично-окуряющий Мир. И здесь зрителям, привыкшим к привычному лицезрению Триера — манипулятора, Триера — бесстрастного хирурга человеческих душ, должно стать

не по себе: утрачивая эту привычную маску «Людского Потрошителя от искусства», впервые за всю свою карьеру проявив в фильме личную заинтересованность, датчанин не раз и не два создаст у них впечатление, будто он уже не в силах контролировать собственный фильм; вот-вот треснут хрупкие перегородки, отделяющие зрителя от экрана, и тот же неконтролируемый хаос хлынет прямо в их кресла. Впрочем, даже снимая на уровне личностных ассоциаций, Триер продолжает оставаться самим собой: не переживайте, это была всего лишь дубина из его богатого арсенала, и поддавшись панике, вы только что пропустили ее удар. Главное — не вздумайте повторять это дома.

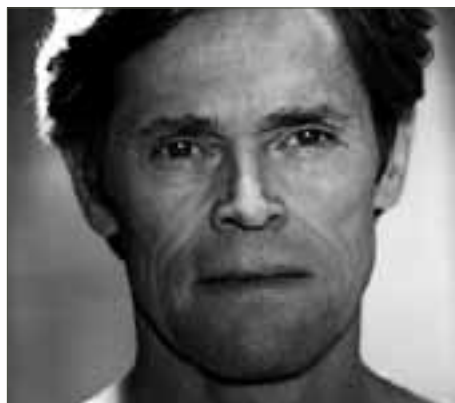
И вместе с тем, отказавшись от строительства архитектурных моделек в пользу внешней сюжетной простоты при сюрреалистическом сумбуре, Триер не отказывает себе в удовольствии сде-

лать этот пирог на редкость многослойным. С легкой надменной усмешкой он препарировал свое давнее увлечение методикой психоанализа (привет тому же «Элементу преступления»), сделав из главного героя психотерапевта, чьи попытки вылечить собственную жену от глубокой депрессии лишь глубже вгоняют ее в круг безумия. Однако и этого ему показалось мало, и Триер еще перемешал в одну кучу все расхожие психологические архетипы, вдоволь поиронизировал в лице безумной Шарлотты Генсбур над собственными любимыми героинями, начиная от уже упомянутой танцующей Сельмы — и до Грейс, героини его последней трилогии. В целом же сводить всю многообразность Антихриста к единственной трактовке или цепочке символов крайне неразумно. Как и подобает настоящему многослойному пирогу, его можно воспринимать одновременно с позиции кабалистики, теологии, натурфилософии,

психологии и даже искусствоведения. Как идеально правильный куб, последнее творение Триера открывает новые грани тем, кто осмелится бросить на него взгляд под иным, нестандартным углом. И вот уже Силы Торжествующего Зла, или Хаос, оборачиваются Силами Природы — уже не доброй и не злой, а нейтральной. Образ пожирающей собственную плоть лисы, сообщающей о превращении мира в хаос (помните, именно с нее мы и начинали наш рассказ) может под разными углами превращаться то в оборотня, олицетворяющего страх, то — в символ глубокой человеческой боли, которую надобно самостоятельно сгрызть, пока она первой не сделала тоже самое. Как и любое многослойное полотно, он позволит вам подобрать наиболее удобную для вас трактовку, в том же самом диапазоне: от Триера-сумасшедшего до непризнанного гения, одновременно как бы извиняясь, что ту же релевантность нельзя устроить с куда более однозначным скандально-провоцирующим содержанием.

По свидетельствам очевидцев, работать с Ларсом фон Триером чертовски трудно. Несмотря на

несомненную величину его таланта, которую признают почти все, по пальцам можно пересчитать актеров, операторов, членов съемочной группы, которые бы продолжали свое сотрудничество с режиссером более чем на одном фильме. В глазах общественности Триер зачастую выглядит эдаким фэнтезийным демоном, безжалостно измывающимся сразу

над всей съемочной группой во имя достижения одного ему очевидного конечного результата. И самое интересное, что подобный образ исчадия ада в глазах окружающих определенно нравится самому Триеру, и он не стесняется подчеркнуть его или преувеличить в намеренно спровоцированном интервью или в сознательно распространяемых им же слухах (см., например, недавнюю байку о сотрудничестве Триера сразу с несколькими крупнейшими европейскими порностудиями и узнавайте руку Мастера). Однако никто не задумывается над тем, а легко ли быть самим Ларсом фон Триером — все так же способным удивлять, шокировать и эпатировать собственного зрителя, даже несмотря на готовность последнего к такого рода выходкам. Невзирая на разгром и похвалу, смех и свист, неуловимым движением руки извлекать из рукава очередную дубинку и резко наносить молниеносный удар по голове несчастного зрителя, мастерски подобрав тот самый единственный момент, когда тот меньше всего этого ожидает. И мне почему-то сдается, что это единственное из искушений, которому он просто не в силах противостоять.

Павел (fox_mulder)

Six Feet Under

Белая мгла

Название: Белая мгла / Whiteout

Год: 2009

Страна: США / Канада

Жанр: триллер, детектив

Слоган: «Это твой последний вздох»

Режиссер: Доминик Сена

Сценарий: Джон Ховер, Эрик Ховер, Чад Хэйес и др.

В ролях: Кейт Бекинсейл, Гэбриел Махт, Том Скеррит, Коламбус Шорт и др.

— Ну и где же наш больной? — буднично спросил доктор, натягивая на руки эластичные хирургические перчатки.

Пациента вкатили в операционную прямо на каталке, он был бледнее мрамора и отличался соответствующей температурой тела. Подняв скрывавшее его тело покрывало, доктор с удивлением заметил прикрученную к ноге бирку.

— Позвольте, но ведь он мертв, — ошарашено прошептало светило медицины, отказываясь верить собственным глазам.

Из самого темного угла операционной раздалось сдержанное покашливание, вслед за которым на свет шагнула фигура совершенно незнакомого доктору человека.

— Вы не правы. Точнее правы, но не до конца. Видите ли, в чем дело, он мертв лишь с теоретической точки зрения, на самом деле у этого пациента еще присутствует немалый коммерческий потенциал.

Доктор растерянно поглядел на незнакомца, на всякий случай попытался дежурным движением отыскать у «пациента» пульс. Но биения не было, очевидно потенциал глубоко дремал и не желал себя демонстрировать.

— А вы кто? — хмуро спросил доктор, обращаясь к неизвестному типу, которого (он был в этом абсолютно уверен) видел в первый раз в жизни.

— Я — его продюсер, — ответил мужчина, причем в его голосе при этом зазвенели очевидные нотки гордости за это обстоятельство. — Понимаете, доктор, пять лет назад мы подписали контракт на приличную сумму, над ним работало много людей, которые старались сделать все как лучше для зрителей, для кассы — ведь у него же потенциал, вы понимаете?

— Если честно — с трудом, — признался доктор; он и вправду не особо жаловал голливудские блокбастеры. — И что же произошло дальше?

— Ну, они работали на совесть. А потом он... — продюсер почесался на бирку, которая все еще болталась на ноге у пациента. — В общем, не дожидаясь премьеры. А люди ведь работали. Да и деньги уплочены....

— А от меня-то вы чего хотите? — на лице у доктора было отчетливо написано, что данный разговор начинает его утомлять. — За воскрешением мертвых, вам бы

Любимая поза Кейт Бекинсейл

следовало обратиться не ко мне, а в совсем иную инстанцию!

— Так его и не надо оживлять, — произнес продюсер, еще внешне сдерживаясь, но постепенно переходя в надрывный визгливый плач. — Просто сделайте так, будто с ним все в порядке. Нам ведь главное — дожить до премьеры, показать его издали зрителям, а потом уже можно и того. В смысле этого. Деньги-то ведь уже уплочены.

На лице новоявленного деятеля киноиндустрии появилась заискивающая улыбка, от которой доктору захотелось поскорее отвернуться. Дабы не смотреть больше на это удручающее зрелище, врач принялся внимательно изучать распростертое перед ним тело, пока его опытный профессиональный взгляд не заметил...

— Позвольте! — вскричал доктор, впадая в полнейшее изумление. — Но ведь, судя по всему, ваш подопечный мертв уже довольно давно. Я бы даже сказал — больше года!

— На самом деле — уже около двух лет, — услужливо подсказал продюсер. — Он скончался сразу же после окончания съемок, и с

тех пор пребывает в таком состоянии, наглым образом гробя собственный потенциал, а заодно и наши деньги!

В этот момент доктор почувствовал, как его лицо заливает кумачовая краска, к горлу начинали подступать клокочущие позы грядущего бешенства.

— Да за кого вы меня принимаете? А ну — вон отсюда! Аферисты проклятые, где это видано,

чтобы из двухлетнего мертвеца делали подобие живого человека!

Однако продюсер, похоже, был вполне готов к подобному развитию событий:

— Так ведь мы и не требуем никакого подобия! Пусть все думают, что ему... ну в общем, плохо. Всего пару пластических подтяжек, чуть оцветить лицо, что бы оно не выглядело таким....

— Мертвым? — язвительно подсказал доктор.

Продюсер сконфуженно кивнул:

— Вы поймите, нам ведь только полтора часа как-нибудь продержаться, а там... Ведь у него же такой ПОТЕНЦИАЛ!

И свершится очередное чудо медицины, когда до экранов кинотеатров докатят на инвалидной коляске очередного монстра, нещадно перекромсанного опытным скальпелем, который тщетно пытался ему придать хоть какое-то подобие жизни. Нашего сегодняшнего пациента зовут Whiteout (по русской прописке — «Белая мгла»), и все многочис-

ленные шрамы на его теле свидетельствуют о том, что сомнительной чести быть внесенным в зрительный зал в совершенно деревянном состоянии предшествовал нелегкий и долгий путь. Его сценарий был написан еще на заре нового тысячелетия, предсъемочный период продолжался около трех лет, после чего пациента, пришедшего в свое нынешнее физическое состояние, на два года зарыли в землю для периода т. н. «постсъемочной подготовки». Очевидно, заранее списав все расходы на производство в разряд убытков, продюсеры на довольно долгое время забыли о нем, продолжая заниматься своими делами. И лишь спустя означенные два года необходимость отчитаться о потраченных средствах дала о себе знать: подопечного снова откопали и поволокли на прием к очередному эскулапу с воплями: «Доктор, сотворите чудо». Увы, и врачебная работа отличилась изрядной грубостью: стараясь вырезать из тела пациента все лишние сюжетные линии, в которых, не прибегая к услугам тяжелой химии, могли разобрататься только сами сценаристы, он оставил от них слишком неровные швы, которые то здесь, то там напоминают о вырезанных фрагментах, лишь пугая зрителя своей нелогичностью и неопределенностью.

Фильм начинается с потрясающего по своей глубине эпизода, когда группа советских военных на самолете пересекает Антарктику. Русские солдаты, естественно, пьют водку из литровых бутылок (а что им еще делать? — фильм-то американский), и вдруг пилотов самолета посещает неожиданное желание... перестрелять своих собратьев, причем прямо на вы-

соте. Очевидно, про турбулентность они никогда и не слышали (русские, что с них взять?), и самолет с голливудской торжественностью падает прямо в заснеженных льдах Антарктики. Далее действие переносится на пятьдесят лет вперед, где Кейт Бэкинсейл играет судебного исполнителя, у которой есть всего три дня, чтобы изобличить первого антарктического серийного убийцу. «А причем тут упавший самолет с русскими военными на борту?» — спросите вы и будете совершенно правы. «А ни причем, упал себе и упал, мог бы не па-

дать, но ведь красиво, так и пусть падает», — посчитали создатели. В дальнейшем эта практика получит свое закономерное продолжение — многие эпизоды окажутся ничем не связанными друг с другом, а герои разве что не застывают с открытыми ртами прямо на середине предложения — будто бы доктор-монтажер либо сильно торопился домой к семье, либо и вовсе ворочал скальпелем, будучи в особо приподнятом состоянии. Зато наличествует множество затянутых крупных планов снятых в Канаде антарктических пейзажей и двухминутная сцена

раздевания в исполнении Кейт Бэкинсейл, поставившей себе невинную цель принять душ — очевидно, таким образом в фильме робко попытались сохранить хоть какие-то достоинства, рассчитывая продлить его жизнь — если не на DVD- и BD-носителях, так хотя бы в качестве отдельных роликов на YouTube.

Впрочем, больше в этом фильме смотреть действительно не на что. Сюжет с первых же кадров погружается в полнейшую «белую мглу» — благодаря участию деятельного монтажного скальпеля разобраться в мотивации персонажей и прочих его хитро-сплетениях не представляется возможным, гораздо проще будет разгадать суть сознательной, единственно правильной режиссерской трактовки в линчевском «Малхолланд Драйв». Детективная составляющая, напротив, выдержана в стилистике «мой первый прочитанный детектив»: если все же соберетесь это смотреть, можете смело ткнуть пальцем в первого подвернувшегося под руку персонажа, и он на проверку точно окажется главным злодеем. Подсказка: для фильма с подобной постановкой вопроса — в стиле кто-это-сделал — здесь ничтожно мало ключевых персонажей.

На фоне заснеженных персонажей мисс Бэкинсейл прогуливается неспешной походкой веду-

щего с канала «National Geographic» — впрочем, после прямых и переносных ужасов «Другого мира» роль манекена, одетого для демонстрации очередной концептуальной коллекции (на этот раз — зимней одежды), ей уже не кажется новой. А вот у режиссера Доминика Сена черные и белые полосы в карьере чередуются уж слишком причудливыми зигзагами: от несомненной высоты «Калифорнии» — до серой середины «Угнать за 60 секунд», плавного подъема «Пароля "Рыба-меч"» и нынешнего сокрушительного спуска на самое дно пугающей ледяной бездны. Понятно, что это не его исключительная заслуга, заработанную по праву премию за «Самый невразумительный фильм года» ему следует поровну разделить с четырьмя продюсерами, среди которых непонятно как затесался бывший голливудский ветеран Джоэл Силвер, и тремя авторами сценариями. Только легче ли ему станет от осознания этого факта?

В довершение, долгая некрасивая история получила закономерный финал. Американские зрители в фильме ничего не по-

няли (интересно, с чего бы это?), российский интернет пестрит аналогичными комментариями в стиле: «А что это было?» Прямо с премьеры пациента вновь увезли в клинику, где и вновь прикрутили ему на палец потерявшуюся на время его т. н. «оживления» абсолютно заслуженную бирку. Единственное, что вызывает неподдельное удивление в этой истории — это искреннее стремление некоторых уважаемых в Голливуде людей поделиться со всем окружающим миром собственным позором. Зачем выпускать в прокат фильм, если даже собственное профессиональное чутье подсказывает, что пациент уже давно не дышит? К чему окончательно гробить свою, и без того небезупречную, репутацию?

А пока за нашим сегодняшним пациентом окончательно захлопываются дверцы просторного металлического шкафчика. Для того, чтобы осознать ответы на поставленные вопросы, у него будет еще целая вечность. 🍷

Павел (fox_mulder)

Люди, которые играют в игры. Игры, в которые играют люди

Геймер

Название: Геймер / Gamer

Год: 2009

Страна: США

Жанр: фантастика, боевик, триллер

Слоган: «Кто играет с тобой?»

Режиссер: Марк Невелдайн,
Брайан Тейлор

Сценарий: Марк Невелдайн,
Брайан Тейлор

В ролях: Джерард Батлер, Майкл
С. Холл, Эмбер Валлетта, Кира
Седжвик, Logan Lerman и др.

Недалекое будущее. Мощное развитие набивших ныне оскомину нанотехнологий позволяет плохому парню (и по совместительству технологическому гению) Кену Каству (Майкл С. Холл) создать суперпопулярную интерактивную игру «Убийцы» — эда-

кую помесь компьютерной стрельялки и реалити-шоу. Ее участниками становятся преступники, вынужденные ради призрачной свободы биться на импровизированных полях сражения и рубить друг друга в капусту. Управляют же всеми их действиями сторонние геймеры, для которых это лишь очередной способ поразвлечься. Главный герой фильма Джон Тиллман (Джерард Батлер), попавший в тюрьму за преступление, которого он, естественно, не совершал, отчаянно борется за свою жизнь, и его успехи на этом поприще столь велики, что он становится единственным за всю историю «Убийц», кто реально претендует на вожделенную свободу. Шоу имеет ошеломляющий успех не только среди геймеров как таковых — последние боевые сводки с просторов игры интересны всем. При всем при том группа мятежников, которая

небезосновательно полагает, что все это только прикрытие и обкачивание новых технологий, с помощью которых Кен Каствл намеривается сделать из всех людей нано-зомби и подчинить их своей воле. В итоге Тиллман оказывается меж двух огней: с одной стороны — будущий хозяин Земли, который, собственно, и подставил главного героя и потому никак не хочет, чтобы тот прошел всю игру и оказался на воле, с другой — мятежники, жаждущие раскрыть коварный замысел узурпатора и с помощью Джона спасти человечество от очередного злого гения. Невольным участником этой мясорубки становится еще и геймер, управляющий в «Убийцах» Тиллманом — обеспеченный и избалованный подросток, для которого это все лишь игра, а люди в ней — персонажи.

Если отбросить кутерьму с игроками, управляющими живы-

ми людьми, словно роботами, то сюжетно фильм оказывается похож на «Бегущего человека» с Арнольдом Шварценеггером в главной роли. Несправедливо осужденный главный герой, вынужденный стать участником садистского, но невероятно популярного шоу, где игра идет на выживание, борется с главой развлекательной передачи, дабы выжить и раскрыть глаза на происходящее туповатой толпе.

Вообще «Геймер» фильм крайне типажный, все персонажи здесь — банальные архетипы боевиков. Брутальный и пуленепробиваемый главный герой, за которым стоит правда (а как известно, «у кого правда, тот и сильнее»), мерзкий в своих гнусных планах главный злодей, а также второстепенные персонажи, среди которых обязательно есть девушка/жена/подруга главного героя, которую злодей в самый ответственный момент попытается использовать для своей выгоды — к примеру, возьмет в заложники. И ни шага в сторону: если положительный образ, то положительный на все сто, если отрицательный — также на полную катушку. Такой подход, сам по себе не слишком плохой, неизбежно упрощает любое кино.

И все же не стоит заострять особого внимания на бинарности истории или ее сомнительной оригинальности, поскольку стараниями режиссеров, операторов и монтажеров «Геймер» из банального боевика удалось превратить в весьма увлекательный киноаттракцион. Марк Невелдайн и Брайан Тейлор, набившие руку и отточившие своеобразный стиль подачи материала на экшенах «Адреналин» и «Адреналин: Высокое напряжение», получив в

свое распоряжение более весомый бюджет, а также звезду «300 спартанцев» Джерарда Батлера, смогли снять кино по-настоящему динамичное и наполненное бешеным драйвом. Действие практически распирает фильм, и с первых до последних минут «Геймер» — это безбашенный экшен. Жесткое месилово «Убийц» сменяется кадрами развратных похаживаний геймеров в другой nano-игре, эдакой «Sims» нового поколения, внешне весьма похожей на популярную ныне онлайн-игру «Пара Па». Легкая эротика и брутальность боевых сцен — постоянные атрибуты этого фильма. А нарочитая дерганность камеры и необычные ракурсы, придающие «Геймеру» даже некоторую клиповость, создают на экране неповторимый эффект яростного неистовства.

Несмотря на общую серьезность происходящего, в фильме находится немало места и для юмора, причем вписавшегося туда весьма и весьма органично, заставляя вспомнить некоторые «звездные» боевики девяностых, где старики Шварценеггер или Сталлоне любили отомочить какую-нибудь шуточку. Драйв удачно разбавлен смешными моментами, за что сценаристам можно сказать спасибо.

Конечно «Геймер» — это не фильм для мозгов, так что надеяться на «умное» или хотя бы реалистичное кино тут не приходится. Тот, кто после знакомства с аннотацией рассчитывает увидеть в картине фильм-предупреждение, просто не рассмотрит его за штампованным сюжетом и повсеместным рубиловом.

Безусловно, в «Геймере» нельзя не выделить саундтрек, который не только хорош сам по себе,

но и очень органично сочетается с видеорядом. Отдельного упоминания заслуживает главная музыкальная тема фильма — композиция «Sweet Dreams» Мэрилина Мэнсона. Песня настолько гармонично вписалась в кино, что некоторые его моменты без нее уже невозможно представить. Хотя каверу Мэнсона уже немало лет, создатели «Геймера» не побоялись достать его из закромов, и дав ему новую жизнь, не прогадали.

Ну и, конечно же, отдельного упоминания заслуживает Джерард Батлер. Актер он, безуслов-

но, талантливый, а брутальная внешность — это его настоящий козырь. Сейчас в Голливуде осталось уже не столь много актеров, которые удачно совмещают эти два параметра, а потому для картин, подобных «Геймеру», выбор в пользу Батлера оптимален. Правда, местами так и ждешь, что он вот-вот крикнет кому-нибудь в лицо: «Это Спарта!» и взбрыкнет ножкой. Впрочем, это скорее издержки зрительского восприятия его главной, на данный момент, работы в кино.

«Геймер» — это зрелище, которое нужно смотреть как зрелище и воспринимать как зрелище. В этом кино нет откровений, также как нет места и сомнениям, зато динамика здесь буквально зашкаливает. Фильм про игру-стрелялку сделан в соответствующем ключе, но, черт возьми, сделан талантливо! Если вам хочется отвлечься и скоротать полтора часа времени за просмотром хорошего, но простого фантастического боевика, то «Геймер» — ваш выбор. В своем жанровом сегменте он заслуживает твердое «хорошо», а это уже немало. 🎮

Александр Нюхтин

Дело дрянь!

Дело №39

Название: Дело №39 / Case 39

Год: 2009

Страна: США, Канада

Жанр: ужасы, мистика, триллер

Слоган: «Некоторые дела лучше не открывать»

Режиссер: Кристиан Алварт

Сценарий: Рэй Райт

В ролях: Рене Зеллвегер, Джоделль Ферланд, Йен МакШейн, Керри О'Мэлли, Каллум Кейт Ренни, Брэдли Купер и др.

Одинокая и уже немолодая социальная служащая Эмили Дженкинс (Рене Зеллвегер) из отдела опеки и так изрядно загружена работой, но к уже имеющимся в разработке тридцати восьми делам получает в нагрузку еще и тридцать девятое. Казалось бы, ничего сложного оно в себе не таит: малышку Лилит Салливан (Джоделль Ферланд) дома обижают странно-ватые родители, и не просто ли-

шают десерта или не дают играть в видеоигры, а затевают, похоже, что-то страшное. Однако никаких явных доказательств этому нет — одни лишь голословные утверждения самой Эмили, побывавшей в доме беспокойной семьи. Разумеется, начальнику героини Зеллвегер этих сведений недостаточно, чтобы что-то предпринять, и он спускает дело на тормоза. Но сердобольная соцработница не сдаётся, и в итоге, вместе с другом-полицейским, в последний момент спасает невинное дитя, вытащив ее из духовки, в которой сумасшедшие предки хотели ее поджарить. Ненормальных лишают свободы и родительских прав, а Лилит остается дожидаться, пока ей подыщут новую приемную семью. Но пережившая такой шок девочка тянется к своей спасительнице и не желает ждать своей участи в приюте. Да и главная героиня проникается определенными чувствами к малышке и понимает, что той будет легче, если оно пока пожи-

вет у нее. Вот тут бы сценаристу и сыграть хэппи-энд: зло наказано, никогда не имевшая семьи и детей Эмили познает материнское счастье, заботясь о нуждающемся в любви ребенке, а Лилит после всего пережитого находит человека, способного искренне поддержать ее в трудную минуту. Вскоре, однако, выясняется, что роли охотников и жертвы в той семье уже не столь очевидны, так что, быть может, лучше было дать родителям закончить свое кулинарное действо и запечь нерадивого ребенка... пока оставалось время.

Начинающий немецкий режиссер Кристиан Алварт («Антитела») и сценарист Рэй Райт («Пульс») создали удивительно банальный и буквально нашпигованный штампами фильм про девочку-демона. «Дело №39» — это совершенно линейное повествование, где история как таковая практически отсутствует. Но это еще полбеды, ведь нередки примеры, когда даже на осно-

вании вторичного материала, за счет таланта тех или иных людей, ответственных за фильм, удается создать как минимум крепкий образчик жанра. Увы, таких талантов на съемочной площадке, видимо, и не нашлось. Добрые три четверти экранного времени занимают прогнозируемые чуть ли не с первых кадров диалоги, не несущие ровным счетом никакой смысловой нагрузки, лишь помогающие фильму и дальше продвигаться по протоптанной давным-давно дорожке. Действия, соответственно, здесь по минимуму, и лишь несколько сцен за весь фильм выглядят вполне динамично. Надеяться, что положение спасет мастерски воссозданная атмосфера, также не приходится, ибо она отсутствует напрочь. Чем занимались создатели саундтрека, остается загадкой — музыка в фильме настолько фоновая и безлика, что ее просто не замечаешь. А вот нелепость сей картины временами вызывает вполне искреннее веселье, хотя это трудно отнести к плюсам для мистического триллера. Немногочисленные спецэффекты также никуда не годятся. Хотя, собственно, зачем нужны спецэффекты для размеренных бесед?..

Развязка истории, дабы не выделяться на общем фоне, тоже не блещет оригинальностью — все в ней предельно просто и скучно. Оказывается, всесильное доселе Зло, достаточно почувствительней пнуть, сделав при этом лицо пострашней — и оно сразу задерет лапки кверху. Хотя бы святой водой окропили демона для порядка, а то неудобно за темные силы становится...

Стоит, правда, отметить гуляющие в информационном пространстве слухи, что режиссер

фильма «Дело №39» якобы пал жертвой вездесущих продюсеров, которые в немалой степени покопались в картине и то, что мы можем лицезреть сейчас, это скорее их видение этой истории, нежели его. Вроде бы первоначальный вариант тянул аж на три часа экранного времени, а акценты повествования были смещены в другую сторону. Однако, по сути, это не столь уж и важно, ведь мы обсуждаем не причину (отчего получилось так, как получилось), а следствие (что получилось, прямо скажем, не ахти). А такие подробности, если они и вправду имеют место быть, могут лишь в какой-то степени оправдать начинающего свой путь в Голливуде режиссера. Особенно такое зрительское самоуспокоение пригодило перед премьерой ожидаемого космического хоррора «Пандорум», где Кристиан Алварт выступил сразу в двух качествах — режиссера и одного из сценаристов.

Актерские таланты среди общей серости фильма, прямо скажем, не слишком заметны. Рене Зеллвегер, для которой подобная роль в принципе несвойствен-

на, с поставленными задачами справилась, но не более. Фактически, сыграй так же (в заданных рамках) любая малоизвестная актриса, особого внимания она бы не удостоилась. Но, как известно, сначала человек работает на имя, а потом имя работает на него, и потому Зеллвегер несомненно вызывает определенный зрительский интерес. А вот юная, но при этом уже вполне опытная Джодель Ферланд («Сайлент Хилл», «Страна приливов») смотрится здесь очень ор-

ганично. Ее внешние данные и уверенная работа перед камерой (все четко, никаких переигрываний) по-настоящему украшают фильм. Особенно хорошо у Ферланд смотрятся глаза — они как будто наполнены битумом, и поневоле веришь, что именно за таким взглядом и может скрываться абсолютное Зло. Лишь благодаря стараниям молодой актрисы и можно досмотреть до конца это кино.

Официальный слоган фильма гласит: «Некоторые дела лучше не открывать». Как ни странно, продюсеры на удивление точно охарактеризовали собственное творение. «Дело №39» действительно лучше не открывать и не видеть. Это фильм-халтура, и его не рекомендуется смотреть никому.

И напоследок. Люди, если в радиусе двадцати метров от себя вы видите миловидную на первый взгляд маленькую девочку, бегите без оглядки. Только так у вас будет шанс выжить. По крайней мере, этому нас учит хоррор-кинорежиссер. И не говорите, что я вас не предупреждал... 🕸

Александр Нюхтин

Сироткины слезки

Дитя тьмы

Название: Дитя тьмы / Orphan

Год: 2009

Страна: Германия, США,

Канада, Франция

Жанр: ужасы, триллер

Слоган: «Умеешь ли ты хранить секреты?»

Режиссер: Хаум Серра

Сценарий: Дэвид Джонсон, Алекс Мейс

В ролях: Вера Фармига, Питер

Сарсгаард, Изабель Фюрман,

Си Си Эйч Паундер и др.

Не буду особо оригинальным в своих мыслях и начну с того, о чем высказались уже многие рецензенты. Русскоязычное название «Дитя тьмы» — верх идиотизма. Оно не просто не является точным переводом, но даже отдаленно не отражает сути фильма. Формально, конечно, можно провести определенные параллели, но это будет равносильно тому, как если бы название спил-

берговских «Челюстей» перевели бы как «Акула-маньячка». По этой причине я буду именовать фильм точным переводом с английского — «Сирота».

На мой взгляд, удачей стал выбор постановщика данного проекта. Испанец Хаум Серра уже успел неплохо зарекомендовать

себя достойным слэшером «Дом восковых фигур», который, к сожалению, был недооценен многими зрителями и сейчас вспоминается большинству только эффектной смертью «блондинки в шоколаде» Пэрис Хилтон. В любом случае, Серра продемонстрировал профессиональное понимание

главных канонов жанра ужасов и был достоин хорошего сценария, чтобы снять по-настоящему мощный хоррор. Таковым и стала, на мой взгляд, «Сирота». Это не новое слово в «страшном» кино, но ярчайший представитель современного «жутика» в лучшем смысле этого слова.

Завязка сюжета обманчиво настраивает на клон легендарного «Омена». Вроде бы и вот он, неродной ребенок, которого взяла на воспитание не слишком счастливая семейная пара. И зловещая «нервная» атмосфера, предвещающая беду. И псевдоординарные способности приемной девочки, оказывающейся слишком умной и необъяснимо жестокой для своих лет. Кажется, вот оно, еще одно «Дело 39». Вот только никакой мистики в ленте не имеется, и фильм скорее напоминает жестокую семейную драму о трудностях воспитания и взаимоотношения поколений, чем сверхъестественно-демонический триллер. Но вскоре картина из псевдодрамы трансформируется в леденящий кровь хоррор, по напряженности и уровню насилия способный переключить многие

кровавые фантастические ужастики про невообразимых монстров.

Пока ближе к концу картины не будет раскрыта основная сценарная изюминка, вас будет поражать немыслимая и не поддающаяся пониманию разума жестокость главной героини. Фильм страшен не только психологически, из-за запредельно «зверской» личности девочки Эстер, но и визуально, благодаря мастерской операторской работе и монтажу. Оказывается, даже сейчас, после

несчетного количества выпущенных слэшеров, можно снять на камеру молоток, крошащий человеческий череп, или нож, пронзающий плоть, так, что пробежит мороз по коже! Неудивительно, что оператора фильма Джеффа Картера далее пригласили поработать в ремейке легендарного «Кошмара на улице Вязов». У Картера настоящий талант снимать жуткие сцены. Обратите внимание на операторскую работу в «Сироте» и убедитесь в этом сами!

Конечно, в «Сироте» можно найти и штампы, и сюжетные нестыковки, но все недостатки затмеваются очевидными достоинствами в виде закрученного сюжета, пугающей атмосферы, выверенного саспенса и убедительной актерской игры. Технически фильм сделан на очень высоком уровне. И дело не спецэффектах, а именно в практически идеальном балансе компонентов настоящего хоррора, когда общее впечатление по-настоящему лихорадит мозг и тело, и зритель верит в происходящее на экране. Именно от этого становится страшно. 🎬

Max Cady

Зомби — это смешно!

Добро пожаловать в Зомбилэнд!

Название: Добро пожаловать в Зомбилэнд / Zombieland

Год: 2009

Страна: США

Жанр: ужасы, боевик, комедия, приключения

Слоган: «Живой мертвому не товарищ»

Режиссер: Рубен Фляйшер

Сценарий: Ретт Риз, Пол Верник

В ролях: Джесси Айзенберг, Вуди Харрельсон, Эмма Стоун, Эбигейл Бреслин и др.

Свершился внеплановый зомбокалипсис, и население планеты (США, по крайней мере) резко переменяло образ жизни (или смерти?), обратившись в свору мерзких ходячих мертвецов, целью существования которых, как обычно, становится лишь утоление ненасытного голода человечинкой. Но так как поедать друг

друга они брезгуют, то приходится им гоняться за теми немногими, кто еще сохранил в себе способность мыслить и чувствовать, то есть за нормальными людьми. И вот один из выживших, нелюдимый и слегка трусоватый паренек (Джесси Айзенберг), направляется в родной город, надеясь застать там своих родителей. Не стать добычей свирепствующих повсюду каннибалов ему помогает следование составленному им же самим своду нехитрых правил по выживанию. По дороге герою встречается очень крутой мужик (Вуди Харрельсон), который неохотно соглашается его подбросить. Мужик не приветствует настоящих имен, а потому называет всех знакомцев местами, откуда они родом, то есть сам представляется Таллахасси, а нашего героя нарекает Коламбусом. Долгий путь дуэт скрашивает повсеместным истреблением зомби, процесс уничтожения которых доставляет истинное удовольствие Таллахасси. Вскоре они знакомятся с двумя сестрами, цель которых

— добраться до парка аттракционов, где, по слухам, совсем нет живых трупов. В итоге девушки окажутся теми еще попутчицами, а зомби будут кишеть повсюду — и в особенности в краю аттракционов...

«Добро пожаловать в Зомбилэнд» — это дорожная история в жанре комедийного зомби-муви, полная черного юмора, хорошей актерской игры, забойной музыки, располагающая одним уморительным cameo и при этом еще и не лишенная некоторого смысла.

Сюжет не тяготит нас подробным раскрытием первопричины тотального нашествия зомби, а с первых же кадров погружает в основное действие. Хотя из уст Коламбуса проскальзывает что-то насчет коровьего бешенства, которое вроде как перекинулось на род человеческий, но лишь мимоходом и без, например, подкрепления сценами борьбы Национальной гвардии с первыми полчищами мертвяков. Зато уже на вступительных титрах мы ви-

дим мерзких, брызжущих фонтанами крови зомби, преследующих своих жертв под могучие ритмы группы «Metallica». Ходячие трупы здесь выглядят и вправду омерзительно, хотя основной уклон в их гриме сделан не на классическое разложение, а на текущие изо рта реки кровавой слюны и поедание человеческой плоти, преимущественно в формате сухожилий. Саундтрек «Добро пожаловать в Зомбилэнд» заслуживает отдельной похвалы: являясь, по сути, набором известных и не очень рок-композиций, он великолепно подходит под brutаль-

ные сцены истребления местной Заразы.

Игра всех задействованных в фильме актеров весьма прилична, но есть среди них тот, кто заслуживает отдельного упоминания — Вуди Харрельсон. Таллахасси в его исполнении — это главный двигатель всего кино, и в комедийной, и в экшен-ипостасях. Справился со своей ролью Харрельсон просто безупречно. После сцен, когда его герой уничтожает новую порцию живых мертвецов или в очередной раз отмачивает какую-нибудь шуточку, уже невозможно представить, что его мог бы сыграть кто-то другой.

Несмотря на то, что «Добро пожаловать в Зомбилэнд» стала дебютом Рубена Фляйшера в большом кино, молодой режиссер добросовестно отработал свой гонорар — картинка радует глаз. К особой его (и сценаристов) заслуге следует отнести несколько флешбэков Таллахасси, которые благодаря манере подачи вполне могли бы стать частью очень серьезного и качественного драматического кино. Еще один плюс — отлично визуализированы правила выживания, ставшие своеобразной фишкой фильма.

Есть в этом кино и совершенно безумное и крайне уморитель-

ное cameo Билла Мюррея, сыгравшего самого себя. Оно настолько удачно и забавно вписалось в общую канву, что стало жемчужиной «Зомбилэнда».

Но при всех своих явных плюсах фильм все же не лишен и некоторых недостатков. Юмор и истребление зомби могли бы быть поизобретательнее. Первого не набралось на по-настоящему смешную комедию (а ведь создатели не скрывали, что делали оную), второго не хватает в целом. Мало впечатляют сами зомби — работа гримеров явно свелась к минимуму.

Зато при всей своей внешней недалекости кино не обошло стороной простые человеческие истины, вроде пользы от умения радоваться мелочам или важности иметь рядом с собой верного и надежного человека. А также то, что иной раз именно критическая ситуация может помочь найти настоящую, а не формальную семью, с чем в итоге и повезло нашему главному герою.

До сего момента «Зомбилэнд» намеренно не сравнивался с культовым «Зомби по имени Шон»,

хотя параллель очевидна. Несмотря на одинаковую тематику и принадлежность к определенному жанру, фильмы эти, тем не менее, слишком разные, и проводить между ними связи не стоит. Они, если можно так сказать, самодостаточны в одной нише. Но учитывая то, насколько позитивно был встречен публикой «Зомбилэнд», можно предположить, что в жанре появилась новая знаковая картина, которую будут вспоминать и по прошествии многих лет.

Посмотрите этот фильм хотя бы как руководство по выживанию на случай зомбокапсиса. Усердно конспектируйте приведенные в нем правила — и в итоге у вас появится шанс пережить один из множественных сценариев наступления конца света. Предосторожность никогда не бывает лишней! Так что будь, черт возьми, в форме — пристегивайся за рулем, проверяй заднее сиденье автомобиля и не расслабляйся даже в момент глубокой релаксации. 🍿

Александр Нюхтин

Сквозь горизонт и обратно

Пандорум

Название: Пандорум / Pandorum

Год: 2009

Страна: Германия, США

Жанр: фантастика, триллер

Слоган: «Не бойся конца света,
бойся того, что будет потом»

Режиссер: Кристиан Алварт

Сценарий: Трейвис Миллоу,
Кристиан Алварт

В ролях: Деннис Куэйд, Бен Фостер,
Кэм Жиганде, Антье Трое и др.

Германия, страна Э. Т. А. Гофмана и братьев Гримм, Ф. В. Мурнау и Фрица Ланга, подарила миру великое множество выдающихся деятелей искусства. Можно лишь вздохнуть, теребя в руках куцый список тех режиссеров ужасов, которыми немцы богаты сегодня, и пустить скупую слезу отвращения, оросив имена Уве Болла, Андреса Штааса и прочих трэшевиков-ударников. Очень жаль, что Кристиан Алварт не в

топе этого списка по части производительности. Да и в плане популярности — тоже...

Неужели герр Алварт сделал что-то выдающееся? Ну, к сожалению, пока что так сказать нельзя, но первый шаг сделан, и это «Пандорум».

Далекое будущее. Космический корабль. Первые кадры: сцена пробуждения члена экипажа. Полная амнезия. Астронавта никто не встречает, не помогает выбраться из стального кокона. Дальше следует медленное восстановление памяти и выход из криосна еще одного члена экипажа. Вместе они пытаются понять, что происходит, где они находятся, куда направляются, и куда, черт бы их побрал, исчезли все остальные члены экипажа. И никому не суждено предугадать, что случится дальше — ни растерянным героям, ни самому искушенному зрителю, наевшемуся киношных штампов.

Кино без штампов? Отнюдь. Внимательный киноман обратит внимание на то, что в продюсерах значится Пол Андерсон, известный нам по фильмам «Обитель зла», «Горизонт событий» и «Чужой против Хищника». Нужно признать, его присутствие на съемочной площадке дало о себе знать. И пускай сценарий писал не он, определенно чувствуются общие моменты с «Обителью» (экшен) и «Горизонтом» (общая атмосфера) — возможно, именно эти детали и задели Андерсона за живое, не позволив оставить фильм на произвол судьбы, в руках малоизвестного режиссера. Да и вообще, кто знает, как

сложилась бы судьба «Пандорума», не объявились продюсеры с их толстыми кошельками: сценарист Тревис Миллой был крайне удивлен, когда его рукописью заинтересовалась крупная кинокомпания, выделив на постановку неплохие деньги в 40 миллионов долларов, ведь изначально он планировался как скромная малобюджетка.

Знай инвесторы, что будет дальше, возможно, «Пандорум» и вышел бы фильмом с мизерным бюджетом — повторяя судьбу «Горизонта событий», лента с тре-

ском провалилась в прокате, собрав жалких 10 «лимонов». Но как и атмосферный предшественник от Андерсона, фильм Алварта, вне сомнений, попадет в число культовых фильмов — как иначе? У него есть практически все, что нужно хорошему, качественному фантастическому триллеру с примесью хоррора: неожиданные повороты сюжета, жуткая, гнетущая атмосфера, интересная, неглупая идея, великолепный мрачный космический антураж, мастерски исполненные спецэффекты и даже драй-

вовые экшен-моменты! Идеальный фильм для того, чтобы пощекотать себе нервы на досуге.

Впрочем, фильм не без недостатков, среди которых главный, конечно же, — то, что лента не способствует поглощению поп-корна и не угодит массовому зрителю. Будет и парочка минут, чтобы поскучать в начале. Но как только фильм раскочегарится, он понесется к финалу, точно паровоз — с лязгом, паром и раздробленными костями на железнодорожных путях.

Так что герр Алварт создал отличнейший образец жанрового кино, и ценители (читатели нашего журнала в особенности) должны вынимать DVD с приятным чувством удовлетворения и вспоминать о «Пандоруме» с нежной улыбкой на губах. Скрестим пальцы и пожелаем, чтобы в дальнейшем молодой режиссер радовал нас не менее интересной продукцией, минуя Рене Зельвегер и сомнительные проекты вроде недавнего «Дела №39». ☺

Сергей Крикун

Инструкция по технике безопасности, часть IV

Пункт назначения 4

Название: Пункт назначения
/ The Final Destination

Год: 2009

Страна: США

Жанр: ужасы

Слоган: «Упокой их, Господи... По частям»

Режиссер: Дэвид Р. Эллис

Сценарий: Эрик Бресс, Джеффри Реддик

В ролях: Бобби Кампо, Шантель Ван Сантен, Ник Зано, Хейли Уэбб и др.

Первый. Второй. Третий. Четвертый. Фотогеничные подростки с невыразительным кругозором американского яппи отщелкивают свои конечности в гигантских обезумевших механизмах и с легкостью попадают в чудовищные ловушки, расставленные госпожой Смерть, вот уже на протяжении четырех фильмов демонстри-

руя, насколько subtly и хрупко человеческое тело. Веревка для сушки белья, кухонные ножи, электроинструменты, скобяные изделия, общественный транспорт — все может стать причиной вашей гибели. Все может взорваться в любой момент, на вас летят куски стекла и железа, падают стройматериалы, здания обрушиваются — кровь кипит в горящих телах, оторванные руки вырисовывают круговые траектории полета, тело раздавливается под многотонной давилкой. Смерть как кроваво-поэтическое искусство — эстетически-садистская картина, когда нитки бус разбрасываются по полу в причудливый узор, а фонтанирующая кровь засыхает алыми бутонами увядших, сентябрьских роз.

Печальная история противостояния человека с высшими силами тьмы находит свои кровавые истоки в двухтысячном году, ког-

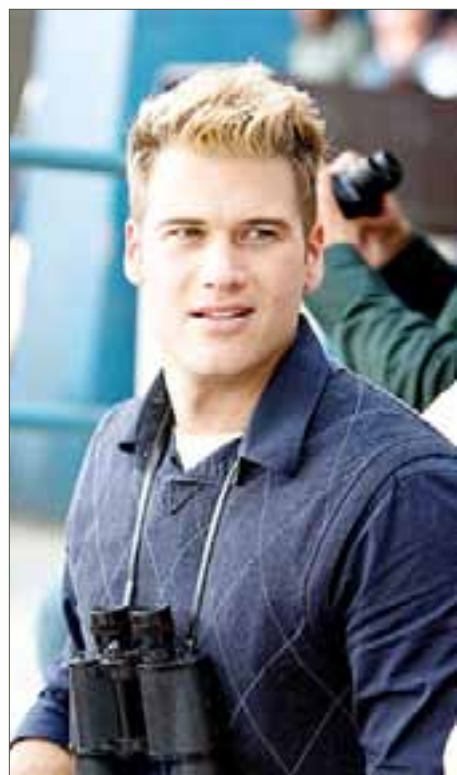
да относительно малобюджетный фильм ужасов становится хитом и новым словом в жанровом кино. На самом же деле «Пункт назначения» является очередным слэшером — жанр, где обезличенный психопат в маске персонифицированного страха убивает первого встречного двухметровым мечом и азартно ломает ему тонкий хребет, но вместо канонического маньяка хитрые дельцы киноиндустрии придумали нового злодея — дуновение потусторонней силы, всесильное зло, которое обволакивает нас повсюду, и за фундамент берется одна из самых распространенных людских фобий — страх перед смертью.

И вот в 2009 году выходит четвертая часть франшизы, снятая Дэвидом Р. Эллисом — режиссером второго «Пункта назначения». Трехмерное изображение стало главной фишкой фильма: когда на пугливого зрителя летит ме-

таллическая отвертка, невольно срабатывают условные рефлексы вместе с инстинктом самосохранения, и выброс адреналина гарантирован. Однако на этот раз режиссер и компания не стали утруждать себя и придумывать что-то новое: четвертая часть саги оправдала все самые смелые ожидания — смерти нелепы и до ужаса глупы: кишки, вытянутые через анальное отверстие, покушение на убийство гигантской щеткой в автомойке, джакузи раздавливает убегающее быдло — все это могло бы быть очень смешным, если бы не было столь печальным.

По сюжету группа молодых людей, состоящая из перфекциониста, двух гламурных кис и озабоченного мелкотравчатого циника идут в старый автодром, где проходят гонки и активно нарушаются все правила ТБ. Смазливому брюнету посещает кошмарное видение: по стечению фатальных обстоятельств на стадионе происходит авария, от удара карбюраторов и слетевших с катушек колес нелепо погибает множество людей, превращаясь в кашу из сломанных костей и отбивного мяса в машинном масле. Дальше сюжетная линия змеится по трафаретам предыдущих частей — много крови и много глупых смертей. К чему это? Зачем? Для чего? И что все это значит?

Разбросанные по периметру фильма мертвые тела выглядят вульгарно трэшово — отрубленные конечности, размозженные головы и внутренние органы падают на героев фильма манной небесной для любителей кровавых зрелищ.

3-D формат шатко балансирует на грани добра и зла, и когда дешевые спецэффекты внезапно режут сюжет своей убогой сердитостью, становится как-то не по себе: неужели крепко выдержанная марка «Пункт назначения» сдала сбой? Заторможенные герои, потерявшие инстинкт самосохранения, становятся слабым звеном фильма, и кажется, что вместе с обрушенным кинотеатром будут похоронены и малоизвестные актеры.

«Пункт назначения 4» — наглядный пример, как из инструкции по ТБ снять проходной, попкорновый ужастик, который соберет свою кассу и канет в Лету, мимоходом разбросав по зрителям дробтики параноидальной мании. 🍿

Василий Егоров

Плата за страх

Страх

Название: Страх / Dread

Год: 2009

Страна: Великобритания

Жанр: ужасы, триллер

Слоган: нет

Режиссер: Энтони Диблази

Сценарий: Клайв Баркер (автор литературной основы),
Энтони Диблейси

В ролях: Джексон Рэтбоун, Шон Эванс, Лаура Доннелли и др.

Энтони Диблази — режиссер-дебютант. Новичок? Никак нет: последние фильмы по произведениям Клайва Баркера снимали под его продюсерским надзором. Отследив его фильмографию, можно заметить, что все фильмы, в создании которых он принимал участие, были связаны с автором «Восставшего из ада». Последние два года подарили нам

целых три экранизации рассказов из «Книг крови» Баркера, о которых до сих пор помнят и отзываются с восторгом. «Полночный поезд с мясом» получился просто на славу! Фильм «Книга крови» можно назвать довольно успешной кинолентой: пускай о кассовых сборах говорить не приходится, создатели очень аккуратно и при этом творчески обошлись с рассказами-первоисточниками. Что же нас ждет под номером «3»?

Рассказ, первый в сборнике «Книга крови II», занимает 48 страниц и для прозы Баркера нетипичен — здесь нас не ждет ничего сверхъестественного. Вместо чудовища в физическом воплощении мы встречаемся с чудовищем внутренним, нематериальным: главным героем рассказа является не источник страха, а сам страх.

Что же такое страх? Главный герой фильма, Куэйд, пытается найти ответ на этот вопрос, «заглянув в глаза зверю», встав с ним лицом к лицу. Вместе со Стивеном, студентом философского факультета, и его подружкой, занимающейся киномонтажом, он решает произвести настоящее исследование, уговорив товарища взять темой работы страх. Никто из молодых людей не способен предугадать, чем все это закончится.

К слову сказать, и читатель, знакомый с рассказом, тоже: Энтони Диблази обошелся с материалом Баркера с одной стороны, очень бережно, приложив максимум усилий для того, чтобы передать суть произведения, а с другой — не без вольностей: сюжет

изменен очень сильно, что, безусловно, пошло на пользу «смотрибельности», спектр героев расширен, исследование страха модифицировано — Куэйд делает крюк, прежде чем закончить тем, что описано в рассказе. Фильм насыщен красивыми кадрами, хорошей музыкой и симпатичными героями в исполнении харизматичных молодых актеров, среди которых особо запоминается лидер-перулец Шон Эванс, земляк Баркера, исполнитель роли Куэйда.

Не являясь по сути своей ужасником, «Страх», как и «Семь», сравнения с которым, как и с «Пилой», ему не избежать, действует на зрителя именно как фильм ужасов: подобно Куэйду, он заставляет зрителя если не «посмотреть в лицо зверю», то, по крайней мере, вспомнить о своем страхе и задуматься над его природой. Главный «злодей» фильма, он же, в своем роде, и главная жертва, пытается открыть глаза другим героям, обратить их внимание на подсознательные пути, которыми они же сами и связывают себя, и через их освобождение освободить и себя самого. К сожалению, за эту свободу положена слишком высокая плата, и к концу истории, как часто бывает в произведениях Баркера, герои добиваются сильно изменивши-

мися, а некоторые так и вовсе в виде живого фарша.

Фильм Диблази — не первая попытка визуализировать рассказ Баркера. До этого у лиц любознательных и сведущих была возможность ознакомиться с комиксовой версией этой истории и картинами Джона Болтона, который, используя свой фирменный стиль, своеобразно передал сюжеты рассказов. Не уступая предыдущим воплощениям в художественном смысле, «Страх» Диблази наполняет рассказ иными красками, с большим мастерством используя возможности избранного вида искусства.

Как и в случае «Книги крови» и «Полночного поезда с мясом», «Страху» не видать широкого проката — парочка фестивальных показов и DVD. Грустно, что подобные, столь оригинальные фильмы приносят своим создателям мизерную прибыль — если вообще приносят. Для «Страху» ситуация выглядит весьма сумрачно: едва выскочив на DVD в Нидерландах, — выход состоялся 3 ноября, — фильм сразу же появился в сети на многих пиратских трекерах. Ясное дело, рядовой зритель скачает фильм, посмотрит, да и через некоторое время удалит к чертям собачим. Грустно. Призываю же вас, сознательных поклонников жанрового кино — если фильм вам понравится, если у нас его купить будет невозможно ввиду торможения издателей официальных DVD, закажите себе оригинальную лицензию. Создателей таких фильмов следует если не поощрять, то хоть как-то приободрять. Иначе не видать нам хорошего жанрового кино!.. Стучу по дереву и плюю через плечо. 🍀

Сергей Крикун

Пожирательница мужчин

Тело Дженнифер

Название: Тело Дженнифер

/ Jennifer's Body

Год: 2009

Страна: США

Жанр: ужасы, триллер, комедия

Слоган: «У нее есть вкус на плохих парней»

Режиссер: Карин Кусама

Сценарий: Диабло Коуди

В ролях: Меган Фокс, Аманда Сэйфрид, Джонни Симмонс, Адам Броди и др.

Чирлидерша, стерва и просто красавица Дженнифер (Меган Фокс) жила себе своей беззаботной и распутной жизнью в небольшом городишке, пока однажды местный кабак не посетила рок-группа аж из самой столицы штата. Все бы ничего, да вот музыканты оказались начинающими сатанистами, жаждущими через жертвоприношение Князю

Тьмы стать богатыми и знаменитыми. Свежий воздух провинции так вскружил рокерам голову, что подвернувшаяся под руку Дженнифер показалась им девственницей (Меган Фокс!), а следовательно, отличной кандидатурой для их ритуала. Но ее цветок невинности был уже сорван, и потому все пошло совсем не так, как они планировали...

Вернувшись же с той злополучной вечеринки целой и невредимой, пышущая здоровьем участница группы поддержки, вдруг стала как-то еще соблазнительней. Но вот незадача — вскоре в городке стали находить растерзанные трупы местных парней. Лучшая же подруга главной секс-бомбы школы, серая мышка Нииди (Аманда Сэйфрид), замечает, что дело пахнет керосином, но до поры до времени мирится с тем, что ее Дженнифер немного не в себе и стала, похоже, обиталищем темных сил, беззаветно кромсающим мужское население. Но стоит той положить глаз на ее

парня, терпение Нииди заканчивается — и ей приходится дать неравный бой демону-суккубу, вселившемуся в ее бывшую подругу.

Итак, что мы имеем. Отвязная хоррор-комедия? Да. Откровенное глумление над штампами молодежных фильмов ужасов? Безусловно, да. Одна из самых желанных женщин планеты в главной роли? О да. Проходящая красной нитью через все кино тема лесбийской любви? Да, да, да! Обнаженка от звезды «Трансформер»? Увы, нет...

Вообще, «Тело Дженнифер» — без всяких оговорок полупародийная комедия, потому как юмора, преимущественно пошлого, здесь навалом. Любителям «Очень страшного кино» рекомендовано к просмотру. И все-таки это еще и хоррор: как ни удивительно, некоторые кадры вышли отменными. Особенно впечатлила сцена ближе к началу фильма, когда Дженнифер, вся истерзанная и с кровью на лице, скалится в совершенно демонической улыбке. Браво,

Меган, у вас талант! Присутствует в этой истории и лесбийская тематика — зрителя даже поражают весьма эротичным поцелуем в исполнении главных героинь, хотя все это можно принять и за тесную женскую дружбу, уходящую корнями в глубокое детство — кому как больше нравится. Стоит, правда отметить, что режиссер картины (Карин Кусамэ) исповедует нетрадиционную сексуальную ориентацию и, похоже, с большим (и наверняка не толь-

ко профессиональным) удовольствием любуется каждым кадром с участием Меган Фокс.

В целом серьезных нареканий к работе режиссера или оператора нет — для фильма со скромным бюджетом в 16 миллионов долларов картинка вышла качественная. А вот к сценаристу (Диабло Коуди), вопросы, конечно, имеются. Начиная со второй половины, кино начинает утомлять, а сюжет провисать: повествование развивается в том же клю-

че, что и до этого, но зрителю уже хочется чего-то новенького, неожиданного. Плюс, для подобной картины, ощущается недостаток драйва. Скрашивают и скрадывают же эти недоработки лишь регулярно вставляемые шуточки, произнесенные к месту и не к месту, но все равно изрядно забавляющие публику.

В актерском отношении главная ноша выпала на долю Аманды Сэйфрид, которая, играя неврачную подружку Дженнифер,

постоянно вынуждена быть в тону — то переживать, то плакать, то убеждать, а то и сражаться. В итоге Сэйфрид пришлось охватить чуть ли не весь спектр уместных чувств, и получилось это у нее хорошо. Если же говорить о Меган Фокс, то с такой внешностью и с такой ролью вершин актерской игры и не требуется. Архисексуальная стерва — вот ее образ в «Теле Дженнифер», и вы знаете, это попадание на все сто. Впрочем, и демон-потрошитель из нашей Меган хоть куда. Мужские же роли в фильме второсте-

пенны и довольно тусклы, так что на них и останавливаться не стоит (ну не интересуют мужики режиссера, не интересуют!).

«Тело Дженнифер» — фильм из категории «тупо поржать». Выглядит качественно, довольно увлекателен, хотя местами и скучноват. Хоррор-часть сделана недурственно и, думается, ставь режиссер изначальную задачу снять ужастик (естественно, с другим сценарием), могло бы получиться что-то весьма любопытное. Фильм располагает к себе и зажигательной концовкой.

Вердикт: если вам нравятся молодежные хорроры, где классические клише и штампы не поданы с псевдосерьезной миной, а откровенно высмеяны, то это кино как раз для вас. Всем остальным можно просто расслабиться и посмеяться над «сортирным» юморком, полюбоваться Меган Фокс и поразмышлять о нереализованных возможностях крутого ужастика. 🍷

Александр Нюхтин

Праздник не удался

Хэллоуин 2

Название: Хэллоуин 2 / Halloween II

Год: 2009

Страна: США

Жанр: слэшер

Слоган: «Новый взгляд, новое лицо, новая жизнь»

Режиссер: Роб Зомби

Сценарий: Роб Зомби

В ролях: Шерри Мун Зомби, Чейз

Ванек, Скаут Тэйлор-Комптон,

Брэд Дуриф, Кэролин Уильямс,

Мальколм МакДауэлл и др.

Пройдут годы — и фильмы Роба Зомби наверняка станут культовыми, все без исключения, от дебютного «Дома 1000 трупов» до анимационного «Эльсуперби-сто». Любители раритетов будут хвастать перед друзьями «полным собранием сочинений», а в закрытых клубах устраивать ретроспективы творчества, сопровождающиеся попойками, оргиями и раскуриванием не самых

законных трав. В перерывах между показами будет греметь музыка авторства все того же Зомби, и кто-то из поклонников его таланта уйдет в уборную, чтобы там, сидя на грязном ободке унитаза, слезящимися от дыма и напряжения глазами любоваться на старенький плакат с сексапильной Шери Мун Зомби.

Наверное, так будет и, может быть, уже сейчас сам Роб Зомби спит и видит, что все будет именно так.

Спит он, похоже, и когда снимает свои фильмы, а еще вернее — когда пишет для них сценарии. Изредка просыпается — когда дело доходит до какой-нибудь кроваво-изошренной сцены, до самого мяса. Вот тут Робу уже не до сна, тут он с видимым удовольствием смакует, фантазирует, добивается впечатляющего эффекта. Не каждый зритель такой эффект способен переварить. Вот она — сила искусства по Робу Зомби.

Ремейк классического фильма Джона Карпентера «Хэллоу-

ин», очередную (после фильмов «Хэллоуин: 20 лет спустя» и «Хэллоуин: Возрождение») реанимацию популярной серии про молчаливого и беспощадного убийцу Майкла Маерса, Роб снял в 2007 году. Кино получилось неоднозначным, многие его не приняли. Стиль режиссера не мог не войти в противоречие со стилем оригинала — от где-то даже камерной атмосферы картины Карпентера, от ее мощного саспенса и загадочного образа самого Майкла не осталось и следа. Вместо этого Зомби предложил зрителю нечто иное: жесткие сцены убийств и — главное — экскурсию в детство маньяка. В тоже время какого-то ясного и понятного ответа на вопрос — что же сделало Маерса тем, чем он стал — дано не было. Зато показали первое убийство, совершенное юным Майки, семью фриков, в которой ему выпало уродиться, психиатра доктора Лумиса, делающего за счет своего знаменитого пациента карьеру. Робу вообще это свой-

ственно — любить маньяков. Любить такими, какие они есть. Вот и становятся у него жертвы Марсера или подонками мелкотравчатыми, или мерзкими никчемными созданиями, которых и не жалко-то совсем. Самого Майкла, впрочем, тоже жалеет, как видно, только сам режиссер.

При том, что далеко не всем фэнам такой взгляд на Хэллоуин пришелся по душе, фильм Зомби собрал приличную кассу. А как известно, там где есть касса — должен быть и сиквел. Сам Роб, правда, заявил поначалу, что вторую часть снимать не будет. Но прошло какое-то время — и он передумал. В своем блоге на MySpace написал: мол, понял, что еще есть что сказать на эту тему. И сказал.

«Хэллоуин 2» получился еще более провокационным, более жестоким, более далеким от оригинальной серии, нежели часть первая. Трагически погибший в фильме 2007 года убийца является в кошмарах уцелевшей жертвы, Лори Строд (в ее роли Скаут Тейлор-Комптон — совершенно убогая, особенно в сравнении с молодой Джейми Ли Кертис). Оказывается, тело его так и не нашли, хотя доктор Лумис (Мальколм МакДауэлл), написавший бестселлер по следам событий первой части, свято уверен, что виной тому — исключительно бездарность полиции, а Майкл, перефразируя известный лозунг, «мертвее всех мертвых». Лори истерит, ругается с родными, со своим психиатром. Лумис возвращается в Хэддонфилд, чтобы пропиарить свою книжку, чему рады далеко не все. Городок готовится к очередному Хэллоуину... Между тем где-то за городом некий отвратного вида заросший бомжара в своих люках регулярно видит одетую в бе-

лое платье Шери Мун Зомби (жена Роба, сыгравшая в ремейке мать Майкла Маерса — по сюжету первого фильма она танцовщица и кончает жизнь самоубийством), белую лошадь и длинноволосого мальчика, в котором с трудом улавливается сходство с пухлым пареньком, изобразившим юного Майкла пару лет тому назад. Однажды ночью на бомжа нападают местные реднеки — отец и сын — и лупят до полусмерти, несмотря на визги сопровождающей их девицы. Вот после этого избитения бездомный вдруг одевает

маску — и мы понимаем, что это и есть Майкл Маерс: жив, курилка! Немедля расправившись со своими случайными обидчиками (включая ни в чем не повинную девицу), Майкл направляет стопы к Хэддонфилду — потому что хочет отметить праздник в кругу семьи, который у него сузился до призрака мамы с ее кобылой и несчастной истерички Лори.

В каком-то смысле «Хэллоуин 2», наконец, расставляет некоторые точки над «i», оставшиеся белыми пятнами после первой ленты. Мания Маерса оказывает

ся в том, что ему просто хотелось хоть раз в жизни провести Хэллоуин в нормальной семье. Очевидно поэтому он в юности завалил отчима и старшую сестру. Теплые чувства Майкл испытывал только к мамочке и младшей сестренке, которая на момент совершения им первых убийств была еще младенцем. Пускай мама умерла — для Майкла она реальна, она разговаривает с ним в его видениях и требует, чтобы он нашел сестрицу. Зачем он при этом жестоко расправляется с каждым встречным? Обычная тяга к на-

силию, которую, как нам разъясняет вступительный титр, символизирует как раз таки белая лошадь. Зачем он одевает маску? Ну нравится ему это. Хэллоуин, опять-таки. Почему он молчит?.. А кто сказал, что он молчит? С призраком матери беседует его второе «я» в образе юного Майки, а в финале и сам здоровяк Майкл издает некое слово...

Да, Маерс бородат, Маерс не так уж и много времени в кадре проводит в маске, Маерс даже говорить умеет — Зомби ушел еще дальше от карпентеровской концепции «Великого Зла», настолько далеко, что его версию уже трудно соотнести с оригинальным фильмом и его продолжениями. Скорее уже это самостоятельное, самобытное кино, оценивать которое стоит не как ремейк или сиквел ремейка, а всего лишь как очередной хоррор с претензией на оригинальность.

И вот оценивая «Хэллоуин 2» именно так, мы приходим к неутешительному выводу: кино-то слабенькое получилось.

Персонажи карикатурны, сюжет бессвязный, актеры все как-то

сплошь унылы (исключением стал ветеран жанра Брэд Дуриф, сыгравший хэддонфилдского ше-рифа довольно живо и без гипертрофированности, в отличие от прочих). С десяток эпизодов в картине ни к селу, ни к городу, то есть фильм мог обойтись и без них. Основной смысловой посыл при этом остался прежним, а финал так по сути просто повторяет финал 2007 года с небольшой вариацией — типа «альтернативный конец». Если Роб Зомби хотел показать нам какое-то перерождение Лори Строд, то это у него не вышло, а вышло то, что сдвинувшаяся с катушек девушка, вся в соплях и дерьме, полфильма мается дурью, а в конце вдруг прозревает: виновник-то всех ее бед — во все не братик-киллер.

Жесткости у Майкла прибавилось. Если в первой части сценарист-режиссер еще как-то сдерживал себя (либо продюсеры его пыл усмиряли), то во второй выдал целую серию сцен кровавых и отвратительных. Возвращаясь к началу рецензии — благодаря этим сценам творчество Зомби и должно в итоге стать культо-

вым в узком кругу любителей подсобного. Ну а то, что сцены эти не имеют никакой внутренней связи с сюжетом, что они так и остались бездумным набором картинок насилия... есть мнение, что Робу все это и не было нужно. Изначально.

Что мы имеем: высокобюджетный (для жанра ужасов) трэш, который войдет в историю как еще один образчик жестокости жанрового кинематографа начала двадцать первого столетия — и все. Достаточно для того, чтобы его пересматривали в специализированных клубах. Малова-то, чтобы заслужить сравнение с оригинальным фильмом Джона Карпентера. Ноль, если говорить о развитии Роба Зомби как режиссера. 🍷

Парфенов М. С.

Рейтинг фильмов ужасов

В начале августа 2009 года мы предложили всем пользователям форумов allhorrors.com, посетителям группы ТьМА В Контакте и сайта [«Лаборатория фантастики»](http://Лаборатория фантастики) участвовать в составлении топ-листа фильмов ужасов. Каждому участнику голосования было предложено назвать двадцать (как минимум) фильмов, которые, с его или ее точки зрения, должен посмотреть каждый фанат хоррора. Кроме фильмов ужасов как таковых допускалось называть картины смежных жанров — мрачные психологические и мистические триллеры, артаус, темное фэнтези, черный юмор и т. п. Долгоиграющие франшизы («Кошмар на улице Вязов», «Восставший из Ада», «Пила» и т. д.) учитывались как один фильм, исключение было сделано только для линейки «Чужой» и «28 дней / недель спустя». Сериалы участвовали на равных правах с

фильмами; в случае «Мастеров ужасов» допускалось называть отдельные эпизоды.

Нижеследующие результаты публикуются по состоянию на конец октября 2009 года (проголосовало 178 человек). В списке наравне с классикой присутствуют и раскрученные хоррор-проекты последних лет, относительно качества которых есть сомнения, однако этот факт вполне объясним.

Самым популярным фильмом 2007 — 2009 годов стали «Зеркала». За картиной Александра Ажа следуют две экранизации Стивена Кинга — «Мгла» (Фрэнк Дарабонт) и «1408» (Мкаэль Хафстрем). Закрывают шестерку лидеров европейские ленты — «Репортаж» (Хайме Балагуэро), «Райское озеро» (Джеймс Уоткинс) и «Мученицы» (Паскаль Ложье).

Троица народных любимцев

Голосование продолжается по прежним адресам. В дальнейшем в альтернативу «народному» рейтингу планируется провести опрос экспертов. Его правила сейчас разрабатываются.

Место	Название фильма	Год выхода	Режиссёр	Баллы
1	Кошмар на улице Вязов / A Nightmare on Elm Street	1984	Уэс Крэйвен	85
2	Восставший из Ада / Hellraiser	1985	Клайв Баркер	80
3	Пила: Игра на выживание / Saw	2004	Джеймс Ван	73
4	Сайлент Хилл / Silent Hill	2006	Кристоф Ганс	69
5	Нечто / The Thing	1982	Джон Карпентер	63
6	Чужой / Alien	1979	Ридли Скотт	61
7	Пункт назначения / Final Destination	2000	Джеймс Вонг	54
8	Сияние / The Shining	1980	Стэнли Кубрик	52
9	Ведьма из Блэр: Курсовая с того света / The Blair Witch Project	1999	Дэниэл Мирик, Эдуардо Санчез	51
10	Омен / The Omen	1979	Ричард Доннер	50
11	Поворот не туда / Wrong Turn	2003	Роб Шмидт	45
12	Изгоняющий дьявола / The Exorcist	1973	Уильям Фридкин	44
13	Зеркала / Mirrors	2008	Александр Ажа	44

Место	Название фильма	Год выхода	Режиссёр	Баллы
14	Молчание ягнят / The Silence of the Lambs	1990	Джонатан Демме	43
15	28 дней спустя / 28 Days Later	2002	Дэнни Бойл	43
16	Зловещие мертвецы / Evil Dead	1981	Сэм Рэйми	40
17	Звонок / Ringu	1997	Хидео Наката	40
18	Куб / Cube	1997	Винченцо Натали	40
19	Спуск (ака Зловещая темнота) / The Descent	2005	Нил Маршалл	38
20	1408 / 1408	2007	Микаэль Хафстрем	38
21	Мгла / The Mist	2007	Фрэнк Дарабонт	38
22	Чужие / Aliens	1986	Джеймс Кэмерон	33
23	Оно / It	1990	Томми Ли Уоллес	33
24	Семь / Se7en	1995	Дэвид Финчер	32
25	Джиперс Криперс / Jeepers Creepers	2001	Виктор Сальва	32
26	Звонок / The Ring	2002	Гор Вербински	32
27	Хостел / Hostel	2005	Элай Рот	32
28	Психо / Psycho	1960	Альфред Хичкок	30
29	Дракула Брэма Стокера / Dracula	1991	Френсис Форд Коппола	30
30	Кладбище домашних животных / Pet Sematary	1989	Мэри Ламберт	28
31	Другие / The Others	2001	Алехандро Аменабар	28
32	Рассвет мертвецов / Dawn of the Dead	2004	Зак Снайдер	28
33	Крик / Scream	1996	Уэс Крэйвен	27
34	Сонная лощина / Sleepy Hollow	1999	Тим Бёртон	26
35	Дом восковых фигур / House of Wax	2005	Хаум Серра	26
36	Ключ от всех дверей / The Skeleton Key	2005	Айэйн Софтли	26
37	Хэллоуин / Halloween	1978	Джон Карпентер	24
38	Муха / The Fly	1986	Дэвид Кроненберг	23
39	Обитель зла / Resident Evil	2002	Пол У. С. Андерсон	23
40	От заката до рассвета / From Dusk Till Dawn	1995	Роберт Родригес	22
41	Дагон / Dagon	2001	Стюарт Гордон	22
42	Репортаж / [Rec]	2007	Хайме Балагуэро, Пако Пласа	22
43	Пятница 13 / Friday the 13th	1980	Шон С. Каннингэм	21
44	Райское озеро / Eden Lake	2008	Джеймс Уоткинс	21
45	Техасская резня бензопилой / The Texas Chainsaw Massacre	2003	Маркус Ниспел	20
46	У холмов есть глаза / The Hills Have Eyes	2006	Александр Ажа	20
47	Мученицы / Martyrs	2008	Паскаль Ложье	20

Место	Название фильма	Год выхода	Режиссёр	Баллы
48	Ребенок Розмари / Rosemary's Baby	1968	Роман Полански	19
49	Фантазм / Phantasm	1978	Дон Коскарелли	19
50	Реаниматор / Re-Animator	1985	Стюарт Гордон	19
51	Шесть демонов Эмили Роуз / The Exorcism of Emily Rose	2005	Скотт Дерриксон	19
52	Ночь живых мертвецов / Night of the Living Dead	1968	Джордж А. Ромеро	18
53	Челюсти / Jaws	1975	Стивен Спилберг	18
54	Лестница Иакова / Jacob's Ladder	1990	Эдриан Лайн	17
55	Корабль-призрак / Ghost Ship	2002	Стив Бек	17
56	В пасти безумия / In the Mouth of Madness	1995	Джон Карпентер	16
57	Шестое чувство / The Sixth Sense	1999	М. Найт Шьямалан	16
58	13 привидений / Thir13en Ghosts	2001	Стив Бек	15
59	Вий	1967	Георгий Кропачев, Константин Ершов	14
60	Демоны / Demoni	1985	Ламберто Бава	14
61	Ужас Амитивилля / The Amityville Horror	2005	Эндрю Дуглас	14
62	Приют / El orfanato	2007	Хуан Антонио Байона	14
63	Возвращение живых мертвецов / The Return of the Living Dead	1985	Дэн О'Бэннон	13
64	Интервью с вампиром / Interview with the Vampire	1994	Нил Джордан	13
65	Проклятие / Ju-on: The Grudge	2002	Такаши Шимицу	13
66	Извне / From Beyond	1986	Стюарт Гордон	12
67	Сердце ангела / Angel Heart	1987	Алан Паркер	12
68	Сквозь горизонт (aka Горизонт событий) / Event Horizon	1997	Пол У. С. Андерсон	12
69	Дом 1000 трупов / House of 1000 Corpses	2003	Роб Зомби	12
70	Проклятие / The Grudge	2004	Такаши Шимицу	12
71	30 дней ночи / 30 Days of Night	2007	Дэвид Слэйд	12
72	Техасская резня бензопилой / The Texas Chainsaw Massacre	1974	Тоб Хупер	11
73	Живая мертвечина / Braindead	1992	Питер Джексон	11
74	Тьма / Darkness	2002	Хайме Балагуэро	11
75	28 недель спустя / 28 Weeks Later	2007	Хуан Карлос Фреснадильо	11
76	Мертвая тишина / Dead Silence	2007	Джеймс Ван	11
77	Руины / The Ruins	2008	Картер Смит	11
78	Нерожденный / The Unborn	2009	Дэвид С. Гойер	11
79	Видеодром / Videodrome	1983	Дэвид Кроненберг	10

Место	Название фильма	Год выхода	Режиссёр	Баллы
80	Кэндимэн / Candyman	1992	Бернард Роуз	10
81	Ад каннибалов / Cannibal Holocaust	1980	Руджеро Деодато	9
82	Адвокат дьявола / The Devil's Advocate	1997	Тейлор Хекфорд	9
83	Исполнитель желаний / Wishmaster	1997	Роберт Куртцман	9
84	Я знаю, что вы сделали прошлым летом / I Know What You Did Last Summer	1997	Джим Гиллеспи	9
85	Дом ночных призраков / House On Haunted Hill	1999	Уильям Мэлоун	9
86	Остаться в живых / Stay Alive	2006	Уильям Brent Белл	9
87	Граница / Frontière(s)	2007	Ксавьер Генс	9
88	Грибы / Shrooms	2007	Пэдди Бретнэк	9
89	Планета страха	2007	Роберт Родригес	9
90	Впусти меня / Låt den rätte komma in	2008	Томас Альфредсон	9
91	Незванные / The Uninvited	2009	Чарли Гард, Томас Гард	9
92	Птицы / The Birds	1963	Альфред Хичкок	8
93	Суспирия / Suspiria	1975	Дарио Ардженто	8
94	Чернокнижник / Warlock	1989	Стив Майнер	8
95	Ночь живых мертвецов / Night of the Living Dead	1990	Том Савини	8
96	Худеющий / Thinner	1996	Том Холланд	8
97	Особняк «Красная роза» / Rose Red	2002	Крэйг Р. Баксли	8
98	Белый шум / White Noise	2005	Джефффри Сакс	8
99	Полночный экспресс / The Midnight Meat Train	2008	Рюхэй Китамура	8
100	Затащи меня в Ад / Drag Me to Hell	2009	Сэм Рэйми	8

Превью фильма «Прячься!»

Режиссёр-постановщик:

Джонни О'Рейли

Автор сценария:

Алексей Колмогоров

Жанр:

триллер

Производство:

кинокомпания Star Media, совместно с «Кинокомпания СТВ», телеканалом «Россия» и Filmvogel Produktions GmbH & Co.KG (Германия)

В ролях:

Алексей Гуськов, Сергей Гармаш, Марина Александрова, Сергей Юшкевич, Петр Логачев, Антон Шагин, Владимир Гусев, Егор Пазенко и другие

Ориентировочная дата

выхода в прокат: 2010 г.

Кто не спрятался, я не виноват!

Триллер «Прячься!» (рабочее название «Хорошая погода») — совместный проект компаний Star Media, «СТВ», телеканала «Россия» и Filmvogel Produktions GmbH & Co.KG (Германия). По словам продюсера фильма Виталия Бордачева, настоящее положение дел в киноиндустрии подталкивает кинопроизводящие компании к совместному производству фильмов, что сильно сокращает риски. «Это позволяет

объединить накопленный опыт и принимать взвешенные коллегиальные решения, которые в итоге позволяют сделать более качественный и востребованный продукт», — считает он.

По сюжету «Прячься!» вначале ничто не предвещало беду. На затерянной в снежных просторах метеостанции работали несколько человек, передавая на большую землю информацию об изменениях погоды. Их однообразные дни скрашивали хобби. Один (Владимир Гусев) из спичек строил целые города. Другой (Сергей Гармаш) просто помешался на снежном человеке, собирая доказательства существования этого животного и мечтая его встретить. Но поскольку личного знакомства не происходило, ему оставалось лишь читать статьи о йети и повсюду развешивать фотографии с отпечатками его лап или с изображением его исчезающего силуэта на горизонте. Но однажды размерен-

ную жизнь метеорологов нарушает супружеская пара (Марина Александрова и Сергей Юшкевич), которая случайно забредает в эти забытые богом места якобы в поисках приключений. И явно их находит, поскольку через некоторое время с метеостанции исчезают не только гости, но и ее законные обитатели. Выяснить, что же произошло, на станцию отправляются следователи (Алексей Гуськов и Андрей Шагин).

Режиссером картины стал ирландец Джонни О'Рейли, для которого «Прячься!» — дебют в полнометражном кино. «Выбор был сделан в пользу Джонни О'Рейли потому, что, отсмотрев его работы в «коротких метрах», мы увидели оригинальный, нестандартный подход к драматургии и визуальным образам», — комментирует присутствие ирландского режиссера в российском фильме Виталий Бордачев. К тому же Джонни О'Рейли говорит по-русски (когда-то он учился в Москве на

Предварительный постер фильма.

Кадры со съемочной площадки

филологическом факультете), что, безусловно, облегчало его работу с актерами.

Для иностранного режиссера непростой задачей оказался выбор актерской команды будущего триллера. Получив более полутора лет назад от продюсера Сергея Сельянова, уже давно мечтавшего поработать с европейскими режиссерами, предложение снимать в России, Джонни принялся за изучение мало ему знакомого российского кинорынка. «Мы познакомились с Сельяновым года четыре назад на одном из фестивалей, — вспоминает режиссер. — Я показал ему свою короткометражку, по сюжету несколько схожую с «Прячься!», Сергею она понравилась. И однажды он отправил мне сценарий с предложением снять по нему фильм. Прежде чем запускаться с картиной, я посмотрел много российских лент и сделал немало проб, поскольку был незнаком с русскими актерами». Так, благодаря фильму «12» Джонни открыл для себя Сергея Гармаша, показавшегося ему самым подходящим на роль метеоролога, да еще и помешанного на снежном человеке. Все таинственные события О'Рейли поручил расследовать Алексею Гусь-

кову, которого увидел в картине «Отец» и тут же пригласил на роль. А в компаньоны Гуськову режиссер утвердил звезду «Стиляг» Антона Шагина. На главную же мужскую роль, среди множества талантливых претендентов, выбрали Петра Логачева — молодого актера, дебютировавшего в фильме Алексея Учителя «Пленный». Довольно долго иностранному специалисту пришлось искать и подходящий женский типаж. Лишь в последний момент О'Рейли пригласил на пробы Марину Александрову. Для актрисы это было приятной неожидан-

стью: «В этом фильме у меня очень интересная роль. Зритель давно привык меня видеть в образе романтических, лирических героинь — за мной давно уже закрепилось именно это амплуа, и наши режиссеры приглашают именно на такие роли. Но благодаря Джонни я в первый раз в жизни сыграю роковую женщину...»

Оператором-постановщиком фильма стал Александр Симонов — специалист с большим опытом, на счету которого такие проекты, как «Морфий», «Груз 200», «Бумер. Фильм второй» и т. д. Художники-постановщики — молодые и пер-

Так создают хорошую погоду на съемочной площадке.

спективные специалисты Никита Чернов и Владимир Наместников. Они проделали колоссальную работу по созданию декораций на горном плато, а также интерьеров съемочных павильонов в Марьино, в павильонах «Мостелефильма» в Москве.

По задумке создателей картины все съемки должны были пройти в Крыму. Для этого на горе Чатыр Даг около Симферополя был выстроен натурный павильон, призванный имитировать метеостанцию. Строительство было осложнено тем, что площадка находится в труднодоступном для техники, безлюдном месте. Единственным жильем по соседству была база спелеологов, где и квартировалась съемочная группа. Однако по техническим и финансовым причинам окончить съемки в Крыму не удалось, поэтому интерьеры павильона, выстроенного в Чатыр Даге, были перевезены в Москву, где и отсняли финал картины. Съемочной группе пришлось немало повозиться и с пещерой, расположенной под горой Чатыр Даг, в

Рабочие моменты съемки

Что скрывает этот взгляд?..

которую было трудно попасть со съемочным оборудованием и не легче — выбраться. Но несмотря на все проблемы 30 апреля 2009 года съемки «Прячься!» были завершены, и начался монтажно-тонировочный период.

Итог: Оправдает ли себя приглашение иностранного режиссера? Быть может, будущее российского кинематографа именно за «легионерами»? Ответы на эти и другие вопросы мы будем искать в 2010 году, когда, собственно, на экраны страны и выйдет фильм «Прячься!».

Александр Нюхтин
aka SAR

За помощь в подготовке материала выражаю признательность Ирине Ленченко (PR директор группы компаний «Star Media») и Кириллу Бурдыхину (линейный продюсер картины «Прячься!»).

Рабочие моменты съемки

ЗОМБИ В КИНО

Когда в аду не останется места, мертвые будут среди нас...

В эпоху перестройки, когда могучая держава на курьих ножках поворачивала свой фасад в сторону запада и пыталась отпереть заржавевший железный занавес, для тысячи советских людей открылся иной мир. Он был бережно расписан по магнитной ленте и прятался в черном футляре, с вольным переводом доходящего до анекдотических острот Владимира Володарского. Видеомагнитофоны стали окошком, через которое можно было бесстыдно наблюдать за культурной жизнью Запада, где странная пара в Париже использовала масло не по назначению, где австриец с выпирающими частями тела и титановой костной структурой гонялся за пучеглазой Сарой Коннор. Фильм «Рассвет мертвецов» эпохи прокуренных видеосалонов стал шокирующим образцом заморской культуры эстетического садизма и некоторого рода откровением для советских ценителей кино. Его снял Джордж Ромеро — главный замыкающий классик фильмов ужасов, начавший свою карье-

ру лентой с исчерпывающим и незамысловатым названием «Ночь живых мертвецов», которая стала бумажным родственником мощной независимой трилогии-бомбы про ходячие трупы.

Но не многие зрители знают, что киноистория оживших мертвецов, с грацией пьяного корабля причаливающих от классических образцов до малобюджетного трэша, насыщена фольклорно-кинематографическим прошлым.

На заре двадцатого века, когда индустриальный молох оковывал весь мир в паучьи прутья стали, появились первые упоминания экзотического термина — зомби. В начале тридцатых годов путешественник, антрополог и писатель-публицист Вильям Сибрук издал книгу «Остров магии», где во всех красках описал дикую жизнь в гаитянских джунглях, уделив особое внимание культу Вуду, занесенному африканскими рабами на остров. Это была странная смесь из языческих ритуалов и католических таинств; колдовская сила культа могла поднять недавно усопшего человека из могилы, превратив его

в верного и услужливого раба. Книга стала очень популярной в Америке и породила шквальный интерес к феномену зомби. Уже в 1932 году выходит художественный фильм «Белый зомби», снятый в модном жанре ужасов, который фактически стал единственным конкурирующим монстром продюсерской студии «Гальперин», способным побороться с франкенштейнами и дракулами «Юниверсал». На поверку «Белый зомби» — затейливая история из жизни буржуазных янки. В ночных плантациях сахарного тростника, под надзором волоокого хозяина с пышной растительностью на лице, скрываясь от людских взоров, мертвецы собирают урожай. Однако аристократ и его молодая жена с марципаново-сладкой внешностью становятся свидетелями жуткой тайны. Режиссер показывает экзотические обряды и песни аборигенов вместе с классическим европейским любовным треугольником. Жена аристократа похищается и становится единственной гурией в готическом гареме влюбленно-

Глаза Бела Лагоши. В старых фильмах зомби находились под гипнозом жреца культа Вуду

го юнца, а пышнобровый колдун набирает все больше «мертвецов» в свою армию не живых и не мертвых.

Зомби тридцатых и сороковых совсем иные существа — это не ожившие мертвецы, а люди, находящиеся в глубоком гипнотическом сне, чей разум подчиняется инородному влиянию жреца культа Вуду. Ярким примером служит еще один классический хоррор «Я гуляла с зомби». Замкнутая молодая женщина с повадками психически неустойчивого человека становится пациенткой канадской медсестры, которая считает, что у женщины нервное расстройство. Но вскоре представительница красного креста узнает, что местные жители занимаются культом Вуду, и решает применить шоковую терапию к своей пациентке и отвести ее на следующий обряд...

Перерождение жанра

После великой американской депрессии и второй мировой войны люди выходят из сомнамбулического состояния, наступает катарсис процветания и благополучия. Старое американское сердце стряхивает дремотные оковы, зализывает обугленные войной раны и за-

бывает про экзотические острова, живых мертвецов и африканскую магию — реальность порою страшнее «неспокойных грез» Голливуда.

В послевоенное время в моде дешевые фантастические фильмы с милитаристским подтекстом, где одинокий ученый вместе с военными силами Соединенных Штатов противостоит зловредным космическим

Лагоши в чаше. С помощью колдовства и магии люди превращались в зомби

монстрам, показывая мощь и пробуждая отеческие чувства к великой демократической державе. Среди вороха научно-фантастического кино того периода ярко выделяется образец малобюджетного жанра «План 9 из открытого космоса» — «худший фильм всех времен и народов» «самого плохого режиссера за всю историю Голливуда» — Эдварда Вуда.

Нищенский бюджет и ограниченная фантазия режиссера сыграли с лентой злую шутку. Задуманная как агит-фантастика против громких научных открытий картина стала культовым эталоном всего самого плохого и бездарного, но в то же время фильм стал пионером в жанре научно-фантастического хоррора, внесшим существенный вклад в переосмысление феномена «zombie-movie». Стилистически «План 9» — это смесь из готического цикла «Юниверсал» тридцатых

годов и ретрофутуристики в чистом виде. Из космических далей на Землю прибывает парочка симпатичных гуманоидов в серебристых костюмах, их цель романтически наивна — остановить неумный прогресс землян, ставший опасным для центрального светила и девяти больших планет; призрачная угроза уничтожения может распространиться и по всему космосу. Для осуществления своей миссии эксцентричная двойка с помощью пустых флаконов из-под шампуня, имитирующих высокотехнические изобретения, оживляет мертвых на провинциальном кладбище. Весь содом проходит под сопровождение дефицитной крякающей музыки и религиозных лозунгов из уст баптистов-актеров. Именно в

До «Ночи живых мертвецов» зомби представляли собой загипнотизированного человека

этой скандальной картине впервые появляются зомби в известном современному зрителю виде — плоские зрачки без краски, тяжелый шаг и бессоловое выражение гниющего мурла.

Следующее жанровое явление — естественно, классический фильм ужасов «Ночь живых мертвецов». Это действительно один из лучших образцов зомби-фильма, уступающий в художественности, наверное, только своему продолжению. Ромеро поставил в центр повествования

классическую блондинку Барбару, поехавшую на кладбище вместе с братом-шутником. Протагонисты становятся жертвами нападения безумного мужчины с неограниченной физической силой; брат Барбары героически погибает, а она оказывается заперта вместе с несколькими людьми на заброшенной ферме. Вокруг, шаркая костями и заплетая ногами кружева, снуют полчища одуревших зомби. Широкая панорама фильмической истории затрагива-

бесчинствующую болезнь. Из них наиболее известны такие ленты как «Трупы детям не игрушки» и «Я пью твою кровь», но даже они лишь дымили, словно сырые поленья, не желая разгораться.

Через энное время после выхода «Ночи живых мертвецов» наступает пышный бал в честь нежити — «Рассвет мертвецов» становится жанровой бомбой и одним из самых страшных фильмов за всю историю кинематографа. Приютившись

у известного итальянского продюсера Клаудио Ардженто, Ромеро получил полную творческую свободу и с головой окунулся в мир одиозной кино-династии Ардженто. Титан авторского хоррора Дарио Ардженто становится соавтором сценария и дает половину бюджета из собственного кармана, заодно навязывая нарытую в закулисных помойках римского андеграунда прогрессивную рок-группу Goblin, которая пишет для картины музыку. При этом синьор Ардженто получает право прокатывать фильм для европейских экранов с собственным, более «кусачим» монтажом, обозвав ленту «Зомби». Для Ромеро «Рассвет мертвецов» становится долгожданным золотым билетом на последний вагон уходящего для него поезда в мир большого кино.

Успех картины не заставил себя долго ждать — все кому не лень берут в руки любительскую камеру и снимают своих намазанных гуашином соседей с гротескной осанкой на 35-ти миллиметровую пленку. Больше всех в этом деле преуспели латинские любители «кустарных» ужасов — Умберто Ленци, Хесус

Гниение и смерть стали главной атрибутикой зомби-ужасов после выхода «Ночи живых мертвецов»

ет, хоть и касательно, проблему расизма и уродство, скрытое под личиной добропорядочного гражданина.

Пока Ромеро метался в поисках спонсоров для сиквела своего детища, его творение стремительно становилось неумирающим культом — и как один из первых зомби-хорроров в новой интерпретации жанра, и как образец великолепного коктейля из ужасов и острой социальной драмы. Практически сразу возникла череда подражаний: под влиянием финансового успеха «Ночи живых мертвецов» снято множество малобюджетных ужасов в жанре exploitation, анатомирующих историю оживших трупов и поэтическую жилку про

Зомби тоже умеют кокетливо закатывать глаза

Иногда в фильмах про зомби проскальзывал классический сексизм

Франко и Бруно Матеи; последние авторы умудрились поставить вульгарные фильмы с громкими порнографическими сюжетами — первые образцы подпольного жанра *sexploitation*.

Среди общей массы посредственности выделялся радиоактивный садист — Лючио Фульчи. Его фильмы — «Зомби 2», «Седьмые врата ада», «Город живых мертвецов» стали культовыми образцами итальянской школы ужасов; цветущие кущи кладбищенских полей и гипер-натуралистичные сцены терзания человеческой плоти вошли в историю кино как самые яркие примеры воспаленного воображения. Кино-язык Фульчи иногда был игрив и резок, временами вял, словно усыпленный новокаиновым аэрозолем, но главным достоинством мастера является отнюдь не великий режиссерский талант, а способность снять из провального материала прямолинейный до архаизма ужас, когда зритель закрывает глаза и шепчет: «Пожалуйста, не надо». Однако Фульчи, сняв успешный «Зомби 2», разрушил планы Ардженто, который в свою очередь готовился снимать продолжение «Рассвета мертвецов»

под рабочим названием «Зомби 2». Их ссора длилась не одно десятилетие, и лишь в 90-х мастодонты итальянской школы ужасов примирились и даже готовились к совместным съемкам фильма «Восковая маска», но Фульчи внезапно умер от диабета, и картину пришлось снимать Серджио Стивалетти.

В приступе бабьего лета Ромеоро мастерит заключительную часть трилогии о восставших мертвецах, все больше погружаясь в пучины филантропии и отдаляясь от темы зомби-ужаса. «День мертвецов» проваливается в прокате и больше напоминает камерную постапокалиптическую драму про военных и ученых, возвращаясь в ту самую начальную точку пятидесятых, замкнув круги ада. Толпы фанатов совершали паломничество в кинотеатры в надежде прочувствовать, как десять тысяч тонн ужаса обрушиваются на их сердца, охочие до адреналина, и разочаровывались, утонув в кровавом фонтане. Но Джордж Ромеоро не ставил перед собою цель превзойти свой главный шедевр — «Рассвет мертвецов»; сиквел картины был логическим завершением трилогии, повествующим о последних

днях человеческой расы, когда все гуманистические ценности растоптаны зверино-маскулинной натурой военных, против которых сражается слабая женщина. В финале ленты романтическая героиня понимает, что мир давно умер, и она — последний осколок, ярко переливающийся радужной человечностью под солнцем, которое когда-то одинаково светило для всех.

Кинематографические следы разлагающейся плоти сужаются и начинают теряться в малобюджетных «табачных» сплэттерах. Всплеск интереса к жанру начинается с выходом «юношеского» ужастика Питера Джексона — «Живая мертвещина». Новозеландский фильм становится амброзией для истосковавшихся фанатов зомби-фильмов, но картина насыщена графическим насилием и анатомически аморальна, что отпугивает пуританских критиков и потенциальных кинозрителей. Первые пишут, что для того чтобы снять более кроваво, придется окунуть объектив камеры на полтора часа в чан с кровью, вторым, в происках пропаганды, выдают бу-мажные рвотпакеты.

Братья наши мертвые прекрасно осознают вред фастфуда и гамбургерам предпочитают свежее человеческое мясо — без консервантов, искусственных красителей и привкуса коммерции

Бесплатная нарезка живой мертвечины

Ничтожные денежные средства и отсутствие кино-опыта у режиссера не сбавили его юношеский пыл, и Джексон явил миру настоящую романтическую оргию и вальпургиевы страсти про грустного юношу и темпераментную латиноамериканку. Пародийность повествования и бурлескный такт сюжета достойно обрамляют уже порядком избитую тему оживших мертвецов, а брызгающие литры красной краски претендуют уже на специфическую бутафорию — в конце фильма кровь орошает целлулоид со скоростью пять галлонов в секунду, что стало весьма нескромным рекордом.

«Живая мертвечина» становится культовым фильмом среди любителей «мусорного» жанра и любопытным образцом зомби-фильмов, заняв достойное место среди прочей продукции. Анти-глянцевый трэш становится модным течением, следующие фильмы про зомби пестрят сочным китчем, высмеивающим штампы и сам жанр зомби-фильма.

«Туманный рассвет»

Первые годы тысячелетия реанимируют забытых монстров: похороны отменяются, кладбища снова полны созданиями ада.

са в стране чудес» принимает чудовищные формы, где Элис щеголяет в красном платье и знает несколько приемов каратэ, где белый кролик больше напоминает освежеванного медведя, а Красная Королева — супер-компьютер с искусственным разумом, убивший тысячу сотрудников корпорации «Амбрелла». Режиссер картины Пол Андерсон переиначил любимую сказку в новаторскую, мрачно-стерильную историю, где нет места улыбчивому Чеширскому коту. Фанаты игры неистовствовали — многим категорически не понравились сюжетные отхождения от главной темы и отсутствие главных персонажей, так что создатели при съемках второй части попытались следовать оригиналу и сумели хоть как-то удовлетворить требования поклонников франшизы. Но в дальнейшем ситуация круто изменилась, и продолжение полотна превратилось в очень вольную интерпретацию культовой «игрушки».

З а б ы т а я классика заново выдыхает испарения страха — римейк «Рассве-

Колоссальную кассу собирает новейшая классика ужасов «Обитель зла», снятая по одноименной видеоигре компании «Кэпком». Искривленная в кривом зеркале фантастического хоррора сказка Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» принимает чудовищные формы, где Элис щеголяет в красном платье и знает несколько приемов каратэ, где белый кролик больше напоминает освежеванного медведя, а Красная Королева — супер-компьютер с искусственным разумом, убивший тысячу сотрудников корпорации «Амбрелла». Режиссер картины Пол Андерсон переиначил любимую сказку в новаторскую, мрачно-стерильную историю, где нет места улыбчивому Чеширскому коту. Фанаты игры неистовствовали — многим категорически не понравились сюжетные отхождения от главной темы и отсутствие главных персонажей, так что создатели при съемках второй части попытались следовать оригиналу и сумели хоть как-то удовлетворить требования поклонников франшизы. Но в дальнейшем ситуация круто изменилась, и продолжение полотна превратилось в очень вольную интерпретацию культовой «игрушки».

та мертвецов» становится событием для кино-мира в 2004 году. Талантливый режиссер Зак Снайдер снимает качественный фильм ужасов, но от своего «праотца» из 70-х фильм существенно отличается тематикой и композицией. Против паранойальной и удушливой атмосферы обреченности оригинала в бою за сердца зрителей встают передовые спецэффекты, экшн-сцены и хлесткий реализм римейка, а канонические мертвецы из могил заменяются инфицированными людьми. Новый век истязают совсем другие страхи, и жанр терпит второе незначительное переосмысление.

Между тем Ромеро, объятый теплыми воспоминаниями, решает снять очередной зомби-фильм, на этот раз футуристический боевик «Земля мертвых» с экзальтированной девицей — Азией Ардженто. Ромеро удачно встряхнул старые кости и повторно возглавил пантеон лучших хоррормейкеров, взяв реванш у продюсеров, которые несколькими годами ранее не взяли его ставить «Обитель зла», посчитав, что старик изжил свои ресурсы.

Пока американская индустрия развлечений истерично ностальгирует по классике, в «туманном Альбионе» по темным водам Темзы медленно плывет окровавленная лодка Дэнни Бойла. Автор независимого кино снимает апокалипсическую драму «28 дней спустя» — сво-

Каратэ против четвероногих зомби

еобразный реквием по классике. История меланхолично повествует про молодого человека, который просыпается в пустой больнице и обнаруживает, что он единственный человек в Лондоне; остальные либо эвакуированы, либо погибли, либо заразились бешенством. У Бойля вирус становится олицетворением человеческого цинизма, и бешенство современного общества под его взглядом уже не юного натуралиста принимает гротескно-кинематографическое исполнение — все, кто не чист душой и несет в себе жестокость, превращаются в символических, безмозглых зомби. Последовавший сиквел ленты, «28 недель спустя», становится хитом, и хоть отходит от глобальной темы человеческой природы и камерности сюжета, все же сохраняет канонические темы жестокости современного мира.

«Новая волна» зомби-ужасов с британских островов достигает размеров цунами с выходом черной комедии «Зомби по имени Шон». Эрудированные любители интеллектуальных фильмов ужасов — Саймон Пегг и Эдгар Райт — собираются вместе, чтобы от души повеселиться. Продуктом странного английского альянса становится классическая история про вирус и груп-

Иногда узнаёшь о своих соседях самые неожиданные вещи

пу эклектичных прожигателей жизни, внезапно утром обнаружившие смертельную пандемию в уюте английского пригорода. Правда, это серьезно лишь на словах. Многие действия в картине насквозь пародийны — люди-карикатуры, живущие серой, апатичной жизнью. Скванность, несамостоятельность, инфантилизм, глупость, дилетантизм... Люди сами выглядят не живее мертвых, и в конце картины многие персонажи превращаются в зомби, но продолжают нести бремя привычного быта, будто ничего и не произошло.

Раздувшись, словно пустой воздушный шар, фильм Роберта Родригеса «Планета страха» демонстрирует эстетику идиотизма. Со-

брав все самые глупые моменты из всех самых низкопробных представителей зомби-ужасов, режиссер сварил в кровавом котле синтетически-плохой фильм. Пошлые спецэффекты, бессмысленная чехарда диалогов и убогий монтаж на третьесортной пленке — режиссер добился нарочитой вульгарности и гротескной тупости, погрузив искушенного зрителя в эпоху уцененных билетов в драйв-инах и грайндхаус-кинотеатрах. Девушка с автоматом вместо ноги, блюющие внутренностями зомби, разлагающиеся гениталии крупным планом, взрывающиеся головы — все это демонстрирует, что жанр зомби-фильмов настолько пестрит тривиальными штампами, что порой переходит все мыслимые границы. Но планета зомби-фильмов будет цвести еще очень долго, и пока Землю сотрясают неизвестные доселе науке вирусы, и панацея от всех болезней не будет изобретена, любители поиграть на нервах не упустят возможность поугагать зрителя ужащающими историями о конце света. Вполне возможно, что, когда в аду не останется места, мертвые будут среди нас. 🗿

Вечер пятницы в типичном пригороде Лондона («Зомби по имени Шон»)

Василий Егоров

Анжело
БАДАЛАМЕНТИ:

.. Певец тёмных глубин

Настоящий музыкант слышит музыку во всем: в предметах и людях, в том, что происходит, и том, чему только суждено случиться. Настоящий музыкант всегда творит на грани, а подчас и за нею. Но лишь немногим хватает мужества искать вдохновения на острие тьмы. Лишь немногим Она открывает свои двери, впуская за порог. И лишь немногие способны передать то, что там увидели.

Одним из тех, кто не потерял себя в путешествии по лабиринтам мрака, является Анжело Бадаламенти — истинный певец темных глубин.

PRELUDIO: DUE

Все стулья покоятся на столах — спинками вниз, как и положено. Бармен протирает бокалы, мечтая о минуте, когда наконец окажется дома. Свет единственной лампы разливается вокруг тусклым золотом.

И хотя последний посетитель уже ушел, человек, просидевший весь вечер за пианино, не перестает играть. Пальцы замирают над клавишами, только если он отпивает из своего стакана или подносит к губам тлеющую сигару.

Мягкая полутьма скрывает от нас его лицо, однако нам удастся рассмотреть некоторые черты. Жесткая линия губ — как трещина на свежем льду. Росчерки скул поверх каменной кожи. И — взгляд... Нет, он не видит нас, но все же мы уверены, что эти холодно-огненные глаза смотрят нам прямо в душу. Пронзают ее до основания.

— Buona sera, Angelo. — Этот Голос из ниоткуда спасает нас.

— Buona sera, — отвечает Он, не переставая играть.

— Хорошая мелодия...

Его взор лишь на мгновение смещается вбок — туда, где нет ничего, кроме дрожащего мрака. Где мы не видим ничего. Но Голос упорно продолжает:

— Понимаешь, зачем я пришел?

— Конечно. Я ждал этого. — Он выдерживает паузу. — Позволишь мне докурить?.. Насколько я помню, у вас там с этим проблемы.

Нам чудится смех, и мы торопимся уйти отсюда. Но перед выходом замираем у стеклянной двери, замороженные ночью по ту сторону жизни. Тьма, которая расстилается на улицах, больше не кажется нам бесстрашной.

О Боже... Мы слышим, как она дышит...

PRIMO FRAMMENTO: BLUE VELVET

(«Синий бархат» — первый крупный фильм, композитором которого стал Анжело Бадаламенти. С этой же картины началось его сотрудничество с режиссером Дэвидом Линчем. Песня Берни Уэйна и Ли Морриса «Синий бархат» стала главной темой киноленты, отразив всю глубину сюрреалистичного сюжета.)

Звучат возбужденные аплодисменты. Мягкий перестук пианинных клавиш, и леди на сцене шепчет в микрофон: «She wore blue velvet...». Ее голос успокаивает нас, как и непринужденная игра человека в отдалении.

Мы пьем джин, наслаждаясь каждой каплей. Мы кладем ногу на ногу, обнимая рукой спинку стула, и чувствуем полное умиротворе-

ние. Нас ничто не тревожит — мы уверены, что абсолютно счастливы.

«Bluer than velvet were her eyes», — доносится со сцены, и певица кокетливо улыбается. Мы должны радоваться, но нам — не по себе. Мы падаем в эти жгуче-алые губы, и все наше спокойствие мгновенно рассыпается. Мелодия становится тревожно-мрачной, давящей. Мы тянемся к бокалу, чтобы запить волнение, но тот выпадает из пальцев... Наше отражение — оно больше не напоминает человека. Скорее, то, что все это время было скрыто внутри нас. То, что высвободил из пещер подсознания пианист вместе со своей музыкой... Зачем... зачем он так беспорядочно стучит по клавишам? Еще мгновение, и мы забудем, как нас зовут, а тот, другой, войдет в этот мир, блистая взглядом двух лун.

Нет... Мы в ужасе выбегаем из стороны. И потому не слышим последние аккорды надежды, которыми заканчивает человек в глубине сцены.

Обложка саундтрека к фильму «Blue Velvet» (1986, реж. Д. Линч)

SECONDO FRAMMENTO: MULHOLLAND DR.

(Фильм «Малхолланд Драйв» появился на киноэкранах спустя пятнадцать лет после «Синего бархата». Дэвид Линч и Анжело Бадаламенти продолжали эксперимент над (под)сознанием зрителей.)

Кто мы? Что мы здесь делаем?

Эта улица, тонущая в иссиня-черном бесцветии. Вокруг нет ни одного человека, и только подтекающая водосточная труба нарушает господство тишины.

Мы стоим по центру дороги и ощущаем спиной разверстную пропасть беспомыслия. А впереди нас — лишь асфальтовая лента безумия. Внезапно где-то в вышине зажигается свет, и начинает звучать музыка. Режущий плач скрипки вынуждает нас болезненно морщиться.

Голова... эта боль... Мы вспоминаем. Вспоминаем то, что было нам дорого, и тех, кого мы любили. Каждая терция мелодии — это новый осколок нашего прошлого, новое отражение жизни, которая была у нас до этой улицы. В них столько лиц, когда-то нас окружавших, столько имен.

Скрипичный мотив повторяется снова и снова. Благодаря нему мы воскресили все, что было забы-

то, и теперь без страха оглядываемся назад.

Никакой пропасти нет — все та же идеально-ровная лента шоссе, которая уходит во тьму. Где-то там — наше прошлое и выход отсюда. Однако трагичная мелодия не оставляет нам выбора: мы оборачиваемся. И идем вперед.

Обложка саундтрека к фильму «Mulholland Drive» (2001, реж. Д. Линч)

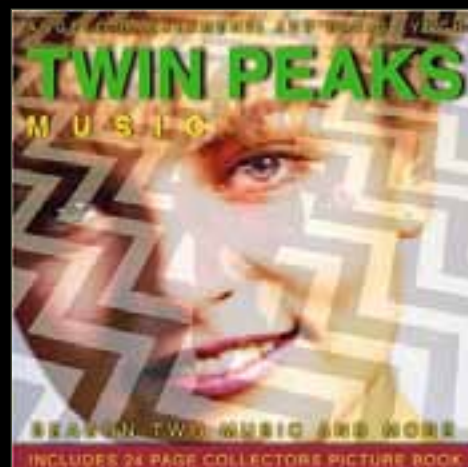
TERZO FRAMMENTO: TWIN PEAKS

(Первый эпизод сериала «Твин Пикс» был показан в эфире за одиннадцать лет до начала съемок «Малхолланд Драйва». История маленького пограничного города стала новым связующим звеном между Дэвидом Линчем и Анжело Бадаламенти. Именно Твин Пикс и мертвая девушка по имени Лора Палмер принесли обоим мировую известность.)

Струны и клавиши... Мягкий перебор и неуловимые касания черноты. Мы останавливаемся, когда слышим этот мотив: легкий, убаюкивающий. Мы забываем о том, что шли на работу. Мы забываем о холоде предрассветного утра и колком тумане. Теперь мы во

власти уличных музыкантов, которые очаровали нас своей игрой. И особенно — во власти того, кто стоит у синтезатора, — уже немолодого мужчины в вязаной шапке, с вязаножесткой улыбкой.

Вот вступают духовые, и мы даже не замечаем, как густеет мгла, а улицы становятся безлюдными. И только когда оркестр начинает звучать во всю силу музыкальных легких, мы приходим в себя.

Обложки саундтрека к сериалу «Twin Peaks» (1992, реж. Д.Линч)

FERMATA

Мужчина за стойкой откладывает тряпку и настороженно хмурится. Причину своего волнения он обнаруживает далеко не сразу. А обнаружив ее, тотчас покидает бар. За скрипом стеклянных бокалов он и не заметил, как наступила тишина. Неужели сеньор Анжело ушел, не попрощавшись? Нет, это исключено. Тогда...

Пианино остается не закрытым. На подставке рядом с ним по-прежнему стоят пепельница, в которой извиваются окурки, и стакан

недопитого виски. Но больше всего бармена привлекает другое: чистый нотный стан, который покоится на стуле. Однако у мужчины нет ни малейшего желания задерживать на нем свой взгляд.

Всего секунду он смотрит вглубь сцены, где, как ему кажется, происходит какое-то движение. А затем спускается в зал, и в голове у него — лишь одна безотчетная мысль: «По пути домой нужно купить снотворное...» 🌙

Александр Цымбал

Но уже слишком поздно. Мелодия продолжает щекотать нервы, хотя вокруг — ни души. Лишь подрагивают ветви деревьев и кружит одинокая птица...

Откуда-то приходит страх. Наше дыхание становится все более и более тяжелым, сердце надрывается в груди, в то время как скрипка высекает из воздуха морозные искры. А затем музыка начинает смолкать... И мы понимаем: нужно во что бы то ни стало проснуться — проснуться, пока не прозвучал последний аккорд. Ведь стоит инструментам остановиться, и наступит тишина, в который мы услышим... Его дыхание.

Господи, по...

Prototype

Разработчик:

Radical Entertainment

Издатель: Activision

Издатель в России: Софт Клуб

Жанр: Action (Slasher) / 3D / 3rd Person

Студия Radical Entertainment анонсировала игру Prototype два года тому назад. Разработчики обещали открытый мир, в котором бушует коварный вирус, главного героя с поразительными сверхспособностями, пребывающего в состоянии амнезии, и возможность, выполняя квесты, сражаться на стороне мутантов или военных по своему усмотрению. Своими предыдущими проектами Radical Entertainment не сразила публику. Удалось ли ее коллективу за два года создать игру класса А? Почти удалось.

Итак. На Нью-Йорк обрушился страшный таинственный вирус.

Откуда? Как это могло случиться? И почему никому неизвестный Алекс Мерсер превратился в террориста №1? Все произошло мгновенно.

И вот у жителей города отрезаны все пути к спасению. Осталось только воспроизвести в памяти день, когда все началось.

Что приходит в голову человеку, который очнулся в морге? Алекс Мерсер не в состоянии понять, как он здесь оказался, но сразу соображает, что нужно сматываться. Именно в этот момент его

расстреливают вместе с докторами, только что вознамерившимися препарировать его труп. Но, о чудо! Алекс остался жив. В вихре смерти он понял, что способен «поглощать» других: теперь он обладает полной копией личности стрелявшего в него солдата. Так Алекс узнает, что за ним идет охота. Но почему? В чем его вина? Алекс находится в глубокой амнезии и не понимает происходящего. А тем временем в город проник вирус. День первый...

Начало прелюбопытное. Можно ожидать сногшибательных приключений, тем более, что в начале загадочной истории мы уже знаем ее трагический финал — хаос погибающего города. Может, нам расскажут, как все началось, и мы получим возможность изменить роковую траекторию. Но возможностью временных перемещений разработчики, к сожалению, не воспользовались. Сюжет вяло развивается по стандартной схеме. Вирус распространяется в городе. Люди превращаются в мутантов. Кампания по генетическим исследованиям продолжает дьявольские эксперименты. Вечно тупые и злобные военные безрезультатно пытаются бороться с последствиями вируса, покинувшего лабораторные пробирки. Ничего нового. Нет креатива и в персонажах. Все они статисты, которые кое-как тянут сюжет — за исключением Алекса. Этот персонаж действительно спасает игру. Алекс — темный аналог супермена (ближе всего он к Яду-Веному из «Человека-паука»). Пытаясь вспомнить, что с ним произошло, разобраться в событиях,

герой игры открывает свои удивительные способности. Его возможности прекрасно прописаны. Как только Алекс вобрал в себя нового ключевого персонажа (или кого-нибудь из простых свидетелей происходящего), мы видим стильно выполненный флешбэк: мелькающие фрагменты фотографий в сопровождении обрывочных фраз.

Но если сюжет ничем не привлекает, то с геймплеем все в полном порядке. Алекс способен, поглощая врагов, восстанавливать часть жизни, отрацивать из своих рук разное оружие (шпы, кнут, молоты) и стремительно преодолевать препятствия. Это в действительности бег, а не паркур. Алекс может мчаться по стенам зданий, левитировать и вообще располагает целым арсеналом средств, чтобы скрыться от врагов.

Сверхспособности главного героя открываются без всяких затей; их можно просто купить за так называемые очки эволюции. Так можно усовершенствовать свое оружие, присовокупить к нему новые приемы, прокачать здоровье или увеличить скорость бега. Очки эволюции накапливаются

в результате прохождения миссий и дополнительных заданий в sandbox-режиме.

Сюжетные миссии достаточно разнообразны: это и проникновение, и уничтожение, и преследование, и кое-что еще. После прохождения главных миссий нам открываются второстепенные. При этом мы вольны в своем выборе — выполнять их или нет, бродя по городу, в котором есть, чем пожить. Можно поглощать свидетелей или заняться саботажем военных аванпостов. Второстепенные миссии вполне стандартны: победы

100 врагов за 3 минуты, пробеги расстояние с контрольными точками за 30 секунд и тому подобное. Они быстро надоедают, но весьма выгодны: выполняя, накапливаешь очки эволюции, поскольку основные миссии не дают очков для полной прокачки.

Можно выполнить сюжетные миссии, совершая диверсии, либо открыто нападать. В конечном итоге тебя вычислят и все равно придется сражаться. Боевая система очень эффективна: разнообразные стили атак, возможность их быстро комбинировать. Все эти средства позволят расправляться с врагами по-разному, а главное, так, как импонирует самому игроку. Во время миссии можно запросто захватить танк или самолет и устроить дополнительную огневую поддержку. Бои очень динамичны и доставляют нужную порцию адреналина для веселой игры.

Графикой игра не блещет. Движок устарел. Во времена GTA 4 sandbox — то есть с нелинейным геймплеем — игры несомненно должны быть эстетически более выразительны и художественны. Полигонами обделили всех, кроме Мерсера. Хотя понятно: персо-

нажей много, возникают настоящие столпотворения: монстры, горожане, военные. За обилием экшена просто не успеваешь обращать внимания на «красоты». Вместе с тем, удалась атмосфера города, пораженного вирусом. С каждым днем в городе все больше мутантов, на улицах — пробки, пани-

ка. Графически это передано хорошо. Краски и воздух города становятся гуще и осязаемей.

За экшеном на озвучку и музыку не обращаешь внимания. Тем не менее, музыка удачно импонирует безобразию на мониторе. А вот персонажи говорят привычными под уровень Б незапоминающими-

ся голосами, за исключением Алекса, у которого голос удачно передает горечь переживаний и сомнения внутреннего мира. Можно сказать, что разработчики потратили все силы на Мерсера, а с другими разбирались по ходу.

Итог: О крепкий sandbox экшен с довольно простым сюжетом, но отличным ураганным геймплеем, с красивыми адреналинными боями и приличной графикой, интересными разнообразными миссиями и достаточно любопытным главным героем. Потенциал у игры был заметно больше, но мы впустили ее в когорту игр категории «А» и будем надеяться, что в продолжении разработчики поработают над ошибками. Не просто рекомендуется, а предписывается в обязательном порядке. Не часто нам дают возможность так побезобразничать. Удовольствие гарантировано. 🖱️

Арсений Гордиенко

Resident Evil 5

Разработчик: Capcom

Издатель: Capcom

Издатель в России: 1С

Жанр: Survival horror / 3rd-person shooter

Вы, пятая «Обитель Зла» по-настоящему страшной вновь не получилась. Даже четвертая часть, которая в свое время подверглась критике за резкое смещение акцентов в пользу экшена, смотрится куда предпочтительнее, чем RE5. И это учитывая то обстоятельство, что ей самой было ой как далеко до классической трилогии. RE действительно сильно изменился, и фэнам, которые не

приемлют эти перемены, остается только посочувствовать. О трудно-

стях во взаимоотношениях между ними и разработчиками мы, кстати, уже писали в 9-м номере, когда рецензировали анимационный фильм Resident Evil: Degeneration.

Да, можно сколько угодно злиться на Capcom овец за то, что из хоррор-сурвайвла серия скатилась в экшен, а вирусы с главными графемами в названии сменили паразиты Лас Плагас, желание снять шляпу перед разработчиками все равно осталось. Причина проста — ниже определенной планки парни из Capcom никогда не опускаются, за что им, собственно, честь и хвала. И пусть пятый Resident Evil теперь не пуга-

ет, не завораживает той особенной атмосферой, что присутствовала в игре прежде, он по-прежнему безумно увлекателен, радует играбельностью и продолжает любить фэна сторилан. Подобные сочетания нынче большая редкость и это тоже нужно уметь ценить.

Анимационный Degeneration действительно представлял из себя сюжетный мостик между старым и новым миром RE. Umbrella, TriCell, WillPharma, Т-Вирус, Лас Плагас, Векер — все это сплелось в тугий клубок вопросов, на каждый из которых вам придется искать ответы в пятой части игры. Леон Кеннеди, который первым столкнулся с паразитами в Испании, на этот раз уступил место другому нашему старому зна-

комому Крису Редфилду. «Подкачавший мышцу» Крис теперь состоит в BSSA [Bioterrorism Security Assessment Alliance]. Организация, как видно из названия, противостоит биотерроризму. В напарниках у нашего альтер эго теперь чернокожая красotka, откликающаяся на Шеву Аломар. Превжняя подруга Криса Джилл Валлентайн в игре тоже присутствует, но её роль в сюжетных перипетиях незначительна и, как мне кажется, приятно вас удивит. Во всяком случае, этот заворот сценаристов показался мне довольно оригинальным.

Место действия переместилось из Испании в Африку. Не могу сказать, что это пошло игре на пользу, поскольку иногда все происходящее стало сильно отдавать индианод-

жонсовщиной. Впрочем, и в Африке вам найдется где развернуться. У вас, например, будет возможность прокатиться по саванне на «хамви», отстреливаясь от зомби-байкеров из пулемета, поболтаться по большому танкеру, оседлать катер на воздушной подушке. Лаборатории, мертвые деревушки и темные пещеры с тоннелями тоже, разумеется, присутствуют. Здесь все как обычно.

Сюжетные вставки по-прежнему могут неожиданно потребовать от вас различных клавишных комбинаций, так что не спите во время их просмотра. Вопрос жизни и смерти, пусть и виртуальной.

Геймплей претерпел лишь косметические изменения. Камера по-прежнему «смотрит» из-за плеча Криса или Шевы, стрелять на ходу или стрейфиться нельзя, ну а травка, драгоценные камни и золотишко, как и раньше, позволяют вам подлечить здоровье, разжиться наличностью и, как следствие, улучшить оружие. Напарник теперь с вами на постоянной основе. И время от времени Шева вас даже прикрывает, подлечивает и делится патронами. Этим, пожалуй, вся её полезность исчерпывается.

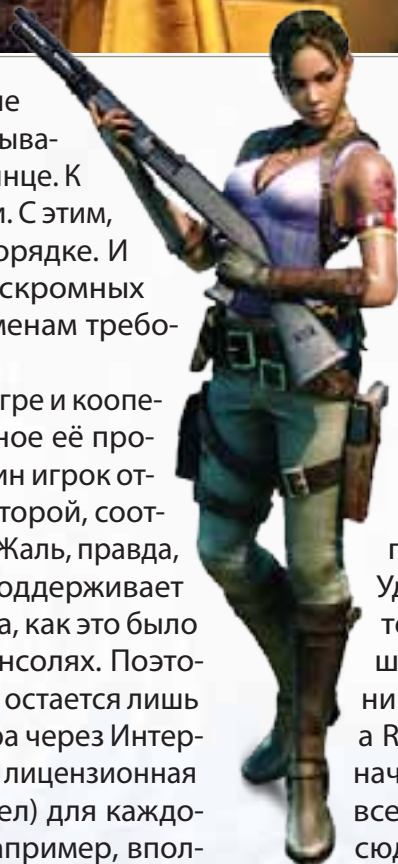
Отрадно, что при портировании на РС графика не пострадала, как это было, например, с многострадальной четвертой частью. Лично мне запомнились крохотные золотистые волоски на

руках Шевы, которые имели свойство вызывающе блестеть на солнце. К слову о детализации. С этим, как видите, все в порядке. И это при довольно скромных по нынешним временам требованиям к железу.

Присутствует в игре и кооператив, т. е. совместное её прохождение, когда один игрок отвечает за Криса, а второй, соответственно, за Шеву. Жаль, правда, что РС-версия не поддерживает режим сплит-экрана, как это было реализовано на консолях. Поэтому для кооператива остается лишь один вариант — игра через Интернет. Для этого нужна лицензионная коробка (или джевел) для каждого игрока. От 1С, например, вполне сгодится. К отечественной локализации, к слову, претензий никаких нет. Здесь тоже все на достойном уровне.

Управление в кои-то веки приобрело нормальный вид, появился mouse-look и он даже вполне функционален. На клавиатуре играть можно, и для этого даже не придется изображать из себя осьминога, но я все же рекомендую вам приобрести геймпад. Удовольствия получите несравненно больше, чем приковырянии клавиш. Как ни крути, а Resident Evil 5 игра изначально консольная, со всеми вытекающими отсюда решениями и проблемами.

Подводя итог, можно сказать, что очередной Resident Evil наши ожидания оправдал. Динамичный и кинематографичный экшн со зна-

комыми героями, многочисленными экивоками в адрес предыдущих частей, с кучей зомби и еще более колоритных тварей — а что еще нужно, чтобы разнообразить свой геймерский досуг, отвлекаться от Left4Dead или Dead Space. Выший балл. 🎮

Евгений Михайлов

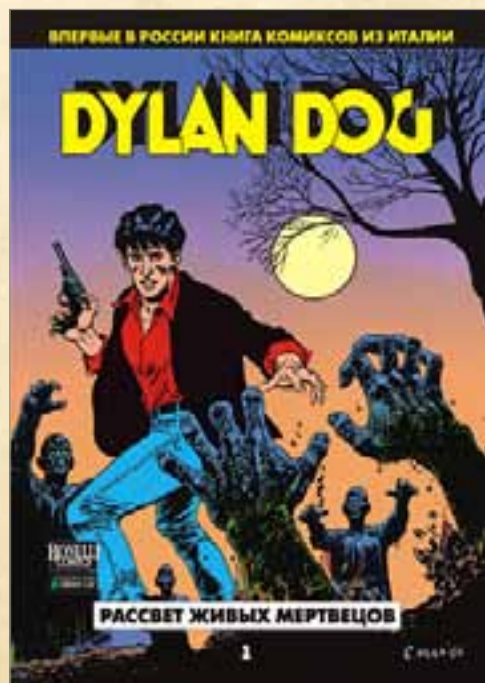

Если вы помните, в недавнем интервью с писателем Брайаном Кином [«Тьма» №2-2009] мы затронули тему комиксов и их литературной ценности. Вопрос был адресован Кину не случайно, поскольку он их давний коллекционер и большой знаток. Например, в графе «что я сейчас читаю» на его сайте всегда присутствует свежий выпуск какого-либо комикса, да и сам он частенько подключается к работе над графическими историями в качестве автора. Самая, пожалуй, известная его работа — это **Dead of Night: Devil Slayer**. Так вот, Кин в том интервью довольно точно подметил тот факт, что грамотно сделанный комикс оказывает куда большее влияние на читателя, чем обычная книга, поскольку имеет возможность воздействовать на зрительное восприятие человека. Особенности цвета, формы, детали и оригинальные решения художника — все это придает комиксу особый, отличный от книги или кино, вкус и шарм. Это действительно большое искусство.

Вы, в нашей стране комиксы не очень популярны и востребованы. Зачастую все ограничивается брошюрами о похождениях Человека-Паука и, в меньшей степени, других марвеловских героев. Издательству «Комикс» за них, конечно, отдельное спасибо, но, согласитесь, этого откровенно мало. Да, можно вспомнить локализованный «Город Грехов», «Хранителей», «V», но все они были изданы либо под киношный бум, либо оказались одиночными выстрелами без продолжения. Небольшие подвижки здесь намечаются, но и они больше относятся к манге. А это уже немало другое.

А ведь существуют комиксы, которые рассказывают читателям о том же самом, что и Стивен Кинг, Джо Хилл, Рэмси Кэмпбелл, лю-

бой другой писатель, работающий в «темном» жанре. Истории, которые пугают, которые всем нам близки и интересны. Настоящая лите-

«Dylan Dog» на русском

ратура ужасов в графическом исполнении.

Официально (sic!) на русский язык они практически не переводились. Разве что Dylan Dog с его «Рассветом живых мертвецов». Как следствие, приобрести хоррор-комиксы можно только в зарубежных интернет-магазинах за довольно большие деньги — либо искать пиратские архивы сканов в Интернете, что, как вы сами понимаете, противозаконно. Не буду призывать вас срочно оформлять кредитку, равно как и делиться ссылками на трекеры с комиксами — как поступить, пусть каждый решает сам. Задача этой (надеюсь, постоянной) рубрики «Тьмы» проста — знакомить вас с многообразием жанровых комиксов. А их действительно много. Тьма, если хотите. На любой вкус, цвет, форму и содержание.

Знакомьтесь.

Обзор комикса «Dead of Night: Devil Slayer»

Сюжет: Брайан Кин

Графическое исполнение: Крис Сэмни

Издатель: Marvel

Из уж мы упомянули о Брайане Кине, то позвольте начать с проекта, в котором он принял непосредственное участие. Комикс *Dead of Night: Devil Slayer* увидел свет в сентябре 2008 года. Это была лимитная серия из четырех выпусков, которая вышла под лейблом MARVEL MAX.

Логотип MAX (MAX: EXPLICIT CONTENT) на обложке комикса означает, что данный выпуск предназначен только для взрослой аудитории (с 18 лет) и, как следствие, отмеченные данным лого комиксы вы никогда не увидите на стендах с основной продукцией. Мат, секс, насилие... ну, вы понимаете. Самый известный персонаж, который издается под лейблом MAX — это Каратель (Punisher). Вот уж где количество мата и кровищи действительно зашкаливает, и недавняя экранизация тому явное подтверждение.

Devil Slayer, в свою очередь, вышел под «шапкой» *Dead of Night* — культовой серии комиксов, которая, если хотите, курирует сегодня

несколько других марвеловских хоррор-проектов.

«Убийца демонов» впервые появился на страницах *Marvel Spotlight* в 1977 году. С одной стороны, это был типичный марвеловский герой — в трико, плаще и с набором сверхъестественных способностей. С другой, *Devil Slayer*, если верить Кину, стал первым персонажем из вселенной Marvel, который был больше человеком, чем супергероем. Он страдал от алкогольной зависимости и депрессии, заработанной во Вьетнаме, конфликтовал с окружающими, не мог перестроиться и влиться в социальное

устройство современного общества. Эрик Пейн входил даже в сатанинскую секту, которую, правда, в последствии сам же и разгромил. После Становления он присоединился к группе своих коллег — организация «Защитники» — и принялся с ними заодно надирать задницы темным силам этого мира. Доставалось на орехи преимущественно демонам и прочим inferнальным созданиям.

Так вот, *Dead of Night: Devil Slayer* — это, если хотите, трибьют этому, слегка уже подзабытому, герою. Впрочем, в роли *Slayer*'а теперь не Пейн, а его племянник, который,

...и ветер трепал его плащ

как неожиданно выяснилось, тоже потомственный Убийца Демонов.

Дэнни Сильва пошел по стопам своего дяди — война в Ираке, депрессия и проблемы в семье. Он постепенно приходит к неутешительной для себя мысли, что хорошо умеет делать лишь одно — убивать. В конце концов, он возвращается обратно в Багдад.

Ранним утром его отделение поднимают по тревоге и отправляют в город, где, по информации командующего, держат пленных американских солдат. На месте отряд попадает в засаду, и гибнут все бойцы, кроме Сильвы. Ему с боем удается прорваться в соседний барак, где он натывается на расчлененные тела своих товарищей, над которыми — о ужас! — пируют демоны.

Ну а дальше, увы, банальности. Из лап демонов его выручают люди, которые рассказывают ему о демонах (и ангелах, что втайне заключили между собой договор в надежде устроить на земле Апока-

...МОЖНО ПОПЫТАТЬСЯ ОТОМСТИТЬ ЗА НИХ

Бальтазар собственной персоной

Пир Демонов

Засада. Headshot. Gore.

Классика жанра

липсис и избавиться от человечества), о предназначении Дэнни и его легендарном дяде. За Сильвой начинается охота дьявол Бальтазар (извечный оппонент оригинального Убийцы), прикрывающийся отрядом наемников, и военные, считающие Дэнни ответственным за смерть товарищей. Сильва обретает особый меч и плащ и, как это обычно бывает, отправляется на схватку с заговорщиками. Угадайте, кто победил?

Взявшая отличный старт история под конец окончательно скурвилась. Возможно, это нарочитое следование канонам геройских комиксов, но получилось все равно довольно скверно. На мой взгляд,

Кину удалось лишь диалоги, да и то не везде.

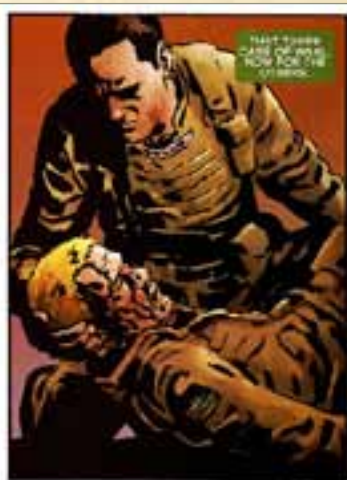
Возрастной ценз распространяется только на первых два выпуска. Дальше все довольно миролюбиво и постно. Типичное фэнтези — клише, картон и лубочность.

Работа художника Криса Сэмни тоже не слишком впечатляет. Рисункам порой катастрофически не хватает детализации, четкости и динамики. Какого-либо разнообразия и оригинальных авторских решений в расположении рисунков тоже нет. Говорят, что Сэмни мастер света и тени. Мне так не показалось. Исполнение более чем посредственное.

Вердикт: на Западе многие поклонники комиксов считают, что хоррор-проекты у Marvel получаются не в пример слабее, чем все остальные. Devil Slayer явное тому подтверждение. Даже Брайан Кин не сумел сделать из супергеройской, по большому счету, истории, что-то от неё отличное, оригинальное, близкое, как было им заявлено, к хоррору. За исключением сцены в бараках ничего, увы, не получилось.

Сценарий:
 Графика:

Евгений Михайлов
 (Old Fisben)

Им уже не помочь, но...

Работа для него находится мгновенно

Города-призраки России

Как страшный сон

фото: Flashman

«Мертвый город хоронит
Свои голоса.
Потерялись и бродят
Между стен небеса».

ДДТ. «Мертвый город. Рождество»

Когда мы сталкиваемся с таким понятием как «города-призраки», в уме сразу всплывают образы местечек под названиями «Сайлент Хилл» и «Припять». И это неудивительно, ведь на данный момент, это, пожалуй, самые известные представители своего семейства. И пускай один из них выдуманный (хотя и имеет вполне реальный прообраз — городок Централия, что в штате Пенсильвания), другой действительно существует и по-настоящему страшен своей печальной судьбой. Но речь здесь пойдет не о них и даже не о других «исчезнувших» городах ближнего и дальнего зарубежья, а о городах-призраках, затерянных на просторах России.

«Город-призрак» — словосочетание пугающее и вместе с тем завораживающее, манящее. Многие из нас,

будучи детьми, любили гулять по «нехорошим» местам: полуразрушенным домам, законсервированным стройкам, подвалам и чердакам. Такие места притягивают человека своей таинственностью, запретностью, выбиваясь из рамок нормального.

Для начала стоит определиться с тем, что вообще представляют собой «города-призраки» или, как их еще называют, «мертвые города». Под таким именем известны населенные пункты, покинутые людьми из-за спада экономической активности, войн или природных и техногенных катастроф. В случае с российской действительностью наиболее часто встречается одна из перечисленных причин — сугубо экономическая. После перестройки, в период полнейшего упадка всего и вся, из-за полного отсутствия финансирования закрывались градообразу-

ющие предприятия, что давало начало оттоку населения из этих городов и постепенному их вымиранию. Конечно, среди подобных населенных пунктов не встретить гигантов-миллионников, но есть вполне полноценные городки, часто шахтерские — с высотными домами, школами, магазинами, клубами и всем тем, чему и полагается там быть. Некогда полные жизни, сейчас они стоят покинутые и забытые: по улицам не ходят люди и не ездят автомобили, не слышен детский смех, а из окон домов не доносятся аппетитные запахи. Такие города раскиданы подобно зарубцевавшимся ранам на теле Земли; природа еще не полностью взяла верх над локальными останками человеческой цивилизации, но такой момент уже близится...

РУССКИЙ СЕВЕР: КЛАДЕЗЬ МЕРТВЫХ ГОРОДОВ

Любопытно, что значительная часть заброшенных населенных пунктов, особенно если рассматривать самые крупные и развитые из них, представляют именно север России. Там, в многочисленных городках, возведенных рабским трудом заключенных, когда-то добывались необходимые стране ресурсы. Однако резко изменившиеся экономические и политические реалии привели к тому, что производство стало нерентабельно и, следовательно, ненужно. А богатейший природными ресурсами регион нищел на глазах...

ХАЛЬМЕР-Ю

Над некоторыми местами, ставшими ныне городами-призраками, словно изначально тяготел злой рок. Даже названия для поселений выбирались будто нарочно.

Ярким примером такой незавидной судьбы является Хальмер-Ю — рабочий посёлок примерно в 80 километрах от Воркуты. «Хальмер-Ю» в переводе с ненецкого означает «Река в долине смерти» (халь — долина, мер — смерть, ю — река). Есть и другие варианты перевода — к примеру, «Мёртвая река». Кочевые оленеводы считали Хальмер-Ю священным местом и свозили туда тела своих покойников для захоронения, поэтому было вполне логичным, что на этой земле никто никогда не селился. Но советской властью ненецкие обычаи воспринимались как прискорбный анахронизм, и им не придавалось никакого значения... особенно когда рядом с Хальмер-Ю были найдены залежи угля.

Рабочие пласты на реке Хальмер-Ю были открыты летом 1942 года партией геолога Г. А. Иванова. Уголь ново-

го месторождения относился к марке «К», самой ценной для коксохимического производства. На месте будущего посёлка решено было оставить группу рабочих для определения параметров месторождения. Однако плохая погода конца осени и начала зимы отрезала группу от Воркуты. Глубокой осенью была сделана попытка доставить продовольствие на оленях. Из ста оленей в Воркуту вернулись четырнадцать, остальные погибли в пути. Ягель оказался вмёрзшим в лёд, и олени гибли от бескормицы. С самолётов обнаружить две небольшие палатки не получалось. В январе на поиски геологов вышел лыжный отряд. Группа была найдена в состоянии крайнего истощения и транспортирована в Воркуту.

Разведку нового месторождения было решено продолжить, и весной 1943 года ра-

боты возглавил лауреат Государственной премии СССР Г. Г. Богданович. За лето была создана необходимая материальная база, уже к осени там жило около 250 человек. Работали радиостанция, столовая, пекарня, баня, на зиму был заброшен необходимый запас продовольствия. Восемь буровых бригад одновременно проходили три глубоких шурфа. А для обеспечения посёлка топливом на другом берегу реки была заложена разведочно-экспедиционная штольня.

Шахта начала свою работу в 1957 году, её среднесуточная добыча составляла 250 тонн. А вокруг шахты быстро вырос посёлок городского типа с населением более 7 тысяч человек.

С переходом новой России к рыночной экономике встал вопрос о целесообразности существования Хальмер-Ю. 25 декабря 1993 года правительство РФ приняло постановление о ликвидации шахты. Осенью 1995 года планировалось завершить ликвидацию посёлка, причём правительство пыталось осуществить процесс по мировым стандартам, что

потребовало огромных финансовых и материальных ресурсов. В результате при выселении использовались силы ОМОНа. Вышибались двери, людей насильно загоняли в вагоны и вывозили в Воркуту. Новое жильё людям ещё не предоставили, некоторые получили недостроенные квартиры. Переселение же их в общежития и гостиницы Воркуты делало людей заложниками обещаний властей, которым мало кто верил.

Сейчас территория посёлка используется как военный полигон под условным названием «Пембой». 17 августа 2005 года в ходе учений стратегической авиации бомбардировщик Ту-160, на борту которого находился тогдашний российский президент Владимир Путин, произвёл запуск трёх ракет по бывшему дому культуры посёлка Хальмер-Ю. Такой сюжет, конечно же не могло пропустить телевидение, а потому вся страна наблюдала развлечения главы государства. И думается, для тех, кто родился и жил в этом городке, такое представление выглядело весьма кощунственно.

КАДЫКЧАН

Кадыкчан (в переводе с эвенкского языка — маленькое ущелье, теснина) — посёлок городского типа в Сусуманском районе Магаданской области. Расположен в бассейне реки Аян-Юрях (приток Колымы) в 65 км северо-западнее города Сусуман на автодороге Магадан — Усть-Нера.

Возник посёлок после того, как геолог Вронский нашёл там в 1943 году на глубине 400 метров уголь высочайшего качества. В итоге на кадыкчанском угле стала работать Аркагалинская ТЭЦ, которая питала электроэнергией две трети Магаданской области.

Будущий Кадыкчан в свое время был местом дислокации одного из колымских лагерей ГУЛАГа, поэтому все работы по возведению поселка и шахты легли на плечи заключенных.

В сентябре 1996 года на шахте произошёл взрыв, погибли 6 человек. После взрыва шахта была закрыта. Через несколько лет произошло размораживание единственной местной котельной, после чего жить в Кадыкчане стало невозможно. К этому времени в поселке проживало около 400 человек (на январь 1986 года — более 10 тысяч), отказывающихся уезжать, и уже несколько лет отсутствовала минимальная инфраструктура.

Присуждение поселку Кадыкчан статуса неперспективного и переселение его жителей было объявлено на основании закона Магаданской области № 32403 от 4 апреля 2003 года.

По сообщению бывшего кадыкчанца Полетаева В.С. «кадыкчанцев не эвакуировали за 10 дней, а они разъезжались сами. Кому было положено жильё по ликвидации шахты и разреза, те ждали. Кому не светило ничего, те уезжали сами, чтобы не замёрзнуть. Во-вторых, Кадыкчан закрыли не потому, что разморозили, а по указанию сверху, как нерентабельный посёлок».

Ныне Кадыкчан — заброшенный шахтёрский «город-призрак». В домах — книги и мебель, в гаражах — машины, в туалетах — детские горшки. Нет здесь только людей...

ИУЛЬТИН

Иультин — упраздненный посёлок городского типа в Чукотском автономном округе.

В 1937 году на горе Иультин, в районе будущего посёлка, было открыто одно из крупнейших в мире полиметаллических месторождений (олово, вольфрам, молибден). В 1946 году силами заключённых был построен посёлок Эгвекинот и 200-километровая автодорога, связавшая его с основанным в 1953 году посёлком Иультин, расположившимся в отрогах Эквиватапского хребта.

В условиях рыночной экономики с начала 90-х годов добыча и обработка руды стала нерентабельной. Посёлок Иультин был упразднён в 1995 году в связи с закрытием убыточных

градообразующих предприятий — рудника и горно-обогатительного комбината. Полностью посёлок был оставлен к 2000 году.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ

Поселок Промышленный находился в окрестностях Воркуты (Республика Коми). Возник при строительстве шахт № 30 и № 32. С развалом Советского Союза этот посёлок внезапно отре-

зали от электричества, а правительство страны не оказало необходимой поддержки.

Когда водоснабжение, газ и электричество перестали работать, жители поселка просто снялись с места и ушли на поиски жилья и работы, оставив за собой дома, имущество и обломки прошлой жизни.

АЛЫКЕЛЬ

Алыкель — посёлок военных летчиков около Норильска, несколько многоэтажных домов в тундре. После вывода эскадрильи он остался практически нежилым. Когда в городе расформировали воинскую часть, жители переехали в Норильск и Кайеркан. Теперь город-призрак стоит посреди тундры.

взлётно-посадочная полоса была специальная, усиленная. Как бы то ни было, Хрущёв не приехал, а посёлок построили. Говорят, для постройки полосы даже срыли гору Алыкель.

Путешественник Михаил Архипов о посёлке: «По дороге из Дудинки в Норильск можно увидеть местный abandoned. Это заброшенные девятиэтажки посёлка Алыкель, что находится недалеко от норильского аэропорта. В своё время здесь планировалось разместить лётную эскадрилью, и для семей военных были построены эти дома. Но времена и планы изменились, и построенные дома оказались ненужными».

Аэропорт «Алыкель» был построен на месте военного аэродрома. Впоследствии ходили слухи, что в Норильск собирался прилететь Никита Хрущёв и аэродром был построен специально к его приезду. Об этом якобы говорили и темпы, которыми шло строительство, и то, что

Правильное название аэропорта «Алыкель» на долганском языке — Алыы кюель (болотистая поляна, дословно — поляна (долина) озёр). Это вполне соответствует ландшафту той местности, на которой построен аэропорт.

РУССКИЙ ЧЕРНОБЫЛЬ

Село Муслюмово, о котором здесь пойдет речь, отличается по своей участи от перечисленных ранее северных городов. Там заброшенность наступила из-за чисто экономических факторов, развившихся на фоне политической разрухи. В Муслюмово же все вышло намного страшнее: здесь первопричиной стала техногенная катастрофа.

Это воистину российский Чернобыль (как его и окрестили), где, ко всему прочему, долгое время ужас трагедии был сокрыт от внимания общественности, и людям оставалось лишь терпеть и надеяться, что и их наконец-то переселят из Зоны...

История села Муслюмово (расположено на реке Теча, в 50 километрах от Челябинска) напоминает Чернобыльскую аварию, растянутую по времени на полвека. В отличие от катастрофы на ЧАЭС в Муслюмово ничего не было сделано для спасения людей, которые, по-видимому, стали частью медицинского эксперимента по воздействию радиации на человека.

Производственное объединение «Маяк» работает в Челябинской области с 1947 года. Предприятие очищает отработанное топливо атомных подлодок и выделяет из него плутоний. Процесс наращивания производства плутония на ПО «Маяк» (в течение 1948—55 годов в эксплуатацию было введено 6 реакторов), а также отсутствие надежных технологий переработки и хранения радиоактив-

ных отходов привели к тому, что с 1949 года часть сточных вод, содержащих радиоактивные вещества, удалялась в реку Теча. До июля 1951 года сбросы были практически бесконтрольными, пока на ПО «Маяк» не произошёл взрыв емкостей радиоактивных отходов, который привел в итоге к радиационному заражению значительной территории Урала, облучению речной системы и жителей прибрежных населенных пунктов.

Однако и после этого население прибрежных сел подвергалось хроническому, многолетнему радиационному воздействию, обусловленному как внешним гамма-облучением, так и внутренним — за счет употребления речной воды (как утверждают экологи, радиоактивный фон в реке Тече в 22 раза больше, чем в Чернобыльской зоне) и продуктов питания местного производства. Чтобы не допустить переоблучения местных жителей, было переселено около 8 тысяч человек (жители сел ниже и выше Муслюмово по течению реки Теча). Однако жители самого Муслюмово, переселены не были. Таким образом, в насто-

ящее время село Муслюмово на реке Теча является ближайшим населенным пунктом к месту сброса радиоактивных веществ комбинатом «Маяк».

В 2005 году суд постановил, что «Маяк» несет угрозу здоровью людей и окружающей среде. Тогда же директор ПО «Маяк» Виталий Садовников был привлечен к уголовной ответственности за слив в реку Теча нескольких десятков миллионов кубометров жидких радиоактивных отходов. В 2006 году он был амнистирован в связи со 100-летием Государственной Думы.

Экологи же уверены, что в Муслюмово идет большой медицинский эксперимент. Людей каждый год обследуют, но, как правило, не говорят, чем именно они больны, и никуда не отправляют на лечение. Самый распространенный диагноз, который там ставят — общее заболевание организма различной степени. В перечне заболеваний, утвержденном Российской Академией медицинских наук, такого недуга нет.

«В настоящее время жители с. Муслюмово входят в уникальную когорту, объединяющую всех жителей прибрежных сел реки Теча, подвергшихся хроническому радиационному воздействию... Данная когорта в настоящее время представляет собой мировое значение для оценки величин риска канцерогенных (рак и лейкоз) и генетических последствий хронического облучения человека. Результаты наблюдений за членами когорты могут лечь в основу новых оценок пределов доз хронического облучения населения и персонала», — пишут авторы труда от 2001 года Федерального управления медико-биологических и экстремальных проблем при Минздраве России, Уральского научно-практического центра радиационной медицины «Муслюмово: итоги 50-летнего наблюдения».

В своем труде ученые сравнивают состояние здоровья жителей Муслю-

мова и других так называемых контрольных групп. В частности, авторы отмечают, что «коэффициент смертности от рака среди жителей с. Муслюмово за период 1950—1982 годов) составил 129,0 на 100 000 человек, в контроле — 114,9 на 100 000». Подробный пугающий сюжет легко бы мог лечь в основу какого-нибудь голливудского хоррора про корпорацию в духе «Umbrella», но, как видите, место ужасам и ужасному цинизму находится и в нашей повседневной жизни. Никакой фантастики — лишь жестокая реальность.

Бассейн реки Теча является единственным регионом в мире, где у населения была отмечена так называемая «хроническая лучевая болезнь». При этом лечить людей никто не обещает. Чтобы получить квалифицированную медицинскую помощь, им нужно 50 км добираться до Челябинска.

Еще в 1994 году село и станция Муслюмово распоряжением правительства были отнесены к населенным пунктам, являющимся «зоной проживания с правом на отселение». В конце 2006 года на основании специального распоряжения правительства «Росатом», наконец, выделил деньги на переселение.

По состоянию на 2009 год расселение Муслюмово все еще продолжается. Когда людей расселят, посёлок должен быть законсервирован.

Конечно, кроме упомянутых здесь населенных пунктов, были еще и брошенные военные городки, и обреченные поселки лесозаготовителей, и многие другие... Однако не имея допуска к государственным архивам и не побывав в этой местности лично, невозможно собрать о них необходимые исторические и фотоматериалы. Фактически перечисленные в этой статье города-призраки России и есть самые яркие представители своего класса.

Наверное, в том, что города появляются и исчезают, нет ничего необычного. Если уж этим, вполне естественным, процессам подвержены даже целые цивилизации, то что говорить о подобных мелочах?.. И все же в этих городах когда-то жили люди, для многих они стали родным домом, родной землей. У мертвых городов есть даже свои сайты в Интернете, и через них их бывшие жители пытаются найти своих прежних соседей, друзей, коллег и одноклассников, узнать, что с ними случилось, вместе вспомнить былое. А пока жива память, живо и место. Хотя некоторые места, наподобие села Муслюмово, хочется забыть как страшный сон...

Александр Нюхтин

Олег Рудковский

Подъезд

В три часа ночи я оказался с ним лицом к лицу. Мне предстояло одолеть пять холодных и пустынных этажей, погруженных в непролазную темень.

Наверное, не только наш подъезд отличался железным правилом, гласящим, что перегоревшие лампочки непременно должны торчать в патронах еще долгие недели, переворачивая с ног на голову привычный процесс утилизации. Однако я еще ни разу не встречал, чтобы все лампочки сразу вдруг потухли. Это событие могло навести на некоторые мысли, но только не в моем тогдашнем состоянии. Я стоял, взирая на мертво-черный зев подъезда, битых десять минут, и не мог придумать, как же мне избежать удара ступеней по ребрам или спасти затылок от нападения бетонных плит. Будь я более трезвым, моя голова вспыхнула бы иными мыслями — воспоминаниями детства. Когда ты стоишь посреди ночи перед абсолютно черным проходом, имеет смысл для начала схватить первую попавшуюся кошку и швырнуть ее вперед, проверяя пространство на наличие за углами злобствующей нечисти — это оттуда, из сопливых босоногих лет. Кошки у меня с собой не было, догнать я не смог бы даже улитку, а спать хотелось смертельно. И где-то там, на пятом этаже, ждала меня родная «хрущевка». Я хотел домой и пошел туда. Через подъезд.

К счастью, мозг мой сумел сформировать в голове образ коробка спичек, еще когда я только нащупывал носком ботинка первую ступеньку. Иногда случалось так, что жители моего подъезда забывали повернуть рубильник, питающий светом все пять этажей. Что ж, тут все понятно — возраст; по моим нечетким сведениям, самый молодой из соседей уже разменял седьмой десяток. Посему я в первую очередь приблизил горящую спичку к стене, высматривая рычаг. Тот торчал на своем обычном месте, но толку с него было ноль. Я повернул его четырежды, а света в подъезде не прибавилось. Выходило, что либо рубильник неисправен, либо я... ну, сами понимаете.

Пришлось пробираться наверх вслепую. Первый этаж был абсолютно пуст, поскольку на другой стороне дома размещался во всю длину продовольственный магазинчик. Квартирные двери начались со второго этажа, где моя вторая спичка погасла, опалив мне большой палец. Я утомленно подумал, что завтра он будет ныть весь день и портить мне настроение. И тут же следом накатил новая мысль: ведь завтра же — воскресенье! Даже если я и застряну на всю ночь где-нибудь между этажами, завтра все равно отлежусь перед телевизором, ничего не делая и ни о чем не заботясь. Потому я и позволил себе надраться сегодня в компании близких друзей, к которым сначала пришли другие друзья, потом приперлись еще какие-то люди, а после собрание превратилось в безбашенную попойку, с громкой музыкой и острым дефицитом свободных комнат.

На вечеринку к Лехе и Светке я отправился с одной лишь целью: снять более или менее путевую девчонку, чтобы хоть сегодня не амурничать тет-а-тет с ночью. После развода с женой мне стало здорово неудобно жить. Бывшую квартиру пришлось разменять (она настояла; я, как дурак, из всех сил цеплялся за расползающиеся обломки), и меня не терзали стены, ежедневно напоминая о былом, и постель я мял другую... но все же ночь, где я принадлежал сам себе, постепенно становилась мне отвратительнее каннибализма.

Но ничего у меня не вышло, и виной тому была моя собственная невоздержанность. После третьей выпитой бутылки я осознал, что рискую освежить жавшуюся ко мне в медленном танце партнершу струей блевотины. Я поспешил исчезнуть на десять минут в туалете, а когда вернулся, то не нашел девушки на том месте, где ее оставил (удивительнее было бы обратное). Строго говоря, мои шансы с кем-нибудь порезвиться ничуть не упали — народ-то прибывал валом. Только... мне вдруг резко расхотелось. На душе стало как-то пусто, будто в животе моем росла, высасывая из организма жизненные силы, одна из пышно рекламированных чудо-таблеток, вроде «Супер-

лайн». Как губка в водостоке. Мысль о сливных отверстиях быстро выгнала меня наружу.

Морозный воздух врезался в мою голову сухим пистолетным выстрелом. Я натянул шапку, постоял, огляделся. Лежалый снег искрился в свете фонарей квадраильонами блестящих таблеток. Расположенный рядом детский садик напомнил мне заколдованный дворик принца: запорошенные веранды, набухшие снежные лапы кустов, заваленные замерзшей водяной пылью горки и домики с лазами. Суббота, и с утра валил снег. Дети успели потоптать законную площадку, но после обеда все разбежались по домам, а снег продолжал свой сизифов труд, безо всякого роптанья выполняя нудную работу: заваливать, заваливать, заваливать.

Я шел сквозь ночной безлюдный город, по самому центру проезжей части, где риск застрять в снегу сводился к минимуму, и думал, что каждому живому существу природой отведено какое-то назначение. Лягушкам — глотать комаров, комарам — кусать людей, людям — бессмысленно барахтаться в неизбывном кошмаре существования. И у снега есть своя миссия: уравнение при X, стремящемся к бесконечному заваливанию. И даже так: бесконечно стремящемся к бесконечному заваливанию.

Я думал и думал, а потом увидел подъезд. Дальнейшее вы знаете.

Вот подъезд... Интересно, думал я, что сейчас происходит за дверями, которых я не вижу. Вряд ли все спят — с такими людьми, как мои соседи, всегда происходят мелкие ночные аварии, отчего они шаркают и шаркают до рассвета по полу, мстя другим за собственное бессилие. Мне, в принципе, это было — тьфу: шаркай хоть до второго пришествия Христа, мне все равно — на пятом этаже живу! Разве что голуби могли нарушить мое спокойствие, но зимой они особенно не балуют.

Я оставил в темноте за спиной третий этаж и приблизился к четвертому, сокрытому в темноте впереди. Точно помню, что ни о чем не думал в те секунды. Исхитрился даже забыть о провальной вечеринке. И домашней постелью не бредил: просто одолевал ступени лестницы, не выходя из пьяной прострации. И все-таки в самую первую секунду мне подумалось: оно вернулось! Оно снова пришло за мной!

Достигнув четвертого этажа, я остановился. Можете клеймить меня как угодно, дразнить мракобесом и психом — но спичечный коробок в моей руке действительно засиял. Не в буквальном смысле, конечно. Подобное происходит в голове, когда, возвращаясь с работы домой, ты видишь на лавочке у подъезда компанию пьяных панков, один из которых держит в руках подозрительно знакомый DVD-плеер, и вспоминаешь, что забыл запереть дверь квартиры.

Даже думать не хочу, что могло бы случиться, не зажги я тогда спичку. Вполне возможно, количество выпитого алкоголя сгладило бы шок, но теперь я не столь в этом уверен. Ангел-Хранитель или Ангел Смерти — не знаю, кто именно, — прошептал мне, что нужно зажечь спичку. «Зажги спичку, зажги спичку, ты, пьяный урод, зажги эту чертову спичку, наконец...».

Я повиновался. И — завопил. Во весь голос. Продолжалось это довольно долго, но лишь после того, как мне удалось, собравшись с силами, заткнуться, за дверьми на четвертом этаже началось шевеление. Что ж, как выразился один журналист криминальной хроники: «Россия, у нас так принято».

До сих пор удивляюсь, как мне удалось в тот миг не обмочиться. Стоя с догорающей спичкой в руке, я скулил, как перепуганная шавка. Позор, конечно, но, повторяю, я действительно уверовал тогда, что оно вернулось за мной снова.

...Это у нас называлось «посвящением в рыцари», и ритуал был предназначен, надо полагать, не для каких-то там слабаков, а только для закаленных жизнью семилетних оболтусов, к которым в ту пору принадлежал и я, и которые только тем и занимаются, что фантазируют до упаду.

Перед самым «посвящением» полагалась прелюдия, она-то как раз и была наиболее серьезным испытанием — у кого сколько хватит выдержки. В летние дни родители не особенно старались разогнать нас по домам, и мы комфортно облепляли скамейку рядом с подъездом, засиживаясь на ней до самых сумерек. В тот вечер подошла очередь Сереги со второго этажа. Он сидел, поджав ноги, с круглыми глазами (не иначе, сам себя довел до суеверного страха), и отчаянно клялся, что вся его белиберда — всамделишная.

— Да хоть у мамки моей спроси! — рассердился Серега в ответ на скептическое замечание Вовки из соседнего подъезда, что, мол, вся Серегина история — чушь собачья, а собака эта — бешеная. — Ей подруга рассказала, тетя Лена, вон с того дома. — Серега яростно махнул в темноту, ухитрившись смазать направление жеста до полной неопределенности. Но никому и не было особого дела, в каком же доме живет загадочная тетя Лена, поскольку все мы жутко заинтересовались рассказом. Да по-другому и быть не могло. — К девчонке вправду приходила Пиковая Дама! В красном платье и с красными пальцами на руках.

— И с красным лицом? — фыркнул Вовка. — Как у алкашки?

— Кончай болтать! — остудил его Марат, мой сосед снизу. Он обратил к Сереге замороженный взгляд: — Валяй дальше!

— Короче! Приходит эта Пиковая Дама ночью и говорит, типа: делай то-то и то-то. Девчонка боялась и делала. Ее бы Пиковая Дама сразу прибила, если бы она чего-то не сделала. Вон пожар был прошлым летом, помните? Она и подожгла! Ага! Бросила горящий самолетик, квартира соседей вся выгорела и балкон тоже, а кот в дыму задохнулся. Ну и, короче, приходит к девчонке в очередной раз Пиковая Дама и говорит, типа: убей родителей. Та подумала, подумала и не стала. А после этого исчезла, никто не знает куда. Просто пропала ночью. Это точно Пиковая Дама ее утащила. Она ходит по всем подъездам и слушает у квартир. Если ей, типа, понравится, может и к вам зайти.

Мы молча пережевывали очередную ахинею, каких у нас самих в запасе были тысячи. Только крайне редко кто-либо приплетал тетю Лену с «того дома» в качестве свидетеля. Образ ведающей правду тети Лены дополнял эффект реалистичными деталями, способными к двенадцати часам ночи переполнить любое воображение. Поэтому, когда подошла очередь расходиться по квартирам, я впервые почувствовал страх.

Можно было подняться по лестнице всей ватагой, но разве в этом был какой-то кайф? Мне, как живущему на последнем этаже (пятом, мы и с женой занимали квартиру на пятом, и теперь я живу на пятом, и все дома, где я когда-либо обитал, были пятиэтажными «хрущобами»), всегда выпадало идти первым. В тот раз я попытался за-

держаться, отчаянно чеша в затылке и надеясь на чудесное избавление от повинности.

— Давай я вперед пойду, — словно бы невзначай предложил Марат.

Это меня отрезвило. Нужно идти. Чтоб не прослыть законченным трусом — такое в нашем тогдашнем возрасте было намного хуже, чем оказаться во власти Пиковой Дамы или черт ее знает какой еще Липовой Бабы. В общем, я с кислым видом побрел наверх. Поначалу было легко: на нижней площадке подъезда я отчетливо слышал говор друзей, переливающийся. Но по мере восхождения к пятому этажу голоса тускнели, глохли, а потом и вовсе растворились. Вместе с ними исчезли и последние проблески света. Я двигался вперед, стараясь не дотрагиваться до стен и уж тем более до перил, по привычке ориентируясь в темноте.

Я шел и боялся. Но не Пиковой Дамы — вопреки всем правилам «посвящения» она даже не задержалась в моей голове (возможно, потому, что я не верил в ее существование, слишком уж белыми нитками была шита история Сереги, чего стоит только эта тетя Лена из непонятого дома...). Но я боялся, боялся дико. Я боялся Паука.

Какая-то дьявольская сила приспособила Паука к обитанию в подъездах. Я кожей чувствовал, что пока тащусь наверх, Паук начинает свой стремительный спуск ко мне навстречу. С правой стороны тела его лапы снабжены цепкими, мохнатыми пальцами, чтобы он мог хвататься за перила. С левой — присосками. Это чтобы не соскользнуть со стены. А еще у него есть длинные острые зубы. Он вонзает их в горло и пьет кровь. Пиковая Дама ни за что не сунет свой красный пористый нос в наш подъезд: у них с Пауком стародавнее соглашение. У Пиковой Дамы свои подъезды, у Паука — свои.

Вспыхнул свет, и я увидел его.

Еще до того, как я пулей вылетел на улицу, перепугав до икоты всех своих друзей, я понял, что произошло. Какой-то хренов полуночник открыл дверь своей квартиры, чтобы выйти в подъезд. Хлынувший из прихожей свет клином врезался в темноту и ударил по моим мозгам, здорово сбив с панталыку. Но даже четкое понимание случившегося не сумело меня затормозить. Я выскочил из дверей подъезда, вопя благим матом на всю округу. Вероятно, тогда я тоже всполошил обыва-

телей, стаскивающих с ног тапочки и проверяющих будильники, — до сегодняшнего дня как-то об этом не задумывался. Передо мной стояла задача гораздо сложнее: убедить себя в том, что все случившееся — плод моего испуга.

Я преуспел в этом деле. Своим друзьям рассказывать ничего не стал, они сочли, что я просто «пересрался», и, как я сегодня понимаю, это мне здорово помогло в дальнейшей жизни. Иначе непременно нашлась бы парочка свидетелей, слышавшая про Паука (вот и тетя Лена говорила!), что превратило бы меня, в конце концов, в законченного параноика или даже социопата. Я списал все на нервное напряжение. Свет действительно мог исходить из внезапно распахнутой двери. Размытые жуткие образы перед глазами — результат моего головокружительного, панического бегства: в таком состоянии и от собственной тени ринешься, не то что от чужой.

Хуже обстояло с самим Пауком. Я почти убедил себя в том, что Паук — не больше чем тень того самого говнюка, открывшего дверь в неподходящий момент. Мое прожорливое воображение превратило эту тень в какую-то немислимую страхолюдину. Но вот что по-настоящему не давало мне покоя: почему я видел Паука, находясь на площадке ниже той, где по моим предположениям открылась дверь? Я проверял два раза и убедился, что из того места я не смог бы увидеть даже тень внезапно выползшего на площадку гиппопотама! Этот вопрос мучил меня целый год. Потом родители купили собаку, и после этого мне уже не страшны были никакие «посвящения».

Однако то, что я так и не смог придумать тогда логическое обоснование странной тени Паука, нашло отражение через много-много лет — пьяной безмозглой ночью, в тот самый миг, когда я зажег спичку на площадке четвертого этажа своего подъезда.

— Кто это? Кто это? Кто это?

Это уже после того, как я умолк. «Черт возьми, — отрешенно подумал я, и это было моей первой худо-бедно связной мыслью. — Ну почему было нужно вылезти именно тебе?»

Я поспешно загасил спичку, но это уже ничего не меняло: соседка с четвертого этажа включила свет в своей прихожей, после чего увидела то, с чем двумя минутами раньше столкнулся я.

Она закричала: «Иииииии!». Тоненько и пискливо, как мышь, которой капкан отхватил хвост по самую задницу. А я подумал о сигаретах. Где-то у меня оставались сигареты, если я не скормил их все той девице...

— Иииииии! — пищала старуха. Затем писк резко оборвался, и я услышал звук, который мог означать только одно: моя соседка снизу бацнулась в обморок. Я глубоко вздохнул и от всей души попросил Бога ниспослать ей смерть. Позже я с удивлением обнаружил, что впервые Бог услышал мои молитвы.

Раздался скрежет еще нескольких засовов. Покуда кто-то слева громыхал своими амбарными замками, я отыскал сигареты. В пачке обнаружился десяток, и мне это пришлось по душе. Я подумал, что, наверное, выкурю их все в течение следующих пятнадцати минут. Ужас постепенно сползал с моей души, как если бы у меня затекло сознание. Не будь я пьян, не устоял бы на ногах. А так мне удалось даже сохранить, как мне показалось, способность соображать, невзирая на молотьбу, в которой зашлись мои руки.

Человек бряцал и бряцал снаряжением, словно подкатывал к двери старинную пушку, из которой стреляли еще в наполеоновских солдат. Кажется, это квартира дяди Федора с женой, шестидесятилетних пердунов. Интересно будет взглянуть на их реакцию.

Закурив, я не мог не посмотреть туда снова. Свет из открытой квартиры, порог которой преграждало неподвижное тело тети Кати, был куда ярче неровного пламени спички. Все встало на свои места. Немудрено, что мне привиделся паук. Несчастный парень был буквально вывернут наизнанку. Его свисающие кишки и вызвали перепугавшую меня до истерики мысль о паучьих лапах.

Вроде бы, ему недавно стукнуло шестнадцать. Я иногда сталкивался с ним в подъезде, и он непременно протягивал мне руку, точно старому корешу, а второй хлопал по плечу. Теперь эти дружелюбные руки были неестественно вывернуты под разными углами. Я не мог различить, чем именно они привязаны к верхним перилам. Какими-то веревками, а может, примотаны проволокой. Правая нога, перегнутая в колене («Скорее всего, сломана, и не один раз», — мелькнуло у меня в голове), тянулась к тем перилам, которых я собирался было коснуться, если бы не этот

архангельский (или все-таки дьявольский?) призыв достать спичку. Левая представляла из себя вообще непонятно что.

На шее паренька крепилась удавка. Зубы, впившиеся в распухший, синюшный язык... Выпученные донельзя глаза... Я не сразу его узнал даже после того, как понял, что никакой это не паук. Парня звали Витькой. Он жил через два дома от нас, но сюда навевывался чаще, чем можно было ожидать от радетельного внука. В гости к бабуле, чтобы вытрясти из нее десятку-другую на пиво и сигареты. Сейчас сердобольная бабушка валялась без чувств в двух метрах от него, на пороге своей квартиры.

Деду Федору удалось, наконец, победить засов. У них с женой имелся дверной глазок, через который они могли отлично видеть меня, стоящего в центре лестничной клетки, озаренного потоком света из квартиры Витькиной бабушки. Тела они не видели — ну, тут я мог только позавидовать рабу Божьему дяде Федору.

— Кто здесь? Юрка, ты, что ли? А чо тут? Чо случилось-то, а?

Я краем глаза засек его остренькую крысиную мордашку, вертко высунувшуюся из-за тяжелой двери наружу. Он был готов тут же захлопнуть дверь, «если чо», но мой безобидный вид пока не понуждал его к этому.

— Устраиваем показательные выступления по художественной гимнастике, — хрипло усмехнулся я. Сигарета догорела до фильтра, и я немедленно прикурил новую. Опьянение успело выветриться без единого следа. — Вызовите...

— Господи... — Это дядя Федя приоткрыл дверь пошире. Старческая физиономия скукожилась, как свежавыжатый лимон. — Господи, Господи, Господи...

— Что там? — Это его женушка порывается выглянуть из-за плеча, посверкивая стеклышками очков.

— Господи, Господи, Господиии, — скулил неверующий дед Федор, а потом сделал то, чего я ждал от него с самого начала: резко захлопнул дверь и принялся бряцать первой десяткой засовов.

Я чуть не расхохотался, настолько мне понравилась выходка дяди Федора. Теперь затоптали в квартире справа — эти пока не торопились открывать. Я кожей чувствовал — все жители нашего блестящего подъезда сгрудились сейчас у сво-

их глазков, напряженно вглядываясь в темноту площадок. «Надо было лампочки вставлять, пидарасы», — злобно подумал я. И вообще, меня изрядно радовал тот факт, что я всех их перебудил.

Я глубоко затынулся, а после, неожиданно даже для самого себя, заорал на весь подъезд:

— Если вы намерены до утра паяться в свои гребаные «глазки», то пяльтесь! Только сначала вызовите хотя бы «скорую», черт вас всех раздери! Женщине плохо!

Я оглянулся. Старушка не подавала никаких признаков жизни. Наверное, Смерть все-таки захватила сегодня двойной улов. Окажись я на месте тети Кати, тоже, наверное, дал бы дуба. Увидеть распотрошенного внука, подвешенного как марионетка перед дверью твоей квартиры, понять, что его азартно разделявали здесь, пока ты дрых без задних ног, — это почище сотни дебильных «посвящений в рыцари».

Когда, наконец, я услышал завывания сирен, то прислонился к стене, опустил на корточки и свесил голову между колен. Удивляюсь, как менты не приняли меня за убийцу, — слишком раскаявшийся был у меня вид.

Сыщики не обнаружили ровным счетом ничего. Ни единой улики. Им пришлось орудовать в темноте — я самовольно захлопнул дверь тети Кати, как только соседку увезли на «скорой» (ничего не знал об ее «английском» замке, просто хотел сделать доброе дело). Тело осторожно сняли, завернули во что-то серое и тоже увезли, только уже по совсем другому адресу. Потом кто-то из ментов сказал, что нужно опросить соседей. Они все посмотрели на меня с неудовольствием, когда я заржал в ответ на эту фразу. Один даже укоризненно покачал головой. Прямо как мой старый учитель, который всегда качал головой — подложил ли ты кнопку ему под задницу или изнасиловал соседку по парте. Тогда я, приняв самое смиренное выражение, на которое только был способен, ткнул пальцем в дверь дяди Федора, млея от садистского предвкушения.

Дедок и не подумал открывать. Своим красноречивым молчанием он доводил до нашего сведения, что спит и ни хрена не слышит. Не берусь утверждать, что это было не так.

— Да они все дрыхнут сейчас, — сказал один из ментов. Лица его я не мог разглядеть — все опера-

тивники казались смутными призраками. Я снова принял позу, в которой они меня застали. Но при последней фразе вскинул голову.

— Я тут так орал, что переполошил всю округу, — пробурчал я.

— А зачем ты орал? — незамедлительно поинтересовался другой мент.

— А что мне было делать, смеяться? — огрызнулся я.

— Ты не умничай тут, — пригрозил мент. Он спустился вниз, и вскоре я услышал, как железная рука закона яростно стучит по чьей-то двери на третьем этаже.

— Откройте, милиция!

Дверь менту не открыли, и он, решив не тратить понапрасну силы, пришел обратно. Я сидел на корточках, куря сигарету и безразлично пялясь на серый силуэт.

— Ты никого не видел, когда заходил? — первый мент был чуть повежливее. «Он, наверное, и читать умеет», — подумалось мне.

— Только кошку, — я глупо хихикнул.

— Не вижу ничего смешного, — сказал третий служитель закона.

— Я тоже.

— Откуда, говоришь, возвращался?

— С массового траха!

— Ладно, — сказал первый. — Поднимайся, поедешь с нами, запишем твои показания. «Ого! Еще и писать умеет! Солженицын ты наш...»

Я встал, но вовсе не для того, чтобы куда-то с ними ехать.

— Идите в жопу. Я спать хочу. Приходите завтра.

Думал, набросятся на меня и начнут охаживать дубинками. Поднимаясь на свой этаж, я кожей ощущал исходившую от серых призраков ненависть. Но выхода эмоциям не дал ни один из них. Я беспрепятственно добрался до своей квартиры, на полусогнутых ногах добрал до кровати и моментально, не раздеваясь, уснул.

Милиция не нашла никаких следов и на следующий день. А как же еще? Следователь, который вел дознание, рассказал мне, что убийство произошло глубокой ночью, когда соседи дрыхли как сурки, а я мило беседовал с унитазом в доме своего друга Лехи. Если бы не мой ночной перезд, я мог со своей спутницей подоспеть как раз

к тому моменту, когда маньяк выворачивал парню руки. Вышло бы забавно...

Соседи, разумеется, ничего не слышали, и лично мне это казалось наиболее подозрительным. Учитывая то, что парня сперва замучили, а уж потом — убили, Витька должен был визжать как поросенок. Ну, что сказать — Россия, у нас так принято.

Как я сразу и подумал, тетя Катя умерла на месте, едва увидев изувеченное тело внука. Обширнейший инфаркт.

Экспертам удалось установить, что Витька либо вообще не сопротивлялся, либо же сопротивление было абсолютно безуспешным. И что же это выходит? Некий маньяк подкараулил парня в подъезде? В два часа ночи? Фальшивит версия, Витька жил совсем в другом доме и не пошел бы за традиционной «данью» в такое время. Создавалось впечатление, что его приволокли сюда намеренно. Хотелось бы послушать бабушкины соображения по поводу наличия тайных недругов и возможной кровной мести, но... тетя Катя уже ничего не смогла бы нам поведать. А родители парня вообще огорошили милиционеров: он, оказывается, отправился в гости к другу, сказав, что там и останется ночевать. Пытались этого друга связать с нашим подъездом — ничего не вышло. Хлыщ заявил, что знать ничего не знает, Виктор не видел уже три месяца, в гости его не звал, иными словами — пошли вы все на собачий пенис! И алиби у него было стопроцентное...

Я часто и помногу размышлял об этом убийстве. Мог, в общем-то, остановиться на наркотиках или больших долгах — такое объяснение более всего походило на истину. Но акт изуверства, запредельно бесчеловечный, возвращал меня к истокам моих дум. Я полагал, что истинной потерпевшей являлась тетя Катя. Такое ощущение, что кто-то хотел испугать старуху до смерти.

Зачем? Я не знал. И соседи не знали. И милиция, судя по всему, ни черта не понимала.

Некоторым образом ситуацию прояснил второй непотребный случай.

На сей раз пронесло: в ту ночь я крепенько спал. Влетели же двое пьянчужек, забредшие в наш подъезд распить очередную бутылочку. После убийства Виктора мы повкручивали лампочки на всех этажах, оставляя их светить круглосуточно.

Но в ночь второго убийства они все вновь оказались перегоревшими. И это до сих пор остается самой большой загадкой для меня: как лампочки могли предчувствовать приближение чьей-то смерти? Неужели не только снег имеет душу и назначение? Ведь это в своем роде сигнал: тьма, проход запрещен, ты — овца, впереди — саблеzubые тигры...

Обычно ночные раклы не поднимаются высоко, стеля газетку на первом же подоконнике. Эта парочка, нарушив традицию, потащила выше. Когда идущий первым споткнулся обо что-то и грохнулся на бетон, друг его принялся шарить по полу, спеша на выручку — скорее, бутылке, нежели собутыльнику. Так и было обнаружено мертвое тело. Оно распласталось на площадке третьего этажа, подле одной из боковых квартир. Алкоголики не придумали ничего лучшего, кроме как начать трезвонить в эту самую квартиру, крича: «Человека убили!». Проживавший за означенной дверью дядя Ваня, на всякий случай прихватив топор, вышел на площадку. Он был очень зол на непрошенных визитеров, но, увидев лежащую на пороге родную внучку с перерезанным от уха до уха горлом, забыл об их существовании и выронил оружие. Топор лезвием вонзился в его плюсну, но дядя Ваня не почувствовал боли. Он не слышал уже ничего: ни воплей алкашей, ни визга жены в глубине квартиры, ни милицейских сирен, ни вопросов. Старик скончался на второй день после похорон внучки — заражение крови. Вдова его слегла в больницу — общий паралич.

Теперь вопросов было больше. Ответов тоже. Однако и тогда я не понял главного. Вернее, отказывался видеть очевидное. Только третье убийство, ждатель которого пришлось не слишком долго, привело меня к нужному выводу. Когда внучка живущей на втором этаже тети Веры отдирали от лестничной клетки, я стоял рядом. Самой тете Вере за жутким процессом наблюдать уже не пришлось — впала в кому. Семнадцатилетний пацан к моменту обнаружения был размером с платяной шкаф. Я слышал слова милиционера и эксперта. Они говорили о времени. По словам эксперта, внук тети Веры должен был три недели пролежать на солнцепеке у воды, чтобы дойти до такого состояния. А на дворе — зима. Да и живой нынешнюю жертву видели всего за день до убий-

ства. Тут-то я и понял: подъезд. Не было никакого маньяка. Все это вытворляет подъезд.

Я даже попытался донести эту идею до милиции, но получил такой словесный пинок, после которого мне оставалось лишь бесславно вернуться домой и запереться на два замка.

Менты установили охрану, добросовестно несущую вахту каждую ночь. В конце концов их присутствие заставило меня отказаться от всяких домыслов: раз здесь дежурит милиция, стало быть, убийства и впрямь совершил маньяк. Убийца-психопат, помешанный на одном конкретном подъезде — чем не сюжет для триллера? Ну невзлюбил нас червь Господень, а может, это проделки черных риэлторов — этакий экстремальный способ выселения неугодных жильцов. По крайней мере, ни тетя Катя, ни дядя Ваня с женой, ни тетя Вера уже не смогут вернуться в свои квартиры. Для них путь заказан, оставшимся в живых все равно одна дорога — на тот свет. Это лишь вопрос времени

Я, наверное, был единственным, кто осмеливался возвращаться домой позднее семи часов вечера. Зачастую я вообще приплетался далеко за полночь. При этом ни разу не смог спокойно пройти мимо поста милиции, обязательно приставал к мужикам с расспросами. Поначалу они меня посылали, потом привыкли. Так вот и получилось, что я единственный был в курсе всех подробностей таинственной и жуткой истории.

— Они не желают видеть своих внуков, — рассказывал мне сержант по имени Дима. — Прячутся от всех, даже от собственных детей. Попробуй сейчас ткнишь в чью-нибудь дверь. Бесполезно, не откроют. И вот еще что. Следак регулярно продолжает их опрашивать, вдруг кто-то от склероза вылечится. Он лично видел: каждый заготовил возле двери здоровенный ножище. КАЖДЫЙ!

Я сидел рядом с ними на корточках и курил. Однажды предложил ментам распить вместе бутылку водки, но они отказались. В другой раз, объяснил мне Дима, пришлось бы кстати рюмочка-другая, но не теперь. Слишком серьезно все, чтобы так рисковать.

Он и сейчас повторил:

— Запутанное дельце.

— Надеетесь застукать его?

— Нет, конечно. — Кирилл усмехнулся. — Надо быть дебилом, чтобы на это надеяться. Нас же вид-

но, свет горит. — Он вдруг понизил голос. — Да и вообще. Мне, честно говоря, не нравится эта версия с маньяком.

Ага, вот это уже лучше.

— А в чем же дело?

— Да все тут какие-то... чумные словно. На допросах юлят, отмалчиваются, как будто кровью промеж собой повязаны. Идиоты! Их внуков мочат, а они ни гу-гу.

Я равнодушно заметил:

— Насчет этого я — пас. Недавно здесь живу. Почти ни с кем из них не знаком, только здороваюсь.

Мы курили, еще недолго разговаривали, а потом я поднимался на свой пятый этаж и ложился спать. Мне не было страшно. Но не потому, что внизу стояла машина охраны. Возможно, я просто впал в фатальную апатию. И что-то же заставляло меня специально возвращаться домой поздней ночью, будто я все еще пытался бороться с тем воспоминанием из детства, когда из подъездной темноты вдруг вынырнул и бросился на меня кошмарный паук. Бросился, быстро перебирая лапами, ухмыляясь человеческой ухмылкой, обнажив длинные зубы, готовые впиться мне в горло. Я уже не верю в соседскую тень. Я перестаю верить во что бы то ни было.

Мы шли вчетвером: Леха, Светка, я и Марина — блондинка, которую Леха тискал на вечеринке в ночь, когда начался отсчет покойников. Я был порядочно пьян, и друзья решили проводить меня до дома, поскольку я вдруг начал нести какую-то чушь про пауков и трупы в подъездах. Товарищи посчитали, что в таком состоянии меня лучше одного не отпускать. Я ведь не рассказывал им подробностей происходящего в подъезде. Эту историю камуфлировали изо всех сил, а мы все обязались молчать как рыбы до конца следствия. Мы — то есть оставшиеся в живых. Теперь нас станет еще меньше. Ведь пост не может дежурить вечно. Вчера его сняли. Вот я и напился до поросычьего визга, чтобы все было как в ту, первую ночь, когда умер Виктор.

Нет, я пил не для храбрости. Мне важнее было хранить молчание, чтобы истина осталась скрытой. Как ни парадоксально это звучит, но алкоголь помогал мне не завопить во весь голос правду о нашем достопочтенном подъезде

И вот мы шли морозной ночью к моему дому, а когда приблизились, первым, что я заметил, была крошечная темнота в подъезде. Ни одна лампочка не горела. И это могло означать лишь одно.

— Кто хочет игру на выживание? — ухмыляясь, спросил я.

— В смысле? — удивился Леха.

Я рассмеялся. Смех получился сдавленным и истеричным.

— Сейчас там, в подъезде, — труп. Вот провалиться мне, если вру! Я только не знаю, на каком он этаже. Кто рискнет подняться до моей квартиры, тому ставлю бутылку.

Леха тоже засмеялся, да и наши спутницы заулыбались. Это меня развеселило еще больше, а моя веселость, в свою очередь, заразила друзей. Леха тут же вызвался пойти. Он любил, когда кто-то покупал ему выпить. Но я-то знал, что он не дойдет...

— Позови нас, когда поднимешься на пятый этаж, — сказал я, все еще ухмыляясь. — Только осторожнее, не споткнись о труп.

Леха подмигнул мне с уважением, ха-ха, мол, крутая шутка, сам придумал? Я чуть не расхохотался во весь голос, но Алексей уже топал к двери подъезда. Марина что-то спросила у меня — я не расслышал, что именно. Она уже собиралась повторить вопрос, когда из дома вдруг («вдруг» — для девчонок, но не для меня) раздался вопль ужаса. Кричал Леха. Надо полагать, он и впрямь не добрался до пятого этажа.

— Что это? — Светка, его жена, схватила меня за руку, впившись в мое лицо полными ужаса глазами.

— Там порой встречаются трупы, — пробормотал я. — Такой уж подъезд.

Вопль приближался — Леха на всех парах летел вниз. Когда мой друг показался на улице, выглядел он уже далеко не так бодро, как несколько минут назад. Но и не так, как я ожидал.

— Ну что, нашел труп? — поинтересовался я.

— Да какой там труп! — вскричал Леха, тяжело дыша. — Решил спичку зажечь, а навстречу старый дед спускается. И страшный! Волосы белые, кожа как у мертвеца. Я чуть не обосрался!

Я вздохнул.

— Это сосед со второго этажа. Дед Павел, что ли? А ты, значит, самого интересного не увидел.

Я повернулся и побрел прочь.

— Куда ты? — донесся вслед Лехин голос.

— Куплю еще пива, — ответил я, не оборачиваясь. — Такая ночь...

Они не пошли за мной. Я их не виню. Я купил в ночном ларьке бутылку пива, выпил ее, еще немного послонялся возле дома. «Боюсь ли я?», — спрашивал я сам у себя. И отвечал: нет. Просто не хочу снова оказаться первым. Однако завтра на работу. Это дед Павел может слоняться всю ночь, а мне нужно выспаться. Точнее, проспаться... Интересно, а старикан-то не боится шастать по подъезду в одиночестве?

Я окунулся во тьму. Двигался очень осторожно. Знал, что он где-то здесь. Но я не хотел его задевать, и не задел.

Град ударов по двери разбудил меня через час. Мне с трудом удалось поднять налитые свинцом веки, а после этого я еще с минуту сидел на кровати, пытаясь сообразить, где нахожусь, и что это громыхает над ухом. Наконец мне удалось собраться с мыслями. Я понял, что сижу в своей квартире, и сразу же в памяти всплыла идиотская выходка с Лехой.

Я открыл дверь. Передо мной стоял знакомый вежливый мент. Только сейчас в его лице при всем желании нельзя было найти ни тени доброжелательности

— Самохин. На выход.

Настала очередь Артемки, девятилетнего внука дяди Федора с четвертого этажа. Мальчик допоздна носился на улице с друзьями, и долго мог бы еще носиться, но в свете известных событий его родители посчитали нужным все же позвонить паре-тройке приятелей сына. Выяснилось, что все, с кем Артемка мог бы играть, уже давно посапывают в кроватках. Последовал полный стенаний и плача звонок в милицию, после чего к нашему дому выдвинулся усиленный наряд. Менты догадывались, где они с наибольшей вероятностью найдут пропавшего пацана — точнее, то, что от него осталось...

Артемка валялся на четвертом этаже (шагни я чуть правее, когда поднимался домой, я бы непременно его задел). Дяде Федору, ревностному приверженцу всякого рода баррикад и заповор, повезло: его оградили от вида мертвого внука. Но легче старику от этого не стало: как-то неуловимо и быстро дядя Федор впал в младенчество.

— Ты был последним. — Свет в подъезде уже горел, так что я мог безошибочно распознать выражение милицейских взглядов: это было не какое-то хмурое недовольство, а самое настоящее обвинение... Интересно, они, что, с собой лампочки прихватили? — И ты был пьян.

— И что?

— Как ты это объяснишь? — «Мент-интеллигент» наседали, прочие стояли переминались с ноги на ногу, готовые скрутить меня при первом же неосторожном движении.

Я зевнул.

— Я был не один, — вяло ответил я.

— Знаю, — «интеллигент» сразу сник. — Соседи видели, как вы тут дурачились. Что, нашел повод для веселья?

— Как он умер?

Они помолчали немного, разглядывая меня с легкой задумчивостью. Но все-таки они понимали, что я — не тот, кто им нужен. Поэтому «интеллигент» ответил:

— Убийца открыл электрический щит и засунул руку мальчишки в самую гущу проводов. И я не сомневаюсь, что это произошло именно здесь.

Я посмотрел на полуоткрытый электрощит. Обычно они всегда заперты на замочек. Но только не этот, ведь наш подъезд особенный. Я тоже не сомневался. Я уже давно перестал сомневаться, просто жил.

— И ты был последним, — вновь повторил «интеллигент». — Неужели ничего не почувствовал?

— Было темно. — Я вспомнил про деда Павла со второго этажа и решил не рассказывать о нем. Дед Павел был самым старым из жителей подъезда, а по моему твердому убеждению, он был еще и самым приличным соседом. Все остальные казались мне уродами. В первый же день, когда я только переехал сюда после развода, я врубил на всю катушку «Мумий Тролля». На следующее утро ко мне заявила стерва из домоуправления, пригрозив, что если я и дальше буду дебоширить, то с меня взыщут солидный штраф. Не понравились кому-то вокализы Лагутенко...

Может, Павел просто заходил к кому-нибудь из соседей одолжить спичек? Зачем доставлять лишние неприятности старику?

— Какого хрена ты вообще шляешься по ночам? Тебе заняться больше нечем? Или проблем в жизни не хватает?

На это я уже не стал отвечать. Просто развернулся и побрел наверх, оставив их давиться собственной яростью.

Менты снова установили пост, которое держался гораздо дольше первого. Больше я с вахтенными не общался — проходил мимо, даже не глядя в их сторону. Подъезд наш начал постепенно превращаться в свалку — Людка, симпатичная девка из соседнего дома, мывшая у нас полы за сорок рублей с носа, перестала приходить. Мусор скапливался, и никто даже не пытался от него избавиться.

Что касается Артемки, то он, как я уже говорил, гулял тем вечером с друзьями, а нагулявшись, отправился домой. Тут-то его и перехватили. Маньяк притащил его в наш подъезд, довел до четвертого этажа (соседи, прекрасно видевшие нашу подвыпившую компанию, их почему-то не заметили — они умели замечать только то, что хотели), открыл электрощит и запихнул туда Артемкину руку. После этого пацану оставалось лишь некоторое время подергаться перед смертью.

Менты дежурили, но ничего не происходило. А как только дежурство снималось, происходило очередное убийство. Маньяк, если он действительно существовал, действовал поистине филигранно. Он ни разу не повторился, и каждая новая смерть являлась в некотором роде маленьким шедевром, как в киноленте «Семь». Потом у дома снова появлялся милицейский пост, и все затихало.

Стариков не спасало ничто — ни ножи, спрятанные возле дверей, ни засовы, ни всенощные бодрствования. Как правило, внуки моих соседей жили отдельно, с родителями, а тем приходилось постоянно куда-нибудь отлучаться. Как убийце удавалось выманивать перепуганных детей из квартир? Какие коврижки были припасены у него, если при этом напрочь забывались все родительские наставления? И зачем, черт побери, он притаскивал тела к квартирам пенсионеров? Что приносило ему большее наслаждение: убивать детей или наблюдать, как жители моего подъезда один за другим сходят в могилу?

Когда в подъезде не осталось никого, кроме меня и деда Павла со второго этажа, дело закрыли. Все мои соседи, если не оказывались в больнице, отправлялись в мир иной. Я поражался, почему они не бегут из этого дома, сломя голову. Но

потом вспоминал про их возраст, и мне все становилось понятно. Все они слишком прочно осели в своих квартирах, чтобы что-то радикально менять. Легче было умереть.

Маньяка не нашли. Да и не могли найти. Я думал, почему же он пощадил нас двоих, а потом осознал: все дело только в том, что у нас нет внуков. Дед Павел жил один, без родственников, а обо мне и говорить нечего. Повезло.

Осталось много неясностей, слившихся в одну черную тайну. «Интеллигент» подвел правильную черту: Артемку шлепнули именно здесь, на четвертом этаже. Я представлял, как вел бы себя, если бы моя руку вдруг оказалась на оголенных проводах. Несомненно, завопил бы, что есть мочи, как тогда, в детстве, столкнувшись с подъездным чудовищем. Почему же никто ничего не слышал? Почему дядя Федор продолжал валяться в своей койке, словно ничего не происходило? Или Артемка и впрямь не издал ни звука? До какой же степени нужно напугать ребенка, чтобы, чувствуя приближение смерти, он оставался нем как рыба? А ведь его долго тащили сюда по улице... Он что, на поводке шел? С кляпом во рту?

И еще: какого хрена перегорали лампочки?

В конце концов я перестал ломать голову. Вновь сформировавшееся слово в центре мозга помогло мне оттолкнуть все логические доводы. Подъезд. Только подъезд мог содейть подобное. Он ждал много десятилетий, прежде чем начать свою игру. Не исключено, что он ожидал именно меня.

Страшная зима исчезла в водостоках и щелях земляной коры. Пришла весна, а вслед за ней и лето. Мы продолжали жить одни в подъезде: я и дед Павел. Остальные квартиры оставались пустыми. Теперь они принадлежали детям тех, кто в них здравствовал еще полгода назад, но я сильно сомневался, что они захотят тут жить. Но продавать или менять жилплощадь новые хозяева тоже пока не спешили.

После последнего убийства, когда в очередной раз перегорели лампочки, я не стал их заменять. Мне было наплевать на темноту, а в теплое время года темнеет поздно. Тяготило меня другое. Ближайшие соседи вымерли, и я был подавлен воцарившейся в подъезде мертвой тишиной. Даже находясь дома и слушая музыку (теперь-то можно было это себе позволить), не переставал ощу-

щать эту тяжесть. Подъезд стал каким-то жутко стерильным. И мне все меньше и меньше хотелось возвращаться домой.

Я подумывал перебраться к Людке — той самой, что когда-то мыла у нас полы. Однажды случайно столкнулся с ней на улице, и она пригласила меня на чашку чая, которой, разумеется, общение не ограничилось. Я выложил ей всю эту историю, от начала до конца, присовокупив собственные догадки. Умолчал только об одном: о странной связи теперешних событий с тем поздним вечером, когда мне было семь лет, и я поднимался по лестнице совсем другого подъезда. Поймите, мне нужно было с кем-то поделиться, даже рискуя прослыть психом. До Людмилы, конечно же, доходили слухи — такое не могло остаться незамеченным, — но мой рассказ придал им оттенок реальности. Я тогда остался у нее на ночь. И теперь захаживал все чаще и чаще.

Примерно за неделю до окончательного переезда, приуроченного к годовщине моего развода, в дверь моей квартиры постучали. Я поплелся открывать, недоумевая, кого там черт принес: стоял первый час ночи. Увидев на пороге деда Павла, я не очень-то удивился: меня больше озадачивало то, что он раньше не заходил. Мы, в те редкие моменты, когда сталкивались нос к носу в подъезде, просто коротко приветствовали друг друга, ни словом не затрагивая цепь загадочных убийств. Мне вдруг стало нестерпимо его жаль. Выглядел дед неважно — видимо, случившееся подкосило его и без того хрупкое здоровье. И вот теперь ему предстоит остаться здесь одному. Когда еще этот проклятый подъезд заполнят новые жильцы? И доживет ли старик до этого дня?

— Ты не спишь, Юрка?

— Нет, дед Павел. Заходи.

Он, крикнув, выступил из темноты площадки в освещенную прихожую, и я смог рассмотреть его получше. Вид его поразил меня в самое сердце — казалось, этот старик изведаль на своем веку столько лишений, что мне со своей неудавшейся семейной жизнью и не снилось. Волосы у него стали совсем белыми, морщины больше походили на заросшие следы от лезвия бритвы садиста — глубокие бескровные разрезы. В глазах, в самых уголках их, затаилась боль. Ее природу я не мог понять.

Он огляделся, и его взгляд упал на сумки в центре комнаты. Я собрал в них кое-какие вещи, намереваясь перетащить их при пешем заходе.

— Уезжаешь?

— Да, дед Павел. Уезжаю. Может, женюсь скоро.

Он слабо усмехнулся и кивнул головой.

— Я чувствовал.

— Ты проходи на кухню, дед Павел, — предложил я. — Я как раз собирался кофейку глотнуть. Будешь?

Он прошаркал до кухни и занял стул между обеденным столом и холодильником, забравшись как бы в нишу.

— Я уже не в том возрасте, Юрка, чтобы пить такие крепкие напитки.

— Ну, тогда чаю.

— Чаю? Пожалуй...

Я орудовал возле плиты, стоя к нему спиной, поэтому не видел, чем дед Павел сейчас занят. Я давал ему время освоиться и осмотреться: кажется, заглянул он ко мне надолго. Однако повернувшись, я застал его с отрешенным лицом, уставившегося в одну точку.

— Что, дед Павел, бессонница? — попытался пошутить я.

Он перевел на меня свой странный взгляд.

— Я уже давно плохо сплю. Заснуть получается только под утро, и просыпаюсь тоже утром.

— У меня такое тоже бывает. Но только после грандиозной пьянки. — Я вновь отвернулся, доставая из шкафчика кружки. — Только это уже следующее утро, как потом оказывается. А вообще проблем со сном у меня никогда не было. Не знаю, конечно, как будет лет через двадцать. Но, как я понимаю, мне до твоих лет не дотянуть, дед Павел. Слабое мы поколение. Нетвёрдое.

Я насыпал себе две ложки кофе, а гостю плеснул заварки. Залил обе чашки кипятком.

— Тебе сколько сахара?

— Одной ложки хватит.

Я положил ему одну ложку, себе насыпал три и начал размешивать. Голос деда Павла, раздавшийся за спиной, был очень тих, как шелест осенних листьев, подгоняемых ветром по асфальту.

— Я тоже вряд ли бы дожил. Но мне было очень нужно. Очень нужно дождаться.

В тот миг я все и понял. Картина сразу стала ясной как день Божий. Вот, значит, как удавалось загадочному маньяку, играючи, обводить всех во-

круг пальца, миновать милицейские посты и за-
сады, и точно определять, когда в подъезде нико-
го не будет. Господи, как же все просто. Прямо до
ужаса просто. Это мог сделать только человек, жи-
вущий в нашем подъезде. Я точно знаю, что сам
этого не совершал. Значит, это он. Это дед Павел.

Мне удалось не вздрогнуть, я умудрился даже
не расплескать кофе. Скосив глаза, я заглянул в
чуть выдвинутый столовый ящик, откуда выгля-
дывала рукоятка кухонного ножа. Продолжая на-
яривать ложкой, я другой рукой выдвинул ящик
еще на несколько сантиметров, чтоб было легче
схватить нож. Я не мог позволить себе ошибиться.
И даже в тот момент, стоя спиной к убийце, не-
сколько месяцев державшему весь подъезд в кле-
щах кошмара, я не испытывал страха. Мозг отка-
зывался работать. Когда же я, наконец, обернулся,
держа в руках обе чашки, мои глаза наткнулись
всего лишь на дряхлого старца, немощного и без-
обидного. Но сомнений все равно не оставалось.

— А у тебя что, никого нет? — задал я вопрос
только для того, чтобы не выдать своих чувств,
поскольку пауза явно затянулась.

Он взял чашку слегка дрожащей рукой и от-
хлебнул немного горячего чая.

— Теперь нет. А раньше были дочь с внучкой.

— Куда же они делись?

— Умерли. — Он произнес это слово безо вся-
кого выражения, и я застыл с чашкой кофе в руке.
Человек любую свою фразу подкрепляет какими-
то чувствами. Здесь интонация отсутствовала на-
прочь. Либо дед Павел стал таким же стерильным,
как наш подъезд, либо... Нет, он просто псих! —
Они жили в той же квартире, что и я сейчас. Тут
они и скончались.

— Вот дела, — выкатил я глаза. — Почему же
я ничего об этом не знаю?

— Ну, ты многого не знаешь. И никто не по-
дозревал ведь, что я ее отец. Я много лет рабо-
тал на Севере, до самой пенсии. Потом занял эту
квартиру, а соседи почему-то подумали, что я ее
купил. Не узнали меня. Ну, я не стал их ни в чем
разубеждать.

— Соседи, — я невесело усмехнулся. Вроде бы,
дед Павел не собирался на меня нападать. Возмо-
жно, он действительно пришел просто поговорить,
и даже не догадывается, что я его раскусил. — Я
уж и забыл, как звучит это слово.

Он внезапно посмотрел на меня, и из его глаз
ушла необъяснимая боль, уступив место внима-
тельной серьезности.

— Ты их жалеешь?

— Ну... — Я малость растерялся. В то же время
мой мозг включился в работу и стал лихорадоч-
но обдумывать возможные ответы. Если это дей-
ствительно сделал он, то, ответив утвердительно,
я рискую навлечь праведный гнев на свою голо-
ву, а я никак не хотел устраивать побоище у себя
дома, к тому же милиция меня не очень-то жалует.
Мне больше подходило следующее: я переезжаю к
Людке, оттуда анонимно звоню ментам и указы-
ваю на деда Павла. И пускай сами разбираются.
Но с другой стороны, дав отрицательный ответ, я
могу остаться не понятым, если не хуже. Или же
он сразу догадается, что я пытаюсь играть с ним.
Его способности нельзя переоценить: все менты
города гонялись за ним несколько месяцев, а он в
это время буквально жил на месте преступления
и в ус не дул. Короче, я выбрал золотую середи-
ну. — Я никогда не задавал себе такого вопроса.
Но точно знаю одно: их судьбе не позавидуешь.

Дед Павел опустил голову. Я пил кофе, ожидая,
когда же он уйдет. Теперь я уже ни на йоту не со-
мневался, что убийца — он. Но старик вновь за-
говорил:

— Не стоит тебе их жалеть. Тут жили плохие
люди. По-настоящему плохие. Понимаешь, есть
разбойники, которые грабят и убивают, но эти
еще не так плохи. Они так делают, потому что та-
кое уж у них ремесло. И любой разбойник ведь
может раскаяться на кресте и получить проще-
ние Господне. Но есть истинно плохие люди. Те,
кто радуется смерти ближнего. Те, кто наслажда-
ется мучениями заблудшей души. Таким тварям
уже никогда не войти в Царство Божие.

Я поставил чашку с кофе на стол и уставился
на соседа. Это мне откровенно не нравилось. Он
что, решил прочитать мне проповедь? Или пыта-
ется оправдаться в моих глазах? А может, в соб-
ственных? Но я еще отчетливо помнил Витьку,
выпотрошенного и подвешенного, словно живот-
ное на бойне, к перилам между четвертым и пя-
тым этажами. Помнил остальных ребят и девчо-
нок, как и то, что случилось с их бабушками и де-
душками. Разве может этому быть оправдание?

Я заметил серебряный крестик, выглядываю-
щий из расстегнутого ворота его рубахи. А мо-

жет, он из этих, сдвинутых — кто страшает Божьим проклятьем и видит в себе исполнителя Его воли? Все может быть.

— Я не знаю, — осторожно заметил я. — Я ведь тут недолго живу. Согласен, все они были изрядными гадами. Я в первый же день изведаль это на своей шкуре — науськали на меня домоуправление.

— Их сила — в единстве, — дед Павел словно и не слышал меня. Мне вдруг расхотелось звонить в милицию. Я понял, что сейчас мне откроется нечто страшное. Я не хотел слушать речи безумного соседа, но уже не мог его остановить. — Не так страшен один человек, радующийся беде другого. Не так страшны два друга, вершащие темные дела. Но когда их набирается с десятков, и у всех одна цель — желать смерти ближнему, — это уже трагедия. — Он помолчал, а потом добавил: — Это они убили мою дочь.

Я смотрел на него, и древний ужас заворочался в моей груди. Я подумал, не ослышался ли я. Он опять сказал это так. Без интонации. Он как будто объяснял мне: «мухи летают», «кошка мяукает», или «дятел долбит деревья». Я уже забыл про кофе, да и он про свой чай. Мы сидели друг напротив друга на кухне, в полпервого ночи, и дед Павел рассказывал мне, незнакомому человеку, свою историю:

— Мне как раз пришлось уехать, иначе я смог бы это предотвратить. Почему-то именно тогда я решил перебраться на Север — судьба порой играет нами, как листьями. Я сорок лет жил в этом городе, а отлучился в тот момент, когда мне просто необходимо было остаться. Но мой знакомый из Сургута написал мне, что если я все-таки хочу устроиться там на работу, мне лучше не медлить.

Моя дочь совсем недавно родила. Внучку называли Катериной, в честь моей покойной супруги — та умерла при родах. Отец Катерины прожил с семьей лишь две недели после рождения девочки, а потом исчез навсегда, даже записки не оставил. Я приходил к дочери, помогал заботиться о крошечке. Но вскоре пришло это письмо, и я решил ехать. Здесь я зарабатывал мало, а теперь, когда они остались без мужа и отца, я мог бы пересылать им деньги, все же зарплата там побольше. «Справишься?» — спросил я у нее. Она кивнула. К тому времени Катюшке шел четвертый месяц, да и дочка стала поправляться, приходила в себя. Вот я и решил быстро съездить туда и обратно, и

все действительно могло закончиться хорошо. Но именно тогда они и начали эту травлю.

Они пришли к моей дочери и сказали, что настала ее очередь мыть полы в подъезде. Я так понимаю, они заранее все просчитали, и когда дочь ответила, что не может этого сделать с грудным ребенком на руках, они написали заявление в ЖЭУ. Пришла мастер участка и пригрозила ей, что за отказ от мытья полов на нее наложат штраф. Что ей оставалось делать? Одной, еще не оклемавшейся после родов, без мужа и без денег? Она стала бегать по соседям, умоляя их вымыть за нее полы. Но они ей отказали. Все как один. И тогда она поняла, что ничего у нее не выйдет, они заставят ее плясать под свою дуду. После этого она уложила Катюшку спать, налила ведро воды и вышла в подъезд.

Была зима тогда... Воздух в подъезде — что на улице, не очень отличался. Врач-то вообще запретил ей выходить из дома, разве только в магазин, да и то — если рядом никого не окажется. А здесь ей пришлось вымыть все пять этажей ледяного бетона.

На следующее утро она заболела. Больше от нервов, думаю, чем от холода. А я все задерживался. И дело-то плевое было в Сургуте, но затянулось, как нарочно, на неделю дольше! Дочка не стала идти в больницу, потому что ждала меня со дня на день. Катюшку она все равно бы не донесла, а оставлять ее...

— погоди! — перебил я его. Мысли о том, как я сообщу все свои открытия милиции, исчезли безвозвратно. Я вообще забыл обо всем на свете, впивая рассказ деда. — Она ведь могла вызвать «скорую». Она молодая мама с грудным ребенком, ей было нужно просто вызвать «скорую»!

Дед Павел усмехнулся и взглянул на меня впервые за все время рассказа. Теперь в его глазах блеснула какая-то по-настоящему отеческая нежность.

— Ты не понял, Юра, — мягко сказал он. — Это была их игра. От начала до конца. Почему-то они выбрали именно ее. Я долго размышлял над этим, но так ничего и не понял. Разве что... Она была не из их круга. И этого они не могли ей простить. У нас никогда не было телефона. А соседи...

— Но она пыталась?! — вскричал я. — Она должна была пытаться!

Он вздохнул.

— Конечно, она пыталась. И, наверное, в другом подъезде ей бы помогли. А еще: она верила, что я вот-вот приеду и спасу ее... Когда ей стало совсем худо, она попыталась в последний раз. Она упала в подъезде, лишилась сознания, и пролежала на ступенях Бог знает сколько времени. И никто, никто не вышел ей на помощь. Все затаились в квартирах и тихо радовались. Потом плач Катюшки привел ее в себя. Она вернулась назад, ведь нужно было кормить малышку. Все это я узнал из письма, которое она мне оставила, потому что той же ночью моя дочь умерла. Я думаю так: слишком быстро она угасла, болезнь не может убивать так быстро. Наверное, она сидела в ней с самых родов, а мытье полов ее вызволило. И я никого не виню в смерти моей дочки. Но вот Катюшка...

Ты пойми, я возвращаюсь к ним, а застаю ужасную картину. Моя дочь мертва. Внучка тоже. Крохотное тельце в кроватке, маленькое синенькое тельце. И хотя врач что-то говорил мне научными словами, я знал и без него: Катюшка кричала до тех пор, пока крик ее не убил. Она звала маму, потому что проголодалась и хотела есть, но мама уже не могла к ней подойти...

«Плюм!», — одинокая капля скатилась с лица деда Павла и упала прямо в чашку с чаем. Старик посмотрел на меня.

— Ты ведь знаешь, как плачут грудные дети. Они все меня убеждали, что никто не слышал ее крика: и врач, и следователь. Но я не верю. Они не могли не слышать. Они слышали, как девочка заходила в крике. Это ведь продолжалось не один день. И что же они сделали? Ничего.

Я не знаю, сколько длилось наше молчание. Возможно, мы просидели так до самого утра, я утратил ощущение времени. Мы не смотрели друг на друга, и каждый из нас думал о своем. Я думал о нечеловеческих возможностях доведенных до крайности людей. Размышлял о том, на что может быть способен убитый горем старик, который сидел передо мной с дрожащими руками, беззубый, старый, одной ногой стоящий в могиле. Я думал о солидарности неодушевленных предметов с велениями истерзанных душ, вырвавшимися из глубин подсознания. Мне снова вспомнился подъездный паук из моего детства. Удивительно, но на этот раз я смог объяснить его появление, ведь дед Павел вручил мне ключик. Не было

никакой тени. Это все мое воображение. Я просто создал паука. Не мысленно, а на самом деле. И вот теперь я думал о том, что мог силой своего воображения создать человек напротив. Я не мог его об этом спросить, да и хотел ли? Наверное, мне никогда этого не узнать.

— Они получили по заслугам, — сказал, наконец, дед Павел, поднялся и, не прощаясь, отправился домой.

А я продолжал сидеть за столом, не думая даже о том, что не запер дверь. Мне нужно было многое обмозговать. Но только не то, что было. Прошлое нет, оно умерло вместе с ними, престарелыми жильцами нашего подъезда — по-настоящему плохими людьми, для которых не существует Божьего прощения. Нет, мои мысли непрерывным потоком устремлялись в будущее. Я хотел видеть картины.

И вскоре они явились передо мной...

 контакте
САМОЛЮБИВАЯ СЕТЬ ДРУЗЕЙ

<http://vkontakte.ru/club306252>

Игорь Бадаев

Триплет

Он медленно брёл вверх по переулку. Вода ревушим потоком тянула его вниз к реке, а он крепко опирался о склонившиеся к нему стены. Заляпанный чёрный зонт висел на его локте, омывая остриё в мутном потоке, постукивая по ноге. Кровавый след за ним легко растворялся в грязной жиже городского дождя.

Справа от него проплыла дохлая собака; задержавшись на мгновение в омуте у водосточной трубы на тротуаре, она перевалила через почерневшую цветочную клумбу и вновь понеслась вниз. На её хвосте был огромный красный бант.

Узкая улица убегала далеко вперёд: можно было протянуть руку вправо и, держась за оконные решётки, пробираться всё выше и выше.

«Главное не напороться на психов с электрозащитой». В целях безопасности горожане пропускали ток по периметру жилья. Иногда вешали предупредительные таблички. Чаще наоборот. «Преступники должны умирать сразу, при мысли о преступлении».

Справа показался первый сухой поворот. Можно было остановиться на время — переждать этот бесконечный дождь. Говорят, не стоит выходить на улицу с зонтом в ясную погоду. Если просто выйдешь, он, может, и не понадобится, но если этим зонтом кого-нибудь пришибёшь, то тебя точно попытаются смыть с лица этого мира. Хотелось спрятаться... Но... надо было бежать.

Для Макнили это было незнакомое чувство.

На следующий день ему предстояло вернуться. Ему предстояло прийти на набережную и осматривать эти трупы уже в качестве копа.

Он хотел всего лишь понять. Понять: зачем эти чёртовы шары? Почему трое? Зачем, в конце концов, сваливать жертв вместе?

* * *

Когда он вышел из машины, Уиллер уже стоял над телами. Полицейский внимательно рассматривал сжатый в руке бильярдный шар — жёлтую «девятку».

— Как чисто вокруг, — заметил Макнили. Ни крови, в которую он так по-детски вчера боялся ступить, ни прочего мусора, присущего городской набережной. Сами тела сбились в кучу под ограждением, снесённые вчерашним бесконечным потоком воды. Макнили вспомнил: накануне небо словно прогневилось на него; стоило ему отойти шагов на десять от трупов, обтирая кончик своего хитрого зонта, как снова прогремел гром, и на голову обрушился гнев божий: ливень, град и молнии.

Из-под груди виднелся обвязанный красным бантиком собачий хвост.

— Если бы дожди всегда шли после убийств, а не до, то наши улицы были бы намного чище! — заметил Уиллер. Только сейчас Макнили заметил, что старый коп за ним внимательно наблюдает.

— Борис, — попытался разрядить обстановку Макнили, — а собачку тоже наш мальчик хлопнул?

Борис поднял глаза:

— Как ты по хвосту узнал, что это собака? А если это была шутка, откуда ты узнал, что маньяк не трогает собак? И как ты думаешь, стал бы маньяк оставлять на месте преступления этот шар?

У детектива запершило в горле, но он старался не подавать вида. Уиллер сунул ему в руку жёлтую «девятку», и с такой глубокой старческой укоризной глянул поверх его головы, что Макнили ментально осел. «Сдулся, — пронеслось в его голове, — сдулся, в первый же раз». Но Борис Уиллер лишь промолчал минуту, не опуская взгляда, и пошёл прочь. Тут же подбежал напарник, Фред III, шустрый парень. Фреды — всегда шустрые.

— Борис, что ты вообще здесь делаешь? Это дело Макнили!

— Я уже понял, что это — дело Макнили, — как-то грустно ответил Уиллер и исчез за поворотом.

— Что он вам сказал, шеф? — теперь Фред обратился к своему напарнику. — Вы побледнели, а ваши руки — неужто дрожат?! Меньше слушайте этого придурка! Он просто отстреливает всем преступникам половые органы.

Макнили вздрогнул и улыбнулся реальности.

* * *

Шеф ненавидел иголки. Ненавидел каждое утро, когда видел, как игла пробивает его брэнную оболочку и входит внутрь, раздирая плоть. Это не больно, но всё-таки это его плоть. Он её растит и кормит, и каждая собственная частица ему слишком дорого обходится. Но ещё больше, чем уколы, шеф полиции ненавидел свою работу. Ненавидел и колот — что продолжало его жизнь и, вместе с тем, продолжало его работу.

Некоторые слова шеф полиции умел произносить с отчётливой осязаемой ненавистью, например, Триплет. Маньяк, обезумевший в своём аппетите, оставляющий за собой по три жертвы и по три бильярдных шара. Жёлтая единица, синяя двойка, красная тройка, фиолетовая четвёрка, рыжая пятёрка, зелёная шестёрка, коричневая семёрка, чёрная восьмёрка... и опять жёлтая девятка. Шеф очень не любил радугу и яркие цвета терпеть не мог. Особо ему не нравился красный. Он всегда был каким-то грязным цветом: всё время оставался и засыхал на одежде.

Шеф ожидал отчёта Макнили. «Макнили это дело не по зубам», — думал про себя Шеф и млея от мысли, как будет сейчас распинать детектива за отсутствие результатов.

В дверь без стука вошёл подчинённый. Среднего роста, прямые короткие волосы, широкие скулы на грушеобразном лице, чёрные глаза. Шеф всегда автоматически отмечал то, что ему не нравится во внешнем виде человека. Особенно ему не понравилось, что в руках у Макнили были булавы. Шеф вспомнил об уколах. По телу пробежала дрожь.

Детектив готовился у большой карты на стене. Вонзив булавы прямо в сердце города, он повернулся и сказал: «Я знаю, где живёт Триплет».

* * *

Вчера Макнили впустил в себя убийцу, и тот подсказал ему, что делать. Этот тихий голос нащёптывал верные шаги и неожиданные решения. Детектив просто заточил острие зонта кухонным ножом, укрепил на нём лезвие, скрыл чёрным лаком, чтобы не бросалось в глаза, и вышел на улицу. На солнце сразу напозла большая жирная туча.

Человек, который шёл перед Макнили, поднял глаза к небу, и заторопился, чем сразу привлёк внимание. «Спешит. Скорее всего, до дома

неблизко». Детектив решил идти за ним. Будущая жертва свернула в узкий проулок.

Через пятнадцать минут ходьбы Макнили почувствовал, что не выдерживает ритм незнакомца, и начал подыскивать подходящее место для трупа. Спуск вправо — к набережной. Сейчас или никогда.

Макнили приблизился к мужчине сзади, полубнял его в области шеи и вонзил зонтик, навалившись на него, пока остриё не вылезло у жертвы из груди. Несчастный даже не вскрикнул — лишь обмяк и повис на руках у убийцы.

Прогремел гром. Тогда тихий голос в голове напомнил, что требуется ещё два тела... и быстро. Макнили огляделся — вправо и влево вели проулки. Сначала он сходит направо, потом налево.

* * *

— Убийца — идеален, и мы уже убедились, что он не оставляет следов. Но я знаю, как его найти. — Макнили про себя усмехнулся: кто бы знал, как ему досталось это понимание. — Во-первых, убийства совершены в разных частях Старого Города. Маньяк оставляет тела далеко от дома. Он не пользуется машиной, чтобы не привлекать внимание. Он — ходок. Он может долго идти за жертвой, прежде чем убить ее. Что общего во всех местах убийства? Это просто пустынные узкие распутия в исторических районах города, но при этом места, где можно после первой выверенной жертвы быстро и безопасно найти не присмотренную заранее вторую и третью. Один труп из каждого триплета является основным. Причём их нетрудно определить — это тоже люди, которые любили ходить. Маньяк двигался за ними более тридцати минут. Он знал, куда они придут, и где он с ними разберётся. Остальной дулет — это случайные прохожие. По этим признакам я определил основных жертв из каждой тройцы. — На стол Шефа легли три фотографии. Все мужчины, любители моциона. — А их ноги!.. По ногам всё видно. У всех — большие и мозолистые. Стайеры... Ха!

Я уже выяснил маршруты, по которым ходили первые двое. Они пересекаются в одном месте, которое я отметил на карте. Условно назовём его «точкой отсчёта». Потом оба шли длинными переулками, без поворотов и ответвлений, и выходили каждый к месту своей гибели. Эти проулки были выбраны неслучайно — по ним можно тридцать

минут идти без возможности куда-либо свернуть. Убийца просто шёл за ними до места, которое уже знал. А они, сами того не подозревая, спешили к перекрёстку своей решённой судьбы.

Я рассмотрел данные перекрёстки; у них есть ещё одна особенность: одним из поворотов всегда можно выйти на соседнюю улочку. Это дорога жизни для маньяка, на которой он не искал жертв, так как это был его путь к отступлению, длинный и безопасный. И он также ведёт к кварталу с точкой отсчёта: наблюдательному пункту маньяка — месту, где он выбирал жертв. Это престижный квартал. Но мы знаем, что наш маньяк — идеальный. Он не будет высматривать добычу из окна своей квартиры. И он любит ходить — сидит в самой дальней точке квартала, с которым его можно связать, и в наиболее ближней, чтобы его не спрашивали, что он тут делает, наблюдая за прохожими. И ещё — там есть в пяти минутах бильярдный клуб. Естественно, маньяк не хочет, чтобы его, оставляющего шары на месте преступления и убивающего заточенным кием, связали с бильярдным клубом. Он держится максимально далеко от него и от квартиры.

В итоге я очертил квартал, который отвечает этим нашим условиям. И вот что получилось. — Макнили нарисовал маркером на карте прямую, соединяющую «точку отсчёта» и клуб, затем соединил равнобедренный треугольник и, ткнув в последний не проколотый булавкой угол, сказал: — Вот дом, в котором живёт Триплет.

— Гениально. — Шеф зааплодировал. — Арестуем там всех... или женщин и детей можно не трогать?!

— Нет, ищем человека, который когда-то посещал этот клуб, любителя ходить, вероятнее всего, по нуждам профессии. Страховой агент подойдёт. Если судить по престижности района — страховой агент с постоянными клиентами. А по странной любви к моциону при хорошей квартире — его клиенты не любят, чтоб к их дому подъезжали машины и привлекали к ним внимание.

Ориентировочно ищем не играющего ныне бывшего спортсмена-бильярдиста, работающего чёрным страховщиком. Скорее всего, мужчина лет тридцати-сорока, потому что уже добился положения, крупного телосложения — не легко убивать деревяшкой. По этим исходным данным выяснение личности займёт не более дня;

даже если прочесать не только этот ряд домов, но и весь квартал.

— Но если найдём, нам нечего ему предъявить. Ты ведь уже сказал, он идеальный убийца, а у нас нет и намека на доказательства! — Шеф захохотал.

— Мне не нужны больше доказательства, — сухо ответил Макнили. — Я просто его пристрелю.

Комиссар поднялся и протянул подчинённому руку, прослезившись.

— Ты знаешь, как я давно не слышал ничего подобного? — Когда Макнили принял рукопожатие, главный подошёл ещё ближе и обнял его. — Копы перестали думать. Нет, мы притравим этого типа по всем правилам, как в старые добрые времена. Признание — царица доказательства, и он у нас расколется... Знаешь, кто ты? Ты — Эвклид, копогеометр. — Шеф натужно и неприятно хохотал своей шутке. Его неожиданная благожелательность смотрелась до того фальшиво, что, получив необходимую подпись, Макнили поспешил на свежий воздух. Но в глубине его души зашевелился толстый солитер радости и удовлетворённости.

Когда подчинённый закрыл за собой дверь, Шеф вздрогнул и закурил сигару. Макнили слишком отчетливо напомнил ему Уиллера. Неожиданная сообразительность детектива заставила его беспокоиться о собственном будущем. На улице за открытым окном веяла изморось — и теперь словно стояла и в самом кабинете, и в глазах, и внутри.

* * *

Он часто представлял, как его схватят. Когда его окружили на улице — сначала фоторепортёры, потом копы — он понял: «Наконец!» Его свалили на мокрый асфальт, вытряхнули на землю портфель, и из него выкатились три крашеных шара слоновой кости: синяя десятка, красные одиннадцать, фиолетовые двенадцать. Коп в плаще, который вытряхивал портфель, замер, бросив на маньяка удивлённый взгляд; удивление на его лице так же неожиданно перешло в радостную улыбку. Пока Триплета вели в машину, этот коп провожал его с довольным видом. Второй, более полный коп с блестящей лоснящейся лысиной позировал корреспондентам, сдерживал их и отвечал на вопросы...

Он до мельчайших деталей мог рассказать, что будет на суде. Он видел, как встает и признает в каждом из убийств, описывая всё в мельчайших подробностях; как присяжные жмутся к стенкам от ужаса, а одного из них, самого старого, с большими капитанскими усами, вдруг постигает удар, и его уносят из зала на носилках медики с большими чёрными крестами на спинах. А Триплет светится от бесконечных фотовспышек. Он уже слышал приговор — смертная казнь. Полицейские будут боязливо приближаться к нему, а он, словно из снисхождения, протянет им руки и позволит за них взяться. Затем его усадят на стул. И включат ток. А он будет хохотать. Все, конечно, испугаются, достанут ружья, пистолеты: начнут в него стрелять, а он будет хохотать. И вот, когда он поднимется с электрического стула, все упадут на колени и поймут, наконец, что он — бог.

Он так и собирался сделать, но потом ему бросили вызов. Кто-то посчитал себя равным его величию и оставил своё послание — коричневая семёрка, чёрная восьмёрка и жёлтая девятка в первую лузу. Конкуренент забил девятку и тем больно задел Триплета. И тогда Триплет понял, что это — Игра, которая покажет его истинное предназначение. Если он — бог, то победит в этой игре. А ничтожество, посмевшее бросить ему вызов, будет низвергнуто в прах. Или, убедившись в божественности Триплета, станет его наивернейшим помощником на бриллиантовой дороге судьбы. И маньяк уже знал, что будет дальше...

— Тебя скоро будут жрать черви в подворотне, — прорвался чей-то голос сквозь пелену грёз. Триплет открыл глаза. Холодные стены камеры, решётка. — Я тебе лично разворочу грудь. — Макнили достал из кобуры пистолет и навёл на Триплета, но вдруг раздались тяжёлые шаги за спиной — появился Шеф.

— Прекратить истерику, Макнили. Эту девочку будут судить законники. Мы им уже давно ничего не подкидывали, а они готовы вцепиться в нас, как голодные волки.

Шеф сделал знак рукой и второй коп с конвоиром ушли. Он остался с верзилкой-маньяком один на один. Только решётка разделяла их, и старый лис смотрел через неё на Триплета, как на свой зачётный трофей. Перед глазами плясали грядущие награды, благодарности и фотовспышки. И тут Триплет посмел взбесить Шефа.

— Ты меня не тронешь, гадёныш. — Огромный мужик хохотал как дитё, поймавшее крысу и усадившее её на импровизированный электрический стул из двух проводов от папиного амперметра и мамино сендвич-тостера вместо седушки.

Сигара потухла. А Шеф на минуту действительно стал похож на затравленную крысу. Он распахнул решётку, схватил Триплета за густой чёрный загривок и выволок из камеры, ударил в лицо.

Психопат сплюнул. Поднялся и продолжил:

— Страховки копов. Я знаю, что ты с ними делаешь. Я знаю, на чём ты зарабатываешь, и если я сегодня не выйду отсюда, об этом узнает кто-то ещё...

Шеф поднял руку, затем замер, словно, наконец, понял, что Триплет хочет до него донести.

— Чего тебе надо?

— Уйти отсюда. Сегодня же.

Комиссар, уже успокаиваясь, разжёл сигару:

— Договорились.

— Сейчас.

— Хорошо, иди за мной.

Шеф вытолкнул Триплета через главную дверь. Остальные копы изумлённо на него тарасились. Маньяк вылетел прямо в нахлынувшую толпу корреспондентов, которая приняла эту подачу с благодарной прожорливостью.

— Стойте, стойте. Я — Триплет, и это я всех убил! Полиция думает, что я псих. Они говорят, что этих людей убила другая небесная кара. Но я покажу всем, что небесная кара — это Я. Я — судья, и я — Триплет. Мне бросили вызов, и я объявляю игру!

Фотоаппараты щёлкали, маньяк практически ослеп. Толпа сомкнулась, и его сжали, чтобы выдавить, как зубную пасту из тюбика, а потом тыкать в это кровавое месиво микрофонами. Он громко крикнул: «ИГРА!».

— Игра, игра, игра, игра, — ответили репортёры нескончаемым эхом.

— Вы не понимаете, это — игра! Это новая крышесносная, доступная и богатому, и бедному игра! Карта Старого Города — полотно. Шесть луз — набережная, больница, участок полиции, церковь, озеро, стройка. Все, кто хочет участвовать, все, кто желает обойти меня, Триплета — шлите заявки в полицию, — выкрикнул он и растворился в толпе. Фотокорреспонденты ещё долго сни-

мали в его поисках друг друга и пустые чёрные подъезды, а затем и Шефа, который вышел из-за двери, поднял указательный палец и выстрелил из него кому-то вдогонку.

Над узкими улицами города заходило последнее осеннее солнце. Подул ветер с севера. Старый Город под прощальными закатными лучами тихо погружался в очередной кровавый сезон.

* * *

Было мерзко и холодно. Макнили, закутавшись в плащ, спешил в полицейский участок. Вокруг висел туман, липкий и противный, облизывающий город в первые месяцы зимы.словно сама земля города, омытая осенними дождями, чадила низко стелящимся смогом. Когда туман уйдёт, город вновь будет засыпан снегом, окутан ледяной скользкой коркой и забит сумасшедшими.

Он забежал за дверь участка, сдёрнул повязку с носа, и, не успев перевести дух, столкнулся взглядом с начальником.

— Что ты, мелкий гадёныш, делал в церкви?! — Шеф опять жевал свою сигару. — Через час поднимешься ко мне. Ортопед вернулся.

Макнили промолчал. Шеф посмотрел на него с нескрываемой ненавистью — недолго оставалось до того момента, когда он выразит эту ненависть в словах или даже в действиях — и удалился.

«Месяц-два, сколько мне осталось?» — Макнили вспомнил участь Уиллера, и всё похолодело внутри. Но он знал — он прекрасно знал, что делал в то утро в церкви.

Падре Кэрролл... Макнили помнил, как всадил пол-обоймы в грудь обезумевшего служителя церкви. Он помнил, как вёз в морг это тело. Коп, палач и коронёр в одном лице — он хорошо запомнил посмертную ухмылку священника.

Тогда была ночь, и падре Кэрролл был всего лишь очередным маньяком, которого предстояло пристрелить на одной из улиц Старого Города. Макнили успел увидеть, как падре расправился с очередной жертвой. Заметив детектива, священник упёр ногу в живот бывшего прихожанина и вытянул длинный зазубренный меч из его тела. Затем, не стесняясь забрызганной кровью рясы, призвал Макнили принять покаяние и прощение из его рук.

— Agimus tibi gratias, omnipotens Deus, pro universis beneficiis tuis, qui vivis et regnas in saecula saeculorum. Amen.

Для любого копа этих слов было достаточно, чтобы открыть огонь. Два выстрела и так навсегда бы успокоили съехавшего с катушек падре Кэрролла, но Макнили любил счастливое число семь и превратил грудь маньяка в кровавое месиво. На чёрной сутане при блеклом свете грязных фонарей это всё равно не было заметно. А на лице падре так и осталась всепрощающая улыбка.

«Падре Кэрролл» — именно эти два слова Макнили увидел вчера на информационном стенде возле старого разбитого дома, первые этажи которого приспособили под церковь местные католики. И он решил тогда сходить и узнать — почём идут теперь прощения за разные смертные грехи.

Макнили ожидал встретить кого угодно — родственника, однофамильца, клона, но у небольшого, стыдливо покрашенного под золото амбона, перед скамейками, забитыми угрюмыми похмельными рабочими со своими блеклыми некрашеными жёнами, стоял он — тот самый падре Кэрролл в чистой рясе, которая уже вечером будет липкой от крови, и с улыбкою всепрощающего мессии.

Макнили слушал латинский текст, а в его сознании росла ярость, оттого что он ничего не смог сделать, что ничего не изменил.

Падре Кэрролл, сорвавшись, наконец, с латыни, возвещал о воскрешении и прощении. И только один человек в церкви знал, о каком своеобразном прощении рассказывал этот высокий худощавый мужчина. Когда глаза детектива встретились с тёмными глазами священника, Кэрролл сошёл с кафедры и, указав на него простёртой дланью, громко и чётко произнёс: «Да не избудет милости Божьей в моих руках для всеблагого прощения! Да разверзнет Господь стянутые мои уста и даст волю даровать прощение и тебе, и всем, и тебе, и!..» Потом Падре закатил глаза и, уже не поворачиваясь к прихожанам, завершил мессу. Его руки дрожали — как он жаждал кого-нибудь простить!.. Заиграл, захлёбываясь Пахельбелем, старый скрипучий церковный орган...

«Чёртов воскрешенец!» Макнили наткнулся на Фредов. Сразу на всех трёх, также стоявших в приёмной... Они о чём-то оживлённо беседовали,

и произнесённая чуть громче, чем надо было бы, фамилия «Уиллер» привлекла его внимание. Он приостановился и стал слушать. Беседующие сразу подвинулись, чтобы впустить Макнили в свой круг. Три Фреда — редкость; нечасто три копа из единой партии, практически не отличимые друг от друга, попадают в один участок. Один из них с жаром рассказывал историю:

— И тогда Борис Уиллер достаёт пистолет и начинает говорить. Он вообще очень любил говорить и стрелять одновременно. Так вот: идёт он к этому психу, а тот дрожит, словно лист осиновый, вот только ножик перочинный из руки не выпускает. Уиллер направляет на него ствол и, как обычно: «Я заберу твоё оружие»... бах-бах. Пальцы бедняги разлетаются в разные стороны. А затем опускает ствол ниже — «...Оба твоих оружия». Бедный маньяк крикнул «мама» и спрыгнул с моста на рельсы, прямо перед скоростным поездом. А Уиллер дождался пока поезд проедет, подобрал труп и закинул в багажник. Просто взял и сложил. Прыгун этот, со сломанным в трёх местах позвоночником, занял места меньше чем запасное колесо. Так в газетах и написали — «Прыгун закончил под поездом». Но тут парню с головой и с заголовком статьи просто не повезло — как он мог со своим ножичком затмить звезду Ортопеда?!

Макнили опять стоял бледным перед подчинёнными. Он вспомнил другую историю про Уиллера и поспешил отойти. За спиной он слышал сочувственные слова одного из Фредов:

— Уиллер и... — говорящий незаметно кивнул в сторону Макнили, — что-то на тройняшках Триплета не поделили. С Уиллером тут многие на ножах. Говорят, ему сам Шеф денег должен... был».

А побледнел Макнили, потому что вспомнил другую историю про Уиллера, последнюю историю. Тогда брали Подражателя.

Очередной маньяк. Рыжий курчавый любитель газет. Дело Уиллера, что грозило маньяку известно чем. Последнее дело на памяти детектива, которое не было просто гонкой с преследованием в бешеном темпе по узеньким улицам города — дело, когда что-то расследовали.

Подражатель действовал просто, от точки до точки повторяя описание зверств самого свежего маньяка из утренней газеты. А в том, что газеты не сумели описать, он проявлял особую, свой-

ственную только ему изошрённую и извращённую фантазию. И попался он, не по-глупому напоровшись на ночной патруль — просто измазал в крови кеды, и, раздосадованный этим, поменялся обувью с жертвой. Вычислить его после этого было делом техники. На задержание выехали Уиллер, Макнили и сам Шеф. Когда копы взломали дверь, Подражатель сидел и рыдал в ванной за голубенькой занавеской.

Шеф проверял кухню, Уиллер вломился в ванную, а Макнили пошёл в жилую часть.

Он услышал, как Уиллер начал свою обычную тираду про «я забираю твоё оружие...», затем три щелчка — и осечка. И грохот. Макнили поспешил на подмогу. Когда он ворвался в комнату, старый коп пытался отцепить от себя голое тело, замotanное в занавеску, а Подражатель вцепился ему зубами в область шеи. Отчаянный рывок Уиллера — и Подражатель отлетел обратно в наполненную водой ванну.

По стене полоснуло красным, маньяк выплюнул кусок плоти, а из шеи Уиллера на кафель хлестала кровь. Он встал, покачнулся и тоже рухнул в воду. Подражатель барахтался, пытаясь выбраться из-под тела копа, и Макнили решил всё закончить. Он подошёл и навёл пистолет на лоб убийцы. Безумны были глаза маньяка, но, словно чуя свой конец, он перестал барахтаться, вцепился обеими руками в смеситель над головой и сделал жалобное лицо.

Макнили нажал на курок — осечка, ещё одна осечка... а затем вырванный из стены смеситель опустился на его голову.

Он рухнул; маньяк, резво выскочив из ванны, приложил его ногой и, уже не прикрываясь занавеской, пошлёпал к двери. Дорогу ему преградил Шеф. После выстрела из тяжёлого револьвера ванную комнату заволокло липким кровавым туманом. Подражатель присел, махнул рукой и, ничего не найдя там, где раньше была правая половина головы, завалился на уцелевшую сторону.

Макнили лежал с открытыми глазами и не мог пошевелиться. «Смерть, смерть, смерть, привет...» — пульсировало в его голове, но... он увидел, что было дальше.

Приподнялся Уиллер — когда он встал, лицо у него было уже белое, без единой кровинки, глаза закатывались, а он пытался всё время их сфокусировать и найти цель. Сжимая себе шею свобод-

ной рукой, он склонился над трупом Подражателя, попытался что-то прохрипеть, но вместо этого опять заляпал стену. Он навёл пистолет и начал щёлкать, но барабан вращался вхолостую. Уиллер приблизил ствол к глазам — просто пустые щелчки. Затем, запрокинув голову и опершись о стену, стал медленно оседать, будто мир заваливался на него всей своей тяжестью.

Шеф, до этого аморфно наблюдавший за сценой, подошёл к нему и бросил в исчезающее лицо горсть патронов. С противным трезвоном они разлетелись по кафелю, отскочив от Уиллера. А потом был смех — злобный смех Шефа. Больше Макнили ничего не помнил...

Старый лис схватил Макнили за плечи и затащил в кабинет.

— Если бы знал, что Триплет доставит столько хлопот — сам бы пристрелил. — Он показал на заваленный бумагами стол и коротко добавил: — Всё сгребай и уноси. Это наши игроки. Что, кстати, говорят в участке, не перепугались?

— Говорят, сам Сатана пришёл, чтобы поучаствовать в игре, — мрачно ответил Макнили. — И я этого дьявола видел.

— Поэтому в церковь бегал богу плакаться? Вот и славно, что заранее познакомились. — Комиссар улыбнулся своим мыслям. — Триплет был твоим? Значит, и остальные бильярдисты тоже. Бери и занимайся! Ты ж у нас клон и евклидокоп.

Шеф зажёл сигару и, прежде чем договорить, сделал глубокую затяжку. Макнили эту минуту просто стоял и смотрел в пустоту.

— Смотри, я за тебя уже половину работы сделал. На участие в игре поступило тридцать три заявки. Достойны внимания только две: наш старый знакомый Ортопед; записку вынул патологоанатом из очередной жертвы:

«Я не поощряю игры на человеческом горе, но понимаю, что тот молодой парень, которого наша прогнившая полиция свела с ума, стремится донести до человечества идею здоровья. Он, как слепое дитё, тыкается, пытается помочь. Ему нужны дружеская рука и верное направление. Да, я не согласен с его подходом, но кто мы будем, если не увидим зерно истины в его путаных словах? А истина в том, что головы надо снимать ради уменьшения вертебрального напряжения, иначе наш век станет веком гибели человечества от плоско-

стопия. Идею заменять головы бильярдными шарами, целиком и полностью поддерживаю. Также предлагаю футбольные мячи, арбузы и прочие головообразные предметы на то время, пока я провожу усушку оригинальных голов до оптимального веса.

Всегда ваш, доктор Ортопед. Приём каждую пятницу».

— ...И вторая — некто, называющий себя Таксидермистом. Его записка была на моём столе, когда я пришёл на работу. Кабинет был закрыт. Заявка групповая.

«Уважаемая комиссия. Прошу рассмотреть заявку на Игру в рамках группового зачёта моей команды. Игроки имеют необходимую аккредитацию и надлежащие разряды. Официальный представитель прибудет в ближайшее время.

Таксидермист.

P.S. Подскажите адресок мастера, что укладывал вам паркет. Он великолепен.

Просто оставьте как-нибудь на столе записку. Я заберу».

— Остальные... — Шеф столкнул заявки на пол так, что они разлетелись по комнате, а две упомянутые записки остались под массивным пресс-папье, изображающим двух бьющих друг друга молотками медведей. — Остальные — не серьёзно. Двое спрашивают, зачтётся ли им по баллу, если они убьют друг друга. Свояки выискались. Вообще скажу Слону не принимать больше заявок. Если серьёзные люди — пусть оставляют на трупах.

Шеф отвернулся, зажёл сигару и с тоской уставился в открытое окно. Шёл снег. Он мягко укрывал крыши домов, и комиссар, глядя на него, тоже смягчался. Он чувствовал любовь ко всему вокруг, и даже у Макнили был шанс выжить... но тот не мог видеть своего шефа добрым, а потому спешно и бесшумно покинул кабинет. Он отправился на задание. Копы будут патрулировать лузы, упомянутые Триплетом, пока не перебьют всех психопатов.

...Уиллера продали в городской морг двадцать первого ноября. По участку расползлись слухи о неких карточных делах комиссара и старого лиса. Даже Фред не преминул заметить, что «вот не просто так подох скотина Уиллер». Шеф замечал взгляды и однажды, посмотрев в зеркало, понял, как же сильно ненавидит Макнили.

* * *

Тук-тук-тук. Макнили настойчиво стучал жетоном в окошко охраны. Ответа не было, но охранник не спал. Он лишь глупо, не мигая, смотрел на посетителя и то сводил, то разводил глаза. Детектив увидел, что тут ничего не добиться, и прошёл внутрь корпуса без дополнительных согласований.

В глаза сразу бросалась пустота Больницы Старого Города. Уже давно в этом заведении никого не лечили. Здесь просто хранили замороженные тела пациентов, надеявшихся на панацею лучших времён, а когда проплаченный срок хранения заканчивался, продавали на органы. Это оказалось намного прибыльнее, чем лечить, а хоронить своих родственников в учреждениях здравоохранения стало намного престижнее, чем на кладбищах. «И человечнее!» — гласила огромная вывеска на заведении.

Макнили шёл по коммерческому моргу, который по привычке ещё называли больницей. Тёмные помещения первого этажа не вызывали у него страха — всё было слишком похоже на место его рождения и воспитания, а потому — совершенно привычно. Но нечто шевельнулось в душе, когда за дверь очередного морозильника он услышал детский смех. Макнили остановился — подумал, что показалось. Неприятный звук повторился, и детектив потянулся к ручке камеры. Положил на неё пальцы, нажал, и в его ноги стремглав вылетела кошка. Через приоткрытую дверь он сразу почуял этот запах — запах многолетнего гниения то ли этого города, то ли конкретно этой морозилки, набитой телами, выложившими в своё время значительные суммы, чтобы не быть как все и не гнить как все. Тело заплатило, и теперь его пальцы были обглоданы оголодавшей киской.

Макнили захлопнул дверь и прекратил размышления. Рука легла на прохладную рукоять беретты.

— На первом всё спокойно — иду на следующий.

Твёрдой походкой Макнили преодолел лестницу и посмотрел в глубину второго этажа.

Неравномерно освещённый коридор подмигивал одинокой люминесцентной лампой далеко в глубине своей развёрстой пасти. Вокруг этого единственного маяка безумно скакали тени ночных мотыльков.

Макнили достал пистолет и поплыл сквозь темноту по направлению к свету. Пять, семь, десять шагов по мягкому ковровину, а свет словно и не приближается. За спиной что-то хрустнуло, как будто сломанным позвоночником. Нет, будто кто-то наступил на сухую ветку. Но откуда сухая ветка могла взяться в пустом больничном коридоре?!

Хруст повторился вновь. Теперь это точно был позвоночник. Огромное существо, сожравшее души всех покойников в этом здании, ползло, похрустывая сломанным позвоночником и облизывая длинным шершавым языком его ещё не остывшие следы.

Пятнадцать, шестнадцать шагов. Макнили перешёл на бег, ещё твёрдо уверенный, что у окна обернётся и без жалости пристрелит ползущую за ним тварь. До лампы оставалось ещё метров пять, когда она замигала и потухла, и страх проник в сердце Макнили. Он рванул, не оборачиваясь — холодная рука до боли сжала рукоять оружия. Свет мигнул в последний раз и исчез. телом окно в конце коридора, кувырком пролетел по крыше пристройки и рухнул в заброшенный и занесённый хламом двор — в кучу мертвецкого тряпья, припорошённую тяжёлым январским снегом.

Из пустой чёрной дыры в здании ничего не лезло и не показывалось. «Значит преследователь сзади». Сердце Макнили забило ещё сильнее; обернувшись, он упёрся носом в трухлявую стену деревянного навеса. Детектив забился в это спасительное укрытие, опасливо озираясь по сторонам.

До машины он добежал, держась за травмированный бок. Быстро заполз в салон. Словно ожидая хозяина, радостно взревела рация:

— Макнили. Я сегодня занят. Кончай охранять морг. Следишь за нашим участком тоже ты! А то там только клоун Фред и дефективный в приёме. Радуйся, пока есть возможность... посидеть в кабинете начальника. Подберёшь на набережной Фреда II и III. Конец связи.

«Таурус» легко завелся и, взревев, рванул в ночь.

* * *

Приёмная была чуть залита кровью. Пол липкий, в воздухе — запах жжёного мяса и как будто серы.

— Они что, убили уже кого-то тут или нет? — заметил Фред, первым пройдя к двери приёмной.

— Не знаю, но крови столько, как будто слона выжали, — ответил второй, и сразу вспомнил их ночного сотрудника по кличке Слон, которому все с патрулей носили пончики. Несмотря на дефекты всех внутренних систем органов, он пересиливал себя и приходил работать в полицию. Каждую ночь. И вот сейчас они, возможно, шли по его останкам.

— Вы двое, держите главный вход. Один снаружи, другой становится на приём. Я наверх, в кабинет Шефа. Не терять бдительности — где-то тут труп и, возможно, маньяк.

Макнили, почему-то не хотелось подставлять Фредов. Наверх, в кабинет Шефа, он пошёл в одиночку.

— *Per signum crucis de incimis nostris libera nos, Deus noster.* — падре Кэрролл встретил вошедшего детектива улыбкой. Он стоял, облокотившись на стол Шефа. Его руки были в чернилах, а поверхность бюро разрисована разнообразными крестами с готическими завитушками. После приветствия он отбросил маркер и приподнял длинный зазубренный меч. Рядом с ним, накрепко привязанный к тяжёлому шефскому стулу, стонал Фред со щеками, также украшенными крестами, и теперь еще и с мечом поперёк горла.

Внутри Макнили всё бушевало: надо было стрелять сразу.

— Выбрось свою игрушку в окно, и мы поговорим. Я расскажу тебе о Господе. Я тебе расскажу, какой он. Ведь я, благодаря тебе, его видел!

— Откуда ты выполз, Кэрролл? — Макнили решил на переговоры. Детектив не боялся художного падре. Человек в рясе и с мечом может вызвать страх только у впечатлительных хилых отроков. Он вышвырнул пистолет в окно.

Священник загорелся неким зеленоватым внутренним светом и начал проповедовать. От его слов, большое шефское бюро, словно превратилось в кафедру, а дёргавшийся Фред стал похож просто на слишком чуткого к господним заповедям прихожанина.

— Я встал и увидел свет. Я был воскрешён для особой миссии. А потом Господь сказал мне: «Иди в полицейский участок и прости трёх человек. Эти люди достойны прощения!» Я агнец Божий и я есмь меч в его руках, меч несущий и прощающий. Ты готов к прощению, сын мой? — свя-

щенник склонился над Фредом, а тот только молтал головой и мычал. Макнили подумал, что сумеет выиграть время.

— ...И в голове моей стало ясно и светло, как в храме на рассвете: моя миссия — прощать! Для грешника главное — прощение, лишь так он попадёт в рай. Если я могу простить, я должен это сделать даже ценой его жизни. Если для того, чтобы простить, мне надо убить — я готов взять на душу этот грех. Ибо жертвую своею бессмертной душой ради всевышнего прощения. Я прощал, прощаю и буду прощать. Прощён и свободен.

С этими словами падре Кэрролл не без усилия надавил на клинок. Острие пробило грудную клетку Фреда в области сердца, и вышло сквозь спинку стула. Заложник стал захлёбываться, закатил глаза, попытался дёрнуться, но лишь опрокинул стул навзничь. Лужа крови в несколько мгновений натекла к ногам священника. Макнили понял, что переоценил свои возможности и недооценил противника, который пришёл в участок не для проповедей. Он резко рванулся вперёд, оттолкнул маньяка.

Падре Кэрролл попятился, но удержался на ногах. Его рука обхватила массивное пресс-папье на шефском бюро. Он сделал шаг вперёд. Детектив, увидев, что его противник уже вооружён, попытался поднять меч, но тот крепко застрял во Фреде.

Священник расхохотался и сделал шаг к очередной жертве. Макнили тщетно пытался вытянуть оружие, при каждой его попытке живучий Фред хрипел. Когда маньяк подошёл уже совсем близко, Макнили поставил ногу на грудь раненого и предпринял последнее усилие. Меч вышел, что-то брызнуло детективу в лицо, и Фред прохрипел в последний раз. Макнили вслепую махнул мечом и, кажется, попал. Он рукавом вытер с лица кровь напарника и стал искать безумного падре.

Кэрролл уже поднялся и надвигался вновь. В руках было всё то же пресс-папье. Священника слегка шатало, а на щеке виднелся свежий кровоподтёк. Макнили опять неумело взмахнул тяжёлым мечом. Удар пришёлся под рёбра, и опять плашмя. Раздался звон, будто что-то лопнуло. Падре Кэрролл испустил стон, и его ноги подогнулись. Он пытался опереться о стол, но свет померк в глазах. Он начал двигать губами:

— *In nomine patris... cruce des insimus... inter omnes vie et vite huius varietates tuo...*

Маньяк упал, завалившись на спину. Макнили приблизился и глянул на него сверху вниз.

— ...per signum cruces... — Священник поднял дрожащую руку и стал из последних сил стал крепить детектива.

— Теперь ты больше не вылезешь обратно! — Удар легко отделил голову от тела. Обрубок, словно повинуюсь какой-то неведомой силе, закатился в самый тёмный угол комнаты, под сейф. И там шептал молитву.

— ...In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen...

Макнили, чтобы убедиться, что священник мёртв окончательно, полез за головой. Когда он вытянул её за волосы из-за сейфа, глаза были закрыты, на губах застыла блаженная улыбка святого. Где-то в глубине души у Макнили шевельнулась чёрная зависть. «Зависть — это грех», — сказал он себе и спрятал её подальше.

Под сейфом что-то блеснуло.

«Ещё одна голова... с золотыми зубами?!»

Детектив отогнал от себя безумные мысли, протянул руку и нащупал револьвер. Достал, обтёр рукавом от пыли, но испачкал в крови — и, узнав револьвер Уиллера, машинально сунул в кобуру.

* * *

Подлёдный лов вдали от города — это предел мечтаний. На милую вокруг ни одной живой души, смеющейся мешать священнодействию.

Ветер дул с востока — и словно выдувал души из тех, кто вышел этим вечером на широкое ледовое поле.

Он достал шнековый ледобур и аккуратно положил на снег. Затем неторопливо извлек из ящика остальные снасти. Каждую он выкладывал с некоторым трепетом: грузила, балансиры, изошрённые приманки о пяти крючках. Всё выложив и распутав, он принялся так же аккуратно убирать снасти обратно, теперь озираясь по сторонам, чтобы никто не увидел его богатства; собрал и оставил только один удильник. Потом, встав лицом к закату, стал бурить лунку.

Закат, слегка подмазавший красным ледовую поверхность, постепенно затухал. Он был готов уступить это белое незакрашенное полотно другим художникам, у которых и кистей больше, и красную краску они разливают без жалости — густо кладут, а если понадобится — размазывают

пальцами. Солнце же пальцами в свои картины не лезет.

Приманку он опустил ниже ко дну, потом замер на несколько минут, словно заснул, и неожиданно начал игру, постепенно подматывая леску на мотовильце. Два широких взмаха рукой вправо — и снова задёргалась кисть, две минуты и опять взмах...

Три раза по два взмаха. Нетронутая приманка выскочила из-под льда. Он вздохнул, поднял колворот, сделал четыре шага на запад и стал готовить новую лунку.

С первого же облова Шеф почувал добычу. Царапало на глубине двух метров. Его движения стали более спокойными. Он ловил крупного хищника. Когда рука почувствовала, что добыча крепко села, начал наматывать мотовильце... всё ближе и ближе к поверхности.

Добыча. Шеф отскочил от неожиданности, когда из лунки вырвалась посиневшая рука и начала судорожно скрести лёд. Рука дёргалась, не останавливаясь, пытаясь удержаться, но лишь сжимала снег и всё больше соскальзывала обратно. Шеф схватил ледобур и, затянув высунувшуюся руку леской, стал обсерливать лунку.

Минуту по пережавшей руку леске бежала кровь; значит, человек подо льдом был ещё жив... ещё немного. Пару отчаянных ударов ногой, ледовый покров обвалился, образовав небольшую прорубь. Показалась голова — синее вздувшееся лицо утопленника, который жадно, как рыба, хлопал ртом, пытаясь глотать воздух. Пока он хрипел, Шеф, накинув на него веревку, вытащил на лёд...

...И улыбнулся. Шеф был рад видеть Триплета в таком состоянии. Руки спасённого были неестественно вывернуты и обвисли как плети. Маньяк не пытался приподняться, он просто лежал и хрипел. Он не мог даже открыть глаза. Плечо было рассечено, но кровь оттуда не шла. Триплет быстро покрывался инеем. Шеф стоял и думал — в руках у него была уже приготовлена запасная ветровка, а, с другой стороны, ему было интересно: если Триплет такой везучий и живучий, сколько он протянет ещё.

Комиссар сделал шаг по направлению к маньяку и услышал подозрительный треск за спиной.

«Лёд или позвоночник», — подумал Шеф. Сделал ещё шаг — треск повторился. Он обернулся.

То, что он увидел, заставило его прищёлкнуть языком. За ним на четвереньках, на вывернутых на сто восемьдесят градусов, чтобы удобно было ходить именно таким образом, ногах и руках, прижатое ко льду, ползло человеческое создание. Потрёпанный тёплый свитер, теплые башмаки, разорванная шевелюра без головного убора, межклоками волос видны металлические вставки. Вдоль позвоночника, который почему-то проваливался посередине спины, шло некое подобие металлического каркаса, с обхватами в области шеи, груди и живота.

Существо, заметив, что шеф на него смотрит, двинулось вбок, всё также прижимаясь к поверхности озера, и при этом движении внутри него защёлкали вывернутые суставы, переломанные кости и позвоночник. Хруст, от которого Шеф зажмурился, и тошнота подкатила к горлу, хотя он видел это тело ранее. Это было тем мешком с костями, который Уиллер достал из багажника и так и бросил на стоянке полицейского участка. Тот маньяк, которого в городских газетах за его безумный прыжок под поезд с издевательской иронией называли Прыгуном.

— Кто же тебя откопал? — вслух подумал Шеф. Маньяк зашипел в ответ и стал медленно обходить комиссара. Смотреть, как эта куча костей и металла, завернутая в тряпье, теперь двигалась, Шеф не мог, а потому, из гуманизма, обхватил покрепче ледобур. Прыгун же не испугался — он явно подбирался к холодеющему Триплету, который даже не пытался двигаться, а просто вывалил раздувшийся язык и лежал в молчании.

Добравшись до Триплета, он обхватил ему передними конечностями шею и потащил мертвеца с выпученными глазами в сторону леса, медленно побряхывая и похрустывая позвоночником.

Шеф прибавил шаг. Взмахнув ледобуром, он вспугнул Прыгуна, так что его правая нога поскользнулась, спина вогнулась вовнутрь, и между двумя металлическими обхватами через пуховик вылезло сломанное ребро.

Шеф улыбался, пока сам от неожиданного удара сзади не полетел вперёд и, обдирая подбородок, прокатился по снегу. Когда он попытался повернуться, кто-то сел ему на спину. Комиссар рванулся в сторону, и его обожгло жутким холодом. Он увидел, как зазубренный клинок легко вошёл в лёд, раздирая ватник, и почувствовал, как острая

боль будто разорвала его правый бок. Тогда он сделал последний рывок. Тот, кто был сверху, не удержался и со странным звоном упал. Шеф воспользовался моментом, отполз и встал на ноги.

Уже метрах в двадцати виднелся уползающий со своей добычей Прыгун. Шеф бросил взгляд на своего нового противника: высокий человек в чёрной рясе священника, из-под рясы выглядывали носки кед; его грудная клетка немного выпирала вперёд; с надетым, словно ради нелепой шутки, жестяным ведром вместо головы. Из единственной прорези на ведре светился, как будто подвешенный в темноте, огромный голубой глаз без век и ресниц — только глаз в пустоте тёмной прорези. Этот глаз шарил по окружающему миру, не останавливаясь ни на чём — Шефа пробрала дрожь. Чёрт возьми, он знает этот глаз — он вспомнил, как точно такой же остался когда-то на стене после его прямого выстрела в голову хозяина.

Не глядя на Шефа, бегая своим немигающим взглядом, противник медленно поднимался. Опорой ему служил длинный зазубренный меч, уже обогранный кровью комиссара.

— *Omnipotens sempiterne deus salus eternal... credencium exaudi nos pro famulis... tuis pro quibus misericordie tue ploramus imploramus... auxilium ut reddita sanitate graciaram tibi... in ecclesia tua referant acciones...*

Рука маньяка легко легла на рукоять оружия.

— Сам убирайся к дьяволу. — Шеф достал из кобуры за пазухой револьвер и разрядил в ведро весь барабан. Пули с глухим звуком проходили пустую жестянку насквозь.

Если бы маньяк был без ведра, и его обезображенный рот был способен на какие-то движения — он бы ухмыльнулся. Шеф выругался и начал медленно отходить. Правая рука лихорадочно искала в кармане патроны, левая так и осталась держать наведённый на ведроголового ствол. Комиссар видел рассыпанные патроны там, где маньяк распорол ему пуховик.

«Хотя бы ещё один патрон» — он сунул руку за воротник и нащупал два завалившихся в капюшоне металлических цилиндра. Существо в рясе, заметив суету Шефа, остановилось и монотонно загудело из-под ведра.

А Шеф просто закинул найденные патроны в барабан, и курок ударил два раза. В груди у наступавшего монстра что-то лопнуло — по чёрной

рясе через дыры от пуль потекла мутная кислотнo-зелёная жижа. Поток жидкости становился всё сильнее, в воздухе запахло жжёным льдом. Сушество дёрнулось ещё пару раз, но удержалось на ногах.

Крупные жёлтые и зелёные капли падали на ледяную поверхность, которая на глазах стала таять и проваливаться. Мелкие пористые осколки вылетали из-под дымящихся ног истекающе-го неизвестно чем монстра.

Долгожданный хруст — и его правая нога ушла под лёд. Левая проскользнула вбок и, неестественно изогнувшись, тоже хрустнула.

— *Per signum crucis de incimis nostris libera nos, Deus noster. In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti-i-i.* Я таю, та-аю, — раздалось из-под ведра, которое теперь непрерывным маятником вращалось из стороны в сторону и мелко вибрировало.

Полынья расширялась. Шеф благоразумно отошёл. Лёд истаял и искрошился, постепенно исчезая уже на поверхности воды. В этом фраппе барахтался ведроголовый маньяк. Меч, оставшийся последней опорой, валялся плашмя, соединяя ещё крепко державшиеся на поверхности куски льда, прошлую подлунную жизнь и скорое подводное будущее утопающего. Руками в лохматых изодранных перчатках тот пытался схватиться за эту опору, но оставлял на нём лишь красные кровавые следы.

Тогда Шеф и понял, что у него нет души, и нечего стараться её раздирать. Он огляделся. Прыгун уполз за пределы поля зрения. Но его можно было легко найти по следу от волочения жертвы, которую тот, скорее всего, сожрёт где-нибудь в укромном уголке.

«Как же тут хорошо, — подумал Шеф, присел на ящик, вытянул из-за пазухи толстую сигару и разжёг. Он сидел и глядел на бултыхающегося противника — то поднимающего ведро надо льдом, то исчезающего вновь, пока маньяк не прекратил борьбу со своим мечом и не исчез под толстой волнующейся коркой раскрашенного жёлтым, зелёным и кровью льда. — Хорошо, когда вечера встреч заканчиваются именно так!»

* * *

Рация в машине противно зашипела, разбудив Макнили.

— Куда ты исчез, гадёныш, — раздался скрежещущий голос Шефа. — Думаешь, натворил дел, ушёл в патруль и свободен?

— Я — старший детектив. И тебе, Старый Лис, не следует звать меня гадёнышем. Или забыл, кому ты обязан...

— Ты загадил мой кабинет, — не дал договорить Шеф. — Как мне тебя ещё называть? Может, тебе напомнить твои обязанности? Ты обязан взять труп, сесть в труповозку и отвезти его в морг. Получить деньги, сдать в бухгалтерию. Почему труп в приёмной? Ты мне берёзовый паркет угробил, гнида. У меня расщелина посередине комнаты и меч торчит. А сюрприз под сейфом... Мне не нравится, когда в моём кабинете улыбаются бесхозные головы, если это не оторванные головы моих сотрудников! На работу, понял?!

— Шеф, — сквозь шум рации вмешался голос ещё одного собеседника. — Шеф, не наезжайте на Макнили. Вы не знаете, как долго Слона пришлось собирать. Тут не до труповозки было. А записку вы видели на вашем столе — Команда таксидермиста: Падре, Подражатель, Прыгун. Кто это такие?

— Макнили, я разберусь с тобой. Фреды, оба, ко мне на лузу, тьфу — на точку шесть.

— Шеф, но остальные объекты... — попытался возразить Фред.

— Молчать и слушать. Сегодня там будет бойня... я чую это.

— Может армию, спецназ... — попытался вмешаться Фред II. — Мы ведь должны оборвать эту игру!

— Ты что, идиот, не понимаешь? Мы должны её выиграть! — Шеф громко щёлкнул рацией, и воцарилась тишина.

«Никогда не думал, что Фред такой паникёр, — промелькнуло в голове у Макнили, — неужели он не понимает, что значит ИГРА?! Мы должны её выиграть». «Таурус» завёлся — нехотя, со второго раза — и покатился по узкой дороге, вяло набирая обороты. В такие моменты детектив ненавидел свою машину. До последней лузы оставалось два часа.

* * *

Стройка. Загадочное место, которое с заведомым постоянством обедало городским бюджетом. Строили то ли театр, то ли торговый центр. Воз-

можно, и не строили, а разбирали. Но последний год, скорее, строили. Шеф, бросив взгляд на этого прожорливого металлокаркасного монстра, сразу вспомнил об испорченных полах у себя в кабине. Слово заметив ненависть комиссара, здание уставилось на пришельца пустыми глазницами. Кто кого сожрёт на следующей делёжке бюджета, Шеф не знал, но пару кровавых пятен на обнажённых скулах-стенах противника только помогли бы департаменту полиции откусить на кусок больше. Например, чтобы увеличить страховки сотрудникам... — Шеф закатил глаза: перед ним медленно проплыла мачтовая яхта «Chief's Dream». Затем он открыл глаза и увидел подхавшего Макнили и Фредов. Из-за вспыхнувшей внутри ненависти он смог объясниться с ними только жестами. Сотрудникам достаточно было показать направления, и они всё поняли.

Копы преодолели ступеньки. Макнили и Шеф прошли на западную сторону. Оба Фреда остались держать главную лестницу.

— Ты видел глаза Шефа, Фред? В них столько злобы. Мне кажется, он хочет тут всё к чёрту разнести.

Второй лишь хмыкнул в ответ. Он был здесь в первый раз, и теперь внимательно осматривался.

Широкая лестница упиралась в недостроенный бельэтаж. Внутренние стены и переборки ещё словно висели в воздухе, ожидая заливки полов, а из-под чёрных технических провалов между перекрытиями и положенными местами полом ломались в бой сотни тёмных чудовищ. Фреда I передёрнуло от тяжёлого предчувствия.

Фред II заметил и указал напарнику на выползшего из глубины анфилады Прыгуна, который деловито взобрался по колонне и теперь поглядывал на них, в бессилии выбрать первую жертву.

— Я сейчас эту каракатицу палкой, и мы её разделаем. — Первый Фред выбрал длинный железный прут и попытался, пригнувшись, подобрать к сомнамбулирующему маньяку.

Существо дёрнулось и внимательно посмотрело на приближающуюся фигурку. Его противник подошёл ещё ближе, и окончательно разрешил вопрос мучительного выбора, сделав его очевидным. Прыгун бесшумно спрыгнул с лесов на копа, неловко взмахнувшего арматуриной, и по рукоять загнал тому в глаз перочинный нож. В воздух

брызнула кровь — Фред I рухнул плашмя, подёргался и затих.

Началась пальба — напарник убитого выхватил пистолет и открыл по Прыгуну огонь. Тому пришлось удрать, быстро перебирая всеми четырьмя конечностями, и забиться под пол. В самый дальний угол, в благодатную тьму.

Фред громко выругался и стал осторожно приближаться к зияющей чёрной трещине. Ему показалось, будто что-то шевельнулось; ещё два выстрела — и опять в пустоту. Ничего он там не видел, в этой чёртовой тьме.

Прыгун успокоился, и на него опять сошла благодать. Такая благодать, что захотелось петь и танцевать, похрустывая и потрескивая спиной, как кастаньетами. И десятки его жертв танцевали бы вместе с ним под зажигательный трескучий ритм. А если бы не танцевали, он бы вырвал им всем сердца и отнёс бы хозяину.

Глухой металлический стук вернул его к мёртвой реальности. Фред подтащил к краю платформы газовый баллон, крутанул вернул вентиль, скинул груз на бок и толкнул в его безопасное убежище. За первым снарядом последовал второй. Они подкатились совсем близко и противно шипели. Прыгун бросился выталкивать один из них, но пули стукнули по металлу. Маньяк забился в свой тёмный угол, и ему стало по-настоящему страшно — как на мосту, когда старый коп хотел забрать его «второе оружие». Он невольно сжался и зажмурился.

Фред зажмурился, но взрыв успел обжечь ему глаза и заставил попятиться. Руку, с которой он стрельнул в баллон, странно развернуло, а сам пистолет отлетел в сторону и с грохотом скатился по водостоку. Всё стихло, потом пронеслось нечто воспламенённое.

Фред поднял слезящиеся глаза: горящая тварь пыталась перевернуться на спину, но ей мешали навешанные на неё крепления. Поэтому психопат просто бегал, визжал и вонял, пока не врезался в стену. Фред разбежался и со всей силы ударил туда, где у маньяка должен был находиться живот. И Прыгун разлетелся на две половины. Задняя часть отлетела к лестнице и, дёрнувшись раз, осталась мирно догорать. Передняя ещё чуть поскреблась куда-то обожжёнными пальцами, пока обрушенный на голову арматурный прут не прекратил её страдания.

* * *

Макнили и Шеф прошли на западную сторону. Шеф деловито закрыл дверь и почему-то хмыкнул. Макнили щёлкнул реле на огромном трансформаторе. Свет не зажётся. Они подступили ближе к окнам, где вдоль застеклённой стены падал косяк свет от полной луны и было хоть что-то видно.

Копы притаились друг напротив друга в разных углах зала. Шеф подхватил пустое жестяное ведро, перевернул и сел. Макнили облокотился о стену. А зал был огромный. Эта часть этажа была уже завершена и напоминала спортивную площадку. Паркет был гладко уложен и покрыт лаком. «Испортим сейчас паркет,» — пронеслось в голове у Макнили. В знак согласия противно загудел трансформатор, но свет не включался.

Прогремели выстрелы. Макнили рванулся от стены, но, взглянув на Шефа, увидел, что тот отрицательно качает головой. «Он прав, — понял детектив, — как раз сейчас нас ждут, и наверняка единственная дверь на прицеле. Фредам надо продержаться пару минут».

Он вернулся обратно и вновь подпёр стену. Но сердце его бешено колотилось в предчувствии радостной бойни. Он глядел на Шефа, как на опытного загонщика, которому стоит подать знак, и он рванётся вперёд и разорвёт всех врагов. Стрельба за стеной не прекращалась — Шеф поднял правую руку. Скоро он подаст сигнал.

Раздался взрыв — трансформатор заискрился; по центру зала вспыхнула одна-единственная лампа. Неожиданно яркий свет резанул по глазам, и Макнили на мгновение зажмурился.

Открыв глаза, он сразу взглянул на Шефа. Тот уже стоял, и чёрное дуло его крупнокалиберного револьвера было направлено на Макнили. Шеф улыбался как крокодил. Смеялись даже глаза.

Детектива охватило бешенство. Он вскинул револьвер: Шеф не двигался и улыбался. Макнили почувствовал, как кровь пульсирует в его жилах, приливает к голове, чтобы через минуту, возможно, разлететься кровавым дождём от предательской пули. Макнили вспомнил Уиллера...

— Ты слишком много болтал, Макнили. — Затем, словно опасаясь, что сказал слишком тихо и противник его не услышал: — Чёрт поberi, ты слишком много болтал, Макнили.

А Макнили вновь представился кровавый дождь.

Дверь зала с грохотом распахнулась, и на пороге возникла огромная, метра два в высоту, фигура. Громадный чёрный силуэт. За спиной у него болталось что-то похожее на мешок. Он размахнулся, и «мешок» вылетел в круг света посреди площадки.

— Чёрт подери, — ещё раз выругался Шеф, глядя на безвольную куклу с перепутанными конечностями, бывшую минуту назад Фредом, но ухмыляться не перестал. А когда раздалась глухая щёлчка пустого барабана Макнили, он расхохотался в полный голос и, пританцовывая, исчез в темноте. Хлопнула дверь на внутреннюю лестницу, щёлкнул замок, и Макнили остался с новым пришельцем один на один.

Детектив ещё дёргал спусковой крючок, направив его в поглотившую Шефа темноту, но револьвер отвечал лишь пустыми щелчками. Макнили отбросил оружие и задрожал от бешенства и бессилия. Чёрная фигура уже приближалась к нему. Свет единственной лампы осветил врага. Нереально распухшая голова. Тело — неестественно большое, мертвенно синее. На шее поблескивал металлический головодержатель, металлические пояса перехватывали его и ниже, в области раздутой груди и вываленного живота. Вдоль бёдер, справа и слева, частично вшитые прямо в мертвенную кожу, шли прозрачные резервуары с жёлтой и зелёной жидкостью кислотного грязного цвета. В грубых разрезах по телу вились трубки, перекачивающие эту жидкость, а из самих ран стекали чёрные мутные потоки с мелкими сгустками плоти.

Лицо — выпученные бешено вращающиеся глаза, вываленный язык, но Макнили всё равно узнал Триплета. Маньяк, напрягшись, так что по посинелым щекам потекли тёмные струйки воды и закапали по паркету, свёл глаза в одном направлении и уставился на детектива. В пустом взгляде Триплета Макнили прочёл свою скорую смерть.

* * *

**«Спортивный бюллетень,
февраль, № 4, стр. 9»**

Закончился турнир по Триплету.

Участники, тренеры и болельщики этого нового зрелища, получившие массу положительных эмоций, могут, наконец, передохнуть и оце-

нить результаты. А результаты зафиксированы следующие.

В командном зачёте:

Полиция Старого Города: три шара в первую лузу, один — третья луза, один — пятая центральная луза, два — шестая луза.

Команда Таксидермиста: два шара в третьей лузе, один — вторая центральная луза, один — пятая центральная луза, два — шестая луза.

Участники личного зачёта:

Триплет: три — первая луза, три — вторая луза, один шар (в рамках командного зачёта) в шестой лузе.

Ортопед: один шар в четвёртой лузе.

Спортсмены выразили благодарность организаторам и высказали пожелание, чтобы в дальнейшем Турнир стал традиционным и проводился ежегодно...

* * *

Целлофановый пакет с записью, обнаруженный зашитым в плечо Триплета:

Техническая записка к образцу # 9

Медицинский осмотр

Сегодня двадцатое января. На часах двадцать два тридцать три.

Жертва — мужчина. Возраст — примерно тридцать два — тридцать пять.

Внешний вид — никаких отклонений.

Примерное время смерти — девять часов назад.

Согласно первичному осмотру, причиной смерти признано утопление асфиксического типа. Белая мелкопузырчатая пена с примесью крови вокруг губ. Бледность кожных покровов. Ооченение. Также следы прижизненного физического воздействия вокруг шеи. При пальпации спазмати-

ческие узлы. Утопленник умер на суше от устойчивого ларингоспазма.

Отсутствие каких-либо реакций. При порезах — красно-розовые излияния.

Данные по исследованию зондом — наличие воды в желудке, кишечнике, меньшее количество воды в лёгких; на стенках лёгких пятна Пальтауфа, крупнофокусные с нечёткими границами, следов никотина не обнаружено. Возможна трансудация жидкости в ткани головного мозга. Состояние тела признано удовлетворительным.

Техническое решение

Стандартный каркас. Крепления-супинаторы вокруг баллонных лёгких и в области живота. Дополнительная поддержка головы. Укрепление в технических разрезах от тазо-бедренного перехода до берцовой кости лёгких баллонов с питательной жидкостью образца А и Б. Расширенная система подачи жидкости в легкие и в основание черепа. Страховка резервуаров с помощью лёгких дюралюминиевых скоб.

Примерная ёмкость сменных резервуаров — сто двадцать кубических сантиметров. Ориентировочное время автономного существования прототипа без замены питательных батарей — двадцать четыре часа.

Реанимация

Каркас установлен. Питание и обращение жидкости запущены. Пятнадцать согревающих укулов в основные мышцы и суставы. Семнадцать секунд — подопытный пошевелился и принял сидячую позу на хирургическом столе.

Прототип признан мною удачным, рекомендован к массовому производству. ☺

Рассказ был отобран из шорт-листа шестого (он же «Ужасный») литературного конкурса-семинара «Креатив».

Myst-library.ru — известный сайт о литературе мистики и ужасов.

www.myst-library.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

В номере использованы художественные работы и фотоматериалы, предоставленные интервьюируемыми лицами, издательствами, кинопромоутерами и участниками ЛоТ на безвозмездной основе либо свободно распространяемые в сети Интернет. Все права на упомянутые товарные знаки принадлежат их законным владельцам.

При цитировании или ином использовании материалов, опубликованных в настоящем издании, ссылка на журнал «Тьма» обязательна.

Полное или частичное копирование, воспроизведение в той или иной форме, распространение материалов журнала «Тьма» без предварительного согласования с редакцией запрещено.

Журнал «Тьма», №3-2009

www.darkfiction.ru

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ:

darklot@inbox.ru — общие вопросы, статьи, интервью, сотрудничество, размещение рекламы

zhenevsky@gmail.com — рецензии на книги, фильмы, игры, статьи, интервью (Владислав Женеvский)

anton_vilgotsky@mail.ru — проза, стихи, юмор (Антон Вильгоцкий)

Darkness. Eastern Europe Free
Horror and Dark Fiction E-zine

ISSN 1996-8779

PDF-zine "T'ma"

Publisher: Parfenov M. S. (LoT)

Editor: Parfenov M. S.

Publisher's address: Russian

Federation, Sochi

По вопросам размещения рекламы пишите на адрес редакции darklot@inbox.ru или в ICQ главы ЛоТ Владислава Женеvского 259-831-573.

ТРЕБОВАНИЯ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ:

Все присылаемые материалы должны быть сохранены в формате DOC (Microsoft Word 1997—2003) или RTF. Гарнитура Times New Roman, 12 кегль.

Объем рецензий на книги — **3200—3700 знаков с пробелами** в статистике Microsoft Word. Публикация рецензий более крупного объема согласуется в индивидуальном порядке.

Объем рецензий на фильмы, игры и комиксы — не менее **3200—3700 знаков с пробелами**. Обязательно прикладывайте к письму кадры из фильма, постеры, скриншоты и другие необходимые графические материалы. Ширина изображений — **не менее 200 пикселей**.

Объем статей — **от 10 000 знаков с пробелами**. Наличие фотоматериалов и других необходимых изображений (в надлежащем качестве и с пояснениями) приветствуется.

Объем рассказов — **не более 30 000 знаков с пробелами**.

ПОДДЕРЖКА ЖУРНАЛА:

Если вы хотите материально поддержать наш журнал, используйте следующие реквизиты:

Наши кошельки WebMoney:

R684083080825 (WMR, рубли)

Z526254143551 (WMZ, доллары)

E268866045630 (WME, евро)

Наш счет в платежной системе Яндекс.Деньги:

4100123315201

Авторам и рецензентам ЛоТ выплачивается гонорар (на кошелек WebMoney или счет мобильного телефона).

ЖУРНАЛУ ТРЕБУЮТСЯ:

(на безвозмездной основе):

- Рекламный агент
- Промоутеры (распространение информации о журнале на просторах Интернета)

DESIGNED BY DESPOTH

DESIGN © 2009, ALEXEY KOLPIKOV
www.kolpikov.ru | lakmus@aaanet.ru

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

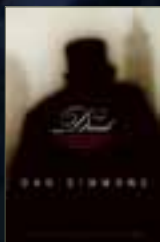
Мальчишечьи ужасы

**Дарио
АРДЖЕНТО:**
синдром Хичкока

**Клаудио
СИМОНЕТТИ:**
отец вздохов
(от «Goblin» до «Daemonia»)

Рецензии на книги:

Дэн Симмонс
«Drood»

Клайв Баркер
«Mister B. Gone»

Стивен Кинг
«Under The Dome»

Пионерские страшилки

...и всё то, чего боялись
дети 70-х и 80-х:
фильмы, книги, события и
страшные персонажи...

ВПЕРВЫЕ!
Интервью с
Александром
ВАРГО

...и многое другое!